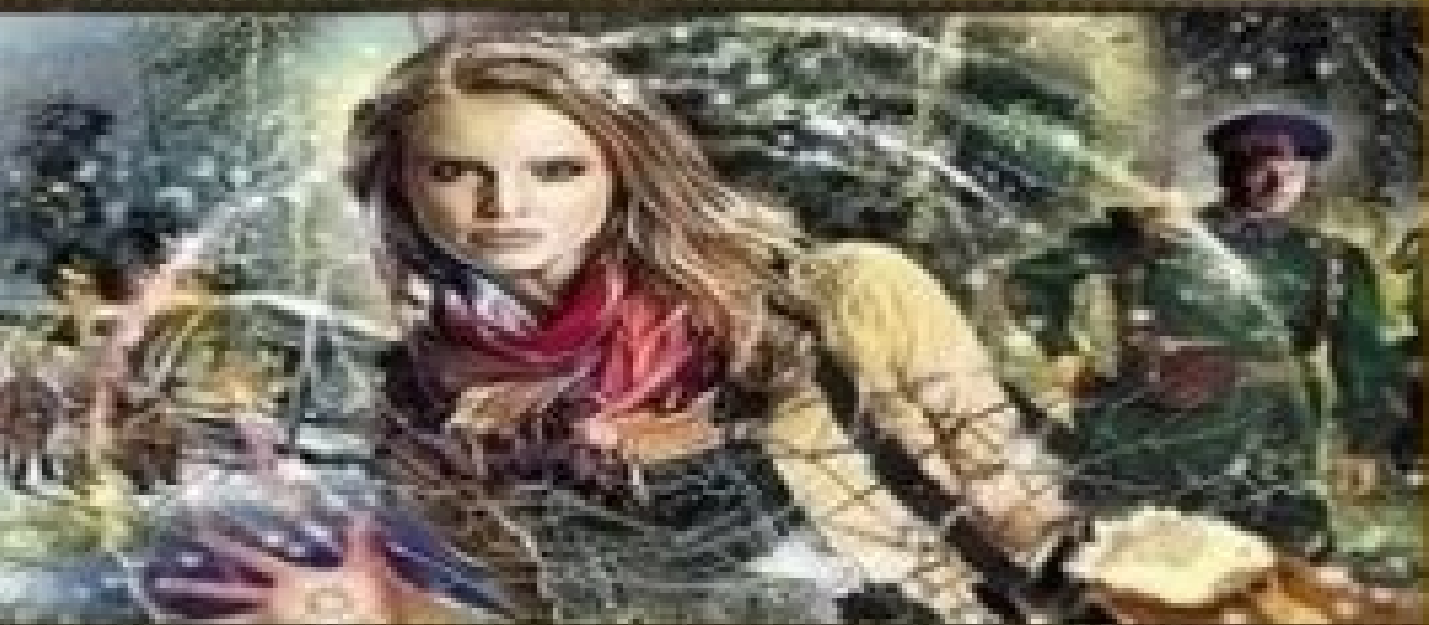

Бахмайер Галина

Отпуск в тридевятом
царстве

Не фэнтэзи! Эльфов нет! Однажды дозор у приграничного форта ловит в лесу странную шпионку, оказавшуюся пришельцей из далекого будущего параллельного мира и агентом особой спецслужбы. Странная гостья поведала о том, как ее завербовали, обучали, и историю своего нелегкого служебного романа. Собравшись в обычный отпуск, она попала непонятно куда, и теперь никак не может вернуться.

Бахмайер Галина Владимировна

Отпуск в тридевятом царстве

*Ты к знакомым мелодиям ухо готовь
И гляди понимающим оком,-
Потому что любовь — это вечно любовь,
Даже в будущем вашем далеком.
Как у вас там с мерзавцами? Бьют? Поделом!
Ведьмы вас не пугают шабашем?
Но не правда ли, зло называется злом
Даже там — в добром будущем вашем?
Время эти понятия не стерло,
Нужно только поднять верхний пласт —
И дымящейся кровью из горла
Чувства вечные хлынут на нас.*

В.Высоцкий

Глава 1

Солнце перевалило за полдень и теперь легко, будто золотыми иглами, пронизывало густое зеленое кружево лесного полога. Пятна света причудливой мозаикой покрывали пышный папоротник, растущий вдоль наезженной тропы. Задевая ногами его кудрявые верхушки, по тропе шли рысью три мула, стараясь не отставать от скачущего впереди гнедого жеребца.

Кавалькада выехала на опушку леса, миновала развилку и свернула в сторону небольшого форта с бревенчатыми стенами. Караульный на башне издали заметил четверку всадников и торопливо подал сигнал открывать ворота. Рыцарем, едущим во главе процессии, был девятнадцатилетний капитан Бенвор Олквин, феодал расположенных неподалеку земель и инспектор пограничных гарнизонов Хорверолла.

Завидев форт, гнедой жеребец дернул головой и тихонько заржал. Молодой всадник хлопнул его по шее затянутой в перчатку рукой и отпустил поводья. Жеребец перешел на галоп и пулей взлетел на холм. Свита рыцаря на мулах слегка отстала. Через минуту капитан уже проскакал между расходящимися в стороны створками ворот форта, и по единственной кольцевой улице направился к штабу — обычному деревянному домику с покатою крышей и затянутыми бычьим пузырем окнами.

Спешившись, Олквин передал поводья подоспевшему конюху, пригладил волосы и неторопливо зашагал к домику. Навстречу ему вышел пожилой писарь Микас и, поклонившись, произнес:

— Приветствую, господин капитан. Как хорошо, что вы приехали именно сегодня. У нас три новости, и все важные.

— Здравствуй, Микас, — Бенвор прошел в дом и поинтересовался: — И почему всегда так получается, что стоит мне приехать, как сразу же происходит что-то важное?

Микас пожал плечами.

— Так ведь все время что-то происходит, но я думаю, у вас нюх на неприятности. Одной новости уже три дня, а голубятня очень некстати опустела. Вы привезли почтовых голубей назад?

— Привез. Выкладывай по порядку.

— В Анклау прибыл посол из Бангии. Мы сами узнали только позавчера, — торопливо добавил писарь, предваряя упрек Олквина.

На переносице капитана появилась легкая морщинка.

— Значит, король Альберонт все-таки собирается принять их помощь.

— Посол прибыл якобы по вопросу сватовства княжны Сейеналь, но официальных церемоний еще не было.

— И не будет, — хмуро заметил Бенвор. — У наследника Рунгунда уже есть нареченная, и эта партия куда выгоднее больной восьмилетней внучки короля без королевства. Рунгунд и так может загрести себе наши земли, не обременяя сына хромой девчонкой. Двор Альберонта распускает слухи о свадьбе, дабы никто потом не удивлялся присутствию в Анклау бангийских солдат. Это однозначно разработка военной стратегии. Что еще?

Микас пожевал губами.

— В наших лесах появились разбойники. Три дня назад они напали на Кранду, убили шестерых крестьян и угнали двух лошадей. Теперь нам придется перемещаться только с вооруженными отрядами и охранять приграничные деревни.

— Плохо, — тихо сказал Олквин, потирая лоб. — Я догадываюсь, кто им за это платит. У тебя сегодня есть хоть одна хорошая новость?

— Конечно, милорд. Лесной отряд опять с интересной добычей.

Бенвор закатил глаза.

— Ребята, смотри, уже поднаторели в этом — вылавливают птичек на подлете. Шпионы едва успевают перейти границу. Надеюсь, они вылавливают всех.

Писарь развел руками.

— Ну, если судить по количеству... Зато теперь у нас будут хоть какие-то точные сведения.

В штаб вошел дежурный, Виланд. Отдав честь командиру, он доложил:

— Мы поймали утром шпиона, господин капитан.

— Да, я уже знаю, — кивнул тот. — Вы допросили его?

— Ее, милорд, — вполголоса уточнил Микас. — Это женщина.

— Нет еще, сэръ, она в беспамятстве, — ответил капитану Виланд.

— Из Анклау?

— Не похоже, — покачал головой писарь. — Королевские шпионки — все подряд смазливые шлюхи, а эта...

— Уродина? — усмехнулся Олквин. Его позабавил выбор признака, который писарь счел неизменным.

— Не красавица, определенно. Признаться, я уже и забыл черты ее лица — оно совершенно бесцветное. Волосы коротко острижены, как у солдата. Одета странно — в брюках, как мужчина, но тесных до непристойности, да и ткани такой я в жизни не видел.

— Любопытно, — капитан действительно заинтересовался нынешним уловом дозорных. — Ну что же, надо взглянуть. Раз уж нынче такие новости, стоит допросить ее лично.

Выйдя на улицу, Бенвор направился к развалинам древней, наполовину ушедшей в

землю башни, служащей выстроеному вокруг нее на холме форту чем-то вроде тюрьмы. Микас пошел вместе с капитаном. Пригнувшись, чтобы не стукнуться головой о низкую притолоку грубо вырубленного прямо в каменной стене проема, Олквин прошел в освещенный единственным чадающим факелом коридорчик. Спиральная лестница уходила отсюда вниз, на уровень, когда-то бывший первым этажом башни, а ныне превратившийся в подземелье.

— Посвети мне, — попросил писаря Бенвор, и стал спускаться.

В подземелье было сыро и тихо. Большинство помещений пустовали, некоторые давно превратились в склады всякой всячины. Дойдя до площадки, где сидели двое стражей, Олквин услышал монотонное неразборчивое бормотание, доносящееся из какой-то камеры.

— А ну, умолкни, надоел, — раздраженно буркнул стражник, поднялся навстречу Бенвору и расплылся в радостной улыбке. — О, капитан приехал!

Второй стражник тоже вскочил и комично отдал честь вошедшему.

— Уликас, почему вас двое? — подчеркнуто сурово осведомился Олквин, демонстративно не глядя на второго. — Здесь что, полно узников?

— Нет, сэр, — вытянувшись в струну, отчитался Уликас. — Дежурю только я. Хоркан пришел проиграть мне в кости. Присоединяйтесь.

— Вы прибыли за шпионкой, сэр? — с напускной печалью спросил Хоркан. — Или привезли винца, чтобы добрым друзьям детства не было так тоскливо в этих унылых стенах?

Бенвор не выдержал, ухмыльнулся и отвесил старым приятелям по подзатыльнику.

— Трепачи... Давайте, показывайте уже вашу шпионку.

Уилкас схватил со стола свечу и загремел связкой ключей.

— Ребята из отряда сказали, что она шла пешком, — вмиг став серьезным, сообщил он. — И при ней не было никакого оружия. Вообще никакого, даже самого плохонького ножичка. Только толстая палка — она ею прощупывала дорогу через болото.

— Пешком? — удивился капитан. — Из Анклау, через перевал и приграничный лес, безоружная?

— Ну! Брела вдоль реки, спускаясь вниз по течению. Ребята так и не поняли, откуда эта девка вообще там взялась. А обнаружили ее, когда она стояла на Плешивой Башке, вскарабкавшись на самый Ведьмин Клык, и что-то непонятно орала, как сумасшедшая.

Хоркан прыснул. Похоже, они рассказывали все это уже не в первый раз, но все равно потешались.

— Точно, свихнулась. Если хотела поскорее умереть — лучше и не придумаешь.

— А с чего они тогда взяли, что это шпионка? — нахмурился Олквин.

— А кто же еще, кроме шпионов, теперь пробирается к нам той старой дорогой? — удивился Уилкас. — Ребята проследили за ней с полчаса. Прооравшись, девица разревелась, посидела на скале еще немного и потопала пехом через лес. Думаю, она шла к Норвунду — его шпили хорошо видны с высоких мест. Конбран по-тихому подстрелил ее дротиком с той самой настойкой, которую делает Танбик. Скоро должна проснуться.

Отперев камеру, Уилкас поднял свечу повыше и поставил ее на торчащий из стены камень. Трое мужчин склонились над лежащей на соломе пленницей.

Бенвор мысленно признал, что до этого представлял ее себе совсем иначе. Во-первых, она определенно была уже не юной девицей. От наблюдательного взгляда молодого капитана не ускользнули ни легкие, еле заметные, но все же отчетливые морщинки в уголках глаз, на лбу и переносице, ни матовая, суховатая кожа зрелой женщины, ни когда-то четкий,

но уже начавший слегка расплываться контур тяжеловатого подбородка. Олквин мог бы дать ей лет двадцать восемь, если очень приглядеться, но не смог бы дать и шестнадцати, если бы мельком посмотрел издали. Короткая аккуратная стрижка очень молодила пленницу, делая ее похожей на юношу. То же впечатление появлялось из-за ее худощавого, скорее даже костлявого телосложения, и узкая мужская одежда только подчеркивала это.

Одежда привлекла внимание капитана особо. Необыкновенно плотно и ровно сотканная аспидно-черная ткань из тончайших, идеально спряденных нитей. Незнакомый, сложный, но удивительно функциональный покрой. Изящные пряжки и застёжки искусной, почти ювелирнойковки. Пуговицы из какого-то неизвестного блестящего материала. В довершение всего — высокая, крепко зашнурованная обувь из гладкой упругой кожи, с толстой ребристой подошвой, ладная и явно очень удобная.

— Да, мне тоже приглянулись ее сапожки, — прищелкнул языком Уилкас. — Для долгого похода через лес такие в самый раз. Чудные вещицы научились делать в Анклау!

— В Анклау такого точно не делают, — заметил Олквин. — Больше похоже на заморский товар. Но в королевство давно уже не приплывали иноземные купеческие галеры.

— Да, война прижала всю торговлю, — согласился Хоркан.

Тут пленница порывисто вздохнула и приоткрыла глаза. Моргнула пару раз, привыкая к дрожащему свету свечи, и остановила взгляд на лице капитана Олквина. Глаза ее слегка расширились и вдруг наполнились слезами. Что-то тихо шепнув, она снова впала в забытие. Мужчины притихли.

— Что? — наконец, тряхнул головой Уилкас. — Что она сказала?

— Я не понял, — пожал плечами Бенвор.

— А зубки-то белые-белые, — восхищенно заметил Хоркан, пальцем отодвинув верхнюю губу женщины. — Как морской жемчуг, никогда таких не видел.

— А морской жемчуг, значит, видел? — съехидничал Уилкас.

— Видел, еще в детстве. На ярмарке, в Норвунде. Иноземный купец у богатой дамы по пять коров за штучку просил.

Уилкас ухватился за передний зуб пленницы и подергал его.

— Ты чего? — удивился Олквин.

— А вдруг?.. — неопределенно ответил тот.

— Ну что, может водичкой ее польем? — предложил Хоркан.

— Не надо. Свяжите на всякий случай и перенесите в дежурку, — распорядился Бенвор. — Там и допросим.

Капитан вышел из тюремной башни первым и подождал на улице, наблюдая, как сержант Боуш тренирует ополченцев. Вскоре Хоркан вынырнул из темного проема, в одиночку неся перекинутую через плечо пленницу.

— Легкая совсем, — ухмыльнулся он и, погладив женщину по угловатому заду, с сожалением добавил: — Тощая, в чем только душа держится. Баба должна быть — во! — и развел растопыренные ладони, со вкусом показывая, какой ширины и округлости, по его мнению, должны быть красивые женские бедра.

В дежурке пленницу положили на узкий и жесткий топчан. Олквин похлопал ее по щекам, пытаясь привести в чувство. Попытка не удалась. Очевидно, количество сонной настойки, которой был смазан дротик, достаточное, чтобы свалить крупного мужчину, оказалось чрезмерным для худенькой невысокой женщины.

— Позови меня, когда она окончательно проснется, — приказал капитан Виланду и

вернулся в штаб.

* * *

Олквина позвали в дежурку только через три с лишним часа. Виланд с досадой оправдывался:

— Господин капитан, да я понятия не имел, что она может так ловко притворяться. Мы поглядывали время от времени, но она крепко спала, клянусь. Ну не может связанный человек так долго лежать неподвижно в неудобном положении, обязательно шевельнется. А потом пришел Микас, растолкал ее и заметил, что она плакала втихаря...

— Говорила что-нибудь? — перебил его Бенвор.

— Нет, сэр, ни слова. Но она все время так внимательно прислушивается к каждому из нас... Даже не знаю, как сказать... Будто хорверский язык ей едва знаком.

— Выходит, все-таки иноземка, — заключил Олквин.

— Может, из Бангии? — предположил Микас.

— Во всяком случае, не из Анклау, и не из Жомеросуина, — покачал головой дежурный. — Она явно нездешняя.

— Стриженная, как простой солдат, — хмуро повторил писарь свои утренние наблюдения и дополнил их кое-чем новым: — И тело неженское, не мягкое. Я помогал ей подняться. Она вся жилистая, как мальчишка-батрак, и упругая, будто натянутая тетива — даже после снотворного и долгой неподвижности в одной позе. Таких женщин не бывает.

— Женщина-солдат? — удивленно покачал головой капитан. — Куда катится наш мир?

— И что теперь с ней делать? — промолвил Виланд.

— Ну, — Бенвор вздохнул и расправил плечи. — Она все-таки дама...

* * *

Пленница, чуть съездившись, с абсолютно безучастным видом сидела на стуле. Когда вошли дежурный, писарь и капитан, она окинула мужчин внимательным настороженным взглядом, задержавшись на Олквине, и вздрогнула. Очень светлые, почти прозрачные глаза широко распахнулись, и Бенвору показалось, что в них мелькнуло что-то, похожее на узнавание. Но потом женщина взгляделась пристальнее, и ее взгляд потух. Возможно, она всего лишь вспомнила, как видела капитана в тюрьме.

— Приветствую вас, леди, — учтиво произнес он вслух. — Я — инспектор пограничных гарнизонов капитан Бенвор Олквин, хотя вам это наверняка и так известно.

Незваная гостья чуть наклонила голову, прислушиваясь. Теперь Бенвор понял, что имел в виду Виланд. Пленница смотрела, не мигая, и внимательно ловила каждое слово. И взгляд сразу стал таким, будто она... черт возьми, будто она мысленно записывала все сказанное. Точно, иноземка. Додумаются же...

— Мы не бандиты, и не воюем с женщинами и детьми, как бы там ни считали в Анклау, раз за разом подсылая к нам таких шпионов. Если вы добровольно расскажете все, что вам известно, вас отпустят невредимой.

Казалось, дамочка раздумывает. Олквин подбодрил ее:

— Я и так знаю всех, кого интересуют наши позиции. Назвав одно из имен, вы лишь подтвердите мою догадку.

Молчание затянулось. Бенвор уже хотел было приступить к легким угрозам, но вдруг заметил, что пленница... исподтишка разглядывает его. Спокойно, с любопытством, даже заинтересованно — как женщина мужчину, в том самом извечном смысле. Озадаченный столь неожиданным для избалованной шпионки поведением, юный капитан даже растерялся. Обычно шлюшки королевской агентурной сети сначала заигрывали с офицерами, а уж потом плакали на допросах. Эта же вела себя с точностью до наоборот. Вначале рыдала в лесу, прятала слезы в дежурке, а теперь раздевала его глазами, причем не демонстративно, но вроде бы и не особенно скрывая это. И еще Олквин почему-то подумал, что теперь никому не удастся выжать из нее ни слезинки, как ни пытайся.

— Да кто вы такая? — пробормотал Бенвор, неожиданно всерьез засомневавшись в правильности своих недавних выкладок. — Откуда взялись и что вам нужно?

На тонких губах пленницы появилась легкая мечтательная усмешка.

— Может, она глухонемая? — допустил Микас. — Я уже ничему не удивлюсь.

— Ничего от вас не нужно мне, — неожиданно произнесла гостья, пристально глядя на капитана. У нее оказался довольно приятный голос — сильный, глубокий, только еще немного хрипловатый после долгого молчания, и слегка искаженный незнакомым мямлящим акцентом, совершенно точно не бангийским. — А чего от меня желаете вы, Бенвор Олквин, капитан?

Неуклюжий, как бы неумелый порядок слов только добавил неясности ее и без того загадочному поведению. Капитан неторопливо взял второй стул и уселся напротив.

— Ну, для начала скажите хотя бы, как вас зовут.

Она вытянула вперед спутанные руки.

— Может, для начала меня все-таки развяжут и позволят немного размяться? — теперь она построила фразу правильно, будто обучаясь на ходу. Акцент тоже постепенно стал исчезать. Вот чудеса-то!

— Не указывайте господину капитану, что ему делать, — строго заметил Микас. Женщина скользнула по писарю отсутствующим взглядом, как по пустому месту, и невесело улыбнулась Олквину.

— Похоже, здесь есть только один джентльмен.

— Назовите хотя бы одну стоящую причину, по которой мне действительно следует исполнить вашу просьбу, и я постараюсь рассмотреть ее, — предложил Бенвор.

— Я хочу писать, — нетерпеливо заявила незнакомка. — Если господин капитан считает, что сможет сам справиться с застежкой моих брюк, сделайте одолжение, мне уже нечего стесняться.

К своей великой досаде, Олквин почувствовал, что неудержимо краснеет. Мог бы и сам догадаться — ведь женщину несколько часов продержали связанной. Крякнув, он резко поднялся и, подойдя к окну, позвал:

— Виланд, пришли сюда Малеану!

Потом он вернулся к пленнице и, стараясь не глядеть ей в лицо, развязал веревки. Она немедленно принялась сильно растирать затекшие конечности. Тут в дежурку вошла высокая дородная женщина в засаленном фартуке.

— Проводи нашу гостью в уборную, — распорядился Бенвор.

Малеана свисоты своего роста окинула незнакомку оценивающим взглядом и качнула

головой в сторону двери. Пленница поднялась и очень медленно и осторожно побрела за ней — скупыми, деревянными движениями. Олквину пришло в голову, что, пожалуй, немногие знакомые ему невоенные мужчины смогут вот так же самостоятельно встать и пойти сразу же после того, как сняты трехчасовые путы. Похоже, Микас был прав, и эта ненормальная женщина действительно могла оказаться солдатом.

Это существенно меняло дело. Такого необычного шпиона вряд ли пошлют только с целью добыть информацию. Незнакомка вполне могла быть кем угодно. Например, наемной убийцей. От этой мысли Бенвору стало не по себе. Ведь он пустил ее несвязанной...

Но женщины вскоре вернулись, причем Малейана заметно подобрела.

— Покормить бы девочку не мешало, — покровительственным тоном высказалась она. — И приодеть по-людски, а то срамота одна.

— Мне не нужна другая одежда, — поспешно отозвалась незнакомка. — Спасибо, Малейана, но, право, не стоит беспокоиться. Вот от обеда я бы не отказалась. Если позволите... — и бросила нерешительный взгляд на капитана. Олквин кивнул Малейане, и та быстро вышла.

— Присаживайтесь, — пригласил пленницу Бенвор.

— Благодарю вас, капитан, но я предпочла бы еще немного походить.

— Как вам будет угодно. Сбежать отсюда невозможно. Я рассчитываю на сотрудничество. Ответите на мои вопросы — получите свободу.

— Ладно, — женщина оперлась боком о стол и сложила руки на груди: — Спрашивайте. Только вряд ли мои ответы хоть что-то прояснят для вас.

— Отойти от стола! — заворчал Микас. — Господин капитан, прошу вас, свяжите ее снова. Лично мне так будет намного спокойнее.

Пленница пожала плечами и послушно вернулась на свой стул.

— Ваше имя? — дав знак писарю, начал Бенвор.

— Джелайна, — глядя в пол, представилась она. — Джелайна Анерстрим.

— Джелайна, — медленно повторил капитан, словно пробуя слово на вкус. Женщина подняла голову и посмотрела на него так, словно впервые увидела. Истолковав ее удивление по-своему, капитан пояснил: — Необычное имя, я никогда такого не слышал. Анерстрим... Тоже не слышал раньше, но полагаю, вы знатного рода, верно?

— Сомневаюсь, — усмехнулась она. Бенвор нахмурился. Белоснежная кожа дамы в конце лета, ее ухоженные руки и манера изъясняться не оставляли сомнений в происхождении. Тут никак не ошибешься.

— Вы считаете, что я не отличу леди от простолюдинки? Кто ваши родители?

— Мои родители — самые обычные горожане, — отозвалась пленница.

— Неужели простые ремесленники? — съехидничал капитан. — Или, может быть, торговцы?

— Торговцы, — охотно согласилась она.

— Кстати, откуда на вас такая одежда и сапоги? — полубопытствовал Олквин. — Я точно знаю, что в наших краях не делают ничего подобного. Заморский товар, наверное?

Джелайна туманно улыбнулась.

— Заморский. Из далекой-далекой страны.

У капитана возникло нехорошее ощущение — что его пытаются одурачить. Чутье подводило Бенвора крайне редко, поэтому он начал сердиться.

— Кто вас сюда послал? — резко спросил он. — С какой целью?

— Я попала сюда случайно, — даже не задумываясь, живо ответила женщина. — Видимо, вы считаете меня чьей-то шпионкой, но уверяю вас, это совершенно не так. Я пока еще не разобралась толком, но, похоже, у вас тут идет война, а вы кому-то...

— Что значит — "у вас тут идет война"?! — не выдержал Олквин, перебивая ее на полуслове. — Вы что, с луны свалились?! Как можно было попасть сюда случайно?

— Пожалуйста, не надо кричать, — в голосе Джелайны появились умоляющие нотки. — Я не сделала вам ничего плохого, да и не собиралась ничего такого делать. Я потерялась. Отстала от торгового каравана и заблудилась в лесу.

— Вранье! — отрезал капитан, подступая к ней. — Последний купеческий обоз проходил здесь почти десять лет назад. Граница давно закрыта.

Взгляд пленницы заметался. Она явно придумывала на ходу новую ложь.

— Лучше говорите правду, леди Анерстрим, — зловещим тоном предупредил ее Бенвор. — Кто вас послал? Вы наемница?

— В смысле? — похоже, Джелайна начала теряться.

— К кому вы подсланы?

Она уставилась на капитана широко распахнутыми глазами, в которых ясно читались искреннее недоумение и испуг. На секунду Олквин даже усомнился, в том ли направлении идет допрос. Но только на секунду. Допрашиваемая сама же себе все и испортила.

— Никто меня не посылал! — вспылила она, вскакивая. — Я сама по себе! Прекратите этот фарс! Я никому не мешала и никого не трогала! Ваши солдаты сами напали на меня в лесу и притащили сюда! Я всего лишь хотела добраться до города, к людям!

— Ага! — восторжествовал капитан. — Город! Вот куда вы рвались! Вы все-таки из Анклау!

— Чтоб вам провалиться! Нет!

— Нет?! Тогда откуда?!

Джелайна перевела дыхание и снова плюхнулась на стул.

— Издалека, вы не знаете этих мест, — она вновь взяла себя в руки.

— Позвольте напомнить, леди, что вы говорите с офицером, — с достоинством произнес Бенвор. — Поверьте, я знаю куда больше мест, чем вы даже можете себе представить!

Но дальнейшее окончательно сбило его с толку — женщина расхохоталась.

— О, тень патруля! — простонала она, хватаясь за голову. — Это я-то не могу представить?!.. Он знает... Да что вы все знаете? Вы!

— Патруля? — настороженно переспросил Микас. — О каком теневом патруле она говорит?

— Должно быть, есть еще и замаскированный отряд, — попытался расшифровать Бенвор. — А никакой не торговый караван. Кое-что начинает проясняться.

— Да идите вы к черту! — взвилась Джелайна. — Какой еще отряд?! Я одна здесь! Совсем одна, понимаете?! — неожиданно женщина сникла и закрыла лицо руками. — Нет, вы не поймете... — глухо простонала она. — И я не могу... вы же все равно в это не поверите...

— Что ж, по-моему, ее вина доказана, — произнес капитан, подходя к писарю. — Все шпионы подлежат заточению до выяснения настоящей личности и переправке в столицу. Напрасно вы не захотели сотрудничать добровольно, — обратился он к женщине. — Если мне не удастся разговорить вас за два дня, через неделю это с успехом сделает норвундский

палач.

— Будь проклят весь этот идиотский мир! — взревела пленница, вскочила, схватила стул и грохнула его о стену. Писарь подскочил, прижимая к груди пергамент и чернила, и завопил. Олквин прыгнул вперед, поймал Джелайну и заломил ей руку за спину. На шум вбежали солдаты, помогли Бенвору скрутить яростно отбивавшуюся женщину и привязать ее к топчану.

— Справились, гады! — в бессильной злобе завывала она. — Все на одну!

— Ну до чего же сильная! — отдуваясь, покачал головой Виланд. — А с виду — соплей перешибешь.

Бенвор приказал солдатам выйти.

— Мы все-таки выьем из вас сведения, чего бы это ни стоило, — пообещал он Джелайне. Та закрыла глаза, на удивление быстро выравнивая дыхание.

— Будете пытаться? — уже совершенно спокойно спросила она.

— Ну зачем так сразу? — усмехнулся капитан. — Пусть палач занимается своим делом, а я рыцарь, и воюю с мужчинами. К тому же, что-то подсказывает мне, что запугивать болью бессмысленно. Вы, леди, не так просты, какой пытаетесь казаться. В одиночку преодолели закрытый путь через границу, незаметно проскользнув мимо трех наших дозоров — без оружия, пешком по лесу, кишашему хищным зверьем, разбойниками и ловушками — думаю, такое будет под силу очень немногим.

Тут Олквин вспомнил рассказ Уилкаса об обстоятельствах поимки пленницы. Бессмысленный, сумасшедший крик и слезная истерика на скале посреди леса совершенно не вписывались в сложившуюся картину. Что-то было не так, но что?

— Запереть бы вас с крысами на недельку, не кормить, и послушать, что еще вы станете сочинять, — прикинул капитан. — Но у меня нет возможности столько ждать.

— Крысы-то в чем провинились? — ухмыльнувшись, буркнул писарь, вызвав у Бенвора невольную улыбку. Случайно поймав при этом тоскливый взгляд Джелайны, капитан опомнился и посерьезнел.

— Признаюсь честно, до сегодняшнего дня я был полностью уверен, что хорошо знаю все разновидности шпионов. Но такого, точнее, такой, у нас еще не бывало. И ведь это еще не значит, что вы такая единственная. Может статься, первая, но тогда уж наверняка не последняя. Надо признать, ваше ремесло не стоит на месте. Да еще и этот проклятый патруль...

Олквин прошелся вдоль топчана. Вид у него при этом был такой, словно приходилось делать нелегкий и неприятный выбор.

— Виланд!

Дежурный тенью проскользнул в дом.

— Отправляйся к Танбику. Скажи, что я прошу напиток откровенности.

— Милорд? — на лице Виланда отразилось недоумение.

— Выполняй.

Дежурный вышел. Микас приблизился к Бенвору и забормотал:

— Господин капитан, может, пока не стоит? Она только-только оправилась от снотворного. Это опасно.

— Переживет, — отрезал Олквин. Он повернулся к Джелайне и хмуро произнес: — Вот видите, леди Анерстрим, к каким мерам приходится прибегать? Даю вам последнюю возможность признаться во всем самостоятельно.

— Что еще за напиток? — с тревогой в голосе спросила женщина. Мужчины переглянулись.

— Вы и этого не знаете? — фыркнул писарь. — Значит, сейчас узнаете.

Вернулся Виланд, и протянул капитану маленькую шкатулку. Олквин открыл ее и вытащил покрытый ажурной резьбой костяной флакон.

— Танбик предупредил — не больше трех капель, — уходя, напомнил дежурный. — После всего дать ей молока и тепло укрыть.

— Я знаю, — кивнул Бенвор. — Скажи Малеане, пусть подождет с обедом.

— Может, я сначала все-таки поем? — торопливо вставила Джелайна.

— Вам это не поможет, — разочаровал ее Олквин. Он попытался напоить пленницу, но та принялась отчаянно мотать головой, плотно сжав губы.

— Держи ей голову, — скомандовал капитан писарю. Разжав женщине зубы, он осторожно капнул — раз, другой, третий... Пленница протестующе замычала.

— Да, наверное, невкусно, — ехидно согласился писарь, отступая назад. — А теперь подождем.

— Через минуту, — объявил Бенвор, усаживаясь рядом, — вы расскажете нам все. Вы не сможете ничего утаить, поведаете даже то, о чем вас не спросят. Поверьте, за предстоящие пять-шесть часов вы тысячу раз пожалеете о том, что не стали говорить сами. А потом, когда наступит похмелье, вы пожалеете еще сильнее.

— Надо было предупредить до того, как поить, — заметно нервничая, проворчала пленница. — Я ведь понятия не имела об этом напитке.

Олквин слегка удивился.

— Хотите сказать, что если бы я объяснил вам это раньше...

— Конечно! Да я же все равно говорила правду!

— А-а, милорд, — махнул рукой писарь. — Не надо. Подождем.

Вскоре Джелайна заерзала и стала глубоко дышать, словно пытаясь унять тошноту.

— Итак, — произнес Бенвор, — а теперь рассказывайте мне все. Кто вы? Откуда вы? Где и чему обучались, и кто именно вас тренировал? Кому служите? Каким образом попали сюда? Что вам поручено разузнать и сделать в наших краях? И подробно, как можно подробнее. Вплоть до разговоров, суждений и ваших собственных вопросов и догадок.

Женщина забилась в веревках, с ужасом в глазах уставившись на юного капитана и кусая губы. Олквин покачал головой.

— Не сопротивляйтесь, это бесполезно. Давайте. С самого начала, сколько вообще помните. Мы не торопимся, — и усмехнулся, положив ногу на ногу. — Этот вечер, леди, я целиком посвящаю вам.

Тело Джелайны внезапно обмякло. Капитан удовлетворенно кивнул и развязал ее. Обессиленная пленница даже не пыталась шевелиться, только с отчаянием уставилась в потолок. Слова рвались наружу помимо ее воли. Вскоре она устала противиться этому и начала долгий ошеломляющий рассказ.

Глава 2

Позвольте представиться — Джелайна Мэри Анерстрим. Номинальный возраст — тридцать один год. Общий отсчет, вместе с суммарным фактическим — сорок семь лет. Не удивляйтесь, это не шутка. Я работаю в TSR, а для нас такое — обычное дело. Вот,

например, Чарльз, наш ветеран, по факту отмотал в сумме уже шестьсот пятьдесят восемь лет, тогда как в номинале ему всего тридцать четыре. Мы — те, кого именуют "time-spatial raiders", или, на жаргоне Патруля, «червяки». Предупреждаю сразу — мы очень не любим, когда патрульные так нас называют.

Кстати, Патруль Времени — вовсе не фантастика, что бы там ни утверждали писаки и киношники. Он реально существует, и тот факт, что простым обывателям до сих пор ничего о нем не известно, говорит только в его пользу. Технология, которую в книгах принято называть "машиной времени", открыта довольно давно и, на счастье потомков и ныне живущих, она никогда не попадет в нехорошие руки. В этом и состоит работа Патруля, помимо обстоятельного изучения прошлого, — следить за тем, чтобы технология оставалась тайной за семью печатями. А еще они следят за нами, рейдерами, и за всей конторой TSR.

Патруль — это, конечно, круто. В него приходят раз и на всю жизнь. У каждого из этих парней в мозгу сидит по восемь микрочипов, зорко следящих за тем, чтобы патрульный при любых обстоятельствах не изменил своему долгу. Огромнейшая ответственность, привычка десятки раз просчитывать наперед каждый, даже малейший, шаг, отсутствие права на ошибку... Сложная работа, которую они сами гордо считают миссией своей жизни. Подозреваю, что восемь девайсов играют в этом убеждении далеко не последнюю роль.

Но мы, рейдеры, еще круче. Исследование реакции мира периода двадцатого века на убийство известного завоевателя в веке, скажем, четырнадцатом — это глобальные проекты, которыми занимаются самые опытные специалисты нашей конторы. Большинство рейдеров проводят программы гораздо проще и конкретнее — например, повлиять на ход президентского голосования в девятнадцатом веке и проследить расхождения по каждому десятилетию вплоть до наших дней. Или вот: первая, так сказать, учебная миссия новичка Келли Шоу — толкнуть руку Освальда, убившего Кеннеди, и посмотреть, что будет. Она рассказывала, что парень перепугался до мокрых штанов. А Кеннеди все равно пристрелили — из окна напротив.

Что? Вы говорите, так делать нельзя? Изменится настоящее? Теория типа "не раздави букашку в прошлом — или не родится твоя прапрабабушка", да? Необратимые последствия, судьбы мира и все такое...

Разумеется, все это верно. Концепция невмешательства в прошлое священна. Но не для нас, а для Патруля, контролирующего нерушимость нашей с вами родной экзистенциальной спирали. А TSR экспериментирует с мирами, грубо говоря, существующими параллельно нашему. Наш мир, единственный в своем роде и неприкосновенный, условно принят как «реальный». Все остальное бесконечное количество сходных или же диаметрально противоположных по развитию цивилизаций у нас, TS-рейдеров, именуется «утопиями». Термин не случаен, и вам это вскоре станет понятно.

В отличие от патрульных, над нами не довлеют жесткие ограничения экзистенциального ряда. Ошибки не имеют катастрофических последствий для «реального» человечества. Изменения касаются только тех миров, чью экзиспираль мы перфорируем на этот раз. Вот им-то как раз и приходится порой несладко от наших опытов. Впрочем, иногда мы им даже помогаем. Но чаще все-таки вредим. Отсюда и пресловутые «червяки», или «короеды», как именуют наших аналитиков и прогнозистов.

Классификация утопий на первый взгляд выглядит почти линейной: от ближних к дальним. Но этот показатель характеризует не какую-то определенную систему расстояний, а разницу между результатом развития данной утопии и реального мира. Результат выводится по состоянию на «сегодня» в реальном мире и тем же «сегодня» в параллельном. Чем больше отличий, тем дальше утопия.

Утопии — это райские уголки, где можно попытаться осуществить извечную мечту: делать все что угодно, и за это ничего не будет. Как в компьютерной игрушке-стратегии. Всегда можно переиграть в другом месте. Главное, чтобы не нарушалось благополучие реального мира, а остальные не имеют значения.

Скажете, цинично? Совершенно верно. Это первое, к чему приучают приходящих в TSR. Иначе никак. Миров много, а мы такие одни. А может, и не одни — происходили же иногда странные вещи, не поддающиеся логическому объяснению. Кто знает, может, и к нам забредали рейдеры из чужих миров, изучая динамику событий, чтобы применить ее впоследствии для процветания своей родной реальности.

В мозг каждого рейдера (и мой в том числе) тоже имплантированы три микрочипа. Но нам нет нужды связывать себя императивами, поэтому каждый из девайсов предельно функционален. Первый — менталингвор. С его помощью можно легко и быстро освоить незнакомую речь. В подавляющем большинстве миров набор языков практически сходный с реальным, и расхождения зависят только от выбранного пути развития. Будь мир хоть техногенный, хоть гуманитарно-религиозный, хоть саморазрушающийся от бесконечных войн и геноцида — людская суть одна и та же, и формирование языка как средства общения тоже имеет свои закономерности. Менталингвор действует адаптивно — мы не учим незнакомые слова, мы просто воспринимаем их на известный лад. Например, если человек из утопии DSV144-IUY726 скажет «корса», я услышу знакомое «платье». Обратное действие противоположно — желая сформулировать понятие, мы автоматически произносим аналогичное по значению слово из языка этого мира. Конечно, попав в утопию, мы не начинаем сразу же тараторить на всех местных наречиях. Чтобы сформировать примерную базу, менталингвору требуется около трех часов прослушивания незнакомой речи. Так что рейдеры в «командировках» поначалу держатся людных мест и молча мотают на ус, а не врываются сразу к правителям, открывая дверь ногой, как грезится некоторым впечатлительным новичкам. Ну, можно, конечно, и так попробовать, но тогда первая же командировка, скорее всего, будет и последней.

Второй чип — мнемоник. Как очевидно из названия, служит для записи информации во время командировки в утопию. Имеет практически неограниченный ресурс перезаписи. Крайне необходимая вещь — ведь если бы TS-рейдеру приходилось полагаться исключительно на собственную память, как сохранить в ней все нюансы событий за многомесячную командировку? А с учетом того, что регулярно бывают серии командировок в практически идентичные утопии, и для каждой нужен системный анализ, то без девайса и помощи специалистов не обойтись.

Еще одно замечательное свойство мнемоника — «пробуждение». Опытные рейдеры в постоянных командировках накатывают по фактическому отсчету десятки, а то и сотни лет. Резонный вопрос: какую же психику нужно иметь, чтобы пропустить через себя столько стрессов — ведь командировка в дальнюю утопию ничем иным и не является — и потом спокойно жить и работать дальше? После возвращения и перекачки информации из мнемоника подробности командировки постепенно изглаживаются из памяти. В точности,

как человек, просыпаясь после яркого сна или кошмара (это уж как повезет с утопией), забывает детали, в лучшем случае помня лишь общую тенденцию или обрывки и мелочи. По желанию, нам сохраняют на память «узелки» — приятные приключения, интересные знакомства, а то и романы — в командировках всякое случается, и всегда есть, что рассказать друзьям. Само собой, узелки ощущаются иначе, чем воспоминания реального мира — не хватало еще перепутать и похвастаться за рюмкой тем, что ты, например, участвовал в сафари юрского периода во время отпуска — коллеги, конечно, поймут и оценят, а вот люди непосвященные...

Третий чип именуется аббревиатурой DJLVK. О его назначении я поведаю позже.

* * *

Все приходящие в TSR новички рано или поздно задают один и тот же вопрос: а можно ли попасть в будущее? Еще на стадии обязательной проверки Патрулем их непременно информируют о том, что будущего нет. Оно еще не произошло, не состоялось, не записано на экзистенциальной ленте — выбирайте любой вариант, что понятнее. И все равно все спрашивают: а есть ли будущее в утопиях? Тоже нет. Во всяком случае, пока что нынешний уровень технологии времени не позволяет нам заглянуть в него. Пробить червоточину можно только в параллельный мир, существующий одновременно с реальным, и перфорировать его спираль по нисходящей — в прошлое.

Как я попала в TSR? Как и многие другие — меня завербовали. Получив честный заработанный, но, увы, уже разочаровавший меня диплом, я неожиданно утратила цель в жизни. Работа преподавателя уже совершенно не прельщала, постепенно превратившись в скучное движение по инерции. На рутинную службу в офисе меня бы хватило ненадолго. Склонности к бизнесу не наблюдалось вообще. Замуж не рвалась, да никто и не предлагал. Детей не хотелось совершенно. Все время грезилось что-то далекое, необычное, типа черной археологии или полетов в космос. Родители вздыхали. Подруги недоумевали. Знакомые посмеивались. И без того редкие кавалеры рано или поздно крутили пальцем у виска и уходили без оглядки.

Профессор Паркер на последнем курсе вел у всех желающих факультатив по социометрическому тренингу. Его теории множества вариантов развития событий при одинаковых заданных условиях были невероятно увлекательны. Группа подолгу обсуждала конечные результаты, возникающие при, казалось бы, незначительных отклонениях. Не скажу, что у меня получалось лучше других, но я часто ловила на себе его внимательный взгляд. Возможно, не я одна, но впоследствии в TSR мне так и не встретилось никого из университетских знакомых.

Однажды мы обсуждали Кубинский Ракетный кризис, и я возьми да ляпни, что Хрущеву стоило бы проучить всех, устроив ядерную войну. Все уставились на меня так, словно я внезапно отрастила чешую на лице.

— Да как ты можешь так говорить! — возмутилась одна из студенток.

— Простите, — я уже жалела о том, что вообще открыла рот. — Я всего лишь предположила один из вариантов. Ведь оттого, что я произнесла это вслух, русские не начнут бомбить нас прямо сейчас, верно?

До конца занятия со мной больше никто не заговаривал. Но когда все разошлись,

Паркер попросил меня задержаться.

— Мисс Анерстрим, вы действительно думаете, что ядерная бомбардировка могла бы очистить нашу планету от крупных политических игроков, и людям пошло бы на пользу вернуться в развитии на пару столетий?

Говорил он не очень серьезно, но в глубине его глаз таилось любопытство.

— Профессор, — я все еще была смущена. — Если бы так и случилось, вряд ли бы я что-то думала вообще — я бы попросту не родилась. Разумеется, нет.

— Не нужно втолковывать мне общепринятые этические положения, — усмехнулся Паркер. — Говорите то, что думаете. Если бы вам все равно не пришлось потом здесь жить, если бы вы смотрели на ситуацию со стороны, как на шахматную доску — как по-вашему, стоило бы посмотреть, в каком направлении двинется человечество после массового раскаяния?

— Ну, если только с позиции игрока... — растерялась я.

— Так да или нет?

— Да, — выпалила я. — Это стало бы всем хорошим уроком, несмотря на всю жестокость и негуманность метода. Довольны?

— Вполне, — спокойно ответил он... почти улыбаясь. — Всего доброго, мисс Анерстрим. Еще увидимся.

День, когда я узнала о TS-рейдерах, стал поворотным в моей жизни. Далекое и необычное оказалось совсем рядом — и для этого не было нужно ни лететь в космос, ни забираться на край света. В этой работе оказалось все, чего мне не хватало в обыденности — путешествия, приключения, перевоплощения, опасности, и немыслимые поступки без риска быть наказанной.

Помню, я спросила профессора, почему он выбрал именно меня. И, признаюсь честно, обиделась, услышав:

— Главным образом потому, Джелайна, что у вас непримечательная внешность. Из разряда "глянул и забыл". Очень полезное свойство для рейдера.

Но обижалась я совершенно напрасно, ведь Паркер оказался абсолютно прав. Моя неприметная в толпе наружность не раз пригодилась мне именно этим. Мне часто приходилось кардинально менять облик, уходить от преследования или же повторно переигрывать заброс, предстывая перед теми же людьми в новом виде, и оставаясь при этом не узнанной.

* * *

Первое путешествие состоялось только через два месяца — после изучения теоретического курса и вживления чипов. Нас, четверых новичков, вместе с ветераном Биллом Амбросом отправили в утопию периода раннего палеолита, где мы тренировались четыре месяца, обучаясь азам боевых искусств, основам владения различными видами оружия, и вырабатывая у себя привычку не скучать по дому.

— Вам предстоит месяцами жить в утопиях, как две капли воды похожих на реальный мир, — объяснял Билл. — Возможно, когда-нибудь вы даже увидите своих родителей. Возможно, они даже будут женаты. Вы даже можете встретить себя — в бесконечности экзистенциальных спиралей нет ничего невозможного. Если появится соблазн пообщаться с

ними, ему вполне можно поддаться. Но вы всегда должны помнить о цели командировки. Если она противоречит вашим желаниям, приоритет только один — работа.

— А разве не опасно встречаться со своим двойником? — недоумевали мы. — Ничего не произойдет?

— Так, фантастику читали, — констатировал Билл. — Объясняю. Наши двойники — это совсем другие люди. Они реальны для своего мира. Понятно или продолжать?

Конечно, все сразу все поняли — теорию-то уже знали. Принцип «заброса» состоит в копировании личности реального субъекта и создании его TS-проекции в утопии — в отличие от перемещений во времени по нашей реальной спирали, где человек «проваливается» целиком, как есть. В фантастике, говорят, существует даже такая версия о параллельных вселенных, где, встретившись с «собой», человек должен стать единым целым. При этом одна из половинок растворяется в другой. Бред полнейший. Проекция не может стать полноправной частью мира.

— Встретить себя в нашем реальном прошлом — вот настоящая опасность, — тихо сказал Билл. — Поэтому TS-рейдерам в этом отношении повезло куда больше, чем Патрулю, у которого для этого есть четкие инструкции. Патрульного никогда не пошлют в прошлое, если существует хоть малейшая вероятность его встречи с собой молодым. Прецедентов, слава богу, еще не было, но теоретически, оба могут аннигилировать, а возникшая волна создаст цепную реакцию изменений. Гораздо лучше теорию сможет объяснить кто-нибудь из «полушарий», а я занимаюсь практикой.

Так называемые «полушария» — это наши головные отделы: прогнозирующий и аналитический. Первый занимается первичной пробивкой новых утопий, подготавливая дорогу для рейдеров. Сначала забрасывается щуп — импульсный челночный датчик. Работа операторов щупа сходна с ловлей пеленга на приемник. После подтверждения существования устойчивой спирали (ведь есть и неустойчивые — рассыпающиеся миры с непостоянным течением времени, и еще много всего) осуществляется ряд пробных забросов мобильного мнемоника. На основе полученной информации прогнозисты определяют дальность найденной утопии. Следом идет первичный заброс опытного рейдера в герметичном экзоскостюме — на несколько секунд фактического отсчета. Если опасности нет — можно посылать группу разведки.

Разведка работает, как правило, от десяти минут до двух суток (по факту, естественно). И уже после них наступает черед рабочих групп.

* * *

Моя самая долгая командировка длилась по факту два года и семь месяцев. В реальном времени прошло всего четыре секунды. Если наблюдать со стороны, то весь заброс занимает от силы минуты две — дольше проходит подготовка к нему. Почти как экспедиция астронавтов, не правда ли?

Рейдер укладывается в специальную капсулу, где кроме всего прочего есть система жизнеобеспечения. После учебных командировок я постоянно прятала следы от иголок. Потом мне, как и всем рейдерам, в нужных местах вживили крошечные катетеры. Автоматически подсоединяемые капельницы нужны не во время заброса, а в первые секунды после него. Утопии бывают разными; разными бывают и цели командировок. Порой рейдер

возвращается в таком шоке, что требуется хороший заряд успокоительного (а то и хороший разряд для встряски). Иногда людей приходится «вытаскивать». Но чаще всего капельницы просто сами вводятся в момент возврата и через десять секунд снова отсоединяются. В идеале так должно быть всегда. Это — будни командировочного отделения.

Капсула герметизируется и подключается к одному из приемников так называемого «ксерокса». Большинство приборов носят названия, составленные из громоздких численно-буквенных аббревиатур, и поэтому все сотрудники пользуются простым и понятным жаргоном. У нас тут сплошная канцелярия. Ксерокс — чрезвычайно сложная установка. Во время обучения, еще до имплантации мнемоника, мне разъясняли принцип действия каждого устройства, но теория, как водится, на практике нигде не требуется. Так что теперь, спустя номинально полгода, но шестнадцать лет фактически, я сохранила лишь общее представление о работе перфоратора. Тем более что от меня в этом процессе требуется помнить лишь порядок собственных действий при забросе, а остальное — дело техники и обслуживающего персонала.

"Перфоратором" у нас обобщенно называется весь комплекс оборудования для пространственно-временных рейдов. «Степлер» пробивает червоточину в континууме, сажает «скрепку» и, если заброс идет в прошлое утопии, прокалывает экзиспираль до нужного уровня. Скрепка живет всего несколько секунд, связывая экзистенциальные ленты в современных точках утопии и реального мира. За это время ксерокс создает TS-проекцию лежащего в капсуле человека и помещает ее в созданное "место прокола". Вместе с проекцией человека ксерокс перебрасывает в утопию всю неживую материю, находящуюся в рабочей области капсулы. То есть, в параллельные миры мы, как и патрульные в реальное прошлое, переносимся в своей одежде, и с теми предметами, которые положим рядом с собой.

При возврате проекция смещается в тот же канал, выходит из червоточины несколькими секундами позднее заброса, и автоматически стирается. То есть, это для реального мира проходит несколько секунд, а фактически TS-проекция может существовать на экзиспирали утопии неограниченное время. Правда, только теоретически неограниченное, ведь на практике еще никто не проводил в утопии свыше шести лет подряд — в более продолжительной непрерывной командировке просто не было необходимости.

Вот примерно так это и выглядит, если объяснять на пальцах. Разумеется, на самом деле все на множество порядков сложнее. Остается только восхищаться теми засекреченными гениями, что смогли додуматься до воплощения самой фантастической идеи на свете.

* * *

При изучении теории главным остается вопрос: что же представляет собой TS-проекция? Вопреки устоявшемуся смыслу термина, это не просто фигура на плоскости, не видимость человека в объемном мире, а его живое идентичное воплощение. Проекция свойственны все физиологические потребности реального тела. До сих пор у меня нет четкого определения сути данного явления. Что же представляет собой в эти секунды остающийся в капсуле человек? Пустую оболочку? Разреженный волновой сгусток, так сказать, половину себя? Подробная информация тоже строго засекречена и является частью ноу-хау TSR. Насколько мне известно, опыты по пробиванию червоточин ставились уже

давно, и не только нашими учеными. Примерно в четверти случаев удаются попытки отправки через канал реальных живых существ, а не просто проекций или неживой материи. Но вот вернуть их живыми так ни разу и не получилось.

В пользу того, что в капсуле, по всей видимости, тоже нет живой плоти, говорит хотя бы то, что аппарат жизнеобеспечения во время заброса совершенно бесполезен. Инструкция на случай опасности однозначна — немедленный возврат. В сложные командировки, как правило, не отправляются поодиночке. Кто-нибудь всегда страхует, оставаясь в стороне и просто наблюдая. Если рейдер попадает в безвыходную ситуацию, он активирует драйвер континуума, заключенный в чипе DJLVK. Активация осуществляется простым усилием воли, этому даже тренироваться не нужно. Связанный с мозгом чип легко отличает действительную мотивацию от ложной. То есть, просто подумав в плохом настроении "надоело, домой хочется", драйвер не активируешь.

Бывают ситуации, когда рейдер не в состоянии вернуться самостоятельно — например, тяжело ранен, находится без сознания, или же просто-напросто не подозревает о грозящей опасности — тогда напарник может вытащить его, взяв с собой в область рабочего пространства, ограниченного размерами капсулы. Если попавший в беду рейдер находится вне пределов досягаемости, напарник немедленно возвращается сам, сигнализирует, и запускается процедура выдергивания, так называемый «пул». При этом вытаскивают не человека в капсуле, а «выворачивают» обратно всю червоточину.

Пул — это чрезвычайная ситуация, режим аврала. На реверсирование перфоратора у персонала есть всего несколько секунд — пока жива скрепка. Реверс срабатывает так, что одновременно выдергиваются все рейдеры, из всех активных каналов. Действие нежелательное, ведь люди в это время спокойно работают, а их силой выдирают из осознаваемой действительности. Я уж не говорю про сорванные командировки, напрасно затраченные в них усилия, ведь у рейдера не всегда есть возможность вернуться и продолжить с того же места. Чаще приходится начинать заново или вообще сворачивать проект. Так что если есть шанс избежать пула, страхующие рейдеры всячески стараются его использовать. Но когда необходимость действительно существует, церемониться не станут. Утопий много, а мы такие одни, и каждый сотрудник TSR намного ценнее всех далеких и чужих миров, вместе взятых.

Я понятия не имею о том, что произойдет с рейдером в реальном мире, если в утопии его TS-проекция погибнет. Билл говорил, что за все время его работы в TSR никто еще не погиб. Но он мог и солгать, поэтому я не стану уверять вас в том, в чем не уверена сама. Данная информация тоже строго засекречена, но о многом говорит уже хотя бы то, что для рейдера главная заповедь — выжить любой ценой. И это не просто слова. Почти все мои забросы проходили, к счастью, вполне благополучно, а вот Чарльзу однажды пришлось пожертвовать обеими ногами, чтобы суметь хотя бы вернуться самому. Его напарницу, Кей Си Милн, вытянули пулом уже из состояния клинической смерти. Но получить телесное увечье не так уж страшно, потому что в реальный мир человек возвращается таким же, каким и отправлялся — невредимым, что бы ни произошло с его проекцией в утопии. Сейчас и Кей Си, и Чарли в полном порядке, и оба продолжают работать. Наши ветераны почти не рассказывают об этом случае. Я знаю, что их мнемоники тогда срочно пробудили и запретили оставлять узелки, но лишь очень немногим известно, что с тех пор ноги у Чарли иногда ноют на непогоду.

Случаи фантомных ощущений в реальности на местах незалеченных в утопиях ран —

еще одно доказательство в пользу того, что проекция не просто независимая копия, а какая-то часть целого. И все же полученные раны не оставляют шрамов на реальном теле — рейдер встает из капсулы точно таким же, каким он и лег в нее. То есть, проекция в каком-то смысле статична: ее физическое состояние на фактическом протяжении всей командировки отражает состояние человека в момент заброса. Рейдер старается всегда ложиться в капсулу абсолютно здоровым и полным сил. Если есть какая-то неприятность: побаливает голова, насморк выскочил или, скажем, несварение, то лучше отложить заброс до устранения явления, иначе придется непрерывно мучиться этим весь срок командировки. Если заброс планируется всего на пару фактических часов, то еще ничего, можно и потерпеть, но лучше не рисковать. С женским недомоганием тоже лучше подождать, утопия никуда не денется. А то парься потом несколько месяцев командировки... дамы меня поймут.

Наши здоровые проекции в утопиях никогда ничем не хворают. Алкоголь и наркотические вещества вызывают опьянение, но проходит оно намного быстрее и не создает привыкания. В виде проекции рейдеру можно даже смело пить цианистый калий. Максимум, что при этом ему грозит — сильная боль в желудке и мышцах до тех пор, пока цианид не выведется из организма. По-настоящему опасны только прямые повреждения, вызывающие сильную кровопотерю и раны, несовместимые с жизнью. Отсечение головы, например...

Травмы, полученные в предыдущих командировках, не переносятся в последующие рейды, стираясь вместе с проекцией в момент возврата. Однако, приобретенные навыки сохраняются во всех проекциях и постепенно накапливаются. Увы, у нас нет возможности тратить долгие месяцы и годы на физическую подготовку в реальном мире, поэтому тренировки проходят только в утопиях. Впрочем, даже то, что в виде TS-проекции я вполне сносно владею многими видами оружия, вряд ли особенно поможет мне в реальности. Да я даже не стану этого проверять. И если в реальном мире вечером на улице на меня нападет хулиган, я не подумаю геройствовать, и не стану звать на помощь, чтобы не разозлить его. Молча отдам кошелек и дождусь, когда грабитель отстанет. Плевать на деньги, главное — остаться невредимой. С тех пор, как я начала работать в TSR, мое тело — пусть не очень красивое, но молодое, крепкое и, чего уж тут скромничать, абсолютно здоровое — стало для меня самой большой ценностью. Как бы я ни качала мышцы в утопии, в реальность они со мной не вернутся, и не перенесутся в следующий мир. Останутся только навыки, "память движений". Поэтому все свободное время в реальном мире я посвящаю своему телу — стараюсь как можно больше заниматься спортом, поддерживать себя в безупречной форме и ухаживать за внешним видом. Точно так же поступают абсолютно все рейдеры. Родные и друзья из реального мира могут сколько угодно называть нас чокнутыми фанатиками, сдвинутыми на почве спортзала и работы. Они говорят, что мы из-за этого совсем жизни не видим! Да ради бога, мы всем прощаем. Им никогда не понять нас. Потому что никому из них не суждено изведать этого фантастического кайфа — долгие месяцы и даже годы путешествовать по бесконечным, разнообразным мирам, жить в них полной жизнью, не отказывая себе ни в чем, и продолжая всегда оставаться в одной поре — молодыми, крепкими, идеально здоровыми людьми.

В ходе обучения, на теоретическом занятии, я как-то спросила: а реальные ли на самом деле TS-перемещения? Уж больно невероятными казались мне возможности проекций. Или же утопии — это всего лишь виртуальные миры, созданные компьютером, а рейдеры растворяются в них без остатка и начинают верить в перемещение?

Билл Амброс насмешливо фыркнул и сказал:

— Справедливости ради должен заметить, что подобные вопросы приходят в голову почти всем. И каждый раз я советую не забивать ее себе всякой ерундой раньше времени, а дождаться первого заброса и убедиться во всем лично.

Я тогда опять, как и в случае с профессором Паркером, решила, что снова все испортила, но в тот же день Билл неожиданно представил меня своему лучшему другу, рейдеру-ветерану.

— Знакомься, Анерстрим, это Чарльз Уокер. Крутой Чарли, — добавил он, уважительно хлопнув того по плечу. — Прошу не любить и не жаловать, а молиться ему, как богу.

Чарльз Уокер, живая легенда TSR... Конечно, я его уже знала. К сожалению, только заочно. А может, и к счастью — кому известно, что для нас на самом деле лучше?

День, когда я встретила Уокера, в моей жизни можно смело ставить на одну ступеньку с открытием для себя возможности путешествий в параллельные миры. Шло первое теоретическое занятие. Мы с ребятами смотрели интереснейший документальный фильм по концепции искажения времени, и тут кто-то вошел в кабинет и тихо поздоровался с Амбросом. Я оглянулась — и влюбилась.

Он был хорош, зараза, слишком хорош для хорошего мальчика... ну, вы понимаете, о чем я. Такой красавчик по определению мог быть только мерзавцем — пусть и очаровательным. Эту аксиому я уяснила для себя еще в школе. Равно как и то, что на таких пигалиц, как я, интерес мужчин, подобных Уокеру, не распространяется ни-ког-да. Для таких, как он, у меня уже была отработанная схема — мысленно повесить табличку "Забудь!" и поскорее настроиться только на рабочие отношения. Но Чарли был незабываем, и умело пользовался этим даже на работе, предпочитая отправляться в командировки исключительно с дамами. В TSR по нему открыто не вздыхали разве что Кей Си Милн и Долорес Твинелл — две женщины из его рабочей группы, они же были единственными, кто мог терпеть его постоянно. Остальные напарницы часто менялись.

В том, что Билл представил меня Уокеру, не было ничего необычного. Рано или поздно Амброс все равно бы начал передавать нас под командование других ветеранов. Но это должно было произойти только тогда, когда группа уже бы определилась, отсеяв в учебных командировках тех, кто не сработался с остальными. А знакомство с новичком, видимо, было особой честью, оказываемой лишь единицам. Во всяком случае, мне очень хотелось так думать.

— Джелайна Анерстрим, — дико волнуясь, назвалась я и чинно протянула руку. Уокер мягко пожал ее, задержав мои пальцы чуть дольше необходимого, и внимательно посмотрел мне в глаза.

— Я и так знаю о тебе все, — чуть усмехнувшись, ответил он и, уходя, негромко бросил Биллу: — Смотри, не избалуй ее.

И я пропала окончательно.

В первый рейд всех новичков отправляют в одно и то же место. Я ужасно боялась лечь в капсулу, но на самом деле все оказалось не так уж страшно. Для рейдера TS-перемещение проходит почти незаметно: легкое головокружение, ощущение полета или падения — и ты уже на месте.

В утопии периода палеолита, где проходила тренировка, можно было вытворять все что угодно. Единственное неудобство заключалось в том, что мир был слишком древним. Мясо мы могли добыть и здесь, но остальных продуктов и разнообразного багажа набралось так много, что пришлось снаряжать еще и дополнительную капсулу. Как я уже говорила, с Биллом Амбросом нас было четверо: Пол Каннингем, Энн Диклест, Марк Таунта и я.

Первые две недели Билл просто гонял нас до седьмого пота, заставляя бегать длинные кроссы с тяжелым снаряжением. В этом не было особой пользы для наших реальных тел, но мы не роптали — рейдеру необходима выносливость, а приобрести ее можно и в утопиях. Когда опускалась темнота, начинались неформальные теоретические занятия, которые Билл с легкостью превращал в уютные вечера воспоминаний у костра. Уроки мастерства шли как бы сами собой, пока мы, уставшие за день, не засыпали прямо там.

— Удобнее всего работать в утопии современности, — рассуждал наш наставник, облокотившись на прогретый за день валун. — Багаж практически не нужен, всем необходимым можно обзавестись на месте. Иногда есть возможность, к примеру, заменить вышедшее из строя оружие. Правда, забрать с собой обновку все равно не удастся.

Действительно, из командировок рейдеры могут вернуться только с тем, что у них было с собой в момент заброса. Чужеродная материя не может прийти в наш мир. Именно поэтому рейдеры стараются сохранить свою реальную одежду, чтобы не вернуться назад голышом. Невозможность притащить из утопии экзотический сувенир одинаково огорчает и новичков, и ветеранов. Впрочем, иногда новичков гораздо больше расстраивает невозможность привезти с собой золотой запас какого-нибудь утопического государства или, на худой конец, сокровищницу древнего владыки. А какие иногда бывают ситуации! Бери да уноси, запросто. Но не берем, и не потому, что запрещено — ничего подобного, а потому что "карман не потянет". Иногда и свое, реальное, не успеваешь прихватить, разместить вокруг себя в радиусе рабочего пространства; оно так и остается там навсегда. Впрочем, если верить теории, со временем вещи реального мира в утопиях разрушаются, рассыпаются на кварки, но вот сколько фактического времени это занимает — никто не проверял.

Из командировок рейдеры привозят только информацию. Только отчеты о собственных наблюдениях и воспоминания, заключенные в мнемониках. Это как раз и есть то бесценное сокровище, за которым отправляются исследовательские экспедиции в параллельные миры, единственное, что представляет ценность. Ну а наградой для самих рейдеров становятся захватывающие бесконечные путешествия, их разнообразные впечатления, щекочущие нервы приключения, раскрытые тайны и реализованные фантазии. И поверьте — ни один из нас не променяет их ни на какие материальные блага в быстротечной реальности.

Перекаченные из чипов сведения поступают в аналитический отдел. Там их разбирают на этапы, сортируют и отбрасывают лишнее; как правило, это основная масса всей информации — будничная жизнь рейдера в утопии, в просторечии именуемая «мусором». Никому не нужны и не интересны ежедневные физиологические ритуалы, бессодержательная болтовня, любования природой и такими же, как в реале, достопримечательностями. Оставляются только сведения, представляющие ценность для

базы данных и анализа, и в первую очередь — подробная история утопии. В наблюдательных командировках от рейдеров требуется использовать все найденные источники, чтобы детально проследить расхождения с реальным миром.

Безусловно, это потрясающе — разузнавать все об очень дальних утопиях, где развитие пошло другим путем еще в средние века или даже в глубокой древности. Попадая туда, чувствуешь себя прибывшим на другую планету. Но подобный интерес носит скорее общий познавательный, исследовательский характер. Иногда TSR подает писателям, сценаристам, режиссерам и создателям компьютерных игр идеи, основанные на действительных утопических событиях. Я сама лично видела несколько фильмов и игрушек, сделанных по подобным сюжетам.

Но именно варианты развития миров, близких к реальному и расходящихся в спорных моментах политической истории, больше всего и интересуют наших аналитиков. Поэтому-то меня в свое время и заметил профессор Паркер — во мне обнаружилась склонность увлеченно предполагать "а что было бы, если бы...", и при этом не просто абстрактно мечтать, а логично и трезво проводить динамику. Рано или поздно рейдеры "выходят в отставку" и некоторые из них занимают заслуженные должности в «полушариях». А отбирать и воспитывать подходящие кадры, как известно, лучше смолоду.

* * *

Однажды я спросила Билла:

— Скажи, а зачем нам узнавать, например, то, насколько лучше в близкой утопии оказались выполнены резолюции ООН? Что толку от этого нашему, реальному миру?

Он лишь отмахнулся:

— Если станешь аналитиком, поймешь, — и, подумав, добавил: — А может, даже раньше, когда подрастешь немного.

Тогда меняхватило только на то, чтобы фыркнуть:

— Аналитиком? Это я-то?!

— Что тебя удивляет? — спокойно спросил Амброс. — Все вы рано или поздно перейдете из рейдеров в другие отделы. Те из вас, что так и не научатся отделять зерна от плевел, пройдут переподготовку и пополнят ряды обслуживающего персонала. Но я уже сейчас могу примерно сказать, кто и куда попадет из нынешней учебной группы.

— Ой, нет, — смутилась я. — Аналитика — это слишком сложно. Мне, скорее уж, дорога в прогнозисты.

— Хм... — он прищурился. — По-твоему, легче оценивать глобальную направленность утопии по скудным обрывкам подсмотренной где попало действительности? Делать далеко идущие выводы по незначительным деталям? На основе поверхностных наблюдений выносить окончательный вердикт, и недрогнувшей рукой посылать людей подтверждать непроверенные данные? Легче, да? Тогда ладно.

— О, господи! — я схватилась за голову. — Лучше я пойду в техники! Буду только кнопки нажимать!

Билл колочерассмеялся.

— Ты еще будешь указывать мне, что для тебя лучше? — и, посерьезнев, сказал: — Поверь опыту многих, самое лучшее и интересное у нас — это командировки рейдеров. TSR.

наверное, единственная контора в мире, где никто не рвется из рядовых сотрудников в кабинетные крысы. Оставайся в строю как можно дольше. Мы ведь как никто другой можем приблизиться к бессмертию.

* * *

Тому, кто никогда не совершал TS-рейдов, наверное, трудно будет в это поверить, но жизнь в параллельном мире, в самом деле, совершенно реальна. Свое тело в утопии ощущается абсолютно так же, как дома — оно чувствует жару и холод, боль и удовольствие, устает и отдыхает, хочет есть, пить, спать и все остальное тоже. Мы загорали дочерна под мягким солнцем палеолита, пили ломящую зубы воду из хрустальных ледниковых ручьев, ловили удивительно вкусных рыб в прозрачном озере, охотились всей группой на странных, будто мутировавших, животных, и наблюдали в бинокль за жизнью древних людей. Недалеко от места нашей дислокации оказалось стойбище «обезьянок», как мы их прозвали. «Обезьянки» быстро обнаружили наше присутствие и не замедлили нанести визит. Похоже, их беспокоило неизвестное, малочисленное, но очень наглое племя, запросто идущее впятером загонять целое стадо оленей и часто издающее резкие, громкие, пугающие звуки. Нападать на нас палеопитеки не рискнули, оперативно собрали свои убогие манатки и убрались подобра-поздорову. Мы не стали их задерживать, и уж тем более, уходить отсюда сами — местоположение стойбища наверняка было прекрасно известно всем окрестным хищникам, которые теперь обходили стороной не «обезьянок», а нас. Зачем же тратить ночное время на изнурительное дежурство по сменам в ущерб сладкому сну? Силы пригодятся днем. Брошенная палеопитеками пещера оказалась сырой, грязной и кишашей паразитами, так что мы разбили палатки в стороне.

Очень скоро Билл вспомнил о нашем прежнем разговоре.

— Ну так как, Анерстрим, ты все еще думаешь, что мы в виртуальной реальности?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Это может быть и очень хорошая иллюзия. Микрочипы в голове и не такое могут обеспечить.

На самом деле я давно уже убедилась в том, что мир вокруг абсолютно живой и осязаемый. Но все равно возразила, так, из вредности.

— Тебя не убеждают собственные органы чувств? — допытывался Амброс.

— Они тоже могут обманываться.

— То есть, когда у тебя на зубах хрустит песок, это тоже часть программы?

— Все может быть, для достоверности... Эй, а откуда ты знаешь про песок?!

Билл проказливо ухмыльнулся.

— Это я подсыпал его тебе в тарелку. Для пресловутой достоверности.

У меня просто не было слов. А Амброс только посмеивался. И то правда — с разинутым ртом я выглядела, наверное, ужасно глупо.

— Как видишь, некоторые ощущения нельзя просчитать заранее. О, вот, например, — Билл выудил откуда-то самокрутку, набитую марихуаной, подмигнул мне, прикурил от уголька и, затянувшись, спросил: — Ты когда-нибудь курила травку?

— Пробовала, — осторожно ответила я. — Еще в универе.

Билл передал мне косячок и подождал, пока я сделаю затяжку.

— Ну, как ощущения?

— Травка как травка, — неопределенно ответила я. Не признаваться же теперь, что первый раз был единственным, и в качестве я совершенно не разбираюсь.

— Отлично. Вопрос номер два: ты когда-нибудь нюхала кокаин?

— Нет, никогда!

— Молодец, — похвалил он. — И не начинай.

— И не собираюсь, — заверила его я.

— Я все это к чему говорю? — пояснил Билл. — Допустим, что мы сейчас находимся в виртуальной реальности. Компьютеру неоткуда взять для нас абсолютно все ощущения на свете, правильно? Если ты курила травку, тебе знаком ее вкус и то, как она на тебя действует. Поэтому при определенной степени внушения это легко можно представить. Но если ты никогда не вдыхала порошок, то не сможешь заранее узнать, как именно он вынесет тебе мозги. Есть и более простые примеры. Скажи-ка, все ли ощущения, что мы испытали за последние дни, были тебе знакомы раньше?

— Нет, — подумав, честно призналась я. — Я никогда не бывала на настоящей охоте. Никогда не держала в руках рыбу с теркой вместо чешуи. Не плавала в ледяной воде. Не дралась палицей, собственноручно изготовленной из бедренной кости оленя. И понятия не имела, что человеческое, по сути, жильё, — я покосилась в сторону пустующей пещеры, — может столь непотребно вонять.

Билл хмыкнул.

— Как же мало ты видела в жизни... Ничтожно мало.

— А еще, — похоже, марихуана развязала мне язык, — я никогда не думала, что с человеком, избородившим тысячи миров, видевшим, пожалуй, все, что только можно себе вообразить, будет настолько легко общаться.

— А вот в этом как раз нет ничего странного, — возразил мне Билл. — Все новички такие же, как ты. Потом они начинают задирать нос и смотреть свысока на непричастных к их тайне обывателей. Но когда у тебя за плечами четыре сотни лет, хоть и позабытые в деталях, на многие вещи смотришь уже слишком просто.

Я откинулась на спину и задумалась, а точнее, поплыла, глядя в усыпанное звездами небо. Млечный путь простирался мерцающей рекой, знакомые и одновременно чужие созвездия казались какими-то искривленными. В далеком будущем, через сто пятьдесят тысяч лет, они примут привычные очертания. Мне вдруг стало немного жутковато от осознания того, на какую страшную глубину во времени нырнула наша группа. Поежившись, я торопливо попросила:

— Билл, расскажи что-нибудь забавное, из того, что помнишь.

Амброс выбирал недолго.

— Однажды я вел масштабный проект в пяти близких к нам и очень похожих между собой утопиях. Эксперимент проходил на уровне девятого века на территории Шотландии. Мы с учебной группой взяли в каждой утопии пять одних и тех же кланов, и в каждом мире искусственно помогли выдвинуться только одному из них.

— Каким образом?

— Уничтожали лидерствующие верхушки остальных четырех кланов, — спокойно ответил Амброс. Я похолодела. Небо закружилось сильнее.

— Убивали?

— Нет, высылали в Японию, — съязвил он. — Ты знаешь другие способы?

Он чуть подождал, пока я переварю это, и продолжил:

— Потом мы отслеживали, как будет происходить развитие региона в каждом случае. Заброс делался через каждые три года. Я тогда задолбался туда мотаться. По тридцать рейдов за день — можешь себе представить? К вечеру я забывал, какой мир вообще реален.

— Ну, и как результаты? — я решила не заикливаться на методах, а посмотреть на это с точки зрения наблюдателя.

— Результаты были весьма познавательными, — сдержанно ответил Билл. — Но не это главное сейчас. Ты ведь просила байку, а не анализ, верно? Ну вот: так как я регулярно появлялся в утопиях и, собирая данные, жил там по два-три фактических месяца, то со временем местные жители уверовали в то, что я бессмертен и несокрушим.

Я хихикнула. Билл и ухом не повел.

— Конечно, периодически находились удалыцы и вызывались расправиться со "всей этой чертовщиной". Если я навешивал им пенделей, обиженные, но гордые горцы уходили ни с чем и заявляли своему клану, что убили меня, но я тотчас же воскрес.

Я поняла, куда он клонит, и меня уже всюю разбирал смех.

— А если они начинали одерживать верх, я преспокойно сматывался от них домой. Дальше все повторялось по прежнему сценарию: "побежден — убит — воскрес", потому что я снова возвращался.

— Так значит, это поэтому, — я еле говорила, задыхаясь от смеха, — у тебя когда-то было прозвище «Маклауд»?

— А, так ты об этом знаешь... — Билл махнул рукой и улегся на любимый валун. — Готов спорить, это Кей Си всем растрепала. Так и рассказывать-то неинтересно.

— Интересно-интересно, — скандировала я, разгоняя руками непослушные звезды. — Расскажи еще. Е-ще! Е-ще!

— Эх тебя вставило-то с одной затяжки, — усмехнулся он. — О, да все давно уже угомонились. Иди спать, Джа. Завтра я буду преподавать вам первый урок цинизма. Набирайся сил.

Он уполз в палатку и вскоре захрапел, а я еще долго лежала у погасшего костра, глядя в звездное небо и терзаясь догадками.

Да, кстати, это именно с тех пор, с легкой руки Билла, меня и прозвали Джа.

* * *

После обычной утренней пробежки под разыгравшейся непогодой Билл велел нам взять оружие, и мы направились к новому стойбищу. Палеопитеки поселились внутри каменного нагромождения, оставшегося после прохода ледника, и еще не успели обжить его, как следует. По правде сказать, их прежнее место было гораздо удобнее — и пещера надежнее, и озеро рядом. Но никто из нас почему-то так и не предложил перейти на новое место, чтобы «обезьянки», заметив наше исчезновение, смогли вернуться.

— Я не случайно взял вас именно в древний мир, — менторским тоном начал Билл. — Как видите, здешние «homo» еще не развиты до настоящих «sapiens». К ним вполне можно относиться, как к животным. Убивать животных вы уже научились. Теперь, — он строго оглядел нас, враз притихших, — попробуйте убить человекообразную обезьяну.

— Они уже не обезьяны, — несмело возразил Пол.

— Но пока еще и не люди. Начинать сразу с людей не всякому под силу, а потренироваться вам все равно нужно. Приступайте. Выберите себе по цели, и вперед.

Никто не шелохнулся. Билл взял в руки короткоствольный «узи» и предупредил:

— Четыре жертвы — или я расстреляю их всех.

— Зачем? — не выдержала Энн. Ветеран чуть усмехнулся.

— Часто повторяют, что если бы в свое время кто-нибудь пристрелил одного человека, миллионам стало бы намного проще жить. Вы согласны?

Все угрюмо молчали. Дождь лил с капюшонов.

— Я расцениваю молчание, как знак согласия. У сегодняшней тренировки есть определенная цель. В отношении палеопитеков рассматривайте меня, как опосредованный негативный фактор. Вам в любом случае придется выбрать и отсеять четверых — можно больных и слабых — чтобы я не тронул остальных. Пусть благополучно живут себе дальше, пока не задерут хищники или не сожрут блохи, а то и собственные соплеменники.

— Мы убиваем животных только ради еды или защиты, — снова возмутился Пол, и остальные тихо поддакнули. — Люди нам не мешают.

— Ладно, — обманчиво-мягким тоном произнес Амброс. — Похоже, вы еще не поняли. Вы думали, вам просто дадут попутешествовать на халяву, поглазеть на иные миры, поиграть там во всемогущество, и за это ничем не придется платить? Вынужден разочаровать: TSR — точно такая же мышеловка, как и любое из известных вам агентств разведки. Не нравится — возвращайтесь прямо сейчас, отправляйтесь в медицинский отдел, вам зачистят память, удалят чипы — и убирайтесь. Нам не нужны разборчивые мечтатели с фарисейской моральной позицией.

Мне стало не по себе. Перспектива навсегда забыть фантастическую работу-мечту и вернуться к прежней неопределенно-однообразной жизни вдруг показалась хуже жалкой первобытной участи палеопитеков. В голосе Билла зазвенел металл:

— Запомните: для вас здесь не существует иной воли, кроме моей. Мои задания всегда выполняются, приказы не обсуждаются. Раз вы поставили под сомнение мое распоряжение, задача меняется на противоположную. Выбрать цель так, чтобы своим выстрелом нанести стаду максимальный ущерб. Никаких больных и слабых. Уничтожать самых сильных и молодых.

Все почувствовали, что от любых возражений может стать еще хуже, и окончательно притихли. Мне вдруг с удивительной ясностью вспомнился вчерашний разговор об искусственном отборе кланов. Вот значит, какими методами нам придется работать? Словно услышав мои мысли, Билл протянул мне крупнокалиберный пистолет.

— Иди сюда, Анерстрим, покажи пример остальным, — я колебалась, и он презрительно фыркнул: — Надо же! То предлагала разнести всю Землю ядерной войной, а теперь слабо прострелить безмозглую башку одной обезьяне?

— Мне плевать на обезьян, но ведь в этом действительно нет необходимости, — пробормотала я. — Зачем их убивать? Давайте потренируемся на волках. Они подходят все ближе с каждым днем, скоро обнаглеют и попробуют напасть на лагерь.

— Это слишком просто для вас, — возразил Билл. — И в этом действительно пока нет необходимости. А в моем задании — есть.

И тут кусочки мозаики в моей голове встали на место.

— Билл, скажи-ка, а итоги нашей сегодняшней тренировки будут потом каким-то образом оцениваться в будущем этой утопии?

Если бы Амброс был котом, он бы сейчас точно замурлыкал.

— Потом? А кто тебе сказал, моя дорогая, что они не оцениваются уже сейчас?

— То есть, сейчас кто-то еще заброшен в эту утопию к потомкам, и отслеживает последствия? — удивленно уточнила Энн.

— Логично мыслите, — помедлив, согласился он. — Так что, кто начнет первым?

Все по-прежнему сомневались, но уже не так отчаянно. Билл смотрел на меня, чуть улыбаясь. И вдруг шагнул вперед и тихо произнес мне в самое ухо:

— Я поставил на тебя, Джа. Что именно ты сможешь выстрелить первой. Точнее, это Чарли на тебя поставил, и меня подбил. Не подведи нас.

Краска бросилась мне в лицо, да так, что холодный день в одночасье стал жарким. Билл снова подал мне пистолет и иронично добавил:

— Если оправдаешь наши ожидания, похлопочем, чтобы тебя поставили в парочку недельных рейдов с Уокером. Он, знаешь ли, любит обучать перспективных стажеров.

А я-то думала, что краснеть уже некуда...

— Давай, Джа. Все равно вам всем придется пройти через это, чтобы впоследствии однажды выжить, и не раз. Тебе сейчас сложнее всех, но идущий первым всегда прокладывает дорогу остальным.

Как в тумане, моя рука сама потянулась к оружию.

— Выбери цель, — продолжал Билл. — Это важно. У тебя только один выстрел, потом эти твари разбегутся. Помни — дома ждут результата, и он должен быть заметен.

— От исчезновения одного палеопитека?

— А ты правильно выбери цель.

Я присмотрелась к толпе чумазных разномастных созданий, прячущихся от холодного дождя. Они не видели нас, сгрудившись под огромными нависающими глыбами. Одна лишь мысль о том, чтобы прицельно отстреливать тех, кто не может защищаться, вызвала нешуточный внутренний протест. Но тянуть было уже некуда, и мне пришлось отмести эти мысли в сторону и сосредоточиться на задании. В конце концов, не я, так кто-нибудь другой все равно это сделает. А может... и правда кто-нибудь другой?..

— Отсюда, да еще в дождь, не то, что возраст и силу — голову от задницы не отличишь, — буркнул Пол.

— Нужно как-то вычислить вожака, — предложил Марк.

— Нет, лучше молодую самку, — возразила Энн.

Ну вот, пожалуйста. Как только пистолет оказался в моих руках, все остальные сразу осмелели и стали такими умными, такими расчетливыми... Интересно, как бы я вела себя сейчас, стоя за чьей-нибудь спиной?

— Выбрала? — пристально глядя на меня, поинтересовался Билл.

— Да, — кивнула я и выстрелила... в шаткий каменный столбик у подножия насыпи.

— Куда? Мимо! — взвыли ребята за моей спиной, но тут же осеклись. Массивные валуны начали рушиться, сталкиваясь с жутким треском, раскалываясь и поднимая тучи пыли, не прибаваемой даже дождем. Через минуту все было кончено. В противоположную нашему укрытию сторону торопливо улепетывали семь или восемь обезьян. Остальные остались под обвалом.

— Черт возьми... — кажется, это был голос Марка. У меня звенело в ушах. Разжае дрожящие пальцы, я выронила ставший вдруг невероятно тяжелым пистолет и села прямо в грязь.

Кажется, в лагерь меня несли. Во всяком случае, обратной дороги я не помнила.

* * *

Не знаю, что сказал ребятам Амброс, но никто из них ни единым словом не обмолвился о том случае. Поначалу я то и дело ловила на себе их задумчивые взгляды. Потом обратила внимание, что Пол, Энн и Марк стали неосознанно уступать мне лучшее место у костра, первой накладывать приготовленную еду (стряпали мы по очереди) и пропускать вперед на охоте или тренировочной полосе препятствий. Однажды я не выдержала и поделилась с Биллом своими наблюдениями.

— Что тебе кажется странным? — недовольно спросил он. — Джа, ты как маленькая, честное слово. Сейчас мы живем в мире, где дух первобытности буквально витает в воздухе, так что мы почти инстинктивно следуем закону выживания. Ты негласно признана вожаком вашей стаи.

— Погоди... А как же ты?

— Вашей стаи, — выделив первое слово, повторил Билл. — Я здесь учитель, пастух. А вожаком признали тебя. Это право и привилегия самого сильного среди равных.

— Я ведь женщина.

— Неважно. Да, этот мир первобытен, но вы-то все выросли в эмансипированном обществе. Женщины давно руководят государствами, так почему не выбирать их вожаками стай?

Еще один вопрос не давал мне покоя.

— А никому не кажется, что я проявила излишнюю жестокость?

— Самая первая жестокость была проявлена мной, — возразил Амброс. — У вас не было выбора. Сделав первый шаг, ты освободила от того же остальных. Это, кстати, характерный поступок для вожака стаи. Ты выполнила приказ, выполнила его буквально — одним выстрелом причинила максимальный ущерб, как и было велено. Есть результат, и неважно, что он превысил ожидаемое.

Я попыталась объяснить Биллу, что хотела лишь в каком-то смысле переложить вину с себя на падающие камни, только не предвидела столь разрушительных последствий. Но он сразу перебил меня.

— Я догадываюсь. Но сейчас речь не о том, каким именно путем мы идем к цели. В каждой группе может быть только один лидер. Ради этого новичкам и дается подобное задание. Даже если кто-то из них в глубине души и осуждает тебя за количество жертв, поверь моему опыту: каждый из них гораздо больше рад — и одновременно удручен — из-за того, что не он оказался на твоём месте. Поэтому теперь ребята пойдут за тобой куда угодно, и никто не станет спорить.

— Ты говоришь это так, будто знаешь наверняка, — смутившись, я попробовала перевести все в шутку.

— Знаю наверняка, — серьезно отрезал он, и тихо пояснил: — Когда-то я так и не смог выстрелить первым.

Он поднялся и пошел прочь.

— А кто выстрелил? — на всякий случай спросила я. Спросила без особого интереса, ведь я вполне могла и не знать этого человека. Но Билл остановился и, не оборачиваясь,

ответил:

— Выстрелил Чарльз Уокер. Он без колебаний снес голову самке с самыми явными признаками развитого интеллекта.

И зачем я только спрашивала...

Глава 4

Вскоре мы снялись с насиженного места и отправились на юг. Со дня прибытия в палеолит наш багаж заметно уменьшился и полегчал. Большею части свежих овощей, круп, консервов и боеприпасов давно уже не было.

Целую неделю мы тащились по жуткому бездорожью, проходя в день от силы тридцать миль и останавливаясь только для ночевки. Поначалу нам было тяжело шагать пешком весь день, таща по очереди тележку с вещами, не влезшими в рюкзаки, и есть только рано утром и поздно вечером. Но, как известно, человек привыкает ко всему. К концу недели мы даже перестали жаловаться друг другу на усталость — мы к ней попросту привыкли.

Билл казался неумолимым. Он вел нас по каменистой долине, руководствуясь какими-то известными только ему одному приметам. Помогал отстающим, подбадривал.

— Запомните на будущее, — говорил он на ходу. — Когда идете на долгосрочный заброс, нужно обязательно как следует подготовиться в реальном мире. Все рейдеры непременно проходят разминку в спортзале. Согласитесь, есть разница — лечь в капсулу, едва проснувшись, вялым и плохо соображающим, или же бодрым, с разогретыми мышцами и ясной головой. Именно от этого зависит то, как вы будете чувствовать себя на протяжении всей командировки, как будете двигаться и принимать решения.

— А я вот "сова", — вздохнул Пол, — и разминаться с утра для меня всегда было проблемой: суставы плохо гнутся, голова кружится...

— Значит, тебе противопоказаны командировки с раннего утра, — спокойно объяснил Билл. — В TSR никто никого не заставляет насиловать свой организм. Хорошее самочувствие рейдера гораздо выгоднее, чем соблюдение какого-то стандартного графика рабочего дня. Вас эти графики вообще не касаются. Командировки бывают не каждый день, да и время реального мира, являясь отправной точкой заброса, очень редко имеет определяющее значение, особенно, если рейдер идет в прошлое.

— Я тоже "сова", — тяжело дыша, пробормотала Энн. Сейчас была ее очередь тащить тележку. — Приспособилась, конечно, но лучше всего чувствую себя ближе к вечеру.

— "Жаворонки" в группе есть? — осведомился Билл, оборачиваясь к нам с Марком.

— Мне все равно, — ответила я. — Могу рано вставать, если надо, могу поздно лечь. Только сочетать это в один день не хотелось бы.

— Мне, в принципе, тоже все равно, — отозвался Марк. — Но, конечно, до самого вечера тянуть не стоит, а то я становлюсь рассеянным, могу ошибаться.

Амброс улыбнулся.

— Тогда вам повезло. Если в группе нет явных антагонистов, подобрать оптимальное время для заброса легко. Вот, например, в моей группе обе девушки — Кей Си Милн и Долорес Твинелл — «совы», а мы с Чарльзом Уокером — «жаворонки», причем, и мы, и они — типичные, характерные. Сейчас мы уже редко ходим в рейды вчетвером, но поначалу, доложу я вам, это было просто мучением. Долорес раскачивалась только к одиннадцати, а меня уже к семи тянуло зевать. Вот мы обычно так и работали — к полудню по одному

сползались в спортзал, после ланча готовили снаряжение, и только где-то к четырем ложились в капсулы...

— Здорово, — хмыкнул Пол. — Я уже люблю эту работу.

Билл только покосился на него, и ничего не сказал.

* * *

— Все, пришли, — неожиданно сказал Амброс на восьмой день. — Раскладывайтесь.

— Что здесь? — спросил Марк, вглядываясь в редкий подлесок.

— По сторонам смотришь? — вопросом на вопрос ответил Билл.

Все начали оглядываться.

— Никого, — сообщил Пол. — Кроме птиц.

— Эти полдня вообще никого, — подметила Энн. — А ведь еще вчера нам то и дело попадались разные животные. Но уже никто не подходил слишком близко.

— Люди, — осенило меня. — Где-то рядом живут люди.

— Угу, — кивнул Билл, разглядывая старые следы на звериной тропе. — Потому-то никого и нет. Стадо обезьянок постепенно истребляет всю живность в округе, и эта самая живность уже научилась опасаться и избегать всяких двуногих с палками в руках.

Я посмотрела на ребят. Они следили за наблюдениями Амброса, и в глазах у каждого застыл безмолвный вопрос. Обращенный ко мне, между прочим.

— Билл, — позвала я. — Зачем мы искали стадо людей? Ведь мы именно его и искали, верно?

— По поводу "именно его" мне сказать нечего. Но ты права — конечной целью нашего путешествия как раз и была встреча со стадом человекообразных, — он выпрямился и пристально оглядел группу. — Джа, ты же умная девочка, ты ведь уже давно прекрасно все поняла. Так объясни теперь своей команде, зачем мы шли все эти дни, и что вам теперь предстоит.

Ребята уже поняли, чего ожидать, но все равно скисли. Я глубоко вздохнула, повернулась к ним и объявила:

— Мистер Амброс не успокоится, пока мы не изведем всех палеопитеков в утопии. Отныне эту землю будут наследовать только неразумные твари. Аминь.

— Ну зачем так глобально? — усмехнулся Билл. — Вполне достаточно по одному на каждого. Я предупреждал, что мои задания всегда выполняются. А мы ведь высадились здесь на редкость удачно, сразу же попали близко к стойбищу. Если бы вы послушали меня и действовали незамедлительно, то сейчас уже были бы дома. Вместо этого нам пришлось пересечь всю долину ради случайной встречи с другим кочующим стадом. Ради того, чтобы каждый из вас наконец-то смог сделать свой дебютный выстрел, — жестко добавил он.

Никто больше не произнес ни слова. Мы молча поставили палатки и пообедали. Неутомимый Билл остался караулить, а нам велел отдыхать.

* * *

Это стадо оказалось многочисленнее первого. В лесотундре палеопитекам явно жилось

лучше, чем злополучным обитателям ледниковой пещеры — теплее климат, больше добычи и ничем не ограниченное пространство для жилья. После наблюдений в бинокль все единодушно высказались, что это племя, несомненно, более развито. Налицо были явные признаки зачаточной организации быта, да и детенышей в стойбище подрастало гораздо больше, а вокруг даже сновало несколько полуприрученных собак.

Мы изо всех сил старались относиться к ним, как к животным, но с каждой минутой это получалось все хуже. Тем более, что люди здесь уже делали попытки прикрыть наготу каким-то подобием одежды из обрывков шкур. Не такие волосатые, как их северные собратья, и обладающие значительно более высокими лбами, они выглядели гораздо человечнее и подавали надежды на вполне благополучное будущее.

— Вот и прекрасно, — заявил Билл, выслушав наши выводы. — Психологически это усложняет вашу задачу, но все равно не отменяет ее. Надеюсь, вы усвоили урок? Учтите, я не собираюсь отказываться от задания... но могу усложнить его еще больше.

Мы испуганно переглянулись. Амброс мог, да. Запросто.

— В конце концов, — примирительно произнес Марк, словно извиняя нас всех, — если племя лишится всего троих, оно ведь все равно не вымрет.

— Четверых, — спокойно поправил его Билл. Я возмущенно уставилась на него.

— Четверых, — повторил он и усмехнулся. — И стрелять по людям. Больше не устраивать никаких несчастных случаев. С тобой, Анерстрим, мне теперь придется держать ухо востро и тщательнее продумывать формулировки.

— Это несправедливо, — сказала Энн. — Она выполнила задание.

— Да, но она сделала это неправильно. Отчасти это была моя вина. Теперь я не собираюсь давить на вас. Убиваете по палеопитеку — возвращаемся домой.

— И это называется "не давить"? — проворчал Пол.

— Почему TSR не вербует тех, для кого убийство человека не является проблемой? — вдруг спросила Энн. — Зачем вам нужны именно такие, как мы? Мирные, добропорядочные граждане, пусть недостаточно религиозные, но соблюдающие закон и уважающие жизнь других людей. Нет, я не говорю, что хочу лишиться этой работы, но... ведь для подобных поручений можно нанимать профессиональных киллеров?!

Хороший вопрос, надо признать. Энн высказала то, что давно волновало и меня. Остальных, похоже, тоже.

Билл задумчиво прищурился.

— Я мог бы сделать это вашим домашним заданием. Но я отвечу. Только сперва скажите: что произошло бы, если бы наемников брали в Патруль Времени? Если бы позволили разгуливать в нашем реальном прошлом людям, не обремененным моральными принципами, жалостью к обывателям и пресловутым уважением к чужой жизни?

Воцарилась тишина. Не знаю, как ребятам, а мне почему-то показалось, что я вот-вот пойму ответ на заданный Энн вопрос.

— Все равно у патрульных несколько уровней императивных ограничений, — нерешительно высказался Марк. — Им категорически запрещено причинять даже малейший ущерб.

— Это так. Но вы разузнайте про любого из них — каким он был до Патруля? Вы удивитесь. Большинству из этих ребят вообще не требовались ограничения. Императивы лишь дополнительно помогают им воздерживаться от соблазна творить добро.

Что?! Добро?! Я не ослышалась?!

— Мы не имеем права менять наше прошлое. Никак. Я даже не стану углубляться в пояснения, думаю, вам и так все предельно ясно. Но в наших силах создавать лучшее будущее. У TSR задачи гораздо шире, чем это кажется на первый взгляд. Мы не случайно так тесно сотрудничаем с Патрулем, и дело не только в использовании похожих технологий и оборудования. Со временем вы многое поймете. Пока лишь скажу только одно — мы должны доверять своим рейдерам. Задайте себе вопрос: стали бы вы безоговорочно доверять наемнику? Человеку, от рождения наделенному чрезмерно гибкой моралью?

— Вам проще, — тихо, с расстановкой сформулировал Пол, — выработать в изначально хорошем человеке равнодушное отношение к сознательно творимому им злу.

— Почти верно, — согласился Амброс. — Но это не проще, поверь мне. Зато надежнее. Хороший человек на первых порах может часто ошибаться, но впоследствии, набравшись опыта, просчитывает все варианты, и делает только самое необходимое. В любой ситуации, кроме совсем уж безвыходной. А плохой при тех же исходных условиях никогда не стесняется ни в средствах, ни в масштабах разрушений. И при этом портит всю картину, ведь в задачи подобных рейдов, как правило, входят только точные операции.

— Я плохой человек, — пробормотала я, неприятно пораженная этим открытием. Билл хмыкнул.

— Во-первых, не стоит пугать неопытность с намеренным изуверством. Во-вторых, самокритичность — это уже хорошо. На первых порах в TSR брали и профессионалов, и даже дилетантов с преступными наклонностями, как бы странно это ни выглядело сегодня. Но время показало, что это было огромной ошибкой. Профессионалов интересуют только деньги, причем, неважно, кто и за что их платит, а вот любители... Как думаете, что делает дурной человек, встречая в утопии двойника своего заклятого врага? Пусть даже там это вообще другая личность.

Мы промолчали, хотя варианты ответов определенно имелись у всех. Билл вздохнул.

— Представляете, ни один из них не смог выдержать даже этого, казалось бы, простого экзамена. А вот такие, как вы, выдерживают все и всегда. У хороших, достаточно нравственных людей никогда не возникает соблазна позабавиться, пострелять шутя, просто так.

— Да ведь и смысла нет в том, чтобы просто так отобрать чью-то жизнь, — растерянно сказала Энн. Амброс кивнул.

— Вот вы и ценны именно этим вашим уважением к жизни. Запомните это. И не надо так переживать — вам вовсе не придется в каждой командировке изображать терминаторов. Девяносто восемь процентов наших задач — банальное наблюдение и сбор информации. Но поверьте, даже если приходится убивать, жертвами, как правило, становятся крупные политические фигуры. Думаю, вам и так известно, что они никогда не бывают святыми.

— Ну, хорошо, — завелась я. — Но зачем нас тогда заставляют отстреливать ни в чем не повинных палеопитеков? Я, конечно, понимаю, что нам нужна подготовка, нужно научиться убивать людей, но... — я умолкла, не представляя, что еще можно предложить взамен.

— О, тень Патруля! — Амброс с силой потер лицо. — Нет, честное слово, такой группы у меня еще не было! Ребята, вы или рассыплетесь через год, или станете лучшими. И будь я проклят всеми утопиями, если возьмусь предсказать результат!

Он отошел от нас, постоял в стороне, зло сплюнул и вернулся.

— Значит так, чертовы моралисты, — пробурчал он. — Я нагло врал вам, когда подтвердил, что сейчас в будущем ждут результата. Я надеялся, что собственная догадка

поможет вам отпустить тормоза, но вы вообще непонятно из какого теста. Вам объяснили, что эта утопия у нас зовется тренировочной. Для всех. Почему? Да потому, что всем этим обезьянам осталось жить чуть больше года. Все живые существа здесь уже обречены. Стреляйте хоть всех подряд — на их развитие это не повлияет.

— То есть как — обречены? — ошарашено спросили мы.

— Геологический катаклизм, — отрывисто произнес Билл. — Точнее, поначалу космический. Через тринадцать месяцев атмосферы Земли коснется хвост распадающейся кометы. Основной метеоритный удар придется на этот регион. Восемнадцать тысяч квадратных километров поверхности будут практически выжжены дотла. Видите эти горы на востоке? Там проснется вулканическая активность, расплзется паутиной, формируя новый ландшафт. Новая жизнь появится здесь только спустя долгие годы. Из лавы и пепла появится почва, ветер принесет семена растений, из других краев мигрируют новые стада животных... ну, и так далее.

Несколько минут мы потрясенно молчали, переваривая эту новость. Амброс тем временем разложил наш арсенал, негромко ворча:

— Мне уже надоело нянчиться с вами. Я соскучился по жене и детям. Уверен, вам тоже хочется домой. Выбирайте оружие, — холодно приказал он. — Идите, пристрелите по одному палеопитеку, и возвращаемся.

Мы нерешительно разобрали пистолеты, не сговариваясь взяв все одинаковые.

— Выходит, все новички тренируются именно в этом регионе? — спросил Пол.

— Да. Умерщвляя этих несчастных легко и безболезненно, мы только оказываем им услугу. Поверьте, их предстоящая массовая гибель будет на порядок мучительнее и страшнее. Хотите вернуться сюда через год и посмотреть?

Мы синхронно замотали головами.

— Их планомерно истребляют, а они что же, ничего не помнят? — удивился Марк.

— Шутишь? Здесь знаешь, сколько племен? Да и откуда такая память? У них и речи-то как таковой еще нет. Примитивное, животное общение.

Дойдя до вершины холма, возвышающегося над стойбищем, мы задержались, глядя на бугры насыпных землянок. Потом ребята перевели взгляд на меня.

— Что? — уныло спросила я. — Опять?

Они виновато опустили головы. Ну, что ж, их можно понять — я ведь уже делала этот чертов первый шаг.

— Как же с вами сложно, — пробормотал позади нас Билл.

— А как ведут себя другие группы? — спросила я. — Просто идут и стреляют?

— Да, просто идут и стреляют! — не выдержал Билл. — И не маются дурью. Черт возьми, мне надо было сразу отдать вас Уокеру! Чарли никогда так не церемонится. Знаешь, Анерстрим, как бы он излечил твою нерешительность? Взял бы тебя за шкуру, как щенка, содрал бы всю одежду и вышвырнул в толпу этих примитивных мужиков с дубинками — с одним только пистолетом в руках. Поверь, твое отличие от местных мохнатых женщин их нисколько не смутит. И я бы посмотрел тогда, на сколько секунд хватило бы твоей морали? Жалела бы их так же, или стреляла во всех подряд без разбора, отстаивая свою честь и достоинство? Почему-то даже не сомневаюсь.

Зря он об этом сказал, если честно. Мое богатое воображение немедленно нарисовало фантастическую картину — Чарльз Уокер, срывающий с меня одежду...

— О-о, Анерстрим, тебе уже пора домой, — протянул Билл, закатив глаза.

Мне пришлось отойти на несколько шагов, чтобы скрыть от остальных запыхавшее лицо. Тотчас же в стойбище наметилось какое-то движение. Похоже, палеопитеки заметили человеческую фигуру, одиноко торчащую на вершине холма.

Дальше я действовала, как на автопилоте. Просто спустилась вниз и зашагала к ним.

— Джа, ты куда? — понеслось мне вслед. Не оглядываясь, я вытащила пистолет и передернула затвор. Я хочу домой, черт побери!

Когда я миновала заросли и вышла на открытое место, ко мне с громким лаем бросились четыре собаки. А они, оказывается, охраняют своих хозяев! Выходит, давно уже приручены.

Пока собаки только облаивали меня, не решаясь напасть. Навстречу, из стойбища, выбежали несколько палеопитеков. Все мужчины, на вид молодые. Да и доживают ли у них до старости?

Один из мужчин — возможно, вожак — вышел вперед и встал во весь рост. Крупный, сильный экземпляр — так и просится на язык слово «самец». Дело вкуса, конечно, но по меркам своего времени он, возможно, был самым что ни на есть красавчиком. И весь этот многообещающий генофонд через год исчезнет... "Вот этого красавчика и прибью", — решила я. — "И без малейших колебаний".

Я подняла пистолет и прицелилась в лоб вожаку. Непуганое порохом дитя природы, он не усмотрел в моем движении ничего, кроме пустой угрозы. Палеопитек оскалил желтые зубы с крупными клыками и громко зарычал, ударяя себя в грудь кулаком. Все это так напомнило мне знаменитого «Тарзана», что я, не выдержав, опустила пистолет и рассмеялась. Открытая улыбка подействовала совершенно неожиданно. Вожак перестал рычать и принялся внимательно рассматривать меня с ног до головы. Потом выпятил мощную грудь и глухо заворчал — но уже совсем с другой интонацией. Ага, разглядел-таки мои малозаметные выпуклости?

Мужчина рыкнул на собак, сделал отмахку волосатой рукой — животные послушно умолкли и отбежали к стойбищу. Ого! Вот тебе и самая настоящая дрессировка. Как там Билл говорил — примитивное, животное общение? Ну-ну.

Но меня ждало еще большее удивление. Ворчание вожака стало утробно-низким. Остальные мужчины тотчас же отступили назад. Так-так, понятно. Одинокая самка, прибившаяся к другому стаду, достается тому, кто первым ее поймает, верно? А право ловить первым всегда принадлежит вожаку. Такая вот первобытная демократия. Кстати, я ведь тоже вожак своей стаи. Интересно, узнай он об этом — и что было бы? Эта мысль меня развеселила. Ну что, красавчик, поиграем — кто, кому и чего вставит?

Я резко сорвалась с места и бросилась бежать в сторону. Нервы собак не выдержали и они, снова бешено залаяв, помчались за мной. Позади раздался рычащий окрик, и лай стал отрывистым, игривым. Я на бегу оглянулась. Вожак тоже бежал за мной, помогая себе длинными руками. Один. Ну, правильно, догонялки — это элементарный первобытный минимум ухода за дамой. И судя по довольному ворчанию «ухажера», он ожидал вполне предсказуемого финала.

Спасибо Биллу за тренировки на выносливость, но, однако, быстро же этот «тарзан» бегал! Для меня местность была незнакомой, а палеопитек на своих четырех легко перемахивал через камни и ямы. Собаки радостно подлаивали по бокам. То, что я — чужая, их уже не беспокоило, очевидно, по результатам забега я неминуемо должна была стать «своей».

Когда палеопитек приблизился почти на расстояние вытянутой руки, я вильнула в сторону и побежала обратно. Рык вожака стал недовольным. Видимо, по негласным правилам я должна была эффектно «споткнуться» и остаться лежать задницей кверху. А я вот что-то заигралась. Нелогичное поведение странной самки раздосадовало его настолько, что он даже отстал.

Но собаки восприняли это по-своему. Я снова стала чужой. Свирепо лая, они стали меня окружать. Вот это уже не игрушки. Если прыгнет одна, набросятся все. Догонялки пора было сворачивать. Я остановилась и обернулась. Палеопитек бежал уже почти лениво, злобно скаля зубы. Похоже, в его разумении непослушную самку ожидала предварительная трепка. Будь я из его племени, мне, наверное, следовало немедленно как-то выразить свою покорность. Но я уже давно решила, что именно этому парню сегодня очень не повезет. И похоже, он что-то понял по моему взгляду, потому что поднял какую-то палку и угрожающе потряс ею.

Одна из собак все-таки прыгнула вперед. Естественно, все остальные последовали за ней. Я не задумываясь, расстреляла их. Удивительно, но я ни разу не промахнулась, даже несмотря на легкую дрожь после бега. Впрочем, с такого расстояния я попала бы и с закрытыми глазами.

Нет, звуки выстрелов явно не были знакомы палеопитеку. А вот вмиг замолкнувшие и упавшие собаки насторожили его. Он прекрасно видел, что я даже не замахивалась. Теперь он, похоже, озадаченно соображал — пристукнуть меня сейчас или подождать соплеменников, которые уже торопились сюда, привлеченные странным шумом.

Однако, теперь сюда спешили не только его соплеменники, но и мои тоже. Это меня порадовало. Если ребята не могут стрелять просто так, пусть защищают вожака своей стаей.

Палеопитек тоже заметил мою группу и, яростно взревев, бросился вперед. Я подняла пистолет и теперь уже совершенно спокойно спустила курок. Сам нарвался, а ведь теоретически я еще могла пощадить его. В последнее мгновение в маленьких темных глазках промелькнуло удивление — отчего я не пытаюсь защититься в привычном понимании? Но узнать ответ на эту загадку ему было уже не суждено. Пуля остановила всякую работу мысли.

Рев и топот возвестили о пополнении на поле битвы. Со стороны мы выглядели, наверное, несопоставимо: два десятка могучих, волосатых самцов с одной стороны и четверо довольно сублильных молодых людей, облаченных в узкую черную форму — с другой. Ребята обступили меня, наставив оружие на палеопитеков. Увидев убитого соплеменника, те не задумываясь ринулись в атаку. Загремели выстрелы. Я быстро выпустила в чей-то заросший лоб последнюю пулю из обоймы и невольно залюбовалась ребятами. Они словно век этим занимались! Точные, бесстрастные, безжалостные. И только защита! Тех, кто не подходил близко, они не трогали. "Мы станем лучшими!" — в каком-то диком восторге подумала я. — "И плевать на чужие стандарты!"

Все закончилось меньше чем за минуту. Разобравшись, что от слабых на вид пришельцев исходит самая настоящая опасность, уцелевшие палеопитеки бросились наутек. На земле вокруг нас причудливым пасьянсом остались лежать двенадцать мохнатых трупов. Недавний восторженный запал погас, как и не было.

— Кто уложил четверых? — выдавила я, подавляя подкатывающую дурноту. Запах крови был невыносимым. — Мои только двое.

— Марк, — тихо ответила Энн. Лицо ее было неестественно-белым, аж перламутровым. Наверное, и я сейчас выглядела не лучше. Во рту была невыносимая горечь. Пол тоже

поморщился и сплюнул.

— Вот дерьмо! Но лучше уж так, правда?

Амброс спустился с холма и неторопливо зашагал к нам. Оказывается, все это время он подстраховывал группу сверху. Остановившись рядом, наш наставник оглядел кровавый расклад, заметил еще живого, шевелящегося палеопитека, снова снял с предохранителя пистолет и точным выстрелом в глаз добил этого несчастного. Вот теперь меня действительно затошнило.

Потом Билл приблизился ко мне — мрачный и зловещий.

— А без выкрутасов ты никак не можешь? — почти прошипел он.

— Ерунда, — пробормотала я, скалясь не хуже своего недавнего «ухажера», и то и дело срываясь на истерический смешок. — Просто мы немножко поиграли в догонялки.

Лицо Амброса закаменело. В какую-то секунду я подумала — сейчас ударит... Даже истерика прошла. Но он повернулся и побрел наверх, бросив через плечо:

— Собирайте вещи.

Некоторое время мы озадаченно смотрели ему вслед. Я облегченно вздохнула. Марк обернулся.

— Он ведь на самом деле очень волновался, пока ты бегала от этого громилы. Не шути так больше, — предупредил он. — Там, где вы разворачивались, сначала показалось, что он тебя сцапал. Билл что-то заорал и первый кинулся следом. Мы его обогнали.

— Мне послышалось "он меня прибьет", — заметила Энн, глядя на Марка. — Почему именно его? Эта горилла ведь не за ним погналась...

— Кстати, а кому Билл будет отчитываться, если что-то случится? — ни к селу ни к городу поинтересовался Пол. — И вообще, вы в курсе, кто наше начальство?

— Ишь, чего захотел, — фыркнул Марк. — Так тебе и раскроют секретную информацию. Ты поработай сначала, заслужи доверие. Сможешь?

— Да, — тихо протянула Энн. — Работа, оказывается, будет не из легких.

Амброс подждал нас возле лагеря, отрешенно созерцая золотисто-розовый закат. Только сейчас, в лучах заходящего солнца, я заметила, какой у него на самом деле уставший и измученный вид.

— Прости меня, — тихо сказала я, подойдя и виновато потянув его за мизинец.

— Все нормально, — рассеянно проговорил он, глядя вдаль невидящим взором. — Предупреждал ведь... только я совсем забыл...

— Что? — не поняла я. — Что ты там бормочешь?

Билл будто очнулся. Взгляд его прояснился.

— Все нормально, — повторил он, слегка улыбнулся мне и пошел к остальным.

Когда мы закончили сборы, он скомандовал:

— Все сложили, ничего не забыли? Устанавливайте сумки рядом с собой. Компактнее! А то здесь все останется. Готовы? Драйвера. На счет «три».

Обратный путь по ощущениям занял меньше секунды. Иглы капельниц больно впились, проникнув под рукава формы сквозь сетчатые вставки на сгибах локтей. Я зашипела, дернувшись всем телом от неожиданности. Крышка капсулы отъехала в сторону и надо мной склонился техник.

— Тихо, тихо, — успокаивающе сказал он, придерживая мне руки. — Потерпи, сейчас они отключатся.

Потом он помог мне вылезти. С непривычки сильно кружилась голова. Гипотоник Пол

уже сидел на корточках, опустив голову чуть ли не ниже острых коленей. Энн ожесточенно терла глаза. Марк с кислым видом облокотился на свою капсулу. И только Билл выпрыгнул нам навстречу бодрый и веселый.

— С боевым крещением, салаги! — ухмыльнулся он. Вся его усталость, похоже, осталась в утопии. Интересно, как быстро мы привыкнем к TS-перемещениям?

— Присоединяюсь к поздравлениям, — донеслось откуда-то справа. От соседнего ряда капсул к нам не спеша подошел Чарльз Уокер. Пожав Биллу руку, он поинтересовался:

— Как все прошло?

— Как по нотам, — ответил Амброс. Я не видела потом выражения его лица, но тут Чарли повернулся и посмотрел прямо на меня.

— Как самочувствие, Джелайна?

— Просто супер, — смущенно отозвалась я. Предательский голос сорвался в последнюю секунду.

Уокер внимательным взглядом окинул остальных ребят и посмотрел на Билла. Тот усмехнулся.

— Ну что, рейдеры, очухались? Запоминайте порядок возврата. Сейчас на очереди перекачка мнемоников.

Глава 5

Я могла бы очень долго рассказывать обо всех своих приключениях в иных мирах. За шестнадцать лет фактического отсчета мне наверняка довелось побывать в таких переделках, додуматься до которых смог бы не каждый фантазер, обсмотревшийся приключенческих фильмов. Но я не помню многих подробностей, они всегда уходили из моей памяти вместе с перезаписью чипа. Лишь иногда всплывают какие-то смутные обрывки, события, ассоциации — то, что сохранилось в нервных связях. Сразу после возвращения рейдеры еще помнят все до мелочей, и им самим решать, что стоит оставить на память — в большей части случаев. Порой вмешиваются психологи из аналитической команды, рекомендуя к обязательному пробуждению те или иные эпизоды. Как правило, эти рекомендации полностью обоснованы. Не все воспоминания доставляют удовольствие. Особенно в первых рейдах, когда новичок еще не научился всегда держать себя в руках и легко договариваться с совестью. Еще в самом начале я дала себе зарок пробуждать все записи мнемоника, содержащие так называемые "оперативные моменты" и, признаюсь честно, никогда не жалела об этом. Только первые успехи и неудачи обычно оставляют нетронутыми. Опыт все равно нарастает, наверное, это происходит на подкорке. Мы можем не помнить деталей, но в критической ситуации подсознание само подсказывает рейдеру наилучший вариант действий, основываясь на собственных наработках.

Тренировочный рейд нам всем «завязали» накрепко. Целую неделю после возвращения из палеолита я каждую ночь стреляла в головы мохнатым гигантам и обрушивала исполинские лавины. Во сне обвалы засыпали и обезьян, и ребят, и Билла, и меня. Из-под камней виднелись руки и ноги, слышались зовущие на помощь голоса... Я просыпалась в холодном поту, а наутро отправлялась к нашим психологам. И там мне каждый раз терпеливо объясняли — с нервами все в порядке, просто мучает совесть, а это совершенно нормальное состояние. Просто нужно пережить это, и дальше будет легче. Тогда я пошла к Биллу.

Амброс, немного подумав, показал мне файл с пометкой «стажеры», и я, проглядев его по диагонали, выхватила взглядом: "...превосходная адаптация группы... слаженная работа команды... нестандартный подход к принятию решений..." О расправах с палеопитеками не было ни слова. Лишь множество чисел и специальных условных обозначений — я только-только начала их изучать. Вообще, очень странный отчет — никаких фактов, только общие, обтекаемые фразы.

— Что за бред! Это про нас?!

— Про вас, — спокойно кивнул он.

— И для кого ты пишешь всю эту ерунду? Это мы-то — слаженная команда?! На охоте бежали кто куда, стреляли спонтанно. Да мы даже в мяч ни разу толком не смогли сыграть...

— Джа, посмотри на дату, — перебил меня Амброс.

Я взглянула в конец файла и опешила.

— Шестнадцатое ноября? Сегодня только одиннадцатое! А мы были...

— Все правильно, — терпеливо согласился Билл. — Через пять дней ваша команда отправляется в пробный практический рейд. Никакого древнего мира. Утопия будет почти современной. Никаких тренировок. Как все рейдеры перед забросом, разомнетесь, разогреетесь, чуть передохнете, и ляжете в капсулы. Два фактических часа на выполнение задания. Полная свобода действий. Любые средства достижения цели, без ограничений. А потом, — Билл указал на файл, — я должен прочитать то же самое в аналитическом отчете по сводкам мнемоников. Тебе понятно?

— А я-то тут при чем?

— Ты — лидер группы, и поэтому отвечаешь за наилучший результат. Вообще-то, мне не следовало показывать тебе свой прогноз. А может, и правильно. Теперь у вас есть планка для рывка.

— А какое будет задание?

— Узнаете перед самым забросом.

— Нормально... — я окончательно растерялась. Билл тонко улыбнулся.

— Надеюсь, теперь тебе будет о чем подумать перед сном, вместо того, чтобы раз за разом уступать бесполезной совести, — улыбка испарилась, как и не было. — Проваливай.

А ведь и правда — кошмары прекратились. Зато началась бессонница.

* * *

Шестнадцатого ноября мы собрались в спортзале. Билл гонял нас недолго — достаточно, чтобы разогреть все мышцы, но не настолько, чтобы утомиться. Прямо оттуда мы направились в зал отправки. А там меня поджидал очередной сюрприз.

Возле ряда капсул нас снова встретил Чарльз Уокер. Как всегда, безупречно элегантный, даже в простой рейдерской форме, и совершенно неотразимый. Он приветливо кивнул Биллу, внимательно оглядел всю нашу группу и задержал взгляд на мне.

— Итак, пробный рейд, — тихо произнес он. Меня охватило странное ощущение — будто речь ветерана предназначалась мне одной. Впрочем, скорее всего, остальные ребята чувствовали то же самое — Чарли всегда умел произвести впечатление. Но смотрел Уокер только на меня. Внутренне я поежилась, лишь теперь начав понимать, что выдвижение лидера группы имеет далеко не формальные последствия.

— Когда я отправлялся в свой самый-самый первый заброс, — задумчиво начал Чарльз, — я был гораздо моложе, чем вы сейчас. Страшно не было, хотя впереди ожидала полная неизвестность. Но я смотрел в грядущее с огромной надеждой...

Мне стало как-то неловко. Нет, само собой, нам должны были сказать какие-то слова напутствия, что-то ободряющее. Но странный сентиментальный тон, так не вяжущийся с обликом и репутацией прославленного рейдера, вызывал недоумение. Как будто Чарльз говорил, подразумевая что-то совсем другое, не имевшее никакого отношения к нашему заданию. Мне вдруг пришло в голову, что об Уокере, кроме его заслуг и славы донжуана, ничего никому не было известно. Ничего, совершенно — никакой информации о его жизни за пределами конторы. Нет, вы не подумайте — я вовсе не искала специально... а-а, да кого я обманываю?! Искала, конечно. При желании можно найти любые доступные сведения. Вот я и находила — о Билле, обо всех рейдерах, о «полушариях»... да о ком угодно. Обо всех, кроме притягательного и таинственного Чарльза Уокера. Загадочное прошлое этого крутого красавчика было засекречено пуще аналитических архивов TSR.

Билл хмыкнул. Уокер покосился на него и продолжил, по-прежнему глядя только на меня:

— Когда-то, в юности, я и помыслить не мог о том, что женщины способны участвовать в операциях, требующих настоящей воинской подготовки или специальных навыков. Но впоследствии мой взгляд на эти и многие другие вещи изменился...

— Ладно, — перебил его Амброс. — О твоих амурных подвигах, я думаю, они и так уже наслышаны. Не волнуйтесь, ребята, сегодня вам не придется делать ничего сверхъестественного. Но в дальнейшем придется несомненно, и я верю в то, что вы меня не опозорите. Чарли, что у тебя еще?

— Обычно в рейды отправляют команды из мужчин и женщин. Забрасывают и однополые команды, и поодиночке, но чаще все-таки так, как у вас сегодня. Догадываетесь, почему именно так?

— Разница в мышлении и восприятии, — ляпнула я раньше, чем додумала это до конца.

— Правильно, — кивнул Уокер. Глаза его дивно потеплели. Я чуть было не заскулила. И ведь, держу пари, эта зараза прекрасно знает о том, как он на меня действует! Вот зачем так смотреть, а? Ему очередное мимолетное развлечение, а у меня и без того бессонница...

— Правильно, — так и не дождавшись продолжения речи, подхватил Билл, толкнув друга локтем. — У мужчин ум стратегический, они мыслят монолитно, видят картину в целом, лучше справляются с логическими задачами. А у женщин тактический ум и так называемый «многоканальный» способ мышления, они больше доверяют интуиции и внимательны к мелочам. Мы ни лучше, ни хуже друг друга — мы просто разные. Действуя сообща, можно добиться отличных результатов, конечно, если команда сложилась.

— Это особенно наглядно в страшной паре, — вставил Чарльз. — То, что пропустит мужчина, женщина заметит обязательно, и наоборот.

— Можно вопрос? — поинтересовался Пол.

— Да, Каннингем.

— Наше сегодняшнее задание — экзамен на принятие верных решений?

— Ваше задание — пустяковая кража, — объявил Амброс. — Но это еще не значит, что вам придется легко. Первые задания никогда не кажутся простыми.

— Пустяковая кража? — подозрительно переспросила я.

— Точно, — хмыкнул Билл. — Сушая ерунда. Добудьте листок бумаги.

— Откуда?

Чарльз расплылся в неподражаемой улыбке.

— Со стола из Овального кабинета в Белом Доме.

— Что?! — хором завопили мы.

— Вы с ума сошли? — первой опомнилась Энн. — Знаете, какая там охрана?

— Знаем, — дружно подтвердили ветераны. — Бывали.

— Так значит, лазейки все-таки есть? — спросила я. То, что красть проклятую бумагу все равно придется, сомнений не вызывало. При первом же порыве отказаться мне сразу вспомнились палеопитеки. Не хватало еще за неповиновение схлопотать, к примеру, теракт вместо кражи. Так что меня в первую очередь заинтересовала оценка наших реальных шансов на исполнение такого задания.

Амброс и Уокер переглянулись. Билл ухмыльнулся и потер подбородок.

— Вообще-то, это была шутка. Но раз уж вашему лидеру подобная задача не кажется невыполнимой — так и быть, приступайте.

Я задохнулась от возмущения и оглянулась на свою группу. Как они на меня смотрели — словами не передать. И я снова вспомнила о том, что я теперь вожак стаи...

— В чем дело?! — рявкнула я на них. — Кому из вас хочется первому встать за прилавок в «МакДональдсе»?

Нет, это, конечно же, было самым скверным блефом. Уж в это болото никто бы из них не попал — все ребята и до TSR были людьми с неплохими перспективами, полных неудачников сюда попросту не берут. Но угроза, как ни странно, возымела действие. Видимо, после того же Билла...

— Как будем работать? — тут же сориентировался Марк.

— Ты будешь прикрывать мне тыл, — распорядилась я и указала на Пола и Энн. — Вы оба страхуете, вдвоем, как положено.

Само собой, против такого распределения ролей никто не стал возражать.

— А что с этой бумагой делать потом? — спросил Пол. — Ее ведь нельзя будет перенести сюда.

— Ничего не надо делать, — махнул рукой Билл. — Я же сказал — кража пустяковая. Можете сразу выбросить. Мнемоники и так все запишут. Цель задания — проверка способности вашей команды к выполнению любых поставленных задач.

— И куда мы отправляемся? — спросила я. — В какой век, по крайней мере?

— В двадцатый, — ответил Билл. — Я ведь обещал, что древности не будет. Утопия практически идентична реальному миру.

— А год? — осведомился Марк.

Амброс хитро прищурился. У меня появилось нехорошее предчувствие...

— Шестьдесят второй. Октябрь.

— Ты это нарочно?! — вспыхнула я.

— Конечно, — спокойно согласился он. — Ты ведь сама подаешь нам чудесные идеи.

— Я что-то пропустила? — нахмурилась Энн. — Какие проблемы с шестьдесят вторым? Там Джеки Кеннеди будет. Всегда мечтала посмотреть на нее вживую.

— Кубинский Ракетный кризис, если кто не помнит, — мрачно подсказала я. — Белый Дом, скорее всего, на усиленной охране. Мышь не проскочит.

Марк тихонько выругался.

— Ну, и что за документ мы должны будем выкрасть? Надеюсь, не знаменитое второе

письмо Хрущева?

— Я говорил про документы? — удивился Билл. — Речь шла всего лишь про листок бумаги. Любой. Можно пустой, можно исчерканный и смятый. Да хоть промокашку добудьте. Главное, чтобы именно из Овального кабинета.

— Любой? — недоверчиво переспросил Пол. — Хоть из мусорной корзины? Амброс рассмеялся.

— Вот зря ты думаешь, что это будет проще. Как раз таки из мусорной корзины вам ничего и не дадут унести.

Не знаю, как остальным, а мне все не давал покоя этот самый год.

— Билл, в чем подвох?

— Не понял? — нахмурился Амброс.

— Почему именно шестьдесят второй? Что на самом деле таится за кражей листка бумаги?

Амброс с самым невинным видом развел руками. Вот никогда нет возможности разобраться, шутит он или абсолютно серьезен.

— Хорошо, я поставлю вопрос иначе. Какие сюрпризы ждут нас в этой утопии?

— Почем мне знать? — фыркнул Билл. — Я там не был.

— Здесь действительно нет никакого подвоха, — вмешался Уокер, подходя ближе. — Вы еще новички, и только набираетесь опыта. Никто не собирается вас подставлять. Ведь подобные игры могут быть довольно опасны. А жизнь рейдера несравнимо драгоценнее любого эксперимента. Поверь, Джелайна, это правда.

Ни один человек в мире не произносил мое имя так волнующе, как это делал Чарли. Казалось, какой-то неуловимый акцент на мгновение плавно проскользнул в его голосе, тут же бесследно исчезая. Возможно, этот негодник просто дразнил меня, но получалось у него бесподобно. Само собой, я сразу же сдалась.

— Надеюсь, вы оба знаете, что делаете. А если мы не справимся?

Уокер улыбнулся одними глазами.

— Вы ведь пока даже не представляете, на что вы способны, — тихо произнес он. Рука его потянулась вверх. На какую-то долю секунды мне вдруг показалось, что он хотел коснуться моего лица. Но вместо этого Чарльз вытащил из своего нагрудного кармана тонкую пластиковую карточку с кодами доступа ксерокса и протянул ее подошедшему технику.

— Привет, Конни.

Тут же он отошел и принялся беседовать с персоналом, давая какие-то пояснения. Я слышала его голос, но не могла разобрать ни слова — сердце стучало где-то в голове.

С этим срочно нужно что-то делать! Если я все время буду так реагировать на каждую его неопределенную фразу или неверно истолкованный жест, как тогда работать?

Прямо передо мной нарисовался Билл.

— Хватит мечтать, — со странно понимающей усмешкой заявил он. — Пора.

Ребята уже спокойно укладывались в капсулы. Я почувствовала легкий укол зависти. Да, моя стая теперь особо и не волнуется. Джа взяла на себя всю ответственность, сказала — значит, сделаем. А если и не сделаем — невелика беда, мы же новички, и нам не перед кем ударять в грязь лицом. И доказывать никому из них ничего не требуется... и оправдывать ожидания...

Я снова оглянулась на Чарли... то есть, на техников. Они все вместе колдовали над

пультом. И тут мысль, которая уже несколько минут толкалась, пытаясь пробить чары Уокера и достучаться до меня, наконец, ясно оформилась.

— А разве выбор утопии происходит не заранее? То есть, вы прямо сейчас будете переустанавливать перфоратор на какой-нибудь шестьдесят второй год?

Конни поднял голову и удивленно спросил:

— Что значит — переустанавливать?

Билл тихонько прыснул. И до меня дошло.

— Выходит, нас именно туда и собирались отправить с самого начала? Тогда зачем было выставлять это как шутку?

— Ну, шутка, собственно говоря, именно в этом и заключалась, — невозмутимо ответил Амброс. Не знаю, какое у меня в эту минуту было лицо, но Билл торопливо добавил, указывая на Уокера:

— Это была его идея. Я тут ни при чем. Я всегда подчиняюсь лидеру своей группы.

Да уж, он точно знал, на кого следует переводить стрелки. Чарли насмешливо прищурил один глаз.

— Считаю, что это был маленький экзамен. Плох тот лидер, за которым группа не идет в огонь и воду.

— Вы же едва не поссорили меня с ребятами!

— Зато как классно ты выкрутилась. Одновременно подтвердила свои права и дала понять, что невозможного не существует. Продолжай в том же духе, и твоя команда действительно станет непобедимой.

Хорошенькое дело! А если бы нет? Мерзавец, он еще и льстит бессовестно!

— Да дай ему по морде, Джа, — весело предложил Билл. — Сразу станет легче. Только он наверняка даст сдачи. Чарли, а ты как — подставишь другую щеку?

Осознание того, что они продолжают развлекаться за мой счет, мигом отрезвило меня.

— Я не собираюсь идти в утопию со свежими синяками, — заметила я и отправилась укладываться.

— А зря, — сказал Билл мне вслед. — Чарли бы точно не стал бить новичка перед забросом. Отвела бы душу, успокоила нервы...

— А после?

— А это зависит от результата, — ухмыльнулся Билл. — Ну, хочешь, ударь меня. В качестве бонуса.

— Ловлю на слове, но, если ты не против, я использую бонус после возвращения, — ответила я, забираясь в капсулу. — Отмечу им победу.

— Ах вот как... — протянул Билл.

— Не тот победитель, что идет в бой и побеждает, а тот, что сперва побеждает, а потом идет в бой, — задумчиво процитировал Уокер.

Силы небесные! Мне показалось, или в его взгляде действительно промелькнуло что-то, похожее на... восхищение? Скорее всего, показалось. Обычная ирония. Просто я вижу в этом то, что хочется, только и всего.

Но в одном я была совершенно уверена — теперь я в лепешку разобьюсь, но задание мы выполним. Любым способом.

Мы высадились в практически безлюдном осеннем парке — стояла самая середина рабочего дня. Немного поозиравшись по сторонам, прямо перед собой разглядели и легко узнали Макферсон-сквер. Поэтому пешком долго идти не пришлось. Почти сразу заметили полицейские посты. На наше счастье, вместо куцых стриженных кустиков реальной Пенсильвания-авеню в этой утопии пышно топорщилась вечнозеленая живая изгородь, невысокая, но достаточно густая. Одежды по моде нам не выдавали, а черная облегающая форма рейдеров смотрелась бы здесь довольно-таки экстравагантно, особенно на хорошенькой блондинке Энн.

Вообще-то все выглядело очень спокойно и умиротворенно. То есть, хочу сказать, что до того я как-то иначе представляла себе обстановку этих напряженных дней в Вашингтоне. Ребята напомнили мне, что это все-таки утопия, а не реальный мир, и ситуация может отличаться. Может, тут и вовсе нет никакой ядерной угрозы. Тем более, что Билл ни словом не обмолвился о кризисе, это произнесла я.

Долго перебирали варианты добычи проклятой бумажки — от смехотворных до суицидальных. Например, идти как есть, рассказав о себе правду. Или пробиваться напролом, стреляя во все, что движется. Отмели сразу же. Это вам не с автоматами против дубинок и каменных топоров. От пули в лоб сбежать не успеешь. Рисковать своими ребятами я не собиралась.

Версия угнать машину и на ней вломиться в застекленную террасу была отвергнута из-за риска изувечиться до такой степени, что будет уже не до листочка. Тут же поступило предложение, отдающее известными событиями начала нашего века — угнать для той же цели маленький самолет. А то, что управлять им никто не умел — так оружие на что? Пригрозим пилоту.

Отвергли, даже не обсуждая. До самолета нужно было еще как-то добраться, потратить на это уйму драгоценного времени, и при этом изловчиться выбрать именно такой, чтобы был заправлен и полностью готов к взлету. Они же не находятся постоянно в полетной готовности. Опять же, риск покалечиться — и ради чего? Ради снесенной крыши, которая все погребет под собой, а потом искать там остатки Овального кабинета и бумажку?

Короче, сразу стало ясно, что в данной ситуации силовые методы нам не подходят. И тут я снова вспомнила о прогнозе Билла. Как там... "нестандартный подход".. Ладно. Будем брать хитростью. Посыпались новые предложения.

Подкупить охранников, за неимением денег предложив им свое оружие в обмен на лист бумаги. Но на это требовалось хотя бы часов пять — чтобы успеть кого-нибудь подманить, установить контакт и обработать. И как подманить?

Что еще? Прикинуться участниками флеш-моба? Этого тут пока не поймут. Выступить в роли пришельцев из космоса? Глупо. Когда мы опомнились, то с ужасом обнаружили, что один час из двух отпущенных уже близился к концу. Надо было спешить, а новые идеи кончились.

Возле Белого Дома остановился автобус, и из него вышла группа старшеклассников. В ожидании экскурсии они несколько минут стояли за оградой. Учительница в это время говорила с гидом в стороне.

Вариант с чьим-либо подкупом стал заметно утрачивать первоначальную нереальность. Мы с ребятами торопливо вывернули карманы. Наше имущество составляли: перочинный ножик Пола, губная помада Энн, сигареты с зажигалкой Марка и мой платочек. Маловато, но что поделаешь. Мы высунулись из кустов и оглянулись по сторонам. В парке одиноко

прохаживался лишь очкарик лет пятнадцати, листая на ходу какой-то цветной журнал и выгуливая на поводке маленькую лохматую собачонку.

Не помню, кому первому это пришло в голову. Лишившись строгой руки хозяина, собачонка в полном экстазе стала носиться по парку, как заводная, пока не исчезла из виду. Пока Пол и Энн охраняли подступы, Марк в кустах крепко держал очкарика, а я раздевала. Мальчишке между делом вешали лапшу про пришельцев — не пропадать же добру. Марк вконец перепугал пацана, ласково сообщив ему на ушко, что он нам «подходит». Уж не знаю, на что хватило буйной фантазии подростка шестидесятых, но сопоставив заявление Марка и последовавшее за этим спускание штанов, он позеленел и упал в обморок.

Школьная куртка с эмблемой шахматной команды и брюки-дудочки не налезали ни на кого из парней. Тогда их натянула я, прямо поверх своего, чтобы сразу удрать, если что. Возвращаться в одних трусах я не собиралась. Хорошо еще, что рейдерская форма сшита в облипку — все налезло. Нацепив на нос массивные роговые очки, а через плечо — потрепанную сумку с торчащими учебниками и «марсианскими» комиксами, я двинулась покорять Белый Дом.

Вблизи все тоже выглядело очень мирно. Охраны, по современным меркам, совсем ничего. Теоретически, можно было бы даже рискнуть прорваться — если бы мы еще не робели убивать просто так, без самозащиты. С другой стороны, я могла и не заметить всех резервов.

Подъехал еще один автобус. Учительница вывела учеников, построила их, пересчитала, перевела через дорогу, собрала у ограды, отдала какие-то распоряжения и отошла к чугунным воротам. Мальчишки и девчонки тут же сбились в отдельные стайки.

Я перешла улицу, старательно копируя шаркающую походку хозяина куртки. Полицейские в штатском, стоявшие у входа, скусающе глазели на молоденькую учительницу. Та изредка поглядывала на своих питомцев и, судя по всему, кого-то ждала, наверное, гида. На секунду у меня в голове мелькнул план присоединиться к экскурсии, но тут же была отброшен за невыполнимостью. Учительница наверняка заметит лишнего, а не заметит — так сами ученики сдадут. Оставался только подкуп.

Мысленно скрестив пальцы на удачу, я приблизилась к группе мальчишек, перебирая в кармане нож и сигареты. Однако после короткого наблюдения мне пришло в голову, что убедительно сыграть для них роль парня я не смогу. Догадка подтвердилась, когда некоторые из них демонстративно посмотрели на меня, окатив таким презрением, что тут же стало ясно — плюгавых очкастых шахматистов тут на дух не переносят.

Девушки выглядели менее воинственно. Самые красивые меня подчеркнуто не заметили, хорошенькие повторили за красивыми, миловидные покосились и нехотя отвернулись, остальных интересовала только экскурсия. Я выбрала из миловидных маленькую брюнетку с хитрыми синими глазами и решительно шагнула к ней.

— Привет. Можно тебя на минуточку?

Девушки разом повернулись и уставились на меня. Брюнеточка слегка порозовела и смущенно оглядела подруг.

— Ты это мне?

— Да, — ответила я и тут же стала в сторонку, так, чтобы девичья группа закрывала меня от учительницы. Поймет ли она на расстоянии, что я не из ее класса, или нет — неизвестно, но лучше не рисковать. Девушки шептались и хихикали. Борьба надменности с любопытством длилась недолго. Брюнеточка отошла от остальных и высокомерно

подбоченилась.

— Ну?

— Ты такая симпатичная, — я решила сразу зайти с козырей, — и, похоже, очень умная.

Я тебя издали сразу заметил.

Говорила я достаточно громко, остальные девушки услышали и тут же зашушукались. Брюнеточка торжествующе оглянулась на них, и всю ее заносчивость будто ветром сдуло.

— Правда? — жеманно спросила она, заблестев глазами.

— Конечно! — заверила я и понизила голос: — У меня для тебя есть подарок, — я на секунду раскрыла кулак и показала ей тюбик с помадой.

Брюнетка, надо отдать ей должное, действительно оказалась умной и сообразительной.

— Та-ак, — протянула она, прищурившись. — И что тебе от меня нужно?

"Далеко пойдет", — мысленно похвалила я, а вслух сказала:

— Я поспорил с друзьями, что добуду какую-нибудь бумажку из Овального кабинета. Ты ведь сейчас идешь на экскурсию? Прихвати там что-нибудь для меня, и получишь помаду.

— Ты в своем уме? — шепотом возмутилась она. — Кто мне позволит что-то взять?

— Любую ненужную бумажку, — уточнила я. — Чистый листик, мятую промокашку, все, что угодно. Главное, чтобы она точно была из Овального кабинета, — и поиграла помадой в руках.

Душевные муки девушки были почти осязаемы.

— Покажи, — наконец, потребовала она. Я сняла колпачок и чуть-чуть вывинтила стержень ягодного цвета с сильным блеском. Глаза брюнетки алчно загорелись. Я немедленно закрыла помаду, чтобы не выдать, что ею уже пользовались.

— Ничего не обещаю, — предупредила школьница.

— Я понимаю, — кивнула я. — Но ты все же постарайся, а то я скажу твоим подругам, что на самом деле вовсе не пытался пригласить тебя на свидание.

Она машинально оглянулась, но тут же скривила губы.

— Очень надо...

Из дверей Белого Дома вышел гид, выводя предыдущую группу. Учительница заторопилась к детям. Я перешла улицу и стала ждать возле автобуса.

Но как только группа школьников скрылась внутри, меня осенило, что я понятия не имею, сколько времени продлится экскурсия. В отчаянии я пнула автобусное колесо. Водитель высунулся в окошко и мрачно уставился на меня. Я отвернулась.

Несколько минут я ходила взад-вперед, нервно поглядывая на часы. Казалось, стрелки побежали втрое быстрее, отпущенное нам время таяло, как кубики льда в бокале. Когда я уже направилась к водителю, чтобы спросить, не знает ли он, когда должна вернуться группа, двери Белого Дома распахнулись, и оттуда пулей вылетела моя брюнеточка. Учительница выглянула следом и что-то крикнула. Девушка оглянулась, помотала головой и припустила к автобусу. За ворота ее выпроводили беспрепятственно.

Я еле удержалась, чтобы не побежать навстречу. Брюнетка так и сияла. Подлетев ко мне, она вытащила из-под пуловера два глянцевых постера с фотографией четы Кеннеди и автографом Жаклин.

— Это подойдет? — переводя дыхание, осведомилась она.

— Супер! — искренне восхитилась я, все еще с трудом веря в свою удачу. — А почему ты ушла так рано?

— А я только за этим и поехала на экскурсию, — с довольным видом объявила она. — Что я там еще не видела? Сказала, что мне душно и тошнит... — и мечтательно прижала постеры к груди. — Собственноручный автограф Джеки! Моя сестра удавится от зависти.

Помешались они все на этой Джеки. Ладно, пусть Энн тоже порадует. Унести сувенир не сможет, так хоть полюбуется, в руках подержит, узелок оставит...

— Давай сюда помаду, — потребовала девушка, сворачивая и пряча один лист.

— Они точно из Овального кабинета? — уточнила я.

— А с чего бы это я, по-твоему, взяла сразу два? — довольно улыбнулась эта бестия. — Они там на столе лежат пачкой, всем раздают просто так. А другую бумажку запросто никак не возьмешь.

Я полезла было в карман, как вдруг эта негодяйка заявила:

— Нет, не надо помады. Я передумала. Возьму оба.

— Зачем тебе сразу два?

— Поменяюсь с кем-нибудь.

Ну нет, такой облом в самом конце меня вовсе не устраивал. Забрать постер силой означало привлечь внимание водителя автобуса и охраны Белого Дома. Тогда придется немедленно сбежать домой во избежание задержания и раскрытия маскарада. Но начинать карьеру с шока обитателей утопии мне вовсе не хотелось — в ситуации, не угрожающей жизни рейдеров, демонстративно исчезать на глазах аборигенов, равно как и оставлять себя и всю группу без путей отступления в TSR заслуженно считалось дурным тоном. Делай, что хочешь, но выкручивайся.

— Мы же договорились, — попыталась я воззвать к чувству долга, но тот спасовал перед истинно женской логикой:

— А я передумала, — упрямо повторила синеглазая вредина.

— Хорошо, тогда давай так. Я возьму постер, пойду, покажу друзьям — они в парке, на скамейке сидят — а потом сразу же принесу обратно. Чтобы выиграть спор, мне этого хватит. А обе Джеки останутся тебе.

Она немного подумала.

— Ладно. Только помаду я заберу — вдруг ты не вернешься.

Нет проблем. Я сунула ей тюбик, взяла постер и помахала им, повернувшись в сторону парка. Ребята сейчас наверняка смотрят во все глаза. Мнемоникам этого уже будет достаточно.

— Эй, она же смазанная! — возмущенно воскликнула девица, успевшая открыть помаду. — Где ты ее взял, придурок — в маминой косметичке?!

С гримасой отвращения она пихнула тюбик обратно и выхватила постер.

— Дай сюда, я не буду меняться.

Я посмотрела на часы.

— Не хочешь — не надо. Я и так уже выиграл, — с этими словами я быстро зашагала прочь. Вслед мне понеслись высказывания, на мой взгляд, не очень-то подходящие скромной юной девушке шестидесяти годов.

Ребята пытались меня качать, но кусты не дали им развернуться. Оставалось восемь минут до срока, и мы снова одели замерзшего мальчишку. Марк перед его лицом хищно изорвал зубами журнал «марсианских» комиксов и замогильным голосом пропел:

— Теперь мы сыты. Прощай, землянин, — выпрямился и подмигнул нам.

— Взрослые, серьезные люди, — давясь смехом, укоризненно пробормотала я. —

Драйвера. На счет «три».

Пространство искажилось, втягивая нас в червоточину. Мальчишка панически вытаращился, судорожно отползая назад.

— Проща-ай, земля-а-анин... — сложив руки рупором, вещали мы хором.

Глава 6

Удача в пробном рейде оказалась на редкость вдохновляющей. Примерно неделю мы четверо летали, как на крыльях. Для пущей мотивации Амброс вдобавок позаботился еще и о том, чтобы о нашем походе за постером в подробностях узнала вся контора. Кстати, «бонус» я ему простила.

Следующие два заброса снова оказались тренировочными. С нами отправлялись женщины из группы Билла — Кей Си и Долорес. Это было скорее весело. Первые страхи остались позади, мы поверили в собственную безнаказанность, и ничто не мешало получать удовольствие от приключений. Наверное, именно тогда я окончательно утвердилась в мысли, что работа рейдера — это именно то, чего просила моя душа всю сознательную жизнь.

С Долорес Твинелл мы смотались в утопию древнего Египта и, помимо обычной тренировки, устроили себе игровой квест — добычу сокровищ из недавно построенной пирамиды.

— Чья это гробница? — взмыленный после марш-броска по пустыне, осведомился Марк. За исключением Долорес, он был единственным, кто после этого еще мог говорить. Остальные валялись на песке, изо всех сил стараясь отдышаться.

— Сейчас посмотрим, — спокойная, как после легкой пробежки, Твинелл вытащила из рюкзака сплошь исчерканный блокнот и принялась листать его. — Где же это Билл мне записал?.. Ой, да какая разница, под чьим именем она войдет в здешнюю историю? — Долорес убрала блокнот и широко улыбнулась, заметив наше недоумение. — Расслабьтесь! Если бы для рейдеров на первом месте стояло абсолютное знание истории, в TSR пришлось бы брать одних ученых сухарей. Мы делаем проще — готовимся заранее только по тому периоду, в котором предстоит работать. А с вами в этот раз должен был опять ехать Билл, так что я вообще не готовилась, — легко подытожила она.

— Ну, и как теперь быть? — все еще переводя дыхание, спросила я. — Это вообще нормально: идти туда, не знаю куда?..

— А чего бояться? — продолжала улыбаться наша наставница. — Отправить не по адресу нас просто не могут. Другое дело, что в параллельных мирах знание нашей реальной истории помогает далеко не всегда. А иногда даже мешает. Знай вы в пробном рейде заранее, что в той утопии вообще не существовало ни ядерного оружия, ни противостояния крупных держав, и государственные здания едва охраняются — как бы вы действовали?

— Скорее всего, предприняли бы вооруженное нападение, — ответил Пол. — Быстро и эффективно.

— Ну вот, и это было бы банально. А получилось оригинально, даже забавно. Наши прогнозисты специально придумывают такие ситуации, чтобы новичкам приходилось пошевелить извилинами.

— А если б наоборот? — не унималась я. — Если бы мы шли, уверенные в мире и покое, а там черт знает что творилось бы?

— В опасные рейды новичков не посылают, — отрезала Долорес. — Тем более одних.

— Короче, надо смотреть на жизнь проще, — подытожила Энн. — Пока работа похожа на игру, будем играть.

— Именно, — подмигнула нам Долорес. — Конкретной задачи у вас сегодня нет, это всего лишь тренировка. Квест вы выдумали себе сами. Какие проблемы? Начинайте. Пирамида перед вами. Охрана только у входа. Приближаться в открытую не советую — каждый из египетских воинов отлично владеет пращей.

Охрану пирамиды мы тихонько сняли пулями-электрошокерами и связали. Потом долго шли по наклонным коридорам, подсвечивая себе фонарями и разматывая за собой бухту тонкой бечевки. Несколько раз сматывали ее, возвращаясь из очередного тупика. Но увиденное внутри стоило такого дальнего путешествия. Было невероятно жаль, что фото- и видеотехника в утопиях не работает. То есть, вообще-то работает. Но с собой ничего не унесешь — при возврате цифровые носители остаются пустыми, светочувствительные пленки не экспонируются. Остаются только наши мнемоники.

Понятия не имею, существовало ли здесь какое-нибудь проклятье пирамид. Долорес совершенно не переживала по этому поводу. Единственное, чего нам стоило здесь опасаться — скрытых ловушек, способных причинить сильное увечье.

— А как насчет черной магии жрецов? — поинтересовался Пол, водружая на голову внушительных размеров головной убор, сплошь усыпанный драгоценными камнями.

Долорес фыркнула.

— Вот еще глупости! Кстати, эта шляпка вообще-то женская.

Пол немедленно нахлобучил ее на меня, и я охнула — в «шляпке» оказалось не меньше пяти килограммов. А еще и массивное ожерелье, широкие браслеты, пояс...

Когда мы выползли на солнце, увешанные золотым оружием и украшениями из гробницы, очнувшиеся воины готовы были отгрызть себе руки и ноги, лишь бы освободиться и помешать нам унести хоть что-то из бесценного имущества почившего фараона. На их счастье, мы и не собирались этого делать. Но на их беду, мы перевесили все драгоценности на самих охранников. Не развязывая, аккуратно усадили их на прежние места у входа и, полюбовавшись композицией, помпезно отбыли домой. Мы были единодушны во мнении, что когда воинов обнаружат, они будут дружно рассказывать, как к мумии фараона приходили боги. Или, скорее уж, демоны-грабители. Мнения же по поводу последствий для очевидцев «чуда» разделились.

* * *

Под присмотром Кей Си Милн мы предприняли попытку самого настоящего маскарада. В TSR есть огромная коллекция одежды из разных стран и эпох. Костюмеры лично отправляются почти в каждую новую утопию, чтобы присмотреться к тамошней моде и подготовить наряды для рейдеров. Как правило, если утопия достаточно близкая, заметных отклонений в фасонах не бывает, но в этот раз мы побывали в Риме первого века до нашей эры.

— Я романтик, — призналась Кей Си. — Не хочу нагружать вас тайными операциями. Будем просто учиться внедрению в чужой эпохе. Наблюдайте за аборигенами, подражайте им, осваивайте язык и манеры. Ваша задача — не привлекать к себе внимания, слиться с

толпой. Так, чтобы ни у кого даже мысли не возникло, что вы чужаки.

Да, пожалуй, именно это и оказалось самым сложным в рейдерской работе — не привлекать внимания. Не стрелять по разъяренным тварям, не пересекать пустыню или горную страну, а именно эта, на первый взгляд, казалось бы, элементарная вещь — выглядеть своими в незнакомом мире, вести себя естественно и не вызывать подозрений.

Сознаюсь сразу — эта командировка была нами позорно провалена. Даже рассказывать не буду. В глупости и невежестве нет ничего интересного. Мы оказались в тупике уже на первом этапе — когда пришло время выбрать себе роли.

— Вот кого, например, ты там изображал? — поинтересовалась Кей Си у Марка после возвращения. — Сословие, род занятий...

— Стоп, стоп, — растерялся Таунта. — Откуда мне было знать, какие там вообще есть сословия?

— И ты продолжаешь утверждать, что историю знать необязательно? — спросила я у Долорес. — Я вот, например, тоже понятия не имею, кем выглядела.

— Ничего страшного, — возразила та. — Этот рейд был учебным и заведомо провальным. Теперь вы знаете, что есть вещи и посложнее, чем бездумно спустить курок. И даже знай вы всю историю древнего мира назубок — даты великих сражений и имена монархов не помогут вам, когда дело коснется общения с людьми. Ведь существует столько негласных обычаев, столько тонкостей этикета — узнать и запомнить все просто нереально. Рейдеры учатся схватывать на лету, и это приходит только с опытом.

— Ну, не знаю, — засомневалась Энн. — Для каждого периода должна быть хоть какая-то база.

— Разумеется, но мы не изучаем все, а готовимся обычно только перед командировкой, — заметила Кей Си. — И все равно могут быть отличия, причем радикальные, вам следует быть готовыми к этому. Кстати, в древней утопии главное — выбрать образ для мужчины. Женщине проще. Конечно, если она не одна, но об этом мы поговорим позже. Если мужчина тщательно выбирает образ, то женщине рядом с ним для начала вполне достаточно быть одетой соответственно, и по возможности подыгрывать.

— Насколько я помню, римлянки были далеко не бесправными, — возразила я. — И существовать только в качестве приложения к мужчине...

— Да ну тебя, Анерстрим, — рассмеялась Кей Си. — Можно подумать, ты никогда не бывала на вечеринках, где девушке достаточно только хорошо выглядеть и улыбаться, пока парни стараются произвести впечатление на окружающих.

— Не бывала, — согласилась я. — Не те параметры.

Кей Си чуть прикусила губу, весело щурясь на нас с Энн.

— В древнем мире женщине по целому ряду причин лучше всего иметь самую заурядную внешность, — сказала она. — Поверьте, я знаю, что говорю. А вот роль "бесправного приложения" иногда может быть очень удобной для незаметной работы. Парни ваши еще неопытны, так что сегодня ваша группа провалилась бы в любом случае. Не расстраивайтесь, это нормально. Нынешняя неудача стодится вам на роль показательного примера. У вас еще будет возможность сравнить, когда пойдете в наблюдательный рейд с Чарли. Вот это будет настоящий мастер-класс.

— С Чарли? — тут же оживилась Энн. — А разве ветеран такого уровня пойдет в наблюдательный рейд? Ладно еще Билл, он нас курирует...

— Еще как пойдет, — уверенно заявила Кей Си. — Тащить вас в оперативку он сразу не

станет, а вот познакомиться поближе с новенькими девочками — тут он своего не упустит.

Я вдруг смутилась. Этому способствовал еще и иронично-оценивающий взгляд нынешней наставницы. Кей Си была огненно-рыжей и синеглазой. Долорес — смуглой брюнеткой. И обе они были очень красивыми. Я осознала это особенно остро, когда вдруг пришло в голову — они ведь уже несколько лет постоянно работают с Уокером. Вместе ходят в рейды, где бок о бок противостоят опасности, выкручиваются из невероятных ситуаций... и живут там тоже вместе... Сразу же вспомнилась немного фривольная атмосфера нашей первой командировки. А ведь мы с ребятами только-только начали узнавать друг друга, и как-то само собой сложилось, что все четверо сразу настроились на такую модель отношений, какой бывает дружба братьев и сестер. Но то у нас... А как у них? Как они работают с Чарли? Как они вообще умудряются совершенно спокойно работать рядом с ним?! И все остальные...

Насколько я уже успела понять, личные отношения между рейдерами в TSR ничем не регламентировались. То тут, то там то и дело вспыхивали кратковременные романы. И что любопытно, они совершенно не считались изменами законным супругам, если таковые имелись. Объяснение было простым — плотским утехам рейдеры предавались в утопиях, во время «антистрессовых» отпусков, охотно предоставляемых всем желающим после сложных командировок. То есть, не сами рейдеры, а их проекции. Реальные же тела физиологически в этом не участвовали. С подобной точки зрения утопические романы были не большей изменой, чем виртуальный секс или обоюдные эротические сны. Легли двое в разные капсулы, спустя пару секунд встали — а между тем провели вместе страстный, наполненный совершенно настоящими ощущениями месяц в утопическом Париже, порой уже успев повздорить и расстаться. А когда романы возникали внутри групп, парочкам было еще проще. Зачем ждать отпуска, если можно все совмещать? Ограничение только одно — работа всегда на первом месте, развлечения потом.

Вообще-то, ответ на мучивший меня вопрос уже имелся и, увы, не радовал. Так же, как и Билл, Чарли отправлялся в рейды не только со своей группой. Все опытные ветераны обучали новеньких. Но если Амброс, например, был примерным семьянином, и в утопиях обычно поддерживал только дружеские отношения с напарницами и стажерками, то Уокер вел себя с точностью до наоборот, и совершенно не скрывал этого. Пользуясь привилегией ветерана, он поочередно брал с собой в рейды всех новеньких девушек, всех без исключения. Думаю, тут и объяснять не надо, зачем. Нет, не подумайте плохого, он никого не принуждал — ни новеньких на стажировках, ни остальных в отпусках или совместных командировках. Но дело в том, что все прекрасно знали: любой рейд с Чарли — это законная порция незабываемого удовольствия. Если рейд не был ограничен в фактическом времени, Уокер всегда находил пару лишних часов для дамы. И от этого еще никто никогда не отказывался.

Говорят, Чарли и в утопиях соблазнял местных женщин — всех подряд, до кого только мог дотянуться, если хватало времени. Дара очаровывания у него хватало на всех. А уж сил и подавно.

* * *

Теперь, после слов Кей Си, я не могла думать больше ни о чем, кроме предстоящих рейдов с Уокером. Я одновременно и ждала, и боялась их. Боялась потому, что знала — если

между нами что-то произойдет, я уже точно не смогу спокойно жить дальше. А он поиграет с новенькими и переключится на кого-нибудь еще. Конечно, с моей стороны было глупо надеяться, что Чарли вообще заметил бы меня, не будь у него такого хобби. У симпатичной Энн было гораздо больше шансов... если бы Уокер еще и давал этот шанс хоть кому-то.

Мне нельзя идти с ним в рейд. Ни за что. Иначе вся моя размеренная жизнь полетит к черту. И так стоило больших трудов ежедневно встречать его на работе и здороваться с видимым спокойствием. А он как будто знал об этом, будто читал мои мысли, и внешне всегда был таким доброжелательным, улыбочивым, очаровательным... но внутри, скорее всего, столь же безразличным. Меня тянуло к нему, как мотылька на пламя, и голос здравого смысла, настоятельно советовавший держаться от этой отравы подальше, с каждым днем был слышен все хуже. Хорошо еще, что мы никогда не встречались один на один, со мной всегда был кто-то из ребят.

Однажды мы с Энн случайно наткнулись на неприятную сцену: одна из девушек-рейдеров выясняла отношения с Уокером. Причина конфликта была очевидной и вполне банальной — стажировка давно подошла к концу, начались рабочие будни, и в рейды с ветеранами эту девушку больше не посылали, а переносить свои интрижки в реальный мир Чарли не собирался. Новенькие обычно мирились с подобным положением вещей, тем более, что их всех заранее предупреждали — с Уокером так и будет, больше ни на что не рассчитывайте. Но она для себя решила иначе, и теперь пыталась стать для него исключением из общего правила.

— Аннабелл, я уже привык к тому, что мои напарницы ждут от совместных командировок вовсе не работы, — скучающе говорил Чарли, глядя не на девушку, а куда-то в сторону. Похоже, подобные речи он произносил уже не впервые. — Я ничего не имею против, но в реальном мире у тебя своя жизнь, а у меня своя.

Аннабелл собиралась что-то сказать, но тут они увидели нас. Мы хотели сделать вид, что ничего не заметили, и побыстрее проскочить мимо, но Уокер увязался за нами. Не расслышала, что он спрашивал, с ним говорила Энн. Я боялась поднять глаза, и спиной буквально чувствовала неприязненный взгляд той девушки. Для нее все уже осталось в прошлом. А нам только предстояло.

— Чего он хотел? — спросила я позже.

Энн сначала небрежно отмахнулась, но потом ответила:

— Предупредил, что в два часа будет планерка. Какие-то медицинские вопросы.

— Билл уже говорил нам это сегодня, — удивилась я. — Зачем повторять?

— Да он, видимо, просто не знал, как еще отделаться от этой девицы. Джа, если я когда-нибудь тоже начну вести себя с Чарли, как идиотка, напомни мне про Аннабелл, ладно?

— О'кей, — пробормотала я.

Тогда же я мысленно пообещала, что и себе никогда не позволю подобной слабости. Я всегда считала, что могу сама справиться со всем, я и теперь справлюсь. Мне не привыкать, что большинство мужчин меня вообще не замечают. Сейчас еще ничего, а вот в колледже... Тогда на меня вообще никто не смотрел.

Еще в школе я начала заниматься прыжками в воду, и однажды неудачно поскользнулась на мокром бортике бассейна. Могла отделаться синяками или, в крайнем случае, сотрясением мозга, как это часто бывает. Увы, мне не повезло. Я повредила позвоночник и на четыре года оказалась прикована к инвалидной коляске. Со временем я

преодолела свою немощь, снова стала ходить и бегать, как прежде, правда, вернуться к прыжкам уже не рискнула. Но те вольные годы, когда другие девушки уезжают из дома в колледж и там всю отрываються с парнями, для меня были уже упущены. Я продолжала жить с родителями, училась и посещала бесконечные реабилитационные процедуры, а все остальное проходило стороной. К тому времени, когда я наконец-то почувствовала себя полноценным человеком и обрела долгожданную независимость, стало ясно, что богатого опыта личной жизни у меня не предвидится. Прибавьте комплексы к невзрачной внешности — и получится замкнутый круг, выйти из которого я уже и не особенно старалась. Если бы не университетские подружки, регулярно устраивавшие вечеринки, куда традиционно приглашалось больше парней, чем девушек, вряд ли мне бы вообще довелось ходить на свидания чаще раза в год, и то в лучшем случае. Возможно, рано или поздно из каких-нибудь завязанных отношений и вышло бы что-то путное, не настолько же я безнадежна. Но дело в том, что меня совершенно не устраивали "хоть кто-то" и "лишь бы что-нибудь". Подобное сочетание предъявляемых требований и нежелания идти на компромисс не оставляло мне особого выбора. Раз личная жизнь не складывается, стоило всерьез заняться карьерой. И в TSR мне предоставлялась реальная возможность... если бы не Уокер. Так сложилось, что до сих пор я еще ни разу не была всерьез влюблена и понятия не имела о том, что навязчивое влечение может так заметно осложнять жизнь. Работать в TSR означало постоянно общаться с Чарли и играть по негласным правилам, возникшим здесь задолго до меня. И если в ближайшее время я не выработаю против Уокера хоть какой-то иммунитет, меня ждут большие проблемы.

* * *

На планерке объявили о добавке нового имплантата. Каждому из нас внутрь лопаточной кости будет вживлен изотопный локационный маячок. Работать он станет только в утопиях, и предназначается для того, чтобы напарники не теряли друг друга во время операций.

— Еще парочка девайсов — заметил Пол, — и мы станем практически киборгами. Совсем как патрульные.

— У патрульных целых три автономных маяка, — возразил Билл. — Восемь мозговых чипов, четыре мышечных имплантата в конечностях и один сердечный. А также внутренние аппликаторы на надпочечниках, контролирующие выработку адреналина.

— О, да у нас еще все впереди, — саркастично отозвался Марк.

— Вам такое не грозит, — покачал головой Чарли. — Всего лишь по паре катетеров в вены. И за них вы еще не раз скажете спасибо.

— После имплантации, — продолжил Амброс, — вам всем в биометрические характеристики будет внесена информация о ношении кардиостимуляторов фиксированной массы. Это для того, чтобы в реальном мире вы могли свободно проходить металлодетекторы — в аэропортах, например.

— Ого, — присвистнул Пол. — Длинные руки у нашей конторы...

— Если ты из принципа не летаешь самолетом, добавочную запись можно и не вносить, — предложил ему Чарли. — Все это делается ради вашего же удобства — чтобы не приходилось каждый раз возиться с лишними бумагами.

— Да все нормально! — замкнулся Пол. — Я не об этом...

О том, что именно беспокоило Каннингема, мы узнали вечером. После работы Пол позвал нас посидеть в баре на соседней улице. Устроившись в самом углу, подальше от музыкального автомата, мы обсуждали завтрашнюю имплантацию.

— Чтобы состряпать достоверную биометрическую липу, — уверенно заявил Пол, — нужна своя рука в правительстве. Что-то вроде тех разрешений, какие полагаются агентам спецслужб.

— Агентам просто выдают временные свидетельства, — задумчиво сказал Марк и покачал головой. — Это не просто липа. Бери выше. Биометрическая запись делается в рамках закона. Выходит, мы теперь под официальным прикрытием. И скорее всего, это навсегда.

— Ой-ой, — пискнула Энн. — Как-то зловеще это звучит — навсегда... Мы что же, и уволиться теперь не сможем? Что, если я вдруг разочаруюсь в жизни и надумаю вернуться в свой дельфинарий?

Пол загадочно улыбнулся и оглядел нас всех.

— Меня с самого начала заинтересовало, кому мы подчиняемся, — тихо произнес он. — Не подумайте, что я хвастаюсь, но у меня тоже есть кое-какие знакомые... Короче, о TSR нигде нет никаких прямых данных. Фактически все мы до сих пор числимся сотрудниками наших прежних организаций. Чего это стоит нашей конторе, догадываетесь?

— То есть, — насторожилась я, — если кто-то со стороны вздумает проверить меня, то выяснит лишь то, что я до сих пор преподаю в колледже?

— Совершенно верно. Заметьте, среди нас нет никого, кто бы работал в частной компании, все так или иначе были связаны с государственной службой. Уверен, копни я про остальных — и там будет то же самое.

— Да! — вспомнила я. — Билл когда-то служил в архиве ФБР.

— И Кей Си, кстати, тоже, — заметила Энн. — Наверное, многие ветераны оттуда.

— А-а, так выходит, мы все уже успели порыться в местной базе, — ухмыльнулся Марк. — Ну-ка, колитесь, кто что искал?

— Да все подряд теперь смотрели, — махнула рукой Энн. — Кто, куда, откуда, зачем, почему... Тем более, что все и так лежит в открытом доступе. Все можно найти.

— Только общеизвестное, — возразил Пол. — И только изнутри конторы.

Тоже мне, удивил! Извне сейчас мало куда влезешь. Если только... Похоже, нам всем пришло в голову одно и то же, потому что мы одновременно повернулись к Полу.

— С этого места, пожалуйста, поподробнее, — вкрадчиво попросил Марк. — Что у вас за связи такие, мистер Джеймс Бонд?

Пол расплылся в довольной улыбке.

— Как говорит наш дорогой Билл, меньше знаешь — крепче спишь. Как говорят мои знакомые, меньше болтаешь — дольше живешь на одном месте.

— Так и знала, — фыркнула Энн. — А по-моему, это даже неплохо. В TSR очень тщательно отбирают рейдеров, доверяют им, и уж точно никогда не дадут в обиду.

Некоторое время мы сидели молча, думая каждый о своем. В бар начали подтягиваться вечерние завсегдатаи.

— Ну, мне пора, — Энн встала и потянулась. — Вы идете?

— Подожди, я с тобой, — Марк залпом допил пиво и поднялся. Я покачала головой и осталась сидеть, слушая красивую мелодию из автомата.

— А я отосплюсь завтра, под наркозом, — наблюдая за пузырьками в бокале, меланхолично произнес Пол.

Энн рассмеялась и потащила Марка к выходу. Через минуту Пол повернулся ко мне и заявил:

— Ну давай, рассказывай.

— Что рассказывать? — не поняла я.

— Ты хочешь что-то найти в закрытой базе TSR. Поэтому и осталась. Угадал?

— Не-а, — зевнула я. — Мне просто не хочется домой. Там пусто и тихо, а тут люди, музыка, пиво... и ты.

Пол хмыкнул и откинулся на спинку скамьи.

— Чарльз Уокер, — прищурившись, сказал он, глядя перед собой. Я машинально оглянулась.

— Нет, нет, — засмеялся Пол. — Там его нет. Он здесь, — перегнувшись через стол, Каннингем постучал пальцем по моему лбу. Встретив мой растерянный взгляд, он уверенно пояснил: — Ты искала сведения об Уокере.

Мне вдруг стал необычайно интересен собственный маникюр и мелкие трещинки на поверхности стола.

— Ты что же, свободно можешь узнать, кто где роется в базе? — спросила я, нервно думая о том, что если уж Пол так запросто это разведал, то...

— Да ну, что ты, — оборвал мои мучения Каннингем. — Я просто догадываюсь. Во-первых, ты к нему явно равнодушна.

Теперь в деталях изучим край бокала. Спокойно... спокойно...

— К нему, конечно, многие равнодушны, — продолжал Пол, — но ты так отчаянно это прячешь...

— Что, так заметно? — наконец, выдавила я.

— Для тех, кому все равно — не волнуйся, не очень. Для того, кто внимательно наблюдает — увы, да.

— И кто же за мной наблюдает?

— Ну, например, я. Я наблюдаю за всеми, от кого потенциально может зависеть моя жизнь. Я должен быть уверен, что она в надежных руках, — Пол добродушно улыбался, и мне стало легче.

— Ладно, кто еще?

— Амброс.

Ну, это не новость...

— Просто за ним я тоже наблюдаю из тех же соображений, сама понимаешь, — развел руками Пол. И тут у меня внутри все сжалось от внезапной догадки: все мои усилия последних трех месяцев были напрасными.

— Уокер, — подтвердил мои опасения Каннингем. — Этот следит за тобою пристальнее всех.

Сердце пропустило удар. И мне вдруг стало наплевать. Ну и пусть. Конечно, Чарли знает. Он ведь давно уже все понял, еще с нашего личного знакомства. Прочитал меня, как открытую книгу. Легко находить, когда знаешь, что ищешь. Просто тогда я была еще не в курсе, зачем ему это.

— Ну да, конечно... — пробормотала я. — Он ведь присматривается к нам, выбирает новые экспонаты в свою коллекцию.

Пол покачал головой, цокая языком.

— Нет, Джа. На Энни Уокер обращает внимания не больше, чем на меня или Марка. Он наблюдает только за тобой.

Теперь сердце радостно подпрыгнуло, но я его тут же осадила. На что ты надеешься, глупое?

— Раз следит, значит, ему что-то нужно, — констатировала я, уже взяв себя в руки. В самом деле, не подозревать же Чарли в каком-то особом интересе ко мне, никак не связанном с тем, что я новенькая?

Пол буркнул что-то неопределенное, неслышное за грянувшей быстрой музыкой. Вечер набирал обороты.

— А что во-вторых? — спросила я, пересаживаясь ближе к Полу. Тот тоже придвинулся, чтобы не орать через стол.

— Я тоже искал его в базе. То есть, я всех искал... ну, всех и нашел. Кроме Уокера.

— Вот и я так же. Наш ветеран засекречен.

— Билл тоже ветеран, но все сведения о нем есть в открытом доступе, — резонно возразил Пол.

Я покосилась на него.

— А в закрытом? Только не говори, что еще не пытался искать его по своим каналам?

Каннингем почесал затылок.

— Пытался. И даже нашел его досье. Там, кстати, и наши все есть. Настолько подробные, что дух захватывает. Оказывается...

— Так что про Чарли? — перебила я, с трудом скрывая нетерпение.

— Ну, как тебе сказать... Ничего такого, чего бы мы еще не знали. Все его проекты — одни подробно, другие зашифрованы...

— К черту работу! — не выдержав, вскинулась я. — Что про него самого?

Пол пожал плечами.

— А ничего. Все записи о нем соотносятся только с TSR. И ни слова о том, что у него было до этого. Как будто он прямо в конторе и родился. Каково, а?

Ощущение было таким, словно меня обнадежили, наобещали золотые горы и бессовестно надули.

— Так не бывает, Пол. Он ведь где-то жил, с родителями или без, ходил в школу, колледж... ну, я не знаю... переезжал в другой город, обращался к врачу, участвовал в выборах, оплачивал какие-то счета, штрафы за парковку...

— Знаю, знаю. Наши досье набиты всякими мелочами под завязку. Но на Уокера ничего этого нет. Не сохранено даже ни одного его домашнего адреса.

— Но почему? Как такое может быть?

Пол снова откинулся на спинку. Лицо его выражало досаду.

— Все это очень тщательно потерто. Ни одной ниточки не оставлено, ни единой зацепки. Вопрос — зачем?

По крайней мере, одно логичное объяснение этому все же напрашивалось.

— Пол, может, он пришел в TSR из еще какой-нибудь конторы? Это ведь реально, да?

— Вполне, — согласился Каннингем. — Но тогда я уже ничем помочь не могу. Сама понимаешь.

Я молча кивнула.

— Могу сказать только одно, Джа. Раз у Уокера прикрытие такого уровня...

Он мог не продолжать. Я и так уже поняла, что разгадать эту загадку обычным путем мне не суждено.

Глава 7

После имплантации нас прямо в медицинском отделе навестил Уильям Меррис из отдела прогнозирования. В его обязанности, кроме всего прочего, входило распределение рейдеров по командировкам.

— Итак, леди и джентльмены, сразу хочу предупредить, что вам не всегда придется работать в полной команде. Новичкам часто поручают незаметные наблюдения в современных утопиях, а туда забрасывают по одному, так что привыкайте к этой мысли потихоньку. Что касается оперативных рейдов, то вы к ним еще не готовы. Ветераны разберут вас для стажировки и поочередно поработают с каждым по отдельности. Планировалось, что вместе с Биллом вас будет тренировать вся его группа, но вот беда — Долорес наотрез отказывается. Не принимайте на свой счет, просто не любит она со стажерами бегать, что тут поделаешь...

Я замерла, не веря своим ушам. Новость о том, что рейды с Уокером мне уже не светят, одновременно принесла крохотное облегчение, но в то же время вызвала огромное разочарование. Нет бы наоборот... Впрочем, оба эти чувства оказались преждевременными.

— Кей Си не откажется, у нее на следующие две недели все равно почти пустой график, — просматривая ежедневник, заметил Меррис. И вдруг усмехнулся. — А, ну раз в новой группе девушки, то Чарли присоединится обязательно. Можно смело снимать его пока с шестьсот тридцатой, — забормотал он, что-то вычеркивая из своих записей. — Реальный отпуск, я думаю, он тоже отложит. Какой может быть реальный отпуск, когда полно его любимой работы? — Меррис уже в открытую ухмылялся. Я не знала, куда девать глаза. Повернув голову, встретила с озорным взглядом Энн — та пожала одним плечом и тихонько хихикнула. Марк сидел на своей койке, сложив руки на груди, и демонстративно дулся. Я немного удивилась, но решила не обращать внимания. Не до него было.

Из всех нас сейчас, похоже, один Пол думал только о работе:

— Получается, кто-то из нас четверых будет поочередно болтаться без дела?

— Не обязательно, — возразил Меррис. — Можно брать двоих сразу, или делать два заброса подряд. Ветераны справятся, им не впервой.

Богатое воображение когда-нибудь выйдет мне боком! Я вдруг живо представила себе, как Чарли «справляется» с нами обеими, и прыснула. Тотчас же и Энн подозрительно закашлялась, закрываясь рукой.

— Можно узнать причину веселья? — сухо спросил Марк. Но Меррис перебил его.

— Сегодня и завтра отдыхайте, а в четверг начнем распределение в рейды. Да, и советуЮ постепенно начинать увеличивать нагрузку в спортзале. Всего доброго.

* * *

В четверг я пришла на работу совершенно не выспавшейся. Похоже, бессонница теперь вознамерилась добить меня окончательно, не давая забыться и уйти от постоянных мыслей по одному и тому же кругу — предстоящая стажировка один на один с Уокером.

День начался с планерки, гвоздем программы которой стал список учебных утопий, составленный Меррисом.

— Отлично, — ознакомившись с ним, кивнул Билл и обернулся к Чарли и Кей Си. — Я все равно сейчас занимаюсь практически только этой группой, так что вы давайте, разбирайте для себя, расписывайте по дням, как вам удобнее, а я буду брать по двое тех, кто останется.

— Мне без разницы, — махнула рукой Кей Си. — Вот, как сидят, так и буду брать, по порядку.

— Есть, мэм! — шутливо откозырял Пол. — Приятно быть первым.

Билл посмотрел на Уокера и, ехидно усмехаясь, тихо спросил:

— Я так понимаю, Таунта сегодня в любом случае со мной?

У меня начали гореть уши. Никто даже не сомневался, что Чарли в первые же дни стажировки будет брать только девушек. Интересно, о чем сейчас думала Энн? Я уставилась в стол и сцепила руки на коленях.

Пауза затянулась. Меня вдруг разобрала злость от осознания того, что я реагирую на все происходящее, словно обуреваемая гормонами пятнадцатилетняя девчонка. И все из-за этого Уокера! К черту! Я просто не выспалась. И только!

Взяв себя в руки, я подняла голову и как можно спокойнее посмотрела на Чарли. Он сидел, положив подбородок на сцепленные пальцы, и выглядел задумавшимся. Наши взгляды на миг встретились, и я тут же трусливо отвела глаза. Проклятье! Если он так легко меня читает, то я только что выдала себя с головой.

— Ладно, — безмятежно, даже чуть насмешливо, произнес Уокер. — По порядку, так по порядку, — он наставил на Энн палец на манер пистолета и, прищулив один глаз, с ухмылкой «выстрелил».

Мое сердце ухнуло в пятки. Чарли выбрал Энн. Ну что, Джел, разве не этого ты хотела? Почему тогда расстраиваешься? Что за глупости?! Это просто стажировка, ничего больше.

— Тогда Анерстрим и Таунта — со мной, — сказал Билл и отметил порядок в журнале. Это тут же отрезвило меня. Да, сегодня с Чарли идет Энн, но завтра... Похоже, я всего лишь получила маленькую отсрочку.

Будем надеяться, командировка с Биллом и Марком окажется достаточно долгой, чтобы принять хоть какое-то решение. Двух предыдущих недель мне для этого явно не хватило.

* * *

В смятенных чувствах я сбежала в пустой в это время спортзал и принялась остервенело лупить боксерскую грушу — до тех пор, пока не разболелась имплантированная лопатка. Тогда я стащила перчатки и устало опустилась на пол, облокотившись о деревянный щит. Из оцепенения меня вырвали голоса Марка и Энн. Они спорили, тоже спрятавшись от окружающих в тихом зале.

— Никто не заставляет тебя соглашаться! — в голосе моего сегодняшнего напарника проскальзывало почти отчаяние. Ну и дела... На "братскую ревность за сестренку", как мне показалось поначалу, это уже совсем не было похоже.

— Тебе кто-нибудь давал право указывать мне? — нетерпеливо отвечала Энн. — Вот и отвяжись.

Легкие шаги удалились по коридору. Я осторожно выглянула из-за щита. Марк сидел у стены на корточках, опустив голову на стиснутые кулаки.

— Не принимай это близко к сердцу, — в тишине спортзала мой голос отразился гулким эхом. Таунта стремительно выпрямился, заметил меня в углу и подошел ближе.

— Как давно ты здесь? — растерянно спросил он и, опомнившись, тихо ругнулся и пошел прочь. Я встала и побежала следом.

— Марк, подожди. Я же не нарочно подслушивала.

— Знаю, — раздраженно отозвался он, но все же остановился, не оборачиваясь.

— Это просто любопытство, — сказала я, подходя. — Здешние сплетницы говорят о Чарли, будто он такой неотразимый, эдакий змей-искуситель, перед которым невозможно устоять, да и не нужно. Вот новенькие и ведутся. Интересно же.

Марк резко обернулся.

— Уокер перебирает вас, как султан — наложниц в гареме, а вам интересно! И что — вас ничто не смущает, не кажется унижительным?.. Она улыбалась, представляешь? Он разве что на лбу ей не написал: "Сегодня я тебя трахну", а она ему улыбалась!

— Марк, это не то, что ты думаешь. Ведь в утопии... это все равно не по-настоящему.

— Да какая разница — в утопии или здесь?! — разозлился он. — Когда стреляли в тех обезьян, то блевали потом по-настоящему!

— Ну, сравнил... — растерялась я.

— Да, сравнил! Потому что мне, например, было неважно, где заниматься сексом — здесь или в утопии. Мы там тоже живые! Ощущения те же самые. И эмоции такие же.

Ого! Кто бы мог подумать, что у них все так далеко зашло? Стоп! Единственная утопия, где была возможность остаться наедине — палеолит.

— Марк, так у вас это уже давно? Ну вы и конспираторы.

Он вздохнул и ссутулился.

— Энни всегда вела себя так, словно ничего особенного не происходит. И очень не хотела, чтобы вы заметили. Для нее это было просто забавой.

Мне вдруг стало мучительно жаль Марка. Может, из-за некоторой схожести наших обстоятельств?

— Прости, это, наверное, не мое дело, но... в реале вы тоже встречались?

Помедлив, он молча закивал.

— Вот видишь?! — ободряюще воскликнула я. — Это и есть настоящее, а Чарли — просто развлечение. Не расстраивайся. Почти все развлекаются в утопиях, и все считают это ерундой.

Марк поднял на меня тяжелый взгляд.

— То-то ты сидела, едва дыша, пока Уокер разыгрывал комедию! Ерунда, да? Развлечение?

Пойманная на слове, я растерялась.

— Н-ничего подобного. Просто не выпалась сегодня.

— Ага, как же, рассказывай, — заявил он. — Вот Энни — та действительно развлекалась. А ты была на грани истерики. Чего именно ты боялась — того, что выбор падет на тебя, или что Уокер предпочтет тебе другую?

Определенно, сегодня не мой день. Вон, и Марк раскусил все на раз.

— Скорее, первого, — упавшим голосом ответила я. — Наверное, Энн может себе позволить развлечься и забыть. А я не могу. В чем-то я похожа на тебя — для меня это тоже

серьезно. Прости, что убеждала тебя в обратном.

— Ничего, — глухо ответил Марк, моментально замкнувшись. — Я понимаю. Ты просто пыталась меня утешить.

— Ну, ты все-таки не переживай, ладно? Энн наиграется и успокоится. Чарли никогда не продолжает это в реальном мире. А здесь она от тебя уже никуда не денется, — я попыталась перевести все в шутку.

Марк невесело усмехнулся.

— Опять мимо, Джа. У Энни есть парень, и это серьезно, дело идет к помолвке. А я — просто игрушка.

— Что? — опешила я. Никогда бы не подумала! Энн — всегда веселая, общительная, легкая на подъем, сердечная, отзывчивая, ну просто ангелочек — и в роли роковой женщины... Похоже, я вообще не умею разбираться в людях.

— Наверное, я у нее не один такой, — угрюмо предположил Марк. — Знай я с самого начала, что она меня использует — не стал бы даже связываться. А теперь веду себя, как идиот, и ничего не могу с собой поделать.

— Ты прав, лучше не связываться. Потом станет только хуже, — вздохнула я, имея в виду, скорее, уже себя. Марк наклонил голову, заглядывая мне в лицо.

— Тебя тоже никто не заставляет соглашаться, — твердо сказал он, совсем как недавно говорил это Энн, но без прежнего отчаяния. Похоже, он решительно настроился отговорить хотя бы меня.

— Да, знаю, — пробормотала я. — Отказаться от стажировки с ветераном я, конечно, не могу, да и не хочу, но и правила, обязывающего меня поступать, как все, тоже не существует.

Лицо Марка просветлело. Перспектива хоть в чем-то обломать Уокера его явно порадовала.

— К черту их обоих. Спасибо, что выслушала, — тихо сказал он, пожав мне руку.

— И тебе спасибо. Если что, ты знаешь — я всегда рядом.

— Угу, — кивнул он и пошел прочь. Сделав несколько шагов, вдруг обернулся:

— Я не удивлюсь, если и Уокер на самом деле женат, просто здесь никому об этом не известно. Знаешь, а они ведь чем-то похожи... только Энни еще хуже. Уокер, по крайней мере, никогда не заводит здесь интрижек в реале, а его дамский фан-клуб всегда заранее предупреждает новеньких о последствиях.

Марк и тут успел пристрелить больше остальных. Ему удалось поочередно удивить, ободрить, расстроить и заставить меня улыбнуться. Все-таки я очень удачно выбрала того, кто станет защищать мне тыл. И, по крайней мере, с одним страхующим наблюдателем мне тоже повезло.

* * *

Утопия была современной. На первый взгляд показалось, что мы вообще никуда не перемещались. Все тот же город, те же улицы и здания, похожие вывески... Разве что рекламные баннеры были другими.

— Интересно, а здесь есть TSR? — любопытствовал Марк.

— Не знаю, — пожал плечами Билл. — Если и есть, то тоже не афиширует свое

существование.

— Это сегодняшнее число? — спросила я.

— Да, но два года назад. В нынешнее «сегодня» нам незачем. А в «сейчас» вам пока вообще рано.

— Кстати, Билл, я давно хотела кое-что узнать. Нас учили, что заглянуть в будущее утопии нельзя. Но вот, например, я попала в «сейчас», и остаюсь там несколько часов или дней — неважно. Однако, когда я вернусь, в реале пройдет всего несколько секунд и будет все то же «сейчас». Получается, что в утопии я как бы жила в будущем?

Билл замедлил шаг, остановился и посмотрел вверх. Крупные снежинки медленно садились на его пальто, приобретая на темном фоне особенно четкие очертания.

— Представь себе, что ты стоишь на крыше, — медленно начал он. — Если тебя обвязать веревкой и спустить вниз, то провисеть так ты можешь очень долго, и в любой момент тебя легко вытащить обратно. Но если ты захочешь забраться вверх, то сможешь только подпрыгнуть. И снова упадешь.

Как обычно, Амброс объяснял, используя простые, наглядные примеры, как ребенку. Я даже слегка заскучала по палеолиту, по палаткам на берегу моренного озера и вечерним кострам.

— Точно так же ты не сможешь жить в будущем утопии, — продолжил Билл. — Только в прошлом или настоящем. Продолжительность командировки в «сейчас» — мы называем это синхронизацией — равна периоду жизни «скрепки». То есть, несколько секунд. Потом проекцию автоматически выбрасывает обратно.

— Выходит, заброс в «сейчас» проходит в реальном времени? — сделал вывод Марк.

— Совершенно верно. А теперь забудьте о теории перемещений. Тренировка будет практической.

* * *

Билл поручил мне понаблюдать за одним белобрысым типом из какого-то офиса на первом этаже отеля, где мы остановились. Больше ничего не объясняя, Амброс забрал Марка, и оба исчезли на целый день. Вернулись они только вечером. Таунта был угрюмым и от моих расспросов лишь отмахивался.

Точно так же прошел следующий день. Белобрысый то и дело куда-то уходил, иногда сопровождая разных людей. Отлучки были регулярными, как часы, и совершенно предсказуемыми. Я скучала, проводя все время в одиночестве, и как-то решила испробовать имплант-маяк, чтобы поискать Марка. Однако, разобраться, как пользоваться этим девайсом, мне так и не удалось.

Вечером я пристала с этой проблемой к Биллу.

— Маяк и не будет работать. Мы не терялись, — отмахнулся он. — Отдыхай пока. Я не могу совместить ваши задания. Завтра в отель въедет один человек. Твоя задача — любым способом получить доступ в его номер. Меня не интересует, как ты это сделаешь. Укради ключ, напросись в гости — как угодно. Клиент привезет с собой документы. Нужно найти их и уничтожить. Справишься?

— Не знаю, — растерянно ответила я, даже не представляя еще, каким образом начинать. — А при чем тут мои наблюдения?

— Я просто хотел, чтобы ты была хоть чем-то занята, пока работает Марк, а заодно хорошо запомнила того человека. Он придет сюда за документами. Встречу необходимо предотвратить.

— Как?

Билл пожал плечами.

— Я даю задание, ты выполняешь. Можешь делать все что угодно. Главное, чтобы они не встретились и не произошла передача документов.

— Кто они такие и что за документы?

— На данном этапе это совершенно неважно. Лишняя информация будет только отвлекать тебя.

* * *

Клиент прибыл, как и было запланировано. Едва он вселился, я "ошиблась дверью", долго и настойчиво извинялась, доведя его до белого каления, а при попытке выпроводить меня силой споткнулась на пороге, упала и запричитала, что вывихнула ногу, и он за это еще ответит. Когда клиент пошел к телефону, чтобы вызвать помощь и избавиться, наконец, от назойливой и склочной особы, я закрыла дверь изнутри, догнала его и оглушила. Папка с документами лежала в кейсе на кровати — наверное, клиент еще даже не успел разобрать вещи. Сжигать бумаги было нельзя, в номере имелась пожарная сигнализация. За неимением лучшего я залила все документы водой, измочалила в кашу и спустила в унитаз. И тут раздался стук в дверь.

Скрестив пальцы на удачу, я открыла — и мысленно похвалила себя за то, что не стала тянуть с заданием: гостем оказался тот самый белобрысый. Он очень удивился, услышав о том, что вот уже целую неделю в этом номере живу только я, откланялся и ушел, доставая что-то на ходу из кармана. Похолодев, я немедленно захлопнула дверь и кинулась в комнату. Очень вовремя — на тумбочке у кровати ожил и глухо завибрировал мобильный телефон. Не дожидаясь, когда пойдет звонок, я раздробила трубку каблуком на мелкие кусочки и тоже отправила в унитаз. Затем собрала в кучу найденные у клиента наличные деньги, кредитку, водительские права, сняла с него часы, запонки и, завязав все это в полотенце, прихватила с собой. Заперла снаружи дверь и выбросила ключ.

Через десять минут мы уже числились постояльцами маленькой гостиницы через улицу.

— Все это, конечно, хорошо... — приговаривал Билл, наблюдая, как у входа в отель останавливается полицейская машина. — Клиент будет думать, что его просто ограбили. Но встречу ты все-таки не предотвратила. Только отложила.

— Документы ведь уничтожены.

— Большинство документов можно воспроизвести снова. Эти — в том числе.

— Ну, и что мне делать? Убить его? — я ляпнула это просто так, и тут же испугалась. Билл постоял, покачиваясь с носка на каблук, потом обернулся.

— Да. Причем до того, как он все расскажет полиции.

Вот чуяло мое сердце — не все так просто с этим заданием! Я уже давно заподозрила, что раз Амброс произнес "делай все, что угодно", задача все равно сведется к одному знаменателю.

— До тебя что, только сейчас дошло? — мрачно усмехнулся Марк, заметив выражение

моего лица. — Нас сюда лишь за этим и отправили. Я свое уже отработал. Пристрелил потрясающе красивую женщину. Теперь твоя очередь.

— Сейчас клиент выйдет в сопровождении копов и пойдет к машине, — оповестил Билл, раскладывая на полу детали винтовки с оптическим прицелом. — У тебя две минуты на подготовку. Время пошло.

Возражать было бессмысленно. Я собрала винтовку и приоткрыла створку оконной рамы. Успела как раз — клиент показался на улице, как и предсказал Билл. Его голова была идеальной мишенью.

— Давай, — велел Амброс. Я колебалась. — Не тяни, уйдет.

"Это всего лишь игра, виртуальная реальность..." — как мантру, мысленно завела я. Не помогало.

— Давай, — эхом повторил Марк. — Просто сделай это, и все.

Полицейский распахнул дверцу машины.

— Стреляй! — приказал Билл. — Скорее!

"Всего лишь виртуальная..."

Клиент сел на заднее сиденье.

— Уходит! — воскликнул Таунта.

— Да стреляй же, мать твою! — заорал Билл. Вздогнув, я нажала на спусковой крючок. На заднем боковом стекле машины появился светлый кружок трещин. Копы засуетились, вытаскивая клиента наружу. Один из них выхватил табельное оружие и взял на прицел всю улицу, просматривая ряды окон.

— Уходим? — с надеждой спросила я, еле ворочая языком в пересохшем рту.

— погоди, — Амброс всматривался в полицейскую возню. — Он не должен уцелеть.

Судя по тому, что копы вдруг бросили возиться с клиентом, искусственное дыхание ему уже не требовалось. Теперь они стояли наготове, водитель вызывал подмогу.

— Ну хоть теперь-то уходим? — взмолился Марк.

— Нет. Внимание.

В дверях отеля появился белобрысый. Он говорил по телефону, испуганно оглядывая место трагедии.

— Снимай и этого, — распорядился Билл. — Немедленно.

Наверное, внутри у меня все-таки что-то успело надломиться, потому что второй выстрел дался совсем просто. Белобрысый упал с дыркой во лбу.

— Отлично, — заявил Амброс. — Но хороший снайпер из тебя навряд ли выйдет. А теперь уходим.

* * *

Разумеется, вернулись мы все сразу, независимо от того, сколько фактического времени прошло у каждого. Под впечатлением последних минут я все еще была, как в тумане. До меня даже не сразу дошло, что капельницы теперь подключаются безболезненно.

Я так спешила избавиться от воспоминаний, что первая помчалась на перекачку, не замечая даже вернувшихся Чарли и Энн. Пожалуй, это было единственным плюсом моего тогдашнего состояния. Посмотреть им в глаза при встрече было выше моих сил. Хватит с меня и того, что я их провожала.

Пробудить мнемоник мне не позволили, и никакие уговоры тут не помогли — инструкция для новичков была однозначной. Марк посоветовал выпить и предложил свою компанию. Билл не стал задерживать нас до конца дня, и я была так признательна ему за понимание, что легко простила за все остальное.

* * *

Отвертеться от откровений Энн мне все-таки не удалось. Утром она встретила меня прямо в вестибюле, чего прежде за ней не водилось, и сразу потащила в кафетерий. Специально, что ли, поджидала? Не терпелось похвастаться? А может, хотела предупредить меня, чего ожидать? Я не стала отделяться от нее только поэтому и, как оказалось, зря. Диклест просто хотелось потрепаться, а обсудить Уокера ей было больше не с кем. Подружки за пределами TSR для этого не годились, другие дамы из нашей конторы сами не дали бы ей и слова вставить. Оставалась только я.

Слушать ее было невыносимо. Как бы ни был мне интересен Чарли, узнать о том, чем он занимался с другой, я не стремилась. К счастью, Энн не стала в подробностях расписывать, каким потрясающим может быть Уокер, и как все было здорово. Оказывается, за сутки, проведенные в начале двадцатого века в Калифорнии, они даже успели как следует потренироваться. На развлечения ветеран оставил только ночь — но зато всю, целиком. А наутро, как ни в чем ни бывало, выгнал девушку на разминку. Никакие доводы и жалобы на усталость на этого железного человека не действовали. Словно и не было прошедшей ночи. За это Энн была не на шутку обижена, но все равно практически прямым текстом заявила, что все ее прежние мужчины — все без исключения — и в подметки ему не годятся.

— Все-таки шесть веков накатанного опыта — и не просто прожитых лет, а почти ежедневной практики — это не пустые слова, — мечтательно мурлыкала она, а ее веки тем временем мелко подрагивали: Энн прокручивала мнемоником вчерашнюю командировку. Я топила свое отчаяние в чашке с остывшим кофе и изо всех сил старалась выглядеть дружелюбно-любопытной и по возможности самоуверенной.

Плохи мои дела, вот что. От рейдов с Уокером ни за что не отвертеться, да и не хочу я лишаться уроков такого ценного наставника. Но ведь он не ограничится только тренировками, в этом нет ни малейших сомнений. Я не смогу его избегать. Вдвоем, где-то в неизвестном пространстве-времени, на неопределенный срок... Он без малейшего труда — только помани — соблазнит меня, пополнит свою коллекцию и точно так же утратит всякий интерес. И как мне потом жить? Уж если Энн, с ее популярностью у парней — и та признала, что теперь будет постоянно вспоминать Чарли и сравнивать с ним всех остальных в его пользу, то что уж тогда говорить обо мне? Мне даже более-менее сносных мужчин не попадалось, а если и попадались, то я об этом так и не узнала — они никогда не старались ради меня, очевидно, считая, что самого факта их внимания в моем случае уже достаточно. А потом я уподоблюсь Аннабелл... о нет! Лучше уж бежать из TSR без оглядки.

— Да что с тобой?! — внезапно воскликнула Энн. До меня только сейчас дошло, что она уже несколько раз повторила какой-то вопрос.

— Что случилось?

— Ты то краснеешь, то бледнееешь, а сейчас и вовсе будто в обморок хлопнешься. Вот, опять покраснела! Я что, смущаю тебя? — Энн снисходительно улыбнулась. Пересилив

соблазн послать ее куда подальше, я нашла сносное оправдание:

— Нет, ничего. Это просто похмелье. Мы с Марком вчера немного перебрали.

Диклест моментально насторожилась.

— С Марком? Вдвоем, без нас? Чего это вы?

А вот интересно, ее действительно задело то, что мы напились одни, или это только из-за Марка? Мне вдруг захотелось поддразнить Энн. Интересно же, насколько ей не все равно?

— Да так... Немного повеселились в командировке. Решили продолжить в реале. Ну, ты же знаешь, как это бывает?..

Энн открыла рот для очередного вопроса, но тут ожил динамик под потолком кафетерия, объявляя наши имена и срочно вызывая на планерку. Сославшись на легкую дурноту, я отказалась от поездки в лифте, посадила в него Энн, а сама как можно медленнее поплелась по лестнице навстречу теперь уже предсказуемой неизвестности, пугающей и желанной одновременно.

Моя отсрочка закончилась.

Глава 8

В кабинете Мерриса обнаружилась одна только Кей Си. Едва лишь я переступила порог, она немедленно набросилась на меня и совершенно справедливо отчитала за опоздание:

— Где тебя носит? Все уже пошли на разминку, а я сижу здесь, как будто мне это нужнее, чем тебе!

— Прости, пожалуйста, — пробормотала я, мало-помалу сообразив, что моя детская уловка оказалась на редкость глупой. — А разве сегодня со мной идешь ты?

— Представь себе, — фыркнула она. — Я понимаю, что у тебя, возможно, были несколько иные планы, но так уж получилось. Билл вчера был с вами, сегодня взял Диклест и Каннингема. Потом Чарли надоело ждать ваше высочество, и тогда он забрал Таунту.

У меня аж дыхание сбилось. Уловка с опозданием все-таки удалась!

— Диклест сказала, что ты мучаешься похмельем, — недовольно продолжала Кей Си. — Брать тебя в рейд даже с малейшим нездоровьем я не имею права. И что мне теперь делать? Могла бы предупредить с утра пораньше, я бы взяла на сегодня другую работу. А теперь полдня пройдет насмарку. В будущем постарайся быть предусмотрительнее, чтобы не сорвать чужие планы.

Мне стало жутко неловко.

— Не надо волноваться. Похмелье давно уже прошло.

— Так быстро? Ты, вроде, чуть ли не падала.

— Думаю, Энн слегка сгустила краски. Я прошлась сюда пешком, и все окончательно выветрилось.

— По лестнице? — недоверчиво уточнила Кей Си. Я кивнула. — Двадцать восемь этажей вверх?

— Ну и что такого?

— Ничего, — озадаченно ответила она. — Ты совсем не запыхалась.

— Я... э-э... не торопилась.

— Это заметно, — холодно отозвалась Кей Си.

— Извини, что заставила ждать. Зато теперь мне не нужна разминка.

Теперь Кей Си казалась задумчивой.

— Порой мне кажется, что Чарли все-таки ошибается хоть иногда, — тихо сказала она, усмехнувшись уголком рта. — Потом все становится на свои места, а я в очередной раз удивляюсь.

— А при чем здесь Чарли? — насторожилась я.

— Идем в спортзал, — словно и не слыша вопроса, сменила тему Кей Си. — Ноги размяла, значит, обойдемся без пробежки.

* * *

Командировка прошла спокойно. Снова был маскарад и обучение внедрению в чужом мире. Почти две недели мы с Кей Си следили за сменой политического курса в какой-то восточноевропейской республике с загадочным названием Ствардомин. Стандартной задачей, помимо всего прочего, было определить реального двойника этой страны из нашего мира. Утопии бывают идентичны реалу вплоть до мелочей, а бывает так, что отличаются не только названия городов и целых стран, но и расположение границ и, само собой, ход истории, причем величина отличий прямо пропорциональна дальности утопии. Например, в этом мире существовала альтер-Германия — огромная держава, протянувшаяся от Норвегии до Кипра и именуемая Рейнхенсмесом. При этом Рейн был все тем же Рейном, но Берлин — Дойнером, а Мюнхен — Брихтенном. А вот Ствардомин оказался альтер-Польшей отгиснутой на восток и вобравшей в себя кусок альтер-России, именовавшейся здесь Славянью.

Две недели прошли вполне мирно, а потом в Ствадомине вспыхнула революция и начались погромы. Мы с Кей Си в любом случае могли сойти только за иностранок, поэтому сочли за лучшее убраться оттуда. Зато отчет о командировке вышел шикарный.

За эти две недели у меня было много времени для размышлений. С Кей Си мы говорили в основном по делу, легкого общения, как с Биллом, с ней пока не получалось. Возможно, причиной было неудачное начало этой командировки, или же я сама. До самого возвращения мы поддерживали вежливую дистанцию. Наставница, похоже, меня никак не воспринимала, стажерка Анерстрим была ей попросту безразлична. Тренировка новичка была для Кей Си всего лишь рутинной работой, и она не стремилась вкладывать в нее душу. Откровенно говоря, я тоже не очень-то доверялась ей. Не знаю, почему. Может, я подсознательно чувствовала в ней соперницу и ревновала Чарли? Глупо, конечно, и нелогично, и все же вполне вероятно. Впрочем, это могли быть исключительно мои домыслы, не имевшие ничего общего с действительностью.

* * *

После проведенного с родителями уик-энда я немного отвлеклась от событий и переживаний недели и настроилась на решительные боевые действия. Я шла на работу злая и готовая моментально оцетиниться на любого, кто посмеет нарушить мои планы. А в планах значилось стать прежней — не влюбленной, не оглуевшей, собранной и уверенной в себе.

Настрой, конечно, был достоин всяческих похвал, но он схлынул целиком в один миг. Все-таки Уокер умеет читать мысли, не иначе. Едва я вошла в кабинет, он обезоруживающе

улыбнулся и произнес:

— Доброе утро, Джелайна. Прекрасно выглядишь сегодня.

Нет, комплимент, похоже, был совершенно искренним — я была отоспавшейся и, возможно, действительно очень даже ничего. Другое дело, что вошла я не одна, а вот Чарли остальных словно и не заметил, ограничившись лишь небрежным кивком головы. Ослепительную улыбку Энн он вообще проигнорировал. Стоит ли говорить, что я сразу почувствовала себя не в своей тарелке? А Уокер нейтрализовал меня окончательно, бархатно проворковав:

— Надеюсь, ты чувствуешь себя сегодня так же хорошо, как и выглядишь?

Вот ведь зараза, а?! Конечно, сам по себе вопрос был абсолютно закономерным — что может быть необычного в том, чтобы справиться о моем здоровье после якобы сильного похмелья? Но в общем контексте...

Чарли добился своего. Теперь все внимание окружающих было приковано ко мне. А я опять растерялась, едва ли не кожей чувствуя общее направление их мыслей. Беспомощно покосилась по сторонам — и поймала хитрый взгляд Пола. Он ухмыльнулся и незаметно для остальных подмигнул мне. Вот кому весело! Наш наблюдатель развлекался вовсю.

На планерке Кей Си сразу забрала Энн, и они обе ушли в спортзал, не дожидаясь остальных. Билл снова записал к себе Марка и, вздохнув, выжидаяще уставился на Чарли. В кабинете воцарилась такая тишина, что мне начало казаться, будто стук моего сердца вот-вот станет слышен всем вокруг. Я совсем отвернулась, чтобы не смотреть на Уокера. Билл тоже молчал, не торопя друга.

Да что они, издеваются?!

Усилием воли я заставляла себя успокоиться. В самом деле, мир ведь не вращается вокруг меня одной. Хватит уже.

Тишину нарушил Пол. Он с громким шелестом придвинул к себе лист бумаги и, изо всех сил скрипя карандашом, принялся демонстративно расчерчивать на нем какую-то таблицу.

— Это еще зачем? — буркнул Билл. Пол старательно вписал в первую колонку имена всех присутствующих и только после этого невозмутимо произнес:

— Ну, вы же вроде как собираетесь делать ставки? Кто даст больше за меня?

Чарли рассмеялся, утащил у него листок, полюбовался, скомкал и щелчком запустил по столу обратно.

— Идем, умник. Поучу тебя добывать в утопиях деньги. Не девушкам же вместо вас зарабатывать?

Пол поднялся, бросив на меня лукавый взгляд, и направился вслед за Уокером. Билл усмехнулся и снова записал меня рядом с Марком.

— А поехали развлекаться в старинную Испанию? — весело предложил он. — Джа, хочешь мантилью и веер? Тебе пойдет. Видела когда-нибудь корриду? Не цирковое шоу по мексиканскому каналу, а настоящую, опасную?

Я машинально помотала головой. Говорить почему-то не получалось. Амброс продолжал что-то рассказывать, Марк широко улыбался и оживленно кивал мне. А у меня в голове, как заевшая пластинка, вертелась одна и та же мысль: Уокер сам взял Пола, и не потому, что я опоздала. Значит, и вчера мое опоздание ничего не значило? Может, он и вовсе не хочет ехать со мной?

— Ты идешь? Нам еще костюмы подбирать, — Марк оглянулся уже в дверях. Я молча кивнула и осталась сидеть. Все ушли, кабинет опустел. На столе валялся скомканный листок,

я взяла его и разгладила руками. У Пола был забавный почерк, скошенный назад, как у левши.

С чего это я вообще решила, что Чарли пожелает присоединить меня к своей коллекции? Ведь никто из наших ребят не относился ко мне, как к девушке. То ли дело Энн. А я для всех была "своим парнем". И вообще-то, до сих пор меня это устраивало.

Тут я почему-то представила себя в алых розах, кружевах, оборках, с веером в руке, и с тоской подумала, что Билл наверняка велит спрятать под мантилью пистолет. Или нет, судя по эпохе, скорее уж, какой-нибудь кинжал. Самое интересное, что сильного внутреннего протеста уже не возникало. Надо — значит, надо. Похоже, одна из моих проблем начала решаться сама собой. Оставалось решить вторую. А я даже не знала теперь, с какой стороны за нее браться. Может, и этой проблемы больше нет? Если Уокеру я не нужна, то мне он не нужен и подавно. Хорошо бы, если бы все так и осталось. Я справлюсь, мне только нужно еще немножко времени, совсем-совсем немножечко...

Задумавшись, я не заметила, как в кабинет кто-то неслышно вошел и остановился рядом со мной, и вздрогнула, когда ухо неожиданно обжег тихий насмешливый голос:

— Не унывай. Лидера я решил оставить на десерт.

Чарли снова исчез прежде, чем я опомнилась.

* * *

— Джа, ты сейчас сломаешь этот чертов веер, — пробормотал Марк, беспокойно озираясь.

— Отстань.

— Ты привлекаешь внимание.

— Плевать.

— Билл, ну хоть ты скажи ей.

— Анерстрим, убирайся отсюда, — вмешался Амброс, сидевший по другую руку от меня.

— А? — я замерла и ошалело уставилась на Билла.

— Что смотришь? — хмуро спросил он. — Если нет настроения работать, а хочется попсиховать — не надо было и отправляться.

— Я не психую.

— Нет, психуешь, — поддержал Марк. — И перестань теревить воротник, оторвется.

— Хорошо бы. Этот мерзкий накрахмаленный ошейник меня совсем задушит.

Билл смотрел укоризненно, как на непослушного ребенка.

— Пора бы уже запомнить: ложишься в капсулу — оставляй все личные проблемы дома. В утопии только работа.

Интересно, у ветеранов это профессиональное — видеть насквозь? Вот и Билл туда же.

— Сядь прямо, — строго велел он. — Здесь у всех женщин прекрасная осанка, не выделяйся из толпы.

— У них от корсетов осанка.

— Скажи спасибо, что ты без корсета, — фыркнул Марк. — Тебя незачем утягивать... да и нечего.

Я решила в кои-то веки обидеться. Хотя Марк был прав, и я выделялась в любом случае.

Понятиям красоты и здоровья для данного времени я не соответствовала. Хотя, на мой взгляд, внимания все равно никто не обращал, так что волноваться было не о чем.

— Когда уже начнется эта коррида? — снова заныла я, обмахиваясь из последних сил. — Как они только ходят в такую погоду в пять слоев нижних юбок?

— У них еще и мыться не принято, — сообщил Марк, хотя это трудно было не обнаружить. От любого человека распространялась сногшибательная волна — смесь закисших запахов тела и щедро налитых благовоний. Или это только наши носы были столь чувствительны?

— Ну почему же, два раза их точно обмывают, — иронично заметил Билл. — В крестильной купели и перед похоронами.

Коррида наконец-то началась. Я никогда не была любительницей подобных зрелищ и теперь заскучала. Там и смотреть-то было не на что. Юный женоподобный тореро больше кривлялся, чем действительно рисковал очутиться на рогах маленького, щуплого бычка.

— Да погоди, это подмастерье, публику разогревает, — пояснил Билл. — Самое интересное обычно начинается во второй половине представления. А пока все расслаблены, отдыхают.

Я заметила, как Амброс поглядывает на часы.

— Ты чего-то ждешь?

— Да. Я приготовил маленький сюрприз для первых рядов, — Билл нехорошо усмехнулся, и меня охватило уже знакомое предчувствие...

* * *

— Приготовиться, — вполголоса предупредил Амброс. — Сейчас начнется давка. Ваша задача — продержаться против толпы хотя бы две минуты. Двигайтесь вперед зигзагами, не останавливайтесь и ни с кем не церемоньтесь. Постарайтесь не упасть — затопчут. Начнут напирать — поворачивайтесь и бегите вместе со всеми. Если не дойдете до арены — встречаемся потом у фонтана на площади.

Я хотела спросить, с чего бы это взяться давке, но не успела. На арену выбежало сразу десятка два крупных быков. По-видимому, это была внештатная ситуация, так как следом выскочили загонщики и принялись криками, факелами и хлыстами загонять животных обратно. Но не тут-то было! Озверев от шумного присутствия сотен сильно пахнущих людей, быки начали метаться, раскидали загонщиков, смяли ограждения арены и врезались в плотно стоящий первый ряд. Началась невообразимая паника.

— Пора! — скомандовал Билл. И мы пустились навстречу людской лавине.

Быки неслись, как ледоколы, рассекая пестрое живое море и оставляя за собой искореженные человеческие обломки. Первую минуту я двигалась еще довольно уверенно, ныряя в просветы и отталкивая зазевавшихся. Но чем ближе была арена, тем плотнее становилась орущая, обезумевшая толпа. Это было уже не скопление отдельных особей, а единое целое — неразумное, неменяемое и очень опасное. Петлять и продвигаться вперед становилось все труднее, меня оттесняли обратно. Я проклинала неудобный наряд, цепляющийся за пуговицы и пряжки окружающих. Мантилью и парик с меня сорвали уже давно. Верхняя юбка превратилась в жалкие лохмотья.

И тут я увидела быка. Он летел прямо на меня, врезаясь острыми рогами в спины

убегающих от него людей и расшвыривая их, словно котят. Бык мчался, не разбирая дороги, и толпа редела перед ним — успевавшие оглядываться люди отпрыгивали в стороны, практически на головы соседей, спасаясь от страшных рогов и копыт. Убраться с его пути было невозможно. Я на миг почувствовала себя плывущей по ревущему потоку в узком скалистом ущелье навстречу губельному порогу — разве что против течения. Тогда я развернулась назад. Толпа легко подхватила меня и понесла с собой. Но бык двигался гораздо быстрее. И я остановилась, решив не подставлять ему спину.

Удивительно, но я не чувствовала ни малейшего страха. Бык не выбирал путь, он шел напролом, не различая помех. Теоретически, даже от прицельно давящего тебя автомобиля всегда можно увернуться, если правильно рассчитать момент. Именно это я и попыталась сделать. Нижняя юбка, по прихоти любящей фламенко костюмерши оказавшаяся ярко-алой, хлестнула быка по морде, а я уже вильнула в сторону, обходя его сбоку. И тут у животного сработал условный рефлекс.

Не знаю, различают ли быки цвета, или то просто традиция, но зверюга привычно развернулся и снова кинулся на меня. Мне удалось тем же манером ускользнуть от него еще пару раз, но потом я споткнулась о чей-то потерянный башмак, наступила на подол и упала на спину. Проклятые юбки задрались выше колен, и я заметила в набедренной кобуре свой пистолет. Черт, а ведь я про него совсем забыла!

Даже хорошо, что я упала, потому что вытащить оружие из-под всей этой горы одежд было довольно хлопотно. Теперь же мне хватило секунды. Пуля вошла точно между налитых кровью глаз. Голова быка откинулась в сторону, но инерция все еще влекла его вперед. Он проехался по мне копытами и рухнул где-то позади, подняв облако вонючей пыли.

* * *

Теплые руки умело нашли пульс у меня на шее, профессионально ощупали голову и переместились вниз, проверяя все кости.

— Анерстрим, очнись, — настойчиво звал Билл. Меня приподняли и все тело пронзила боль.

— Рука! — испуганно воскликнул Марк.

— Ключица сломана, — ответил Амброс. — Подержи вот так. Джа, открой глаза. Ну же, давай, детка, очнись сама, не заставляй нас вытаскивать тебя.

Вокруг были слышны стоны пострадавших, затоптанных толпой людей. Наверное, я тоже стонала, не помню.

— Что еще болит? — спросил Билл.

— Все, — с трудом разлепила я губы.

— Ничего, это ты переживешь.

Он искусно надавил мне пару точек на шее и затылке, и самая острая боль отступила, оставив только тянущее, мешающее чувство. Ключица противно похрустывала при каждом движении или глубоком вздохе.

— Встать сможешь?

Ноги оказались целы. Оборванный почти догола Марк довел меня до фонтана.

— Тебе, как всегда, повезло больше всех, — невесело усмехнулся он, поддерживая меня, пока я пила и умывалась здоровой рукой.

— Еще как повезло! — догнал нас Билл. — Зверь весом не меньше пятисот фунтов прокатился прямо по тебе, чуть не втоптал в землю. И ты отделалась только сломанной ключицей и синяками. А могла бы превратиться в отбивную.

Некоторое время мы просто плескались в фонтане, наслаждаясь прохладой воды. Царящий вокруг бедлам почему-то совершенно не волновал. Наверное, начинаем привыкать.

— Ну, и что было сделано неправильно? — отдышавшись, спросил Марк.

— Все было просто прекрасно, — похвалил нас Амброс. Я опешила.

— Вы продержались больше шести минут! — довольно продолжал он. — Результат замечательный. Если бы не этот бык... Ну, вероятность нападения животного, конечно, была, но риск есть в любом деле.

Он дал нам пару минут, чтобы порадоваться, и добавил:

— Как всегда, есть замечания.

— Как всегда, — дружно отозвались мы.

— Таунта. Чтобы двигаться вперед, нужно было петлять поочередно в разные стороны. Ты сместился вдоль арены по кругу. Если бы шел правильно, пересек бы толпу насквозь. А так тебя утащили вбок. Анерстрим. Шла хорошо, но раз уж бык все равно напал, сразу бы и стреляла. У тебя было целых сорок секунд. Убила бы его во время первого же обхода, и он бы не упал на тебя.

— Переделась бы женщиной, — сердито парировала я, — и не пришлось бы путаться в юбках. От них один вред — и быка раздражили, и пистолет не вытащишь.

— Ладно, договорились, — легко согласился Билл. — Возвращаемся и переигрываем.

* * *

Когда мы, страшно оборванные, выбрались из капсул, вокруг поднялся шум. Техники бросились к Биллу, Энн и Пол — к нам с Марком.

— Где вас так отделали? — спрашивали ребята. Я так растерялась, что не могла отвечать, и машинально придерживала левую руку, не сразу сообразив, что здесь она уже здорова.

Подожел Уокер и выхватил Билла у техников.

— Что произошло? — спросил он. — Почему не выключают перфоратор?

— Мы возвращаемся, — ответил Билл. — Только переоденемся.

— Что с Джелайной? — не унимался Чарли. Мне аж не по себе стало от такой заботы. Билл обернулся.

— Джа, отпусти руку, не отвалится, — хмыкнул он. — Ключицу сломала, — пояснил он Уокеру.

— Как? — ахнула Энн и принялась осматривать мое плечо, оторвав остатки воротника. Похоже, она тоже не сразу вспомнила, что раны проекции не возвращаются в реальный мир.

— Бык наступил, — кивнул на меня Марк. — Да что ты там прощупываешь, у нее переломы и так хорошо видны, даже без рентгена.

— Кто наступил? — не поняла девушка.

— Бык. На корриде.

Энн тотчас же притихла. Не знаю, какую картину нарисовало ей воображение, но побледнела она основательно.

— А сейчас? — шепотом спросила она. — Тебе больно?

Я помотала головой.

— Меня ни разу в жизни ничем не ранило, — призналась Энн. — Даже не представляю, каково это.

— Все не так страшно, — успокаивающе улыбнулась я, и тут снова обратила внимание на Чарли. Только что такой деятельный, теперь он просто стоял рядом и не сводил глаз с моего оголенного плеча. Я поспешно натянула разорванное платье обратно. Уокер быстро взглянул мне в лицо, отвернулся и отошел.

* * *

Повторный заброс оказался куда успешнее. Сценарий был тем же самым. Только теперь мы уже заранее знали, как вести себя лучше всего, и отделались меньшими потерями в одежде. К счастью, ни одного быка мне больше не встретилось. Мы с Марком прошли всю толпу и почти одновременно оказались на пустой арене, где нас уже поджидал Билл.

— Ай, молодцы, — похвалил он. — А теперь бонус. Смотрите.

Амброс простер руку в сторону фонтана. Я проследила взглядом и увидела... нас. Ободранные, грязные, растрепанные, мы жадно пили воду, подставляя под струйки руки — кто обе, а кто только одну. Господи, до чего же кошмарно я выглядела со стороны! Хорошо еще, с нами в реальный мир не вернулись грязь и кровь, только лохмотья.

— Ух ты! — присвистнул Марк. — Это сколько же проекций одного человека можно забросить в один и тот же момент?

— Только одну, — ответил Билл. — Мы сейчас пришли на минуту позже. Кстати, Джа, если хочешь, вернемся еще раз, зайдем безопасное место, и посмотришь со стороны, как бык через тебя перекатывался.

— Ну, и зачем мне это? — передернулась я.

— Чтобы самостоятельно оценить свои ошибки.

— Нет, спасибо. Я их уже... оценила.

— А мы можем подойти к ним? — поинтересовался Марк.

— Зачем? Они сейчас уйдут, все равно не успеешь.

— Да я быстро.

— Не успеешь, — уверенно сказал Билл. — Если бы ты успел сейчас, то и к нам бы подошли еще тогда.

— Погоди-ка, — обалдела я. — Ты хочешь сказать, что они, то есть мы, были здесь и в прошлый раз?

— Возможно, — спокойно кивнул Амброс. — Точно не могу сказать, нам ведь было не до того, чтобы оглядываться по сторонам. Но они нас, скорее всего, так же видели, как мы сейчас.

— Билл, но это же будущее! — взвилась я. — Как могло тогда произойти то, что записывается только сейчас?

— А ведь верно... — пробормотал Марк. Мы замерли, ожидая ответа.

— Знаете, ребята, — задумчиво начал Амброс, — в утопиях прошлого будущее проекций — это очень условное понятие. Время — вообще интересная штука. В нем существует еще очень много неясного, не определяемого обычными закономерностями.

Оборванная группа у фонтана незаметно растворилась в колышущемся мареве. Вот, значит, как это выглядит со стороны: будто круги по воде разбежались — и уже никого. Красиво...

— Счастливого пути, — зачарованно пробормотала я.

— У Патруля Времени есть уникальное в своем роде понятие "замкнутый цикл", — продолжал Билл, несколько не впечатленный увиденным. — Такие вещи иной раз происходят, что диву даешься. Наши с вами пересечения с собственными проекциями в утопиях — ерунда по сравнению с тем, что может случиться на одной экзиспирали, — он хмыкнул, что-то вспомнив. — Патрульные иногда такие истории продают в Голливуд — закачаешься. И ведь никому никогда и в голову не придет, что все это — подлинные события.

— Замкнутый цикл — это когда вероятные события будущего определяют сознательное изменение прошлого, так вроде? — припоминая, спросил Марк.

— Не совсем, — медленно, будто нехотя, ответил Билл. — Скорее уж, события настоящего, которые обязательно должны произойти, чтобы сохранить допустимость изменений прошлого, ну, и будущего, соответственно.

— Это как? — запуталась я. Амброс повернулся и посмотрел мне в глаза.

— Цикл взаимосвязанных событий обязательно должен замкнуться, — тихо, как-то торжественно, произнес он. У меня даже мурашки по спине побежали от его серьезности. — Если цикличность доказана, то это тот самый случай, когда разрешается, а порой даже предписывается применение одного-единственного исключения из главного запрета патрульных. События настоящего должны повториться, чтобы непременно изменить прошлое. Иначе не состоится будущее.

— Ничего не поняла, — пожалала я плечами. — Конкретнее можно? Пример события...

Билл немного помолчал. Мне показалось, он уже жалеет о затронутой теме.

— Верно, на пальцах этого не объяснить, — наконец, согласился он. Резко поднялся и совсем другим тоном скомандовал: — Пора домой.

* * *

Наше повторное явление в ободранном виде уже никого не шокировало. Энн обеспокоенно спросила, не поранили ли нас снова на этот раз, этим все и исчерпалось.

— Вот так, — прокомментировал Амброс. — Это наши рабочие будни. Никогда никакой паники, ясно? Неважно, что осталось там. Главное, что здесь все в порядке.

И тут я вспомнила кое о чем, очень важном.

— Билл, я тоже хочу научиться снимать боль руками. Научишь?

— Конечно, научишься, — кивнул он. — Все рейдеры проходят обязательный курс акупрессуры. Изучаем и болевые точки, и такие, чтобы вырубить противника. Еще будем давать вам навыки оказания первой помощи. Ну, а обезболивание — само собой. Понятно, что мера временная, но иногда она дает возможность закончить дело, не сбегая раньше времени из-за пустяковой травмы. Учиться будете в утопиях — все вместе это может занять долгие месяцы.

— А могу я начать уже завтра? — загорелась я.

— Да нет проблем, — фыркнул Билл. Я обрадовалась, но он ухмыльнулся. — Только

завтра меня с тобой не будет.

А ведь действительно. Я так и оторопела, вспомнив, кто из группы ветеранов еще не тренировал меня...

— Не волнуйся, Чарли научит, — «успокоил» Амброс. — Он в этом деле большой специалист. В акупрессуре, — уточнил он и многозначительно добавил: — Разнообразной...

Я растерянно обернулась и встретилась взглядом с Уокером. Несомненно, он слышал каждое наше слово. Чарли неторопливо кивнул мне, словно отвешивая крошечный поклон. Всегда к вашим услугам, мисс.

Вот я и попала... Теперь уже наверняка.

* * *

С работы мы в тот день ушли рано. Впечатленный кровавой развязкой корриды, Марк позвал нас всех выпить по бокалу «Маргариты». Пока он, присочиняя яркие и нелепые подробности, живописал хихикающим Энн и Полу, как мы лихо расшвыряли толпу испанцев, я лишь изредка вяло кивала, если он призывал подтвердить. Потом Энн рассказывала, где она была с Кей Си. Я почти не слушала и оживилась только тогда, когда Пол поделился своими приключениями под руководством Уокера. Правда, Пол рассказывал в основном о себе, а не о нем.

— Вот что интересно, — вдруг заметил Марк, обращаясь к ребятам. — Меня и Джа Амброс уже гоняет всерьез, и как правило, с оперативкой, пусть и шальной, а вас двоих только-только начинает приучать. Даже график рейдов будто специально сложился так, что с ним мы идем именно такими парами, не меняясь. Уокер тоже... Как-то несерьезно — что с Энни, что с тобой, Пол, а вот меня он заставил поработать как следует...

— А ты, случайно, отношения с ним не выяснял? — чуть усмехнувшись, перебила Энн.

— С какой стати? — холодно отозвался Марк. — Разве нам с ним есть, что делить?

Энн помрачнела. Мне стало немного неловко. Пол сосредоточенно уставился в свой бокал.

— Посмотрим, куда Уокер погонит тебя завтра, — обратился он ко мне, стараясь не смотреть на надутую парочку. — Если тоже попадешь в оперативку, честное слово, начну думать, что нас с Энни будут выводить из игры.

— Что?! — возмутились мы с Энн.

— Очень просто, — хмуро пояснил Пол. — Ветераны сразу видят, кто чего стоит. Слабые идут в отсев. Мы с Энни отставали от вас с самого начала. Джа, ты ведь тоже нас вычислила, еще в палеолите. И в пробный рейд взяла на прикрытии Марка, а нас оставила наблюдать.

— Да я наобум вас тогда распределила! — воскликнула я. — Послушайте, никто никого не отсеет, понятно вам? Просто с каждым работают индивидуально, в соответствии со способностями. Черт возьми, мы же команда! Мы и не должны быть одинаковыми! Нам нужно дополнять друг друга.

Все какое-то время помолчали.

— Ладно, время покажет, — подытожил Марк, и мы разошлись.

Вопреки своему обычному распорядку, сегодня я не пошла в тренажерный зал. Домой тоже не хотелось. Я побродила по торговому центру, разглядывая ярко освещенные витрины, зашла в несколько магазинчиков, и все размышляла... Опомившись, обнаружила себя в окружении манекенов, наряженных в головокружительно красивое нижнее белье. И уже держала в руках самый шикарный комплект.

— Ну что, примерите? — с готовностью спросила ожидавшая рядом продавщица. — Это как раз ваш размер. Самое лучшее из всего, что у нас сейчас имеется.

Естественно, комплект оказался и самым дорогим. Обычно я не покупаю ничего подобного — а зачем? Но сейчас почему-то позволила продавщице проводить себя в примерочную. Действуя почти машинально, надела этот комплект — и замерла, вытаращившись на себя в огромное зеркало. Белье было просто роскошным. Оно смотрелось роскошно даже на мне!

Стараясь не думать, и еще раз не думать о причинах такого поступка, я его купила. Завтра же на работу...

Глава 9

Удивительно, но на этот раз бессонница сжалилась надо мной. И все равно я чувствовала себя какой-то вялой. Проснувшись ни свет ни заря, бесцельно бродила по квартире, как сомнамбула, натываясь на мебель и углы, дважды заново разогревала завтрак, и в итоге чуть не опоздала на работу. Собиралась уже в спешке, торопливо надевая новое роскошное белье, и мысленно повторяя, что это еще ничего не значит, это просто так, на всякий случай, и вообще только для себя...

— Та-ак, — протянул Билл, занося карандаш над расписанием для Мерриса. — Что у нас тут осталось? Таунта с Кей Си, Анерстрим с Чарли, Диклест и Каннингем со мной. Ну вот и все, график готов. Если потом возникнет необходимость поменять общий порядок, пожалуйста, согласовывайте это заранее.

Ветераны дружно кивнули. Планерка закончилась. Вот так — просто, быстро и буднично. Больше никто не ломал комедию. Все разошлись вместе со своими напарниками, и в кабинете остались только мы с Уокером.

Когда я, наконец, собралась с духом и посмотрела на него, то снова растерялась. Я уже приготовилась увидеть знакомую насмешливую улыбку, легкую иронию в глазах — именно таким он выглядел в первый день стажировки, уходя с Энн. Но Чарли был непривычно серьезен. Он пристально смотрел на меня, чуть хмурясь и, похоже, чего-то ждал. Помолчав немного, он быстро вздохнул и встал из-за стола. Мне показалось, его что-то беспокоит.

— Идем, Джелайна, — мягко сказал он, остановившись рядом и подавая мне руку. Это пришлось очень кстати — по непонятной причине я едва могла двигаться. Поднявшись со стула, я оказалась совсем близко к Чарли, и тут же утонула в его глазах. Я только сейчас

разглядела как следует, что они у него темно-серые с зеленоватой звездочкой. В кабинете было очень светло, но зрачки у Чарли были почему-то слегка расширенными. Раньше я никогда не обращала внимания на такие мелочи, но раньше они меня ни в ком и не интересовали. Теперь же, казалось, весь мир сжался до крохотного расстояния между нами, и все вдруг стало очень важным.

Я вдохнула тонкий аромат одеколона, и на меня вмиг обрушились все остальные ощущения. Тихое дыхание... Тепло, излучаемое телом... а я и не знала, что можно так запросто почувствовать это сквозь одежду. Уверенная надежность пальцев, все еще державших мою ослабевшую руку...

Оглушительно затрезвонил телефон, вмиг разрушив все очарование. Я вздрогнула и отпрянула назад, опрокинув стул. Уокер быстро подошел к столу и схватил трубку.

— Да? — резко спросил он. — Да, идем. Что?

Тут он бросил быстрый взгляд куда-то поверх моей головы. Я оглянулась. Под потолком светился красным огонек камеры наблюдения. Чарли молча положил трубку и, не глядя на меня, стремительно вышел прочь. Я перевела дыхание и на негнущихся ногах отправилась следом.

* * *

На первый взгляд утопическая Италия середины двадцатого века жила тихой, патриархальной жизнью. Но вскоре стала заметна постоянная настороженность и парадоксальная несловоохотливость здешних итальянцев, доходящая до полного игнорирования. Даже спросить дорогу толком не получалось. Помучившись некоторое время с разыгрыванием стандартного варианта "бестолковые иностранцы", мы остановились в гостинице и начали внедрение. Больше полдня ушло только на примерное освоение здешнего итальянского — менталингворам приходилось медленно собирать жалкие крохи из скупых фраз, клещами вытягиваемых нами из горничных и официантов. Присматриваясь к жизни обывателей, я стала замечать окованные железом двери домов, решетки на окнах даже верхних этажей, и лежащие наготове заряженные ружья под прилавками магазинчиков. Люди жили в постоянном страхе, но причину этого установить не удавалось. Казалось, даже в воздухе витает что-то угрожающее. Мне здесь не понравилось сразу, и чем дальше, тем это чувство становилось все тягостнее.

Да и сама работа... Это было ужасно. Делать что-то бок о бок с Уокером мне оказалось просто невыносимо. Уже само его присутствие рядом моментально выбивало у меня почву из-под ног. Я совершенно переставала соображать, терялась, несла всякий вздор, заикалась и все время путалась. Чарли приходилось повторять мне одно и то же по три раза. Но надо отдать ему должное — он не раздражался, не повышал голоса. С нечеловеческим терпением объяснял все снова и снова, лишь в глазах изредка проскальзывала знакомая усмешка. Да, знаю, я вела себя хуже закомплексованного подростка, но ничего не могла с этим поделать, а он... Господи, он прекрасно видел все это и, несомненно, все понимал! Говорил же, что оставляет меня на десерт, и вот — он всю наслаждался игрой в кошки-мышки.

Первый изматывающий день наконец-то подошел к концу. Постояльцы гостиницы задвигали засовы дверей, запирали решетки балконов и даже плотно задергивали занавески. Я в своем номере сделала так же — мало ли, что у них тут бывает по ночам. Но пока все

было тихо.

Когда пробило десять, в дверь постучали. Я, не задумываясь, открыла. Это оказался Уокер.

— Что случилось? — встревоженно спросила я.

— Ничего не случилось, — спокойно ответил он. — У нас теоретическое занятие.

— Сейчас?

— А на других тренировках у вас бывает иначе? — усмехнулся Чарли. — По вечерам ведь всегда занятия, насколько мне известно. Что-то изменилось?

Вот черт, действительно. А я и забыла...

— Хорошо, — пискнула я. — Проходи, располагайся.

Уокер прошел в комнату и расположился на кровати. Собственно, кроме кровати, в крошечном номере и присесть-то было больше некуда.

— Кстати, не спеши сразу открывать дверь, — посоветовал Чарли. — Заметила, как тут все баррикадируются?

— Разве нам есть чего бояться? — нервно фыркнула я. Нет, нервничала я вовсе не из-за абстрактной опасности извне, а из-за вполне конкретного мужчины, который с удобством облокотился на подсунутую под бок подушку, и приглашающе похлопал ладонью рядом с собой. Я притворилась, будто не заметила этого жеста, и осталась стоять, сложив руки на груди.

— Ну, и какой будет тема занятия?

Чарли чуть развел руками.

— Станный вопрос, Джелайна. Ты же сама вчера выбрала курс для изучения.

— Да? — растерялась я, отчаянно делая вид, что не припоминаю. — Э-э... и какой?

Он пожал плечами с самым невинным видом.

— Акупрессура.

Ну вот, Джел, ты и доигралась... Как говорится, не умеешь — не берись.

— Знаешь, — неуверенно начала я. — Давай лучше перенесем этот курс как-нибудь на потом. Когда начнем уже нормально работать. Будем учиться всей группой.

— В этом нет смысла, — весело поблескивая глазами, ответил Уокер. — Акупрессуре обучаются индивидуально. Никто ведь не учит, скажем, хирургии по телевидению, верно? Нужно показывать на практике.

Он сел прямо, отодвинул подушку и поманил меня.

— Иди сюда.

Ну вот как у него это так выходит, а?! Он ведь не сказал и не сделал ничего особенного. Любой из знакомых мне парней мог точно так же прийти, развалиться на кровати и сказать все то же самое, не вызвав никаких неоднозначных ассоциаций. Но рядом с Чарли мне все казалось двусмысленным.

— Иди сюда, Джелайна, — улыбаясь, повторил он. — Я не съем тебя.

Упрямыться было глупо. Я осторожно присела на самый краешек кровати. Уокер сам подвинулся ближе и подцепил мою руку, взвесив ее на своей ладони.

— У человека на каждой кисти находится по двадцать восемь активных точек, — неторопливо заговорил он, легко водя кончиком пальца по тыльной стороне запястья. Тема была вполне нейтральной, и я начала постепенно успокаиваться, невольно переключившись целиком на тактильные ощущения.

— На всем теле этих точек больше трех сотен, — продолжал Чарли. — Большинство из

них бесполезны для обычного воздействия, годясь только для иглоукальвания. Из оставшихся еще две трети отпадают по причине слабой отдачи — это так называемые терапевтические точки. А мы будем изучать только те, что обеспечивают заметный, практически мгновенный эффект. Снять боль или причинить ее, лишить сознания или обездвижить — всему этому можно научиться. Говорят, путем определенных манипуляций можно даже убить. Но если и так, то мне эта техника неизвестна. Предпочитаю оружие.

Пока Чарли рассказывал, его пальцы начали медленно поглаживать мою руку все выше, от запястья к локтю, потом к плечу. Меня постепенно охватывало какое-то оцепенение, обволакивающий теплом транс. Пальцы Чарли легко, едва ощутимо, коснулись моей шеи.

— Большинство нужных нам точек находятся в верхней части позвоночника. Отсюда идут нервные связи ко всему телу. Вот смотри.

Уокер вдруг остро надавил мне сразу в четырех местах у самого основания черепа. И тут же все тело перестало слушаться. Руки безвольно упали, голова запрокинулась, и я вся стала мешком заваливаться куда-то вбок. Чарли ловко подхватил меня и уложил на спину.

— Ну как? — лукаво спросил он, склоняясь над самым моим лицом. — Впечатляет?

— Верни, как было! — запаниковала я. Чарли снова приподнял меня и усадил, обнимая за плечи.

— Совсем!

Уокер тихонько рассмеялся. Похоже, ему прищлась по вкусу эта своеобразная власть надо мной.

— Конечно, Джелайна. Не бойся.

Одно движение — и все стало, как прежде. Я тут же вскочила.

— Довольно!

Чарли обезоруживающе улыбнулся.

— Мы же только начали.

— Да? И что дальше? Причинение боли? Лишение сознания?

— Само собой, — ответил он. — Меня тоже так учили. Ты должна сама пройти через все, что научишься делать другим людям... ну, кроме самого мучительного, конечно.

Я вдруг отчетливо поняла, что он говорит это совершенно серьезно.

— Нет. Думаю, на сегодня с меня хватит таких экспериментов.

— Как скажешь, — легко согласился он. — Тогда могу показать главные обезболивающие точки.

— А-а, Билл мне что-то такое делал...

— Помнишь, что именно?

— Нет. Как-то не до того было.

— Иди сюда, — Чарли притянул меня за руку и усадил спиной к себе. — Вот так. Вспомнила?

— Да.

— На эти точки воздействуют при переломах. Еще здесь. Понятно?

— Да.

Я старалась отвечать односложно, чтобы сдерживать неровное дыхание. Уокер не спешил отпускать меня. Он начал массировать плечи, разминая их сильными пальцами.

— Ты так напряжена, — тихо сказал он. — Расслабься. Обещаю больше ничем не пугать.

Он сел поудобнее, поджав ногу и упершись коленом мне в спину, чтобы я могла слегка

откинуться назад. Надо признать, массаж он делал просто мастерски. От его рук у меня все тело пронизывали приятные теплые импульсы. Я действительно стала расслабляться, а Чарли ловко и почти незаметно расстегнул и стащил с меня клетчатую рубашку, спустил с плеч майку и бретельки бюстгалтера. Его пальцы искусно находили самые восприимчивые места и мгновенно превращали их в расплавленный воск. Мне приходилось делать над собой усилие, чтобы не выгибать непроизвольно спину, и прикусывать губу, чтобы ненароком не застонать. Хотя, думаю, Чарли именно этого и добивался. Может, он и такие точки знает?

— При растяжении связок на руках, — выдохнул он мне в самое ухо, — эффективны вот эти точки... — с этими словами Уокер опустил ногу, я внезапно лишилась опоры и буквально опрокинулась ему на колени. Чарли удержал мой порыв немедленно подняться и принялся большими пальцами поглаживать спереди под ключицами. Я попыталась оттолкнуть его, но он тут же как-то надавил — и мышцы на руках сразу стали вялыми.

— Хватит! — из последних сил взмолилась я. — Ты называешь это теоретическим занятием?

— Да какая разница, как называть? — ухмыльнулся он.

— Верни, как было, — снова потребовала я. — Ты же обещал больше не пугать.

— Тебя это пугает? — улыбка тотчас же сошла с его лица. Наверное, решил, что направленный паралич напоминает мне о старой травме позвоночника. Ох... знал бы Уокер, что сейчас меня гораздо больше пугает моя собственная реакция на него и полная неспособность нормально соображать. Хотя, скорее всего, он и об этом догадывался.

Чарли вернул моим рукам прежнее состояние и помог подняться. Теперь мы сидели лицом друг к другу. Я торопливо поправила сдернутую вниз майку и пробормотала:

— Я знаю, что мне следует доверять тебе. Но все равно как-то... страшновато. Вдруг ты не сможешь вернуть все назад?

— Со мной тебе нечего бояться, — заверил он. — Да и снять паралич гораздо легче, чем устроить его. А если что, при любом состоянии у нас всегда есть универсальное средство отката.

Мда... Усердно ища отговорки, я не предусмотрела самого простого вывода.

— Давай все-таки перенесем это на занятия со всей группой, ладно? Вот ты упомянул хирургию. Но ведь человека не учат оперировать себя самого, да еще и на нем же. Как я научусь акупрессуре на себе самой?

— Меня учили именно так, — тихо ответил Чарли. При этом глаза его так странно блеснули, что в мою голову тут же закралось дерзкое предположение о том, как именно проходили его собственные уроки... Кстати, это легко объясняло двусмысленность нашей ситуации, создаваемую им как бы случайно. Вроде бы ничего особенного, со стороны — всего лишь обучение, но в то же время сильно смахивает на завуалированное соблазнение. Может, у него просто приятные воспоминания, а я бог знает что себе вообразила!

— Видимо, я не такая способная, как ты, — попыталась я отшутиться. — Мне лучше показать на ком-то, и чтобы я так же попробовала.

— Ага, значит, сама боишься подвергаться этому, а на ребятах можно?

— Почему же? Пусть и они учатся на мне, я не против.

— Каждый должен в первую очередь изучить все на собственном теле, — возразил он. — Если ты окажешься в рейде одна, кто тебе поможет?

— Значит, надо одновременно учиться и на себе, и на других.

— Ладно, — после небольшой паузы произнес Чарли. — Может, тебе действительно

будет понятнее именно так.

Охватившее меня облегчение оказалось преждевременным. Уокер не отложил занятие до встречи с группой. Он просто встал и снял футболку, оголив мускулистый поджарый торс, покрытый ровным золотистым загаром из солярия.

Твою мать, Уокер! Мало мне одной твоей выводящей из равновесия компании, дразнящих улыбок и ловких пальцев! Теперь еще и это...

Чарли отложил футболку и сел, отвернувшись, за что я мысленно вознесла хвалу всем существующим богам. Теперь, когда не нужно было контролировать выражение лица, я принялась жадно разглядывать его, отчаянно борясь с искушением прикоснуться, погладить эту спину, прижаться к ней...

Уокер поднял руки, завел их назад и принялся показывать на себе обезболивающие точки. Узловатые мышцы рельефно перекатывались под тонкой гладкой кожей. Я то и дело отвлекалась на это волнующее зрелище, забывая смотреть куда положено.

— Попробуй нащупать на себе, — указывал он. — В этом месте должна ощущаться маленькая ямочка. Нашла? Теперь ищи на мне. Нет, не там, чуть выше. Да, здесь.

Странно, что я вообще смогла что-то правильно нащупать. Кажется, Чарли не заметил этого, или сделал вид. Он показал мне остальные обезболивающие точки, и перешел к снимающим паралич.

— Да, Джелайна, сначала именно снимающие. Прежде, чем взлетать, надо научиться падать. Ладно бы паралич, есть ведь и лишение сознания. Вырубишь меня, а откачать не сможешь, и что тогда?

— И что тогда? — испуганно повторила я.

— Сам оклемаюсь через пару часов, — усмехнулся он, — но с дикой головной болью. И тогда берегись.

Хорошо, что предупредил. А то у меня уже было зародился трусливый план его временной нейтрализации... Нет, все-таки я гадкая, что бы там ни говорил Билл. Сама-тс Уокера невесть в чем заподозрила, когда он меня обездвизил...

В самом деле, по здравому разумению, все, что здесь происходило, вполне укладывалось в пристойные рамки. Будь вместо Чарли, скажем, Билл, и делай он все то же самое — я бы даже мысли иной не допустила. Всему виной мое влечение, и только оно. Да, Уокер спал со всеми напарницами, но ведь они и сами в открытую стремились к этому! Да, он явно провоцировал меня, но достаточно деликатно, без лишней настойчивости. Возможно, он предпочитал не форсировать события, предоставляя женщине самой сделать первый шаг. Не знаю, как с аборигенками утопий, а вот с напарницами, скорее всего, именно так и было. И, наверное, ни одна еще не заставляла себя ждать.

— А точки от растяжений находятся вот здесь, — Чарли повернулся ко мне лицом, и я поспешно отвела взгляд. Но удержаться от того, чтобы не полюбоваться им, все-таки не смогла. Да ладно, чего уж там — любая женщина на моем месте делала бы то же самое. Если не любоваться такими мужчинами, то куда тогда вообще смотреть? Тем более что этот мужчина прекрасно знал о своей привлекательности, явно заботился о внешности и воспринимал интерес к себе, как нечто само собой разумеющееся.

Но я так и не успела толком рассмотреть Чарли. Пораженно замерла и уставилась в одну точку на его широкой груди, чуть левее центра. Уродуя безупречно-золотистую кожу, в этом месте зловеще белел крупный выпуклый шрам в виде неровной шестиконечной звезды.

— О, Господи! — воскликнула я, не сдержавшись, и тотчас же зажала себе рот. В ужасе

от своей бестактности, я виновато подняла глаза. Чарли молча наблюдал за мной.

Я закрыла лицо руками, отчаянно желая немедленно провалиться сквозь землю. Проклятье! Никто из бывших напарниц Уокера, подробно его обсуждавших, никогда не упоминал об этом шраме, во всяком случае, при мне. Энн тоже ничего не говорила. Но как можно было его пропустить? У меня мелькнула глупая мысль, что он, наверное, только-только появился, и я первая, кто его видит. Но нет, шрам был явно старым, давно выцветшим, и края его уже выровнялись, зарастая волосками. А вообще-то, я бы и сама теперь никому не стала рассказывать о том, что видела.

— Чарли... — жалобно пискнула я. — Прости.

— За что? — со спокойным удивлением спросил он. Я подняла голову. Уокер смотрел на меня немного обеспокоенно.

— Прости, — снова повторила я. — Я невоспитанная свинья.

— А-а... — протянул Чарли. — Ничего страшного, Джелайна. Это ерунда. Твоей винь здесь нет, так что и извиняться не надо, — он машинально коснулся шрама и задумчиво опустил голову.

— Чарли, но как... Откуда у тебя такое?

Он выпрямился и посмотрел мне в глаза уже с прежней усмешкой.

— Ну, подумаешь, старая рана. Шрамы только украшают мужчину.

— Нет, — прошептала я. — Ни капельки. И мне плевать, кто и сколько раз говорил тебе обратное.

— Между прочим, — заметил он, — ты первая, кто реагирует настолько бурно. Честно говоря, уж от тебя-то никак не ожидал.

Я покачала головой. Следовало бы тактично свернуть этот неприятный разговор, но я никак не могла успокоиться. Заметный шрам — это вам не файлы в досье, так просто не сотрешь.

— Дело вовсе не в том, как он выглядит. Где можно получить такую рану? Это же что-то жуткое! Что это было?

— Осинový кол, — ухмыльнулся он, но в глазах появилось напряженное беспокойство.

— Черт... — поморщившись, пробормотала я. — Это ведь действительно была грубая проникающая рана! А потом ее еще и расковыряли. И плохо лечили.

— Одно из двух, — предположил он, продолжая улыбаться одними губами. — Ты либо подпольно практикующий доктор, либо ясновидящая.

Я несмело протянула руку и коснулась шрама. Провела по нему пальцами и уверенно заявила:

— Уже мягкий. Лет десять, не меньше.

— Да, давно, — тихо согласился Уокер. — Можно сказать, совсем в другой жизни.

— Еще до TSR?

Чарли кивнул. Силы небесные, да что же скрывается в его засекреченном прошлом?!

— Кто тебя так? И чем?

Снова пустая вежливая улыбка и отсутствующий взгляд.

— Джелайна, ты и так сделала все, что могла. Все в порядке. Правда. Забудь.

— Да что я такого сделала? — растерялась я.

— Твое искреннее беспокойство, — пояснил он. — Так трогательно.

— Чарли, я не вижу в этом ничего смешного. Мне на этот шрам даже смотреть больно!

Он вдруг перестал улыбаться и слегка наклонился вперед.

— Почему тебе больно на него смотреть?

— Я вовсе не имела в виду, что он настолько безобразен, — торопливо пояснила я. — На самом деле нет, — и тут я заметила, что Чарли смотрит куда-то вниз. Тут до меня дошло, что я изо всех сил прижимаю кулак к груди в том же месте. Мне действительно стало не по себе.

— О! — иронично произнес Уокер. — Оказывается, хладнокровная истребительница палеопитеков умеет не только совеститься, но и сопереживать.

Он явно пытался отвлечь меня саркастической насмешкой. А вот глаза так и остались встревоженными. Нет уж, дорогой мой, придумай что-нибудь получше. Соображать я тоже умею... когда могу.

Нет, эта зараза все-таки читает мысли. Не успела я подумать об этом, как он близко придвинулся и проворковал:

— А может, ты вовсе не такая уж и хладнокровная, какой стараешься казаться?

Кровь тут же ударила мне в голову, и всякие мелочи вроде нерешенных загадок разом отошли на второй план. Кончиками пальцев Чарли снова пробежался по моей руке до плеча и к шее. Да, он точно знает всякие точки из тех, которым не учат всех подряд. Я растаяла в мгновение ока.

— Нет, — еле слышно прошептал он. — Во все не хладнокровная.

Его зрачки снова были расширены, да еще как! Теплая рука легла мне на спину и слегка нажала, подталкивая ближе. Я автоматически уперлась в грудь Уокеру, и вздрогнула. Сердце рядом с гладкой звездой колотилось быстрее, чем у меня!

Та-ак, где это я там разорвалась про первый шаг?.. Вычеркивайте.

Нет, я не стану утверждать, что не предполагала подобного варианта развития событий. Было бы глупо отрицать очевидное — наоборот, именно этого я и ждала, и боялась. Все время, с той самой минуты, как мы высадились в этой утопии. Черт, лучше бы я надела какое-нибудь старенькое, невзрачное бельишко — чувство неловкости тогда дало бы лишний стимул увильнуть. Но роскошный новый гарнитур, как назло, подстрекал сдать и продемонстрировать его во всей красе.

Да! Да, Джел, плюнь на все, и развлекайся, как Энн, живи сегодняшним днем.

Но только сегодня. Завтра Чарли станет чужим и далеким. А твоя убогая жизнь полетит к черту.

Это враз отрезвило меня. Даже мысли прояснились, и я сделала неприятное открытие. Ведь Чарли сейчас хочет всего лишь отвлечь мое внимание. Надо признать, он выбрал для этого самый верный способ. Для чего же еще я ему нужна?

Уокер легко обхватил меня ладонями за талию и потянул к себе. Сильный, горячий, настойчивый... Рядом с его мощными руками мои выглядели переломанными пополам бледными косточками.

— Чарли, ну зачем это тебе? — почти беззвучно взмолилась я. — Я еще могу понять про Энн... и некоторых других...

— Некоторых? — легко перебил он. — Ты, наверное, хотела сказать «всех»? Тебе же известно, что я ни для кого не делаю исключений.

— Говоря «некоторых», я имела в виду "хотя бы симпатичных".

Уокер вдруг чуть отстранился и принялся близко разглядывать меня. Откуда-то взялось ощущение, что он только сейчас пытается рассмотреть получше. Чарли криво усмехнулся, но усмешка вышла какой-то грустной. Слегка наморщив лоб, он еле слышно задумчиво

промолвил:

— Ты знаешь, а я постоянно забывал твое лицо. И потом... все время пытался вспомнить, мысленно представить себе — и не мог. Даже сейчас, вижу каждый день... — тут он осекся и опустил взгляд, а я сидела, как громом пораженная. То, что он меня забывает, не удивляло, ведь именно за эту особенность внешности я и попала в TSR. Удивляло то, что Чарли вообще вспоминал о моем существовании! И еще до начала наших стажировок, если я правильно поняла смысл сказанного.

Ну да, он иногда мимолетно флиртовал со мной при случайных встречах. Но я абсолютно уверена, что он делал это только затем, чтобы позабавиться. Скорее всего, он вел себя так же и с другими, просто я ничего не замечала дальше своего носа. Однако Пол говорил, что Уокер уже давно пристально следит за мной. Знать бы еще, зачем Чарли это нужно. Уж наверняка не за тем, чтобы просто личико запомнить.

Уокер вдруг порывисто обнял меня, крепко прижав к груди. Почему-то мне пришло в голову, что так обнимаются, прощаясь. Вот и прекрасно. Мысленно простившись с ним, я упрямо отстранилась, встала и сухо сказала:

— Тебе лучше уйти.

Определенно, этот мужчина прежде никогда не слышал слова «нет». Моя подчеркнутая серьезность несколько не смутила его.

— Джелайна, что случилось? Я тебя чем-то обидел?

— Нет, просто уже поздно. Я провожу... — я подала Чарли его футболку, но он тут же вскочил и схватил меня за руку.

— Я и сам знаю, где дверь, — тихо произнес он. — В чем дело? Что не так?

Он попытался снова обнять меня, но я отступила назад.

— Спасибо за урок, мистер Уокер. Все было очень познавательно. Спокойной ночи.

Чарли помрачнел. Нет, внешне он оставался бесстрастным, только в глазах все глубже разверзалась пропасть.

— Ах вот, в чем дело, — промолвил он. — Ты, значит, пришла сюда только тренироваться?

— Вот именно, — заявила я. Даже если бы я и решила сейчас передумать, отступить было уже поздно. — Работать, а не развлекаться.

Но Чарли уже снова сменил тактику. Нервно улыбнувшись, он мягко спросил:

— Джелайна, дорогая, зачем ты так со мной?

Моя защита вмиг дала трещину. Нет, надо как-то выгонять его, причем срочно.

— Ты уж извини, что вынуждаю тебя нарушить приятную традицию, — как можно желчнее сказала я, — но сделать исключение все-таки придется. Уходи.

Глаза Уокера потемнели, как небо перед грозой.

— Да что за глупые детские комплексы?! — взорвался он. — Что за проблемы на пустом месте?!

Мне вдруг стало так обидно! Что он о себе возомнил, зараза такая?! Еще и недоволен!

— Да, на пустом месте! — вспыхнула я. — Уж тебе-то никогда не узнать, каково это — стать пустым местом!

— Джелайна, я же не слепой и не идиот! — воскликнул он, хватая меня за плечи. — В чем дело?

— Я не горю желанием побыть очередной игрушкой на час, а потом возглавить твой фан-клуб, — отталкивая его, процедила я. — И не ори на меня! Это ты дома можешь женой

командовать, ясно? Или играй с остальными, они ради тебя на все готовы. А я пришла в TSR работать.

Чарли словно ударили. Даже лицо вмиг заострилось. Господи, да что я такого сказала?

— Бред какой-то получается, — опускаясь на кровать, растерянно пробормотал он. —

Полный казус для любого психоаналитика, даже для нашего...

Попятившись от него, я дрожащим голосом произнесла:

— Знаешь, Чарли, я, конечно, не специалист и могу ошибаться, но по-моему, твои проблемы куда глубже моих.

Он посмотрел на меня долгим странным взглядом, и вдруг резко встал и ушел, грохнув дверью так, что в окне задрожали стекла. Я присела на край кровати, меня всю колотило.

Нет, я не ошибаюсь. Определенно, гораздо глубже.

Глава 10

Синие предрассветные сумерки застали меня сидящей на подоконнике. Свернувшись клубочком, я смотрела на медленно светлеющее небо над темными крышами и размышляла, как теперь быть. Первая стажировка вряд ли должна длиться больше суток, так что, скорее всего, сегодня мы уже вернемся домой. А этот день я как-нибудь переживу. Был, правда, еще вариант: Чарли может решить задержаться и повторить попытку. Вполне вероятно, кстати. Готова спорить на что угодно, ему еще никогда не отказывали. А тут — на тебе... И кто отказал? Какая-то пигалица! У него, наверное, даже в голове не укладывается, как такое вообще возможно.

За ночь в моей душе поочередно сменились обида, злость, разочарование, сожаление, отвращение к себе, раздражение и снова обида. Теперь, к счастью, преобладало воинственное злорадство, и оно помогло мне немного восстановить душевное равновесие. А что такого, в сущности, случилось? Я ничего не приобрела и ничего не потеряла. К черту все и всех. Надо снова отрастить свою старую броню и продолжать жить дальше.

В дверь постучали. Кому это еще не спится в такую рань?

— Войдите! — не меняя позы, откликнулась я.

Ха! Уокер, мать его... Жаворонок чертов... Судя по лицу, он тоже не спал. Какая прелесть.

Я снова отвернулась к окну. Злорадство ширилось и крепчало.

— Почему ты не заперла на ночь дверь? — требовательно спросил Чарли.

— И тебе доброе утро, — безо всякого выражения отозвалась я.

— Доброе утро, — сдержанно повторил он. — Джелайна, в этом городе явно беспокойно. Надо было запереться.

Неспокойно? Да по сравнению с моей душой здесь просто райская идиллия!

— Я забыла.

Уокер подошел ближе.

— Впрямь, пожалуйста, не забывай о подобных вещах, хорошо?

— Как скажешь.

Чарли явно хотел что-то добавить, но вместо этого недовольно вздохнул и направился к двери. Интересно, он что, приперся затемно только для того, чтобы проверить, заперла ли я дверь?

— Жду тебя через пять минут в холле, — обронил он, выходя.

Ага. Значит, все-таки разминка. Ну, и в чем теперь разница между мной и Энн?

* * *

Гостиница стояла на самой окраине города, рядом раскинулся речной пляж. Туда-то Уокер и повел меня. После бессонной ночи три часа изматывающей тренировки в полной боевой выкладке прошли, как три дня на каторге. Чарли внешне казался невозмутимым, но на его лице не было и следа всегдашней доброжелательности, к которой я уже успела привыкнуть. Обиделся... А впрочем, чему удивляться? Если он практически так же вел себя с Энн, которая и не думала ему отказывать, то игнорировать меня ему теперь сам бог велел. Он гонял меня так, что будь на его месте Билл, я бы уже забастовала, потом бы долго ворчала и швырялась в него ракушками. Но сдаваться Уокеру я не собиралась. Злорадство было заодно со мной, напоминая, что он тоже не выспался, и ему теперь тоже несладко. И пусть я не обладала железной подготовкой ветерана, но зато была чуть моложе. Разница в три года, конечно, с любой точки зрения являлась просто смехотворной, но меня все-таки немного утешала эта иллюзия уравнивания. О том, что Чарли вполне привычно не спать всю ночь, да при этом еще и сполна выкладываться на секс, а потом запросто выходить на утомительную разминку, я старалась вообще не думать. Крыть было нечем.

Нет, все-таки я правильно сделала, что прогнала его вчера. Я — не Энн, и проведя с ним ночь, сейчас бы просто-напросто плакала от обиды из-за его беспощадности и безразличия. А так у меня и правда начал вырабатываться иммунитет. Неужели наконец-то перегорела? От злости, что ли?

* * *

Когда Уокер сообразовал завершить тренировку, уже давно встало солнце. Городок проснулся, люди спешили по своим делам. Мы пробирались к гостинице, как через оккупированную зону — перебежками и чуть ли не ползком.

— Отлично размялись, — не удержавшись, едко заметила я, когда мы пережидали в кустах очередного прохожего. — Теперь спалимся, так ничего и не успев сделать.

Чарли лишь хмуро покосился на меня, и ничего не сказал.

В переулке мы все-таки нарвались на троих человек. Заметив нас, они возбужденно загалдели и куда-то убежали.

— Не нравится мне это, — сказал Чарли. — Ох, как не нравится.

Выбраться сразу к гостинице нам не удалось — по улице то и дело проезжали автомобили. А когда такая возможность появилась, было уже поздно. У входа толпились вооруженные люди и похоже, поджидали именно нас.

— Да что же это такое? — в сердцах воскликнула я. — У них тут что, охота на ведьм?

— Скорее уж, на людей в форме, — произнес Чарли, запрокинув голову и просматривая окна. — Но что бы ни было тому причиной, выяснять ее в компании с тобой я не намерен.

— Это еще почему?

— Ситуация уже вышла из-под контроля по моей вине, — нехотя признал он. — Я не имею права рисковать стажером.

— Я пока не вижу серьезного риска. Нам только нужно как-то попасть в гостиницу, чтобы переодеться.

— Не все так просто, — возразил Уокер. — Нас пасут еще со вчерашнего дня. Думаю, они ждали, когда мы себя хоть как-то проявим. Ты что же, не заметила, что в этом городке нет больше ни одного иностранца?

— Ладно, что будем делать? — спросила я. — Проблему-то надо как-то решать.

Чарли внимательно посмотрел мне в глаза. Мне удалось выдержать его взгляд, и я мысленно поздравила себя с обретением разума. Вчерашний вечер и ночь явно пошли на пользу.

— Если бы ты была здесь только со своей командой, — неторопливо спросил Уокер, — то что бы предприняла?

До меня только сейчас дошло, что я нервничаю именно из-за того, что приходится ждать его распоряжений. А вот Чарли сразу понял это каким-то особым чутьем. Возможно, тем самым, что помогает ему заранее безошибочно вычислять лидеров в любых группах.

Я быстро выглянула из-за угла, осмотрев толпу у гостиницы. Потом отцепила от пояса «узи» и проверила магазин, между делом говоря:

— Оставила бы ребят на страховку, Марка прикрывать, сама пошла бы в атаку. Зачинщики стоят на крыльце, их меньше десятка. Остальные вооружены плохо. Гранату на козырек над входом...

— Действуем по твоему плану, — перебил Уокер. — Остаешься прикрывать, — он привел в боевую готовность оружие и, чуть усмехнувшись, добавил: — Говоришь, пришла сюда работать? Отлично, поработаем.

* * *

Не успела я опомниться, как мы уже ввязались в заварушку. Попасть в гостиницу оказалось не так уж и сложно. Правда, на помощь итальянцам явилось неожиданное подкрепление, но я расстреляла их всех еще издали, не дожидаясь, пока Уокер мне что-нибудь прикажет. Чарли лишь одобрительно кивнул.

Внутри гостиницы нас тоже поджидали. Отстреливаясь с лестничной площадки второго этажа, мы пришли к единому мнению, что учебная миссия накрылась и пора удирать.

Лестничный пролет заволокло едким дымом. У меня заслезились глаза, остро заболело горло. Похоже, нас выкуривали каким-то довольно ядовитым газом. Ага, размечтались — отравить проекции... Сами не отравитесь своей же дрянью.

— Вещи в номере остались, — чихнув, с сожалением пробормотала я. — Казенные шмотки, рюкзак... Ну и черт с ними.

— Нет, — вдруг встрепенулся Чарли. — Ты как хочешь, а мне обязательно надо все забрать.

— Да что у тебя там? — удивилась я. Он не ответил. Совсем близко скрикошетили несколько пуль. Уокер цепко схватил меня за локоть и сказал:

— Активируй драйвер. Я заберу наши вещи и тоже уйду следом.

Где-то рядом раздался взрыв. Нас осыпало камешками и пылью. Дым быстро улетучивался.

— Ты не пройдешь туда сам, — забеспокоилась я. — Коридоры отлично

простреливаются. Я тоже пойду и прикрою тебя.

— Пройду, — уверенно возразил он. — Я и не там проходил. Возвращайся. Сейчас же!

Сверху и снизу уже звучал топот десятков ног, выкрики команд. Нас профессионально брали в клещи.

— Я не уйду без тебя! — воскликнула я. — Напарников не бросают.

Уокер стремительно развернулся ко мне и рявкнул в лицо:

— Возврат! Это приказ!

— Я тебя не оставляю!

Он выругался сквозь зубы, и вдруг наставил на меня пистолет и... выстрелил. Меня будто молотком ударили в солнечное сплетение, слегка оттолкнув назад. Кроме этого, я ничего не почувствовала поначалу. Но через мгновение в груди стало жечь. Я опустила голову и увидела в куртке дырку, ткань вокруг которой тут же начала пропитываться влагой, еле различимой на черном фоне. Я машинально прижала это место рукой и удивленно обнаружила, как сквозь пальцы просочились алые потеки. Вниз по спине тоже защекотало чем-то горячим. Резко закружилась голова, во рту появился солоноватый привкус крови. И тут на меня обрушилась боль...

Как в тумане, я услышала ледяной окрик Уокера:

— Возврат! Немедленно! Или сдохнешь на месте!

Инстинкт самосохранения взял верх. Я даже не успела сосредоточиться на активации драйвера — мой мозг уже сам дал чипу необходимую команду.

Тут же боль исчезла, словно ее отключили, оставив после себя только странное ощущение стеснения в груди, эхом отдающее в спину. Я открыла глаза и увидела знакомый свод тоннельного приемника. Вставать из капсулы не хотелось совершенно. Так бы и лежать... ни боли, ничего...

С тихим щелчком отсоединились капельницы. Через секунду надо мной появилось лицо Чарли. Глаза метали молнии, на покрасневшем лбу вздулась вена. Уокер был в бешенстве.

— Значит так! — яростно прошипел он, хватая меня за воротник и выволакивая наружу. — Говорю один раз и повторять больше не собираюсь! Если я приказываю тебе уходить — ты берешь и уходишь, ясно?! Немедленно!

К концу этой тирады Чарли уже почти кричал, сильно встряхивая меня за шиворот так, что ноги почти отрывались от пола. Никогда прежде и ни разу потом я не видела его в таком иступленном состоянии. Казалось, даже воздух вокруг нас наэлектризовался и больно щипал мое горящее лицо.

— Тебе ясно?! — гаркнул Уокер так, что заложило уши.

— Да, Чарли, — еле слышно прошептала я. — Извини. Больше не повторится.

Он тотчас же умолк и как-то сдулся, словно из шарика выпустили весь воздух. Отшвырнул меня от себя так, что я больно ударилась крестцом о бортик капсулы, резко повернулся и ушел. Вокруг уже собирались привлеченные его криком рейдеры и техники.

— Ого! — удивился подоспевший Билл, посмотрел ему вслед и оторопело уставился на меня. — Ну, ты даешь, Джа. Так его разозлить... Что ты натворила — подставила его?

— Нет, — буркнула я, чуть не плача. — Хотела прикрыть его, а он велел возвращаться.

— И какого... — начал Амброс, но тут увидел дырку на моей куртке, и осекся. — Черт, тебя подстрелили?!

— Да это он сам меня и подстрелил! — начав злиться, ответила я. Лицо Билла застыло.

— Чарли?! Зачем?

— Чтобы вернулась.

Амброс отвел взгляд и несколько секунд молчал, поигрывая желваками на скулах.

— Чокнутый кретин... — еле слышно пробормотал он и стремительно направился вслед за Уокером.

* * *

С трудом отбившись от расспросов ребят, я убежала в раздевалку. Обида и злость клокотали во мне вулканом. Но побыть одной не удалось. Уокер нашел меня и здесь, и с порога выдал:

— Извини. Я не мог ждать, пока кто-нибудь из них раскроит тебе череп.

Нормально, да? Угостил пулей в грудь и — «извини». И то, наверное, под нажимом Билла.

— Между прочим, мне было очень больно, — чуть не плача, заявила я.

— Я знаю, — тихо сказал Чарли. — Прости. Пришлось из двух зол выбирать меньшее. Надо было послушаться меня и сразу уйти.

Надо было, надо! Сейчас я и сама понимала, как глупо себя вела. Но все равно была оскорблена до глубины души, и теперь лихорадочно прикидывала, к чему бы еще прицепиться.

— Ты испортил мне одежду, — мелочно, но что поделаешь.

— Получишь новую форму, — отмахнулся он.

— Да плевать на форму! Мне и все остальное теперь останется только выбросить.

— Ладно. Оставишь мне счет за все испорченное.

— Не сомневайся. У меня было очень дорогое белье.

Я отвернулась к своему шкафчику и трясущимися руками принялась тереть разорванную пулей «молнию» на куртке. Уокер прокашлялся и примирительно добавил:

— Могу отметить и положительную сторону. Ты исчезла практически мгновенно. Это хорошо. Возврат в момент опасности должен выйти на уровень инстинкта.

— Скорее уж опуститься до него, — огрызнулась я, рывком разделив вконец измочаленный замок и сняв пришедшую в негодность форменную куртку. Трикотажная майка тоже красовалась дыркой-осьминогом и уже поползла стрелками.

— Выйди, мне нужно переодеться, — обиженно пробурчала я и, дождавшись, когда скрипнет дверь, мигом стащила майку и зашвырнула ее в угол шкафчика. Роскошный новенький бюстгальтер было жалко до слез. Как назло... Разодранное кружево отправилось вслед за майкой.

— Да уйду, уйду, не толкайся, — вдруг раздался позади меня недовольный голос Энн. Дверь снова скрипнула — и опять один раз. Я замерла. Что?! Так это сейчас Энн заходила? А Уокер — он что, так и не вышел? Еще и выставил третьего лишнего...

И тут до меня дошло, что Чарли стоит прямо у меня за спиной. От него шло знакомое тепло, я ощущала это голой кожей.

Всегда считала, что выражение "застыть столбом" — это гипербола. Оказывается, я ошибалась. Мне бы сейчас что-нибудь сделать, поскорее одеться, что-то сказать... но я не могла и пошевелиться, только сердце заколотилось, как ненормальное. Руки совершенно ослабли, я даже не могла их поднять, чтобы прикрыться.

Ладно, я просто не стану поворачиваться, может, Чарли сам догадается уйти?

Он и не думал уходить. Черт, а я, выходит, ошибалась и по поводу выражения "прожигать взглядом". Оказывается, и такое бывает. Я буквально чувствовала, как взгляд Чарли скользит по моей спине и, то ли от этого, то ли от холода, вся покрылась гусиной кожей.

Уокер очень тихо дышал, не отходил, но и не касался меня, только смотрел. Да что он, в самом деле?! Там и смотреть-то не на что — одни костлявые лопатки и ряд острых позвонков. И безобразный синеватый рубец над третьим поясничным...

Моментально отрезвев от этой мысли, я опомнилась и поняла, что снова владею собой. Пора уже было на что-нибудь решаться. Я медленно повернула голову, напрягая боковое зрение. Чарли отступил назад, и меня отпустило окончательно. Я схватила куртку, прижала ее к груди и обернулась, но Уокер уже выскочил прочь.

* * *

Пол постучался в раздевалку, зашел, огляделся и выжидающе уставился на меня.

— Ну? — не выдержала я. — Чего надо?

— Почему Уокер стрелял в тебя? — спросил он.

— Потом расскажу.

— Дай-ка я попробую угадать? — ехидно предложил Пол. — Ты не дала ему.

— С ума сошел?! — ахнула я. — Тоже мне, повод! Я сама виновата. Там такая заварушка началась...

— Так я не расслышал, да или нет? — прищурившись, невозмутимо перебил он.

— Моя личная жизнь тебя не касается, — отрезала я.

— Точнее, ее отсутствие, — вскользь проронил Пол.

— Да что ты ко мне все время цепляешься?! Оставь меня в покое!

— Ни за что, — спокойно улыбнувшись, ответил он. — С тобой так интересно.

Я вздохнула и села прямо на пол.

— Похоже, я теперь всем кажусь на редкость забавной.

— Бывает, — согласился Пол, усаживаясь рядом. В дверь ввалился Марк.

— Угадайте, какая сейчас в TSR сплетня номер один? — объявил он.

— Надеюсь, не про меня? — мрачно спросила я. Пол почему-то рассмеялся. Марк взъерошил волосы и плюхнулся рядом с нами. Но не успел он начать, как в раздевалку заглянул техник Конни.

— А, вот ты где, — хмуро глядя на меня, сказал он. — Тебя вызывают в аналитический отдел.

— Кто вызывает? — встревожилась я.

— Малкольм Росс. Он сейчас допрашивает Чарли. Иди скорее.

Конни выглядел расстроенным. Они с Чарли были в прекрасных отношениях. Наверное, в возникновении проблем техник винил именно меня.

Пол переглянулся с Марком и быстро переспросил:

— Росс? Но ведь он из спецотдела Патруля.

— Тот, кто проверяет новичков? — пыталась вспомнить я. — Нет, того зовут Ландер.

— Росс возглавляет общую безопасность. Обеспечение секретности всей службы,

работа с прессой, связи с общественностью и так далее.

— А кто ему доложил про Уокера?

— Охрана, наверное. Его крики и твой разговор с Биллом записали теперь все камеры зала отправки.

Обмирая от нехорошего предчувствия, я поднялась и медленно пошла к двери. Тем временем Конни положил на пол мой рюкзак.

— Где ты его взял? — вскинулась я.

— В капсуле Чарли, — ответил техник. В руке у него был еще один рюкзак.

— Это Уокера? — спросила я. Конни кивнул. — Дай-ка, — я шагнула к нему и попыталась выхватить рюкзак, но техник проворно убрал руку за спину и недовольно спросил:

— Зачем он тебе?

— Кое-что проверить.

— Не имеешь права, — отрезал он и вышел. Я схватила свой рюкзак и обернулась к ребятам.

— Он все-таки прошел! Невероятно! Через эту мясорубку невозможно было пройти одному!

Ребята смотрели то на рюкзак, то на меня и, похоже, только-только начали понимать причину моего внезапного восторга.

— Как он сумел? — пробормотала я. — Я тоже хочу такому научиться!

— Тогда иди скорее, — посоветовал Марк. — И помни — в этой ситуации никто не имеет права препарировать ваши с Чарли мнемоники без твоего добровольного согласия.

* * *

Когда Малкольм Росс встал из-за стола, то оказался человеком довольно внушительного роста.

— Проходите, мисс Анерстрим, — степенно пригласил он и указал на свободный стул. — Присаживайтесь.

Второй стул уже был занят Уокером. Чарли напряженно смотрел прямо перед собой и, казалось, едва заметил мое появление. Меня охватило смятение. Вот так, из-за допущенной глупости, несдержанности, излишней эмоциональности и неосторожных слов сейчас решалась карьера небезразличного мне человека.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Расскажите о том, что произошло в сегодняшнем рейде, — предложил Росс. Я глубоко вздохнула и решительно выпалила:

— Сэр, я совершила глупость, и едва не поплатилась за это.

Руки Росса, выравнивающие края папки, и без того идеально лежавшей, замерли.

— Мисс Анерстрим, в вас сегодня стреляли? — мягко, но настойчиво спросил он.

— Да, сэр. Это был несчастный случай.

Уокер рядом перестал дышать.

— Объяснитесь, пожалуйста, — медленно произнес Росс. — Как все произошло?

— Ситуация была очень опасной, — начала я. — Мистер Уокер приказал мне немедленно возвращаться. Я послушалась его прямого приказа и самовольно полезла под

пули.

— Под пули мистера Уокера? — уточнил Росс.

— Не совсем, сэр. Я пошла в атаку и случайно оказалась на линии огня.

— Пуля попала вам в грудь, — заметил он. — Вы что, пятились?

— Вертелась, — бесцеремонно импровизировала я. — Мне еще повезло. Рана могла оказаться несовместимой с жизнью. А так — все обошлось.

Росс сверлил меня тяжелым взглядом.

— А вот мистер Уокер признался, что хотел вынудить вас вернуться.

Чарли, ну кто тянул тебя за язык?!

— Мистер Уокер действительно заставлял меня вернуться. И он был совершенно прав.

Сами видите, чем все кончилось.

— Вы не поняли, мисс Анерстрим, — чуть наклонился вперед Росс. — Мистер Уокер сознался, что сам выстрелил в вас. Может, вам стоит побеседовать с психологом?

Мне пришлось вульгарно передернуть плечами, чтобы скрыть нервную дрожь.

— Если бы я случайно подстрелила напарника, то сейчас бы раскаивалась и переживала ничуть не меньше. Думаю, мистеру Уокеру психологическая помощь гораздо нужнее, чем мне. Я едва успела понять, что произошло. А для него это происшествие, по всей видимости, обернулось серьезным стрессом. Так недолго и начать на себя наговаривать.

В кабинет вошел один из охранников, положил на стол мою простреленную куртку и вышел.

— Так-так, — пробормотал Росс, разглядывая куртку со всех сторон. — Мисс Анерстрим, взгляните-ка на это. И вы, мистер Уокер, посмотрите очень внимательно.

На спинке куртки красовалась еще одна дыра. Росс продел в нее палец и веско сказал:

— Пуля прошла навылет. Только поэтому, мисс Анерстрим, вы сейчас здесь, а не на операционном столе.

Я сначала не поняла, что он имеет в виду. Но Чарли вдруг резко вздохнул и подался вперед.

— Если бы пуля наткнулась на кость и застряла внутри, — пояснил мне Росс, — вы бы вернулись домой с куском свинца в груди. Похоже, вам действительно на редкость повезло.

Я похолодела. А ведь верно! Пуля-то принадлежала реальному миру, а не утопии.

Росс побарабанил пальцами по столу.

— Вы согласны на составление ваших с мистером Уокером мнемо-рапортов? — спросил он, очевидно, рассчитывая на то, что теперь я изменю свое решение.

— Нет, сэр, — как можно тверже ответила я.

— Почему?

— В этом нет необходимости.

— Подробности могут оказаться полезными, — заметил Росс.

Ага, так мы тебе и покажем вчерашние подробности!

— Сюда нечего добавить.

Росс помолчал, посмотрел на Чарли, на меня, и кивнул:

— Можете идти, мисс Анерстрим. В другой раз будьте благоразумнее.

— Сэр, можно встречный вопрос? — осмелела я.

— Слушаю, — слегка удивился Росс.

— Почему именно вы этим занимаетесь? Разве это касается кого-либо, кроме внутренней службы безопасности TSR?

Чарли тихонько заерзал. Росс долго смотрел на меня исподлобья.
— Вы свободны, мисс Анерстрим, — наконец, холодно произнес он.
Ну и ладно, подумаешь, я вовсе и не надеялась получить ответ.

* * *

Перенервничав, я теперь никак не могла собраться с мыслями, чтобы составить приемлемый для архива отчет о командировке. Пол и Энн тоже сидели, рассеянно глядя по сторонам. Наконец, вернулся Марк. По его лицу было видно, что есть новости. Мы дружно набросились на него.

— Ну что там? Подслушал что-нибудь?

— Еще бы! — ответил Таунта. — После того, как Джа вышла, минут пять стояла тишина, а потом Росс принялся орать на весь этаж.

— Что? — изумилась я. — Росс орал? Да он спокойный, как удав.

Марк усмехнулся.

— Этот твой удав орал, что если Уокер еще хоть раз подставит здесь под удар чью-нибудь задницу, кроме своей, то может проваливать туда, откуда пришел, и его не волнует, как Уокер сможет это сделать. И плевать он хотел при этом на какой-то там пункт договора.

— Короче, он мне не поверил, — скисла я.

— Ну и пускай, — возразила Энн. — Главное, что Чарли простили.

— А Росс, случайно, не упомянул хоть что-нибудь о том, откуда Уокер к нам пришел? — пытливо спросил Пол.

— Нет. Это все, — покачал головой Марк.

Пол отозвал меня в сторону.

— Посидим в нашем баре? Разговор есть.

* * *

— Итак, — сделав хороший глоток, начал Каннингем. — Что у нас есть на сегодняшний день? Владея информацией, начальство подбирает каждому из нас оптимальное наказание. Вот как ты думаешь, Джа, какое наказание было бы для тебя самым страшным? Увольнение годится?

— Да нет, вряд ли.

— Вот! — поднял палец Пол. — Печально, но еще не конец, правильно? Теперь рассмотрим наказание для Уокера. Даже если отбросить тот аргумент, что в реале никто и никогда не выявит состава преступления — ты-то осталась невредима — заметь, Росс грозился вовсе не тюрьмой.

— Контора никогда не выдает своих.

— Дело не в этом. Росс пригрозил Чарли изгнанием из TSR, оставляя ему только одну альтернативу, причем нежеланную. Да еще и почти невозможную, если я правильно понял контекст.

Я устало помассировала виски. Слишком много всего для одного дня.

— Ты думал, у меня есть подходящие версии? Что сам-то об этом думаешь?

— Ничего я теперь не думаю, — недовольно ответил Пол. — Еще больше запутался. Если TSR прикрывает Уокера от другой конторы... нет, это глупо. Короче, не знаю. Мало информации.

Мы помолчали.

— Расскажи-ка мне лучше вот что, — оживился он. — Как прошла твоя командировка?

— Что за нездоровый интерес? — возмутилась я. — Спроси Энни, она расскажет с удовольствием.

— Ее я уже расспрашивал, — отмахнулся Пол. — Стандартная история рядовой стажерки. Твоя ситуация гораздо интереснее. Честно говоря, если бы ты повела себя, как Энни, я бы в тебе разочаровался. Но мы с Марком в тебя верили.

— Даже так?

— Не сердись, ладно? — попросил Каннингем. — Мы-то что? Завтра о вас вся контора будет говорить.

— Только этого мне не хватало! — забеспокоилась я, но тут же обнадежено спросила: — А может, Чарли теперь станет держаться от меня подальше? Вон как ему от Росса влетело...

— Ага, жди, — рассмеялся Пол. — Сейчас Уокер в растерянности из-за происшествия, но через пару дней он отойдет и, скорее всего, возьмется за тебя всерьез. Ох и повеселимся!

— Жаль тебя разочаровывать, — фыркнула я, — но Чарли никогда не продолжает свои интрижки в реале. Все, поезд ушел.

— А при чем здесь реал? Нам еще долго стажироваться, ветераны группу несколько раз по кругу пропустят. Они ведь только по одному рейду сделали, график составили.

Черт, а ведь и правда! Как я могла забыть?

Пол хитро ухмыльнулся, глядя на мое вытянувшееся лицо.

— Ловить ускользающую добычу гораздо увлекательнее, чем легко брать ту, что сама идет в руки. Трудно было не заметить, как ты смотрела на Уокера в последние дни, и как усердно от него пряталась. Но вот момент настал — и что? Прибрать тебя к рукам оказалось не так просто, как это казалось поначалу, верно? Речь даже не о том, насколько ты привлекательна для него в сексуальном плане. Теперь это вопрос принципа. От такого даже в самом ленивом мужике проснется охотничий азарт.

— Черт, Пол, ты все переворачиваешь с ног на голову! — разозлилась я. — Тебя послушать — так это я специально раздражила его и сбежала.

— Ну, ты же не хочешь рассказывать? А без подробностей со стороны это так и выглядит. У тебя был отличный шанс. Намеренно или нет, но ты им не воспользовалась! Конечно же, ты удивила Уокера. И разозлила, само собой — ведь пострадала его репутация.

— Не пострадала. Если вы не растреплете, никто не узнает.

— Еще как пострадала — в собственных глазах. Он тебя даже подстрелил!

— Это не имеет отношения... — недовольно начала я.

— Ладно, нет так нет. Уже и пошутить нельзя.

Тут я вспомнила, как Чарли сегодня демонстративно выставил Энн, чтобы остаться наедине со мной, раздетой, и снова разозлилась. Вот на что это похоже, а?

— И все-таки Уокер себя еще покажет, — словно прочитав мои мысли, добавил Пол. — Может, действительно попробует обрабатывать тебя еще и в реале. Не его стиль, конечно, но кто знает...

Я аж поперхнулась, закашлялась и поскорее отодвинула от себя вазочку с солеными

орешками. Пол постучал меня по спине, подхватил пальто и встал.

— Поспорим? — ухмыльнулся он. Я покачала головой.

— Мне от тебя ничего не нужно.

Каннингем влез в один рукав и подмигнул мне.

— А кто сказал, что ты выиграешь?

Глава 11

Предсказанная Полом пара спокойных дней растянулась на две недели. Чарли я за это время видела всего раза три, и то мельком, издали. После беседы с Малкольмом Россом мы с Уокером ни разу даже не заговорили друг с другом. С одной стороны, меня это немного озадачивало. Нет, я вовсе не рассчитывала, что Чарли бросится благодарить меня — скорее всего, ему и так не грозило ничего серьезного. Да я и не думаю, что совершила какой-то необыкновенный поступок. Но Уокер, кажется, действительно старался держаться подальше, и мне было любопытно — почему? Даже не знаю, чего же мне хотелось больше — чтобы он поговорил со мной о том, что случилось, или чтобы сделал вид, что ничего не произошло, и все стало по-прежнему.

Билл продолжал тренировать всю нашу группу, иногда нас по одному брала Кей Си. Рейды проходили спокойно, почти без происшествий. С Биллом мы в основном отправлялись в очень старые миры. Люди там еще не появились, а примитивные низкорослые хищники боялись нас и почти не досаждали. Мы учились владению всем, что может причинить любой вред — оружием все чаще становились голые руки и подручные предметы. Амброс продолжил занятия акупрессурой, правда, теперь мы стали учиться этому всей группой. Вскоре к этим занятиям добавилось еще кое-что из обещанного, и после нескольких командировок любой из нас теперь мог в любое время смело поработать травматологом.

Когда мы жили в палеолите, то всегда только охотились и готовили. Добытых животных мы передавали Биллу, а он сам снимал с них шкуры, разделявал мясо и отдавал нам. Теперь, когда Амброс всерьез взялся обучать нас навыкам выживания, он настоял на том, чтобы мы теперь абсолютно все делали сами.

Никогда не забуду, как мне впервые довелось свежевать еще теплую звериную тушу. Как обычно, лидера группы Билл привлек к этому в первую очередь. То, что в умелых руках Амброса казалось сложной, но вполне выполнимой работенкой на пару часов, у меня заняло целый день. А ребята сидели рядом — голодные, унылые — и, вынужденные не вмешиваться, назойливо пичкали меня бесполезными советами и отпускали раздражающие комментарии. Через час они стали напоминать мне компанию болельщиков, собравшуюся у телевизора за футбольным матчем. В конце концов я не выдержала, сорвалась и надавала им грязной, окровавленной шкурой, загнав всех троих в речку. Билл только посмеялся над нашей ссорой и предложил мне самой выбрать, кто будет обдирать в следующий раз. Через пару дней, когда с неопознанного ушастого копытного объели все самое нежное и вкусное, выбросив остальное падальщикам, я сама подстрелила зверя, отдаленно похожего на кабана, вручила его ребятам, и отвела душу, отнюдь не молчком наблюдая, как они возятся с ним, мешая друг другу и ругаясь.

Прожив в этих утопиях в общей сложности почти год и восемь месяцев, мы понемногу научились и вступать в бой без пистолетов, и оказывать помощь, и хорошо охотиться, и

ловко потрошить любую добычу — все сообща и не ссорясь.

А после очередной командировки Меррис объявил нам, что группа снова возвращается к прежнему графику стажировок. Как выяснилось, Уокер все эти две недели работал над своим давним проектом и был очень занят, но теперь у него опять появилось время.

Освободив мнемоник от мусора, я сделала приятное открытие. Как оказалось, все эти месяцы в утопиях я совершенно не скучала по Чарли. Наоборот, я отдохнула от его постоянного присутствия в моей жизни, в последнее время ставшего довольно-таки напрягающим. Я не знала точно, что же стало причиной такой перемены — злополучная пуля в грудь или что-то еще, но мне стало намного легче. Вдобавок ко всему, теперь я знала наверняка, что все-таки могу сопротивляться его чарам, и новые командировки наедине с Уокером меня уже не пугали. Если бы он еще и помог мне хоть немножко, так и продолжая вести себя, как Кей Си — отстраненно и по-деловому — стало бы и вовсе замечательно.

* * *

Звонок телефона на полуслове оборвал пояснения Амброса. Билл снял трубку, послушал, сказал "да, он здесь", молча покивал и хмуро сообщил Уокеру:

— Синхронизация завершена. Проект накрылся.

Чарли заметно расстроился.

— Поджарили все-таки... — проронил он.

— Да, — кивнул Билл. — Оказалось, что «зажигалками» запаслись еще две страны. На всякий случай, так сказать. Ну, вот он и наступил.

— Я прошу прощения, — с любопытством встрял Пол. — О чем сейчас идет речь?

Мы все, как по команде, облокотились о стол и превратились в слух. Даже если Уокер и не собирался делиться с нами результатами своей работы, то четыре пары восторженно-пытливых глаз кого угодно могли заставить передумать. Чарли оглядел нас и довольно усмехнулся, явно польщенный таким вниманием. Настроение его заметно улучшилось.

— Речь идет о несчастном мире, где произошла любимая катастрофа Джелайны, — неторопливо начал он. — Глобальная ядерная война.

— И вовсе не моя любимая, — надулась я, но меня никто не слушал.

— Это ты ее спровоцировал? — требовательно спросила Энн.

— Нет, я-то как раз пытался ее предотвратить. Но знаете, бывают миры, которые проще добить, чем лечить. Этому уже бы ничто не помогло.

— И что ты теперь будешь делать? — поинтересовался Марк.

— Что-что, — буркнул Билл. — Опять вернется туда и будет выправлять.

— В ядерную войну?! — воскликнул Пол.

— Ну что ты, конечно же, нет. Сейчас там выживут разве что тараканы. Возвращаться придется чуть раньше, хотя бы на день. Но выправить все равно надо. Жалко все-таки. Полгода реального времени вложено.

— А мир вам не жалко? — еле слышно пробормотала я. Как назло, в эту секунду все разом умолкли, и мой вопрос прозвучал очень отчетливо. Чарли посмотрел на меня и вдруг спросил:

— Джелайна, хочешь отправиться туда со мной?

Ребята, как один, повернулись и уставились на меня. Я поерзала и выдавила:

— По графику с тобой идет Энн.

— График... — пренебрежительно повел плечом Уокер. — При чем тут график? Тренировки — это само собой. По-вашему, у нас сейчас только и дела, что гонять с вами? Один рейд в день — это не работа, это сплошное безделье. Обычно мы проводим по пять-шесть коротких рейдов, или два-три долгих.

— Как вы только запоминаете, что делается в реале? — нахмурилась Энн. — Как с семьей общаться, не забывать позвонить друзьям?

— Привыкнете и вы, — усмехнулся Билл. — Записки самим себе, электронные заметки... У меня в мобильном стоит штук двадцать напоминающих будильников. На дверце шкафчика в раздевалке всегда прицеплен подробный список того, о чем мне утром говорила жена. Не всегда стоит надеяться только на пробуждение мнемоника, когда между выходом из дома и возвращением в него для тебя прошло несколько недель, а то и месяцев.

— К черту все эти графики, — пробормотал Чарли, поднимаясь. — Некогда теперь.

— Начинается... — недовольно протянул Билл. — Мне опять одному отдуваться? Сам разбирайся с Меррисом.

— Разберусь, — коротко ответил Уокер и ушел.

И действительно, работа снова пошла по-старому. В этот раз меня забрала Кей Си. Но после возвращения, когда я составила отчет, меня зачем-то снова вызвали в зал отправки.

У капсул обнаружились только Чарли, Конни и еще один малознакомый мне техник, Лео. Перебрасываясь какими-то понятными только им шуточками, они втроем настраивали перфоратор.

— А, Джелайна, — поднял голову Уокер, озаряя все вокруг своей прежней улыбкой. — Ну что, готова к новым приключениям?

Так вот, зачем он меня вызвал!

— Нет! — громко заявила я. — Ноги моей там не будет!

— Да ладно тебе, не бойся... — начал Чарли.

— Да-да, я помню, — язвительно перебила я. — С тобой мне больше некого бояться.

Улыбка Уокера померкла. Конни же, наоборот, развеселился.

— Чарли, а ведь я предупреждал тебя, — тихо заметил он. — То ли еще будет?

Уокер подошел ко мне и заговорщически приобнял за плечи.

— Видишь ли, мы хотим поставить важный эксперимент, — сказал он, понизив голос, в чем совершенно не было необходимости, ведь в зале, кроме нас четверых, никого не было, а наблюдение в это время, скорее всего, уже отключили. А вот в чем действительно не было необходимости, так это говорить, почти касаясь губами моего уха и вызывая этим предательские мурашки. Оказывается, я уже успела забыть, каким коварным может быть Чарли, когда преследует какие-то свои цели, и теперь это захватило меня врасплох.

— Ты же не откажешься от участия в уникальной в своем роде операции — попытаться спасти мир? Заметь, это не просто громкие слова, все будет по-настоящему.

Как я могла согласиться — не понимаю. Но все-таки согласилась. Уже вытянувшись в капсуле, услышала, как Уокер голосом рекламного зазывалы объявил:

— Смотрите на всех экранах страны: горячая штучка Джа на холодной войне!

Техники рассмеялись. Возмутиться я уже не успела — крышка задвинулась, и меня перебросило.

Я высадилась на какой-то пустой улице в полном одиночестве. Чарли рядом не было. Забеспокоившись, я принялась громко звать его.

— Да здесь я, здесь, — спокойно ответил он, стоя на крыше невысокой постройки без окон.

— Почему мы не рядом? — требовательно спросила я.

— Чтобы ты тут же выщарапала мне глаза? — весело парировал Уокер. Легко спрыгнув на тротуар, он направился ко мне, насмешливо спросив: — Что, уже успела соскучиться?

— Раньше мы всегда высаживались все в одном месте, — пояснила я.

— Ну да, — согласился он. — Это чтобы новички не пугались. Компактная высадка рассчитывается и готовится гораздо дольше, и вы тоже скоро начнете перебрасываться на некотором отдалении друг от друга. У нас сегодня было мало времени, к тому же расчет и без того экспериментальный... — Чарли умолк, явно чего-то не договаривая, и я снова заволновалась.

— Расскажи мне об этом подробнее.

— Для чистоты эксперимента будет лучше, если ты не станешь вдаваться в детали, а дашь оценку только общей картине, — выкрутился Уокер и тут же сменил тему: — Ну, и как тебе этот райский уголок?

— Довольно трудно назвать его райским, — оглянувшись по сторонам, возразила я. — Мы ведь в городе? Тогда почему здесь так тихо?

— Население уже несколько дней прячется в подземных убежищах, — ответил Чарли, и я тут же все поняла. Эта тишина, этот тяжелый воздух со странным привкусом, сухой ветер, гоняющий мусор по пыльной мостовой, и подспудное ощущение нависшей тревоги, не оставляющее ни на секунду...

— Война уже началась? — тихо спросила я. Уокер кивнул.

— И давно. В городе еще не так заметно. Полюбуйся, во что они превратили свой цветущий мир за каких-то сорок лет. Отравленный воздух, отравленная вода, земля, на которой ничто не хочет расти, двести пятьдесят разновидностей рака... А теперь еще и бомбежки.

— Чарли, здесь сейчас есть радиация?

— Немного. Не волнуйся, дозу, достаточную для непереносимого недомогания, можно набрать только за десять часов, а мы уберемся гораздо раньше.

— А... как же наша одежда, оружие — они не будут фонить, когда мы вернемся?

— Двойка тебе, стажерка, — рассмеялся Уокер и направился вдоль по улице, проверяя один за другим брошенные автомобили. Мысленно отругав себя за тупость, я потащила следом.

Зрелище брошенного людьми города было удручающим. Чарли высадил меня на окраине, а сам отправился в деловой центр.

— Подозреваю, что мы пришли слишком поздно, — сказал он перед отъездом. — Скорее всего, придется зайти дня на три раньше. Нужно проверить еще раз. Погуляй пока тут, осмотрись. Если что — сразу возвращайся, не жди, когда запахнет жареным, — на последних словах он усмехнулся, а меня передернуло.

В принципе, какой мир, такие и шутки.

Я двинулась вдоль невысказанно грязной реки, которая несла свои бурные, сплошь покрытые радужными пятнами воды к темневшему вдаль заливу. Серый гранит набережной лоснился неаппетитными маслянистыми полосами, отмечавшими поднятия уровня воды. Вот как можно так загадить реку? Если бы не набережная и мосты, я бы решила, что это огромная надземная канализация. Может, так оно и есть?

В порту было еще грязнее. Волны бессильно бились о проржавевший причал, облепленный охапками какой-то рыхлой серой пены. Поверхность залива напомнила мне кадры из репортажа с места крушения нефтяного танкера. Только сейчас до меня дошло, что я не вижу и не слышу ни одной чайки. Единственными звуками здесь были только шум прибоя и тоскливое поскрипывание на ветру расшатанного ограждения причала. Морской бриз приносил бодрящие «ароматы» гнили, нечистот и автомобильного выхлопа.

Апокалипсическая картина нагнала на меня мрачное уныние. Захотелось поскорее убраться отсюда домой. Какой бы эксперимент ни проводил Уокер, я отказываюсь участвовать в нем. Спасать такой больной мир бесполезно.

Возвращаясь к месту высадки, я услышала странный звук, далекое эхо. Разбираться, что же это такое, мне не хотелось, и я прибавила шаг. Чарли еще не вернулся. Бесцельно потоптавшись на месте, я забрела в первый попавшийся высокий дом, поднялась на чердак и выбралась на плоскую крышу.

Панорама оказалась еще безрадостнее. Пыльные, обтрепавшиеся вывески, разбитые стекла в окнах ослепших домов, покинутые где попало машины, оброненные кем-то игрушки на тротуаре... На секунду я вдруг представила себе, что когда вернусь, то увижу таким же и свой родной мир. Воображаемое зрелище показалось настолько реальным, что у меня перехватило дыхание.

Из-за ветра я не услышала шума двигателя и опомнилась только когда Чарли принялся сигнализировать. Я окликнула его сверху. Уокер тут же поднялся ко мне.

— Так и есть, — недовольно заявил он, едва открыв чердачную дверь. — Надо переигрывать. Лучше сразу неделю отмотать, чтобы... — Чарли запнулся, разглядев меня поближе, и быстро подошел.

— Джелайна, что с тобой? — обеспокоенно спросил он, погладив меня по щеке. Это сразу отвлекло мое внимание, и я стала успокаиваться.

— Я хочу домой. Не надо мне таких экспериментов. Возьми кого-нибудь другого.

— Ах, вот оно что... — кивнул Чарли. — Понимаю. Мне тоже поначалу было не по себе.

— Я вдруг представила, что реальный мир...

— Стоп, — одернул он меня. — Не надо. Наш мир не станет таким никогда, слышишь? Сейчас мы вернемся, и там все будет по-прежнему, — он посмотрел на часы. — Уже скоро, через двадцать минут.

— Зачем столько ждать?

— Так надо.

— Я хочу домой, — снова завела я, и уткнулась лбом Уокеру в плечо. — Давай вернемся прямо сейчас, пожалуйста.

Чарли обнял меня, и сейчас это почему-то казалось очень правильным. Рядом с ним было тепло и спокойно. Ни о чем больше не говоря, мы простояли так минут пять — пока снова не послышалось недавнее эхо. Теперь оно прозвучало ближе. Уокер вдруг оттащил меня от края крыши.

— Черт, заметили, — поморщился он. — Ладно, может, пронесет.

— Кто там? — спросила я. Внизу раздался усиленный мегафоном голос, велевший нам немедленно спускаться.

— Пошел ты... — весело фыркнул Чарли, не выпуская меня из объятий. — Вас и так сейчас всех поджарит.

Однако, судя по звукам, доносившимся из открытого чердачного проема, к нам стали подниматься люди, однозначно не меньше троих. Уокер неторопливо вытащил пистолет.

— Не надо, — попросила я. — Давай просто вернемся.

— Я хочу дождаться удара по военной базе. Это в десяти милях к югу отсюда.

— Ядерного удара? — ошеломленно уточнила я.

— Да. Это должно произойти через тринадцать минут, но время нужно уточнить.

Звуки шагов по лестнице были уже совсем рядом. Незваные гости не спешили, ведь нам некуда было деваться. Я тоже достала оружие и отступила от Чарли. Тот отпустил меня с заметной неохотой.

— Тебе лучше отойти за угол, — посоветовал он. — Я сам их встречу.

Я не стала спорить и спряталась за чердачной надстройкой. Тут же раздались первые выстрелы. На лестнице закричали, им ответили снизу, с улицы. А через минуту рядом со мной ударила автоматная очередь — нас обстреливали с соседней крыши. Пули пробарабанили по стене надстройки, вспарывая бежевую штукатурку. Пригибаясь, я бросилась к Чарли, он уже спешил мне навстречу. Я ожидала, что он скомандует возврат, но вместо этого Уокер спрятал меня за спину, заслонившись чердачной дверью от невидимого автоматчика. И вдруг стрелять перестали. Какое-то время мы еще вглядывались, стараясь поймать любое движение на крыше напротив. Не выдержав, Чарли покинул укрытие и выглянул через парапет вниз.

— Уехали, — с легким удивлением в голосе произнес он. — Видимо, им уже сообщили о воздушной тревоге. Хотят успеть добраться до бомбоубежища. Эх, не успеют...

Бросив взгляд на часы, Уокер оглянулся на юг и быстро затащил меня за надстройку.

— Сейчас будет большой "бум", — сказал он, обхватывая меня руками и прижимаясь к стене. — В реальности такое можно увидеть только раз в жизни. Но там это станет последним, что ты увидишь. Прямо сейчас, Джелайна, этот сомнительный рай станет сущим адом. Закрой глаза!

Я зажмурилась. Через пару секунд произошло что-то невообразимое. словно из морозной зимы я мгновенно попала на жгучий летний солнцепек — таким был внезапный контраст. Как будто пронесся стремительный обжигающий ветер, слепя даже здесь, в тени массивной бетонной шапки, сквозь плотно сомкнутые веки и пальцы Чарли, прикрывающие мне глаза. Тут же, следом, день, казалось, внезапно померк. В лицо пахнуло едкой гарью. Я почувствовала, как жгуче закололо кожу на бедре, где находилась кобура пистолета. Уокер убрал ладонь. Город пылал. Горели вывески, почернели и обуглились оконные рамы, факелами полыхали деревья. У нас под ногами осталась почти нетронутая тень от чердачной надстройки, но вокруг нее покрытие площадки подтаяло и покрылось пузырями. Я едва успела охватить это взглядом, как Чарли вытолкнул меня наружу.

— Полюбуйся.

Тучи на горизонте совершенно нереально мчались вверх. клубящийся дымный столб подталкивал их снизу, одновременно распухая на полнеба. Там зарождался кошмарный гриб.

— Возврат! — приказал Уокер, повернувшись ко мне. — Немедленно!

— А ты?! — машинально спросила я, сраженная тем, что все его лицо, кроме неровной полосы на уровне глаз, там, где он закрывался другой рукой, порозовело, точно ошпаренное. Тотчас же и я сама почувствовала, как щиплет лоб, губы и подбородок, горят кисти рук...

— Сразу после тебя. Бегом, я сказал!

В следующее мгновение пространство вокруг меня стало искажаться, втягиваясь в червоточину. И тут же прошла чудовищная ударная волна. Будучи уже в пути, я не почувствовала ее на себе, но успела увидеть, как она смяла дома вокруг, крышу, где мы стояли, и поволокла все куда-то, унося с собой и силуэт Уокера.

— Чарли! — не помня себя, завопила я, падая... падая...

В следующее мгновение над моим лицом уже отъезжала крышка капсулы. Совершенно забыв про сигнальный тумблер, я вскочила, срывая автоматически вонзившиеся капельницы, и выпрыгнула наружу. Капсула Чарли стояла закрытой...

— Пул! — заорала я не своим голосом, кидаясь к столу техников. — Конни, скорее! Вытаскивай его! Вытаскивай, чего ты ждешь!

— Успокойся, — торопливо забормотал Конни. — С ума сошла, реверсировать сейчас...

— Делай пул, говорят тебе! Там ядерный взрыв!

— Вы вся в крови! — охнул Лео. Я машинально глянула вниз. По рукам бежали алые струйки — я с мясом выворотила катетеры. Плевать.

— Да что ж вы стоите, идиоты?! — в полном отчаянии я бросилась за пульт в надежде суметь реверсировать перфоратор самой. Но кнопок было столько, что рябило в глазах, и я замешкалась, совершенно не представляя, что делать. Кровь быстро стекала и капала на матовую поверхность пульта. Меня захлестнуло ощущение полной безнадежности. Все пропало. Не успела...

— Да все в порядке, смотри, — Конни взял меня за плечо и развернул. Я замерла, не веря глазам. Целый и невредимый Чарли, аккуратно освобождаясь от капельниц, неторопливо выбирался из капсулы.

— Вот это шоу! — с обычной ироничной усмешкой прокомментировал он. — А что, мне понравилось. Столько экспрессии... Да, Джелайна, с тобой можно хоть к самому дьяволу отпрапляться — моей души ты ему точно не отдашь, вырвешь зубами.

— Ты... ты успел уйти... — растерянно бормотала я, смаргивая слезы. — Но почему возврат у тебя был с таким опозданием?

Уокер бессовестно ухмыльнулся.

— Я велел Конни поставить мне таймер номинального отсчета на пару секунд позже твоего. Рисковал, да, но надо признать, не прогадал. Такое не каждый день увидишь.

Вот мерзавец! Он развлекался всюю, а я... Моя радость тотчас же сменилась яростным возмущением. Захотелось стереть с его физиономии эту гадскую ухмылку.

— Да как ты мог! Я... Я... Сволочь! — я подскочила к Чарльзу, но ударить по красивому лицу все-таки не смогла. Только толкнула в грудь с такой силой, что он, всплеснув руками, с размаху снова бухнулся обратно в свою капсулу — только ноги мелькнули в воздухе. Я развернулась и побежала прочь из зала отправки. Руки тряслись, как у похмельного алкоголика. Куда-нибудь... куда угодно... только подальше отсюда...

Добежав до выхода, я налетела на охранников, которые спешили выяснить, что происходит.

— Мисс Анерстрим, все в порядке? — обеспокоенно спросил один из них. Указав на мои руки, он нахмурился: — Вы опять пострадали?

Я опомнилась и оглянулась. Уокер, довольно смеясь, ногами вперед неуклюже выбирался наружу, а Конни вытирал набежавшую от смеха слезу. Широко улыбаясь, Чарли подошел к пульту и включил внутреннюю связь.

— Уилл, это Уокер, — позвал он. — На эту неделю в командировки со мной ставь только Анерстрим.

— О'кей, Чарли, — с удивленной улыбкой в голосе ответил Меррис. — Как пожелаешь. Охранники переглянулись, потом один спросил:

— Мисс Анерстрим, вас проводить в медицинский отдел?

— Спасибо, не нужно, — пробормотала я. — Все хорошо, идите. Мы сами разберемся.

Охранники вышли. Уокер, похоже, только теперь заметил на полу у пульта кровавую дорожку.

— Что случилось? — встревоженно спросил он. Веселья как не бывало.

— Вырвала катетеры, — тихо пояснил Лео. — Мисс Анерстрим, согните руки в локтях, это задержит кровотечение. И сейчас же идите к врачу.

— Черт... — побледнев, растерялся Чарли. — Джелайна, сигнальный тумблер находился в трех сантиметрах от твоей руки! Зачем было раздирать вены?

— Пожалуйста, не говори хирургу, как это произошло, — попросил Конни. — Скажи, что у тебя были сильные судороги при возврате, ладно? У новичков это иногда бывает.

Ничего не ответив им, я выскочила за дверь.

* * *

После наложения швов меня на сутки оставили в медицинском отделе. То ли из-за обезболивающих лекарств, то ли из-за вчерашних многократных переживаний, но во сне меня снова преследовали кошмары. Только теперь они были гораздо масштабнее прежних, и ощущались гораздо реальнее. Если бы я сейчас перенеслась в прошлое, и профессор Паркер снова спросил меня, стоит ли миру развязывать ядерную войну, то скорее всего, в TSR меня бы уже не взяли.

Проснувшись я от чьего-то осторожного прикосновения. В палате царил полумрак — еще только светало. Рядом сидел Уокер и слегка поглаживал мои забинтованные руки.

— Доброе утро, — тихо сказал он, выпуская мои пальцы. — Ты очень беспокойно спишь.

— Эта мерзость так и стоит перед глазами, — сонно пожаловалась я. Пояснений не потребовалось.

— Я вчера выправлял их восемь раз, — кивнул Чарли. — Последний раз зашел почти за полгода. Все равно запускают свои ракеты, идиоты несчастные.

— И много таких утопий?

— Представь себе, хватает. Хочешь — верь, хочешь — не верь, но наш мир, несмотря ни на что, один из самых благополучных. Ради этого мы и работаем.

Очень хотелось остаться одной, но Уокер не спешил уходить. Я отвернулась от него — и тихо ахнула, увидев на столике огромный букет атласных нежно-кремовых роз. Так вот, откуда этот удивительный аромат!

— Прости меня за вчерашнее, — подавленно сказал Чарли. — Я не ожидал, что ты отреагируешь настолько... болезненно.

— Зачем вообще было все это устраивать? — спросила я. Уокер помолчал, потом тихо заметил:

— Похоже, мои запоздалые извинения становятся непременным атрибутом каждого рейда.

— Нет уж, спасибо, — буркнула я. — В следующий раз попробуй как-нибудь без этого.

— В следующий раз — ладно, — согласился он. — Но пообещать, что мне никогда больше не придется перед тобой извиняться, я не могу.

— Хорошо, что предупредил, — я начала злиться. — Запомню на будущее.

Уокер задумчиво усмехнулся.

— Что смешного? — надулась я.

— Знаешь, почему я давно перестал брать с собой в рабочие рейды вчерашних стажеров? Потому что большинство из них, попав в очень опасную ситуацию, тут же посылают меня куда подальше вместе со всеми экспериментами. А если не осмеливаются бросить сразу, то потом изводят нытьем, решив, что страдания по моей вине автоматически дают им право на какое-то особое отношение.

— И какой же вариант надлежит выбрать мне? — фыркнула я. — Послать или понять?

Чарли улыбнулся и покачал головой.

— Этим грешат не только стажеры. За все годы, что я работаю в TSR, до сих пор одна только Кей Си умудрялась всегда прощать меня. Правда, после того случая... Нет, я не был тогда виноват, она сама предпочла менее опасную работу.

Мы помолчали. Неожиданно Чарли наклонился к моей руке и прижался лбом к забинтованному сгибу локтя.

— Я уже было почти решил, что ошибся в тебе, — еле слышно произнес он. — А мне никак нельзя ошибиться.

И тут я вспомнила, как совсем недавно Кей Си упоминала что-то о том, что Уокер никогда не ошибается...

— Чарли, ты что, ищешь замену Кей Си? Тебе нужна подходящая напарница в опасные рейды?

Уокер ответил не сразу. Он долго смотрел в сторону, словно подыскивая слова.

— И это тоже, — сказал он наконец. — Но мне больше нравится думать, что у меня ностальгия... по маленькому незаметному телохранителю за спиной.

— Это Кей Си-то незаметная?! — хмыкнула я.

— Да при чем здесь Кей Си? — отмахнулся Чарли. И тут у меня возникло отчетливое ощущение: приоткрывается еще одна крошечная дверца в его загадочное прошлое. К сожалению, Уокер не стал развивать эту тему.

— Ты можешь довериться мне? — пристально глядя в глаза, спросил он. — Что бы я ни сделал, в какую бы ситуацию ты не попала — обещаю, в этом не будет намерения умышленно причинить тебе вред. Ты готова поверить, что я никогда не пожелаю тебе зла, и любые мои действия будут совершаться только ради поставленной цели?

— У меня от твоих слов появляется жуткое чувство, — поежилась я. — Будто мне прямо сейчас предлагают заключить известный контракт и подписаться под ним собственной кровью.

— Знаешь, а ты в чем-то права, — одними губами улыбнулся Чарли. — Когда мы играем с судьбой, мы часто ставим на кон то единственное, чем действительно владеем безраздельно. Но тебе повезло куда больше меня. Ты можешь просто жить дальше, не

пытаясь делать ставок. У тебя есть свобода выбора.

— А... у тебя ее не было? — замерев от предвкушения тайны, спросила я. Он покачал головой и сказал:

— У меня и сейчас ее нет. Будет потом... возможно...

А после этого он выдал, пожалуй, самую странную фразу из всего, что я от него слышала:

— Если я ошибся в тебе, то не получу ее никогда.

Я проглотила комок в горле и с трудом спросила:

— Чарли, но при чем здесь я?

Уокер снова взял меня за руку и, улыбаясь теперь только глазами, произнес:

— Однажды я слышал потрясающее высказывание. Если женщина выбрала мужчину наверняка, если она настроена решительно — она совершит невозможное. Похитит, отвоюет, обманет, обменяет... Но не отдаст его никому. Даже смерти.

— Ну, это точно не про меня, — смутившись, еле выговорила я.

— Разве я сказал, что это про тебя? — грустно усмехнулся он. — Это просто про женщину, и я даже не знаю точно, кто именно так сказал. Правда, и в верности этого высказывания я убеждался лишь пару раз... но это одна из очень немногих вещей, в которые я все-таки научился верить.

Меня всегда охватывало смятение, когда он становился таким — непохожим на самого себя. Когда среди обычных его ипостасей — крутого бойца, красавчика-донжуана и насмешливого падшего ангела — вдруг проглядывал кто-то совершенно иной, повидавший в жизни слишком многое, но сохранивший странную сентиментальность. Я еще только училась защищаться от него, и лишь одним способом — нарочитым сарказмом.

— Я смотрю, ты многому научился от женщин. Даже философии.

Веки Чарли стали едва заметно вздрагивать — он прокручивал мнемоником какие-то воспоминания. Потом он печально покачал головой.

— Самому важному в своей жизни я научился только от одной.

Я задержала дыхание. Вот оно! Точнее, Она. Самая большая загадка из его прошлого. Сейчас я ни капли не сомневалась в этом.

— Чарли, скажи, а ты женат? — как бы между прочим, осторожно спросила я. Он моментально замер, весь сжавшись, точно от боли. И тут меня поразила ужасная догадка.

— Ты... был женат?

Я никогда еще не видела у него таких глаз. Словно он в тысячный раз увидел гибель целого мира... Но разве есть кому-то дело до тысячи тысяч миров, когда разрушена собственная жизнь?

И вдруг все это исчезло. Словно захлопнулась дверь, упал занавес, погас свет... Уокер снова стал прежним, и в то же время другим — подчеркнуто бесстрастным и неприятно высокомерным.

— Джелайна, будь добра, умерь свое любопытство, — процедил он. — И не лезь туда, куда тебя не просят.

Пока я лихорадочно соображала, что же это все значит, и ближе к какому ответу расценивать его реакцию — да или нет, Уокер резко встал и ушел. Я почувствовала себя так, словно мне надавали пощечин. Нет, нормально, да? Как лезть стажерке под юбку — тут он всегда первый, а у самого уже и спросить ничего нельзя!

Восхитительные розы в лучах встающего за окном солнца окрасились алым румянцем.

Господи, красота-то какая! Где он только разыскал их в такую рань?!

Глава 12

Посетителей в медицинском отделе терпели очень неохотно. Стажеров не пускали вообще. Поэтому гостинцы для меня ребята передали с Биллом. Ветераны могли пройти всюду.

— Опять ты вляпалась в историю, — насмешливо прокомментировал он, сунув мне в руки забавную открытку с нарисованным тряпичным пугалом, зашитым крест-накрест толстыми нитками. Ой-ой, до чего остроумно... Наверняка, это Пол додумался. Амброс нерешительно потоптался на месте, видимо, прикидывая, ставить ли скромные цветы от ребят рядом с фантастическим кремовым букетом. Я отложила открытку и выпалила:

— Расскажи мне о жене Чарли.

Билл вдруг выронил цветы и шокировано уставился на меня. Все краски разом отхлынули с его лица. Господи, я и представить себе не могла, что наш невозмутимый наставник умеет так пугаться! Это было почти страшно, но это так щекотало нервы... Да, к дверце в загадочное прошлое Уокера существовали другие ключи, и теперь я торопилась подобрать к замочной скважине подходящий.

— Что с ней произошло? — не давая Биллу опомниться, продолжила я. — И когда это случилось?

Амброс отмер, перевел дыхание и принялся собирать с пола цветы. Он успокаивался на глазах, и меня охватила досада. Похоже, с этими вопросами я успешно дала маху.

— Какого черта... — Билл присел на край койки и принялся нервно вертеть в руках пахучий ярко-желтый нарцисс. — Зачем тебе это нужно?

— А что тут такого особенного? — с показной обидой спросила я. — Уже и спросить нельзя.

Билл о чем-то напряженно размышлял, не замечая, что ломает нежный стебель цветка.

— Ты... расспрашивала Чарли?

— Да.

— Что он тебе ответил?

— Примерно то же, что и ты. То есть, ничего.

Выражение глаз Амброса не поддавалось никакой расшифровке.

— И с какой стати ты решила, что можешь выпытывать это у меня?

— Ну почему сразу выпытывать? Я просто спросила! Спроси у меня что угодно — я отвечу.

— Меня не интересуют твои личные дела, — отрезал Амброс, вставая. — И обсуждать с тобой частную жизнь моего лучшего друга я тоже не намерен.

Билл явно засобиравался уходить. Но я еще не успокоилась.

— А почему ты так испугался? Можно подумать, вы скрываете страшную тайну.

— Ничего подобного. Тебе показалось.

Я начала жалеть о своей затее. Ссориться с Амбросом вовсе не хотелось.

— Билл, погоди. Я совсем не об этом хотела спросить.

Он нехотя, но остановился, правда, не оборачиваясь.

— У Чарли есть какие-то планы, и он настаивает, чтобы я ему доверяла. Но мне и так трудно понять его, а он словно нарочно запутывает меня все больше. Билл, вы же друзья.

Помоги мне, — выдала я на одном дыхании.

Амброс обернулся и медленно подошел. С таким лицом он обычно просто объяснял сложные вещи или, наоборот, усложнял простые. Что же будет на этот раз?

— Я не имею права говорить о том, что меня не касается, — медленно начал он. — Ваши с ним дела касаются только вас двоих. Если ты сама никак не разберешься в себе, я тем более не смогу ничем помочь с Чарли. Честно говоря, я и сам не всегда его понимаю. Особенно в последнее время.

Билл некоторое время помолчал.

— Знаешь, есть такая особенная порода людей... Они не признают общих правил, не пользуются чужими стереотипами. У них свои представления о добре и зле, а также о том, каким должен быть их идеальный личный мир, куда заказан доступ посторонним. Как правило, такой человек даже любит лишь раз в жизни, и только того, кого сам признает равным себе и достойнейшим этой любви. Все остальное... — Амброс покачал головой. — Кто знает, насколько все остальное затрагивает душу человека такой породы? Иногда мне кажется, что совсем никак. И лезть в эту душу, чтобы затронуть ее насильно, я никому не посоветую. Хуже будет.

У меня внутри разом стало как-то пусто и холодно.

— Зачем ты мне это говоришь?

Он пожал плечами, мол, решай сама, и побрел к двери. Остановился, слегка кашлянул и пробормотал:

— Ты, кстати, тоже из этой породы.

Я медленно подняла голову. Билл был мрачен, и мне разом стало тоскливо. Он ведь никогда не ошибался в людях.

— Не спеши, — тотчас же сказал Амброс, точно прочитав мои мысли. — Никогда не спеши с окончательными выводами, ясно тебе?

Я кивнула на всякий случай, хотя ничего ясно не было, и он тихо вышел.

Меня не оставляло странное ощущение — что я поняла слова Билла как-то неправильно. Хотя как их еще можно было понять?

* * *

Как только мне разрешили работать, Уокер в тот же день явился на планерку, молча забрал меня и увел с собой. Ребята лишь проводили нас удивленными взглядами.

— Ты снова сбил весь график наших тренировок, — едва поспевая за ним по коридору, укоризненно заметила я. — Зачем тогда вообще было его составлять?

— Таков порядок, — пожал плечами Чарли. — Графики составляют для бухгалтерии. Нам всем доплачивают за работу со стажерами.

— А почему же тогда Долорес отказалась?

— Она не нуждается в дополнительных деньгах. Ее муж — владелец крупной торговой фирмы. Последние пару лет Долли прогуливается в утопии исключительно для собственного удовольствия. Другое дело Билл — у него трое детей. Он всегда охотно берет новые группы.

— А что же ты?

— А я всегда охотно помогаю другу, — слегка усмехнулся Чарли и добавил: — Беру на себя прекрасную половину всех его стажеров.

— Ясно, — угрюмо бросила я. — И сколько же тебе заплатили за недавний эксперимент?

Уокер резко остановился.

— Нисколько, — отрывисто ответил он. — Этот рейд не входил в программу подготовки, как и не будут входить в нее большинство наших занятий. Если я буду равняться на этот жалкий график, то ты еще долго будешь ходить в неопытных стажерах. Пусть Билл тренирует ребят, как удобнее ему. С тобой я буду заниматься индивидуально.

— Это еще зачем? — насторожилась я.

Чарли помолчал, глядя в сторону.

— Прогнозисты постоянно прощупывают материю параллельных пространств, — наконец, начал он. — Больше полутора тысяч найденных ими стабильных миров уже давно ждут своего часа, и эта очередь все растет. Нам остро не хватает разведчиков. Это очень сложная и опасная работа, на которую мало кто пригоден.

Уокер сделал паузу, давая мне возможность осмыслить его слова.

— Моя группа за последние годы практически распалась. Долорес занимается одними наблюдениями, Билл постоянно увешан стажерами, а Кей Си теперь соглашается только страховать, и только в обычных рейдах.

Я уже поняла, куда он клонит, но никак не могла взять в толк одного. Неужели в TSR такой дефицит опытных рейдеров, что Чарли собирается натаскивать в разведку новичка? В разведку! В неведомые, непонятные, затерянные в других измерениях миры, куда порой опасно соваться даже на минуту, и где иногда подводят даже привычные и незыблемые законы физики.

— Мне нужна напарница на прикрытие, — глядя мне в глаза, четко выговорил Уокер. — Бесстрашная, надежная, незаметная, способная быстро принимать решения и не отвлекаться на пустяки вроде сломанного ногтя.

— Ты же меня совсем не знаешь, — покачала я головой. — Напомнить, как я облажалась в Италии? Неужели тебе подойдет такая недотепа?

На лице Чарли на секунду появилась прежняя ироничная усмешка. Несомненно, он сейчас тоже вспомнил, как я нелепо смущалась в его присутствии. Мне снова стало неловко. Как только я могла быть такой зацикленной идиоткой? И как хорошо, что я наконец-то опомнилась!

Уокер снова посерьезнел. Только в глазах осталось почти неуловимое тепло.

— Позволь мне делать выводы самому. А что касается той утопии... Признаюсь, я был впечатлен тем, как возле гостиницы ты недрогнувшей рукой уложила все их подкрепление. Для стажера очень даже недурно.

Мы снова двинулись в спортзал.

— А почему именно напарница, Чарли? — тихо спросила я. — Почему не напарник?

— Потому что ее мышление должно отличаться от моего собственного, — пояснил он. — Потому что она будет видеть мир совсем другими глазами. Я — стратег, и на прикрытие мне нужен тактик, чтобы проводить операции, не отвлекаясь на то, что происходит вокруг.

— Какой же из меня тактик, — посетовала я, — если в утопии я даже не заметила слежки?

— Всего лишь недостаток опыта, — отмахнулся Уокер. — А это дело наживное. К тому же, тогда у тебя голова была занята совсем другим, — тут он слегка улыбнулся. — Да и у

меня тоже.

Я снова смутилась. Чарли взял меня за локоть, на ходу говоря вполголоса:

— Джелайна, я прекрасно знаю, под каким соусом здесь подают новичкам информацию о моих обычных отношениях со стажерками. Но те, кто распространяет сплетни, не знают самого главного — все они когда-то были забракованы мною. И их болтливость с тех пор заметно облегчала мне дальнейшую сортировку.

Я аж споткнулась. Уокер поддержал меня и невозмутимо продолжил:

— Билл дал мне исчерпывающую характеристику. По его мнению, ты заметно отличаешься от остальных. Ты не знаешь страха в обычном понимании большинства и свободно берешь на себя ответственность за других. Ухитряешься выполнить любую поставленную задачу, несмотря на явную разборчивость в средствах. Обладаешь приличным потенциалом, однако используешь всякую возможность, чтобы избежать применения силы. Ты настоящая сорвиголова, но при этом расчетливая и предусмотрительная. А в некоторых твоих качествах я и сам уже успел убедиться, — остановившись у лифта, Чарли тихонько сжал мою руку и произнес: — Суметь не отвлекаться на сломанные в утопии кости может научиться любой человек, так же как и вытерпеть до возврата боль и шок от огнестрельной раны. Но мало кто из рейдеров может легко простить напрасно разодранные вены в реале. Слишком уж ценны наши тела для подобного расточительства.

— Угу, — пробормотала я, все еще приходя в себя от услышанного. — Такую дуру еще поискать.

— Я и не говорю, что тогда ты поступила правильно. По отношению к себе, во всяком случае. Но с позиции телохранителя некоторое пренебрежение собственной безопасностью в утопии является вполне приемлемым.

Пока мы спускались в лифте, я бессмысленно пялилась на мутное отражение Чарли в металлической двери. Уокер молчал, давая мне время подумать.

— А вот Билл предсказывал мне, что я когда-нибудь могу стать аналитиком. Но ведь разведка относится к прогнозистам, не так ли?

Чарли небрежно пожал плечами.

— Между прочим, лучшие из аналитиков пришли в свой отдел именно из разведки. Билл не обязательно ошибся. Скажем так — он забыл упомянуть возможное промежуточное звено.

— Выходит, я больше не буду работать со своей группой? — спросила я, немного расстроившись.

— Нет, почему же? Чем больше ты будешь тренироваться, тем лучше. Нужно использовать любую возможность, пробовать силы в самых разных мирах. Я ведь не все время буду заниматься только с тобой. У меня еще много проектов, требующих постоянного внимания.

Возможно, мне только показалось, но в голосе Уокера проскользнула явственная нотка сожаления. Определенно, ветеран загорелся идеей подготовить себе идеальную напарницу по собственным меркам, и наличие большого количества текущих дел, отвлекающих от задуманного плана, не добавляло ему радости.

— Сколько времени у меня есть на размышления? — осведомилась я.

— Сколько пожелаешь, — улыбнулся Чарли. — Через час мы с тобой отправляемся в рейд, и не вернемся из него до тех пор, пока ты не примешь окончательное решение.

Его улыбка была весьма многообещающей. В воздухе так и повисло: "...а я буду

уговаривать тебя изо всех сил". Дождавшись, когда я проникнусь этим ощущением, Уокер посерьезнел и невозмутимо добавил:

— Разумеется, я постараюсь, чтобы у тебя не осталось ни малейших иллюзий по поводу того, что тебя ожидает. В разведке приятного порой еще меньше, чем в «жареных» утопиях.

— Ладно, — пробормотала я. — Только я тогда сразу хочу кое-что уточнить...

— Поговорим в утопии. Лучше потратить этот час на разминку, — перебил Чарли и быстро зашагал к мужской раздевалке.

— А если я буду думать долго? — растерянно окликнула я его. — Если я и за целый год ничего не решу?

— Значит, запасись на год всем, что может тебе там пригодиться, — усмехнулся Уокер. — Брось, Джелайна. На подсознательное принятие любого решения среднестатистическому человеку требуется всего-навсего сорок секунд. Все остальное время занимают борьба доводов с сомнениями и придирчивые взвешивания всех «за» и «против». На самом деле ты уже все решила, осталось только убедить саму себя в правильности выбранного пути.

— Мне это только кажется, или ты и так уже знаешь, что именно я решу? — нахмурилась я.

— Ты тоже уже знаешь, Джелайна, — кивнул он, уходя. — Ты тоже.

Разминка прошла, как в тумане. Мысли прыгали с одного на другое. Мне столько всего нужно было прояснить перед забросом... Хотя бы вопрос о наших отношениях на этот срок. Но Уокер будто специально пресекал все мои попытки заговорить об этом, не давая ни малейшей передышки. Когда в спортзале появились ребята, он даже к ним меня не пустил.

— Ну, хоть две минуты! — попросила я.

— Не трать время зря. Поболтаете после командировки, — отрезал он. Когда Пол сам направился к нам, Чарли тут же свернул разминку и практически утащил меня оттуда.

— Что все это значит? — возмутилась я.

— Давай договоримся сразу, — с пол-оборота завелся Уокер. — Ты делаешь только то, что я говорю. Если я что-то запрещаю, ты слушаешься без пререканий.

— Эх, — вздохнула я. — Куда же подевался мой терпеливый наставник из Италии?

Чарли разом притих, внимательно посмотрел мне в глаза и вдруг спросил:

— Джелайна, ты хочешь, чтобы я снова стал таким?

В его голосе опять прорезались те самые волнующие нотки, от которых у меня начинали путаться мысли. Из простого, вроде бы, вопроса наружу так и лез совершенно однозначный подтекст.

— Тебе достаточно всего лишь не забывать о том, что я — не твоя дрессированная собачка, — ответила я. — А если тебе нужна именно такая напарница — давай, свистни любой другой.

Глаза Уокера потемнели. Мне стало не по себе, но сдавать позиции я не собиралась. Следовало сразу расставить все точки над «i», иначе прежние проблемы вернуться вдвойне. Наконец, Чарли вздохнул и первым отвел взгляд. Я победила.

— Мне нужна именно ты, — тихо сказал он. — Ты одна стоишь целой группы.

— Мы с тобой точно говорим об одном и том же человеке? — удивилась я.

— Точно, — слегка улыбнулся Уокер. — Я просто оговорился. Ты будешь стоять целой группы. Обещаю.

В утопии стоял самый разгар весны. Густой лес, наполненный пением сотен птиц, подступал к самому океану. Соленый ветер трепал палатки на берегу и оседал на губах йодистым привкусом.

— Зря ты расположилась на пляже, — заметил Чарли. — Здесь могут быть сильные шторма. Как только разведем местность, нужно будет перебраться в лес.

— Море здесь мелкое, — возразила я. — Высоких волн не будет. А сейчас прилив, и его граница далеко, значит, нас может залить только при урагане. А при урагане и в лесу опасно. Давай останемся здесь?

Уокер поморщился.

— Я не привык к океану. Всегда жил далеко от берега. Мне кажется, подальше от волн будет спокойнее.

Видимо, держать нос по ветру уокеровского настроения скоро войдет у меня в привычку. Вот и сейчас, я вся подобралась, чтобы не спугнуть случайный всплеск воспоминаний. Когда бы я еще узнала о нем хоть что-то?

— А я родилась и выросла в доме на побережье, — забросила я пробный шар. — В детстве играла на пляже, засыпала под шум прибоя... Я не боюсь океана.

Чарли молчал. Похоже, спровоцировать его на откровенность сегодня не удастся. Жаль. Ну и ладно.

— Я подолгу смотрела на горизонт, и представляла себе, как однажды сяду на корабль и поплыву на нем далеко-далеко, к неведомым берегам... — я грустно усмехнулась. — Правда, очень скоро я узнала, что неизвестных земель давно уже не осталось.

Я повернула голову. Уокер смотрел не на море, а на меня, и в его глазах плескались зеленоватые волны.

— Мечты сбываются, Джелайна, — тихо сказал он. — Тебе повезло родиться на самом берегу, и теперь все неизведанные земли в твоём распоряжении. Только поворачивай штурвал.

У меня вдруг защипало в носу и все поплыло в поле зрения. Наверное, от ветра.

— У тебя глаза цвета зимнего моря, — невпопад прошептала я. Чарли вдруг отвернулся.

— Все может быть, — невыразительно бросил он, уходя.

По сравнению с нынешними тренировками наша злополучная трехчасовая разминка на окраине итальянского городка теперь казалась мне безмятежной прогулкой. Я выматывалась так, что падала и отключалась еще до наступления темноты, а утром с воем еле-еле распрямляла трясущиеся конечности. Тогда-то и пригодилось массажное мастерство Уокера — без его помощи я бы и подняться не смогла. Он приходил по утрам и разминал мне одеревеневшие мускулы, а я ревела белугой, кусая спальный мешок.

Чарли ни капли не щадил меня, но я не жаловалась. Он ведь угадал — подсознательно я уже согласилась на его предложение. Теперь, как положено, следовало взвесить все «за» и «против», но на это у меня попросту не оставалось сил. Я едва выдерживала сумасшедшую

нагрузку. А вот мой наставник, мало того, что без труда шел наравне со мной, да еще и взял на себя охоту и все хлопоты по лагерю, включая стряпню. Железный человек, я все больше им восхищалась.

Он все же настоял, чтобы мы перенесли лагерь в лес, поближе к пресноводной речушке. Постоянный мерный рокот океана не давал ему покоя, а вот в шумящем и завывающем лесу Уокер сразу же обосновался, как дома, выделил нашу охотничью территорию и охранял ее, как заправский вожак стаи.

Чарли учил меня защищаться от здешних многочисленных хищников, будучи вооруженной только заостренным колом или суковатой дубинкой. В тот день, когда я в одиночку, без его помощи, справилась с тремя голодными волками, он вскользь заметил, что, похоже, не зря тратит на меня время. Я была счастлива!

Когда однажды вечером, вместо того, чтобы замертво упасть в палатке, я наконец-то нашла в себе силы присоединиться к ужину у костра, Уокер сказал, что теперь возьмется за меня всерьез.

— Здесь нет крупных сосудов, так что кровью не истечешь, — предупредил он, аккуратно нанеся мне несколько порезов. Я заскулила.

— Потерпи, — мягко сказал Чарли. — Проекция регенерирует на порядок быстрее реального тела. К утру все затянется. А сейчас делай, как я.

В этот вечер я начала учиться у него особой дыхательной гимнастике. С ее помощью можно было повысить свертываемость крови, уменьшить боль в натруженных мышцах или поднять порог чувствительности для всего тела, очень быстро восстановить сердцебиение после долгого бега и еще много всего, что для проекций, в принципе, уже и не требовалось.

— Почему ты взялся за это только сейчас? — спросила я. — Я бы уже давно применяла ее, и не так уставала.

— Чтобы ты по достоинству оценила разницу, — ухмыльнулся Уокер.

Раны и в самом деле поджили уже через несколько часов, и дезинфицировать их тоже не требовалось. Все-таки TS-проекция — удивительное состояние. В реале от таких физических нагрузок я попросту загнулась бы меньше чем за неделю, а в утопии, какой бы невозможной ни казалась вчерашняя усталость, наутро я через силу вставала и двигалась дальше. Естественно, никто из рейдеров даже не пытается проделывать то же самое со своим драгоценным реальным телом. С ним нужно обращаться бережно и аккуратно. А с проекцией можно не церемониться.

Правда, если рейдер в утопии полностью прекращает занятия, проекция опять возвращается к первоначальной форме — той, что была в момент заброса. И происходит это тоже на порядок быстрее, чем в реальном мире. В нашей группе, на фоне спортивных ребят, я изначально была самой слабой физически — сказывалась прежняя малоподвижная работа, поэтому не было ничего удивительного в том, что теперь мне приходилось несладко.

Изо дня в день Чарли занимался со мной разными видами рукопашного боя, фехтованием с применением всевозможного холодного оружия — от ножей до тяжелых мечей и топоров, от коротких копий до массивных алебард — захваченный нами арсенал охватывал сразу несколько «рабочих» эпох. Мы принципиально не использовали здесь огнестрельное оружие, это было бы слишком просто. А вот лук и арбалет — это самое то.

Разумеется, я прекрасно понимала: для того, чтобы достигнуть хотя бы более-менее сносного уровня, азов недостаточно, и мне понадобится тренироваться в утопиях несколько лет подряд. Достигнуть же мастерства Уокера, занимаясь только в реальном мире, не

светило вообще — там я бы состарилась и умерла гораздо раньше.

* * *

Кончалось лето. Зори уже были прохладными. Я старалась использовать каждый вечер, чтобы поплескаться в постепенно остывающей морской воде. Чарли почти не ходил к океану — ему хватало и речки. Обычно я отправлялась на пляж уже в темноте и даже не брала оружия. За эти месяцы все животные в округе смирились с присутствием неуязвимых людей и больше не смели нас беспокоить.

Лунный диск безмятежно царил на темном небе, отбрасывая на океан сверкающую серебристую дорожку. Я сбросила одежду и улеглась в полосу прибоя. Волны мягко ласкали меня и с шипением уползали.

После травмы позвоночника я совсем забросила активные занятия спортом, так что только в TSR взялась сколько-нибудь заметно укреплять мускулатуру. За последние месяцы моя проекция сильно изменилась, и неудивительно — при такой нагрузке... Правда, объем, увы, так и не вырос — я стала сухощавой и жилистой, руки и ноги под кожей будто обвивали тугие веревки. Но такой я даже начала себе нравиться. Пусть мне никогда не быть привлекательной в общепринятом понимании, но в этом тоже что-то было. И вспомнив о том, что вернувшись в реальность, я опять стану прежней, оставив только новые навыки, я расстроилась и пообещала себе, что теперь и дома продолжу усиленно заниматься, чтобы это олимпийское совершенство оставалось со мной всегда. Вот как у Уокера, например. Он приходил в утопии и уходил из них практически одинаковым — его великолепному телу, наверное, уже некуда было совершенствоваться.

Мысли о Чарли в подобном направлении плюс ласкающие волны — это было уже слишком приятно. Сладко потянувшись, я перекатилась на живот... и заметила на прибрежной скале у леса темный человеческий силуэт. Я торопливо вскочила и отползла в воду. На скале уже никого не было.

Я поверить не могла — неужели Уокер способен позволить себе опуститься до ребяческого подглядывания? Он бы, скорее уж, заявился прямо сюда. Да и вообще, он предпочитал не появляться на пляже. Все еще сердясь, я зашла в глубину и поплыла навстречу луне. Заплыв в океан примерно на четверть мили, до уже разведанного подводного течения, я повернула обратно. Чарли уже стоял возле моих вещей. Когда я подплыла к берегу, он тактично отвернулся и подождал, пока я выйду и завернусь в полотенце.

— Ты всегда заплываешь так далеко, да еще ночью? — обеспокоенно спросил он.

— Надо же, какой сюрприз! — проигнорировав вопрос, едко прошипела я. — Что, тоже пришел окунуться?

— Я слышал в лесу странные звуки, — ответил Уокер. — Решил проверить.

— Да что ты?! И как, проверил? Я хорошо видна сверху?

Чарли уставился на меня с недоумением. О, очень убедительно.

— Откуда видна? — переспросил он. Я молча указала на скалу. Уокер замер, потом резко обернулся.

— Ты тоже кого-то видела?

— Н-не уверена, но... — начала я, вмиг усомнившись в своих подозрениях к нему. Чарли оглянулся по сторонам — мы были, как на ладони — поспешно сгреб с песка одежду,

ухватил меня за руку и потащил к лесу.

— Стой! — ахнула я, наткнувшись на острый камень. — Дай хоть обуться!

Эту ночь мы оба провели в моей палатке. Чарли остался караулить, а мне велел спать. Я попросила разбудить меня среди ночи, чтобы сменить его. Ночью мне приснился малопонятный кошмар и, проснувшись, я обнаружила, что уже вот-вот начнет светать.

— Почему ты не разбудил меня? — упрекнула я Уокера.

— Не нужно. Спи дальше, — ответил он, сидя вполоборота к выходу. Я снова закрыла глаза, чувствуя на себе его взгляд, и мне вдруг почему-то пришло в голову, что он так и смотрел на меня всю ночь. Полежав немного без сна, я снова открыла глаза, и тут же встретила взглядом с Чарли.

— Спи, — строго повторил он и отвернулся.

Мне снова явился кошмар. Теперь он был отчетливым, но странным. Раньше мне всегда снилось то, что со мной уже происходило, причем в гротескной форме. На этот раз мне привиделось, что окружающий лес следит за нами. Я проснулась вся в поту, и тут же вскочила, охваченная нехорошим предчувствием. Уокера рядом не было. Я выглянула в затянутую сеткой отдушину. Чарли сидел у костра и готовил завтрак. И тут я увидела глаза...

Их было не меньше десятка — смуглые полуголые воины с изрисованными темными полосами лицами. Отличная маскировка, я и заметила-то их только по блеску белков. Незваные гости внимательно наблюдали за Уокером, вторые сутки не спавшим, а он сидел к ним спиной и, видимо, из-за потрескивания огня и звона посуды не расслышал невесомых шагов. Похолодев, я принялась как можно тише рыться в своей сумке — там на самом дне лежал верный «узи», выручавший уже не раз. К черту здешние принципы, раз такое творится... Снова прильнув к окошку, я вставила обойму. Услышав из палатки характерный металлический щелчок, Чарли настороженно замер. Воины пошевелились, трое из них чуть выпрямились, я и заметила натянутые луки...

— Ложись! — крикнула я. Уокер мгновенно бросился на землю. Я принялась палить по зарослям. Тени заметались в стороны, корчились, падали...

Мы обнаружили четырнадцать тел. Судя по кровавым следам, еще двое успели сбежать.

— Придется уходить сегодня, — с сожалением сказал Чарли. — Хотелось бы надеяться, что "громы и молнии" насмерть запугали удравших, но скорее всего, они вернуться, и теперь их будет еще больше. Жаль, мне начал нравиться этот тихий уголок.

Он подошел ко мне, все еще сжимающей в руках автомат.

— Неплохо, Джелайна. Ты уже ведешь себя, как настоящий телохранитель.

— Мне просто повезло не попасться им на глаза... — пробормотала я и тут же вспомнила сон. — Чарли, я предчувствовала нападение!

Уокер спокойно кивнул. Мне показалось, его это ничуть не удивило.

— Да, у тебя сильная интуиция, — согласился он с таким видом, словно и так уже знал об этом. — Никогда не пренебрегай ею. Но они точно собирались напасть?

— Еще бы, — поежилась я, обмирая от мысли, что вполне могла не успеть. — Трое уже натянули луки. Я как представила, что тебе в спину вот-вот полетят стрелы... — у меня сорвался голос, а Чарли вдруг слегка побледнел, отступил назад, нервно провел рукой по волосам и, чтобы заняться чем-то, принялся складывать палатку.

— Давай собираться домой, — хрипловато бросил он. — Я тут совсем утратил бдительность.

— Уходим, — вздохнула я, начав распахивать вещи по сумкам. — А я так ничего и не

решила.

— Неужели? — хмыкнул Уокер. — Ну, давай останемся. Дадим им бой, перезимуем...

— Ну, нет. Я не собираюсь тут моржевать.

— Тогда решай сейчас, — посерьезнел он. — Джелайна, сомневаться можно хоть всю жизнь. А можно жить, не оглядываясь на других. Тебя ждут неизведанные земли, — Чарли снова заманчиво улыбнулся, и меня охватила прежняя тоска. Ну почему он, такой необыкновенный, выбрал именно меня?

Уокер присел рядом со мной и тихо произнес:

— Открою маленький секрет. Ветераны, занимающиеся стажерами, заранее изучают дела всех потенциальных рекрутов. Джелайна, я присматривался к тебе еще до того, как Паркер завербовал и привел к нам тебя и еще одного парня, помнишь? Того, кстати, считали более подходящим кандидатом. Профессиональный спортсмен, неоднократный чемпион чего-то там... Вдобавок ко всему, — Чарли чуть поморщился, — родственник одного из патрульных. Все были уверены, что возьмут именно его. В тот день вам провели небольшую экскурсию, а потом рассадили по разным кабинетам и дали заполнять всякие бумаги.

Он сделал паузу, и я кивнула, отчетливо вспоминая день, ставший переломным моментом в моей жизни.

— За вами вели видеонаблюдение. Ландер тогда пригласил нас взглянуть на их протезе. Мне это было неинтересно, но я все-таки пришел, за компанию с Биллом. Каково же было мое удивление, когда я узнал в другом рекруте тебя! Оказывается, пока я обдумывал, как бы мне исхитриться обойти обычный порядок вербовки, Паркер сам сделал нужный выбор, — Чарли рассеянно улыбнулся, глядя куда-то мимо меня. — Хочешь не хочешь, а начнешь доверять неизменной воле провидения.

— А сколько рекрутов Паркер тогда отсеял? — озадаченная его внезапной откровенностью, спросила я.

— Тридцать четыре. Твою кандидатуру все считали просто довеском для контраста — никто ведь и не сомневался, что Ландер пропихнет своего человека. Но я тогда, наверное, единственный раз за все время, стукнул кулаком по столу и заявил, что если возьмут этого напыщенного спортсмена, то пусть попробуют заменить им меня.

— Так вот почему тебя терпеть не могут в Патруле?!

— Нет, не поэтому. У меня с ними давние трения. Но все и правда решили, что я просто поступаю назло, — Уокер лукаво усмехнулся. — А на самом деле я отвоевывал мою Джелайну.

Сраженная наповал, я вдруг с удивительной ясностью вспомнила все очевидные теперь мелочи, с самого начала ясно указывавшие на его особое отношение ко мне. Как я могла быть такой слепой?

— Что же ты нашел во мне такого, что собирался даже нарушить регламент? — еле слышно спросила я. Чарли наклонился вперед, почти коснувшись меня, и промолвил:

— Придет время, и я открою тебе все свои секреты. Клянусь. А пока... Что ты ответишь судьбе?

Я подняла плоский круглый камешек и подбросила его на манер монетки. Чарли с любопытством посмотрел на мою ладонь.

— Ну? — усмехнулся он. — Что там у нас?

Так и не взглянув на упавший камешек, я смотрела в глаза Уокеру и широко улыбалась.

— Орел.

Если бы я знала заранее о том, какое непростое время начнется для меня в TSR — точно раздумывала бы целый год, причем, в реале. Нет, я имею в виду не сложные тренировки и опасности рейдов. Как раз к этому я была готова. Сложным стало другое.

В TSR все новости разлетаются со скоростью света. Как только Чарльз Уокер подал начальству заявку на личного стажера для тренировок в разведку, об этом практически немедленно узнали все дамы нашей конторы. Новость оказалась самой настоящей бомбой. А я немедленно попала под перекрестный обстрел косых взглядов и сплетен.

По мне и раньше проходились злыми языками — еще когда только-только начались стажировки нашей группы. Но тогда я была лишь одной из многих, и нам с Энн доставалось поровну со всеми. Теперь же я узнала о себе немало нового... Спасибо моей старой броне, без нее я бы не справилась. Иногда мне даже становилось смешно. Взрослые люди — и так ведут себя. Можно подумать, Чарли объявил о нашей помолвке. Это же разведка, самый страшный этап работы с утопиями! Но по-моему, сплетниц интересовало только одно: всех задевало, что теперь я якобы становилась постоянной подружкой Уокера, да к тому же еще и единственной, ведь отныне он переходил исключительно на разведку и личные проекты. Никому даже и в голову не приходило, что наши отношения могут быть какими-то иными.

Пожалуй, только Кей Си, Долорес и Энн восприняли все адекватно. Остальные награждали меня хмурыми ревнивыми взглядами и перешептывались, даже не дожидаясь, когда я хотя бы отвернусь. Самым безобидным из всего, что я слышала, было "Что он нашел в этих блеклых мощах незнамо какого пола?" Появляться в кафетерии стало сущим мучением.

Энн при любом удобном случае старалась приободрить меня.

— Они просто завидуют! Никто же не знает... — и тут же осеклась, оглядываясь — не слышит ли кто.

— Да чему тут завидовать? — возмутилась я. — Честное слово, как кумушки на чужой свадьбе. Они ведь и сами тоже бывали в оперативке! Все прекрасно знают, что это вовсе не сахар. Чему завидовать? Да пусть берут и идут в разведку, кто им мешает?

— Ну, начнем с того, кто их туда возьмет? — усмехнулась Энн. — Все, кто годились в разведку, уже давным-давно там работают. Туда ведь в основном мужчин берут. А завидуют потому, что уверены — ты своего не упустишь. Многие наверняка готовы на любую, даже самую опасную оперативку, если потом каждый раз получать такую компенсацию... — Диклест расплылась в мечтательной улыбке, веки ее снова затрепетали. Я отвернулась, чтобы не видеть этого.

— Дурочка ты, Джа, — неожиданно посерьезнев, сказала Энн. — Сама не понимаешь, чего себя лишаешь. И совершенно напрасно, между прочим.

— Как раз понимаю, — упрямо отозвалась я. — Я хочу спокойно жить и работать, а не волочиться за ним потом, как Аннабелл.

— Ну я же не волочусь, — возразила она, и тут же проказливо ухмыльнулась. — А ведь хочется...

— Вот-вот, — угрюмо кивнула я. — Тебе просто «хочется». А мне после этого придется уйти отсюда.

Энн схватила меня за плечо и развернула к себе лицом.

— Джа, ты что, правда влюбилась?! — изумленно спросила она. Проклятье, даже парни оказались куда догадливее нашей заботливой подруги. Старая, как мир, истина: каждый меряет всех по себе. Энн предпочитала выстраивать отношения с мужчинами по потребительскому принципу. Не знаю, как там с официальным женихом, но с Марком и Чарли именно так все и было.

— Ой, ду-ура... — тихо протянула Энн. Я разозлилась.

— Сама знаю! Только теперь уже поздно метаться.

— Да ты что?! При чем здесь... — Энн всплеснула руками. — Вот дурочка, и сама отказываешься! Да наоборот бы цеплялась изо всех сил, за каждую минутку... Черт, да тебе радоваться надо, что все так сложилось! Пользуйся этим, пока есть возможность!

— Вот именно — пока! — отозвалась я. — Если через неделю-другую выяснится, что я все-таки не гожусь для разведки, он выкинет меня из своей жизни, как и всех остальных. И все!

— За эту неделю, — резонно заметила Энн, — для вас может пройти несколько лет. Я бы на твоём месте не тратила времени зря. Да и Чарли... каково ему, по-твоему, отказываться от прежнего образа жизни? Я вообще удивляюсь, как он пошел на это, с его-то запросами. Может, он все-таки надеется, что ты передумаешь?

Я вздохнула. Уже осталась в прошлом солнечная весна на берегу океана, когда сильные пальцы Чарли каждое утро искусным массажем возвращали меня к жизни. И тут мне вдруг вспомнилось, как в первые дни я по вечерам мгновенно засыпала, едва найдя точку опоры, а просыпалась потом в палатке, раздетая и в спальном мешке. Самое интересное, что я этому даже не удивлялась, считая, что устраиваюсь спать на автопилоте — в студенческие годы со мной уже бывало так пару раз, в сильном опьянении. Но теперь я взглянула на это как бы со стороны. Я не могла раздеться машинально уже хотя бы потому, что просто не могла двигаться. Есть такой мертвецкий сон, когда человека можно толкать, щипать — а он даже не почувствует. Я должна была проснуться на том же месте, где упала... если бы вообще проснулась после переохлаждения.

Меня охватило замешательство. Выходит, это Чарли все время переносил меня в палатку, разувал, раздевал и укладывал в теплый спальник? То-то у него по утрам было такое странное выражение лица... словно он ожидал от меня каких-то вопросов. Но он не стал говорить мне об этом сам — почему? Может, ему это казалось нормальным?

Вот черт, он ведь мог делать со мной все, что угодно, и я бы даже не заметила! В самом деле не заметила бы — первые две недели я совсем не чувствовала своего тела, воспринимала его только как сплошной комок постоянной боли. Но Чарли всего лишь заботился обо мне, устраняя все, что могло помешать тренироваться. И я принимала это, как должное. Вот ведь как: в первом рейде он всего лишь помассировал мне плечи, а я так отреагировала... А теперь он разминал каждую мышцу моего тела, и я несколько этого не стеснялась. До чего же глупо с моей стороны было предполагать, что Уокер станет подглядывать на пляже — он и без этого, наверное, изучил меня всю в малейших деталях. А еще я никогда не задумывалась о том, что он сам должен был испытывать при этом — мне, отупевшей от усталости и боли, попросту не было дела ни до чего. Даже мысли определенного рода начали появляться, только когда я немного втянулась в изматывающий режим тренировок. А ведь Чарли так не уставал. Ему это было привычно.

Голос Энн вернул меня к реальности.

— Вряд ли Чарли стал бы тренировать в разведку первого попавшегося стажера.

Наверняка они с Биллом долго выбирали подходящую кандидатуру. Так что, скорее всего, для тебя это теперь и в реале займет не один год. А уж в утопиях... даже представить себе трудно, — Энн покачала головой. — Ты хоть понимаешь, что тебя ждет? Целая жизнь! Так и будешь просто смотреть на него? Он же и правда теперь твой, только твой!

— Только в утопиях, — еле слышно ответила я.

— А ты чего хотела? — фыркнула она. — В реале? "Жили долго и счастливо", да? Смешная ты...

— Энни, а ты не ревнуешь? — осторожно спросила я.

— Да ну! — рассмеялась она. — Нет, жаль, конечно, что у нас с ним больше ничего не выйдет. Все-таки это было классно, несмотря ни на что. Но знаешь, Джа, я бы если и стала с ним встречаться, то только изредка. Мне кажется, я бы не выдержала долгих отношений.

— Почему?

Диклест ответила не сразу.

— Он очень сложный человек. Мужчины обычно так предсказуемы, а Чарли... Никогда не поймешь, о чем он думает, никогда не знаешь, что сделает в следующую минуту. Он будто сам видит тебя насквозь, и от этого как-то неуютно. И внутри он не такой, как снаружи, — Энн сделала паузу, подбирая слова. — Мне иногда кажется, что все-все, что он делает — это просто игра. Словно в нем и там, и тут живут по две совершенно разные личности. В утопии он поначалу просто душка — внимательный, галантный, ласковый; как вдруг резко меняется, делается холодным, безжалостным. Из-за чего — непонятно, а перехода не замечаешь, пока не становится поздно. Чувствуешь себя сидящей на пороховой бочке. Это так утомляет... А в реале он вообще другой: то совсем простой, веселый, открытый — и тут же отстраненный, чужой, подчеркнуто официальный. Нет, я бы не согласилась терпеть его постоянно.

Я задумалась. Во всех выводах Энн явственно ощущался осадок ее обиды на Уокера за их единственный совместный рейд. В чем-то она была права, я тоже иногда замечала за Чарли подобные вещи, хотя на мой взгляд, это никогда не бывало настолько уж выражено. По-моему, Энн, привыкшая выстраивать отношения с мужчинами по своим правилам, слишком уж заостряла внимание на непредсказуемых перепадах его характера. Ко всему ведь можно приспособиться, если научиться понимать Уокера и принимать его таким, каков он есть. А научиться, пожалуй, стоило. Несомненные достоинства этого неординарного человека ощутило перевешивали все его известные мне недостатки, а ведь это так редко встречается среди огромной массы эгоистичных посредственностей, гордо именующих себя настоящими мужчинами. Я уже видела Чарли в условиях, требующих самых разных умений, и не сомневалась, что в любой жизненной ситуации он всегда окажется на высоте, что бы ни делал. Он был надежен, действительно надежен, несмотря ни на что.

Тут я поймала себя на том, что начинаю думать о Чарли так, словно решается вопрос о нашем совместном будущем. Я заставила себя прекратить это — все равно ни к чему не приведет.

— Мне почему-то кажется, — вдруг произнесла Энн, — что ты-то как раз и сможешь найти с ним общий язык. Любовь помогает женщине мириться со многими трудностями. А ты в этом смысле сильнее меня, ты вынесешь любую его жестокость.

— Чарли вовсе не жестокий, — возразила я. — Он всего лишь предъявляет к другим людям те же требования, что и к себе самому. Он безжалостен в первую очередь именно к себе, и считает это нормой.

У Энн стал такой вид, будто ей в голову пришло что-то необыкновенное.

— Знаешь, а я, кажется, поняла, почему он выбрал именно тебя, — слегка улыбнулась она. — И не спрашивай, почему — все равно не скажу.

* * *

Без пробуждения мнемоника неопытному рейдеру поначалу трудно помнить, что он отсутствовал в реальном мире секунды, а не месяцы. Когда командировки совершаются всего раз в день, это еще можно уложить в голове, но для меня тот этап остался в прошлом. Теперь мой реальный рабочий день был расписан полностью. Чарли показал мне, как именно лучше всего вести дневник или список текущих дел для реала. У меня выдался небольшой перерыв на это, пока Уокер смотался в две курируемых им утопии. Потом мы с ним снова отправились в очередной незнакомый мир.

Это был влажный лес каменноугольного периода. Колючие стволы гигантских древовидных папоротников, совершенно фантастические мхи и невероятное многообразие удивительных насекомых.

— Да-а... — поражено протянула я, восторженно озираясь по сторонам. — На такой глубине я еще не бывала.

— Палеолит — это ерунда, — явно наслаждаясь моей реакцией, бросил Чарли. — Вся история человечества занимает на шкале эволюции лишь крошечный отрезок. Я покажу тебе еще много интересного. Как насчет юрского периода? Нет, лучше попозже, когда наберешься опыта — там очень опасно. Или, например, Пангея и безбрежный океан, как ты любишь.

— А с чего ты взял, что я люблю один океан? — возразила я, сорвав чешуйчатую маковку огромного синеватого хвоща. Жесткая на вид, наощупь она оказалась бархатной. — Мне куда интереснее то, что за горизонтом.

Уокер долго смотрел на меня, чуть улыбаясь. Потом посерьезнел и спросил:

— У тебя сегодня все в порядке в конторе?

— Да, все отлично, — автоматически ответила я, и только после этого поняла, о чем именно он спрашивает. От Чарли не укрылась резкая смена моего настроения.

— Неправда, — уверенно сказал он. — Джелайна, то, что ты слышала за спиной, у меня то и дело спрашивали прямо в лоб. Неужели это не понятно?

— Ах вот как, — пробормотала я. — Тогда зачем спрашивать, если и сам все знаешь?

— В том, что наши дамы так реагируют, есть значительная доля моей вины. Но мне бы не хотелось, чтобы все эти разговоры портили жизнь тебе. Ты этого не заслуживаешь.

— Ерунда, — передернула я плечами. — С теперешним расписанием я буду появляться среди сотрудников лишь на несколько реальных минут в день. Как-нибудь переживу.

— Вот и правильно, — одобрил Чарли. — Не обращай внимания. Скоро все привыкнут и забудут.

— А что ты им всем отвечал? — поинтересовалась я.

— Чистую правду, — спокойно заявил он, легко забрасывая на плечо тяжелый рюкзак.

— В самом деле? — удивилась я. Как-то не верилось, что Уокер захочет испортить себе репутацию.

— Конечно, — подтвердил он. — Я отвечал, что их это совершенно не касается.

Мясное меню этой эпохи не отличалось разнообразием. Мы ловили на мелководье непугливых амфибий, да иногда примитивных рыб или огромных медлительных моллюсков. К счастью, практически все плавающее, ползающее и растущее в этом первозданном мире было съедобным и вполне вкусным. Даже щетинистые плауны, если содрать с них грубую кожу. И даже отвратительные на вид белесые личинки, которыми Чарли, смеясь, пытался накормить меня насильно — и те оказались самым настоящим деликатесом, если закрыть глаза.

Тренировки продолжились в том же темпе. У меня добавилось выносливости и остались все навыки, но мускулатура стала по-прежнему слабой, и теперь ее опять пришлось развивать. Было досадно приниматься за это почти заново — со смертельной усталостью и уже ставшей привычной болью по утрам, правда, теперь заметно сглаживаемой дыхательной гимнастикой. Но Чарли заявил, что подобная закалка пойдет мне на пользу. Он продолжил делать мне ежедневный массаж, и я все чаще замечала, что ему этот ритуал, похоже, очень нравится.

— Ты меня избалуешь, — однажды упрекнула я Чарли. — Я так могу и привыкнуть.

— Я очень на это надеюсь, — выразительно улыбнувшись, ответил он.

Примерно через месяц после нашего прибытия пошли сильные ливни. Среди ночи река вышла из берегов и затопила лагерь. Нам пришлось при свете фонариков, под проливным дождем и по пояс в воде перетаскивать все вещи на новое место. Река разлилась слишком широко, так что за неимением лучшего Чарли обрубил верхушки тесно стоящих папоротников, и на этих природных сваях оборудовал настил. С горем пополам натянув одну палатку, мы устроились вместе, прижавшись друг к другу, чтобы согреться, и укрываясь подмокшими спальниками. Ясное, солнечное утро казалось благословением свыше.

— Оказывается, даже самый спокойный мир тоже может устраивать неприятные сюрпризы, — приговаривала я, кое-как развешивая мокрые вещи на колючих стволах. — Хорошо еще, что дождь прекратился.

— Это еще что, — хмыкнул Чарли, собираясь на разведку в поисках сухого места. — Нашей группе однажды пришлось удирать от потока лавы. Мы тогда лишились больше половины всех припасов.

— У нас тоже много чего утонуло. Сейчас поныряю, поищу.

— Там сильное течение и глубина в человеческий рост, — предупредил Уокер, связывая вместе несколько стволов, в изобилии плавающих повсюду. — Будь осторожна.

— Да разве это глубина? — фыркнула я. — Мне в десять лет пришлось нырять на шесть метров. И ничего.

— Зачем? — заинтересовался Чарли.

— Поспорила, что достану редкую раковину.

— И как — достала?

— Да.

Уокер усмехнулся и покачал головой.

— Все равно осторожнее — вода мутная и полно обломков.

Я почему-то решила, что он задержится, чтобы присмотреть за мной, пока я ныряю. Но похоже, Чарли ничуть не беспокоился и не сомневался во мне. Он оседлал

импровизированный плотик и отправился на нем выше по течению реки. Я поплыла к месту нашей прежней стоянки. Почти сразу нащупала ногами кое-что из оружия, и принялась нырять. К тому времени, как вернулся Уокер, я уже разложила на настиле многое из утерянного. Остальное унесло наводнением.

Пришлось переезжать на добрый десяток миль — местность была очень низкой. Из настила мы сделали плот побольше, приделав снизу поплавки из толстых, пористых, напоминающих бамбук стволов.

— Если бы не тренировки, — помечтала я, — то можно было бы посмотреть этот мир, путешествуя именно таким образом. Прямо сверху поставить палатку — и вперед. Вода повсюду.

— Почему бы и нет? — пожал плечами Чарли. — Время не ограничено. Только что тут смотреть? Везде одно и то же — одинаковые болота и папоротниковые заросли.

Он оказался прав — здешний ландшафт не отличался разнообразием. Новое место для лагеря в точности напоминало прежнее. Через пару дней вода спала, и жизнь вошла в привычную колею.

— Я все больше убеждаюсь, — как-то заметил Уокер, — что выбрал напарницу на редкость удачно. Убеждаюсь во всем — начиная с того, что ты совершенно не пасуешь перед повседневными трудностями, и заканчивая твоим самообладанием в экстремальных ситуациях.

— Ну, за первое можешь поблагодарить своего друга, а по поводу второго можно и поспорить, — возразила я, смущенная его развесистой похвалой.

— Ничего подобного. Например, во время наводнения... Очень немногие женщины способны в такой ситуации обойтись без единой жалобы. Большинство, как правило, очень некстати вспоминают о том, что они относятся к слабому полу, и во всем рассчитывают на помощь мужчины. А ты молча занималась делом.

— А на что жаловаться-то? — удивилась я. — На дождь?

— На невезение, — хмыкнул Чарли.

— А, ну да, — недовольно пробормотала я, расставляя на солнце не просыхающую от здешней сырости обувь. — Только вот почему-то случаи невезения в моей жизни почти всегда напрашиваются к чему-то мокрому.

Поняв, что начинаю банально ныть, я попыталась улыбнуться как можно беззаботнее, но Чарли словно и не заметил этого, думая о чем-то своем.

* * *

В каменноугольном лесу мы прожили полгода. Просто удивительно, как незаметно пролетело это время, как стремительно промелькнули короткие теплые дни, до отказа наполненные будничными заботами о пропитании и усердными тренировками. Я уже в который раз обратила внимание на то, что время в утопиях никогда не кажется затраченным впустую. Например, в реальном мире я бы вся извелась, если бы пришлось несколько дней провозиться, приводя в порядок наш подмокший арсенал. Нудная, но неизбежная работа в обстановке стремительно живущего мегаполиса воспринималась бы сродни повинности или ограничивающему свободу наказанию. А здесь — ничего, терпимо. Ведь подсознательно я постоянно помнила о том, что время для меня сейчас идет только фактически, и оно

поистине беспредельно.

— Пора переселяться, — заявил однажды Чарли. Мы уже четырежды перекочевывали на новые места, бросая обедневшие добычей и сухим топливом берега, но в последний раз это произошло совсем недавно. Поэтому я удивилась.

— Как, опять? Здесь еще нормально.

— Не на новое место, — покачал головой Уокер. — В новую утопию. Ты уже вошла в режим, успевать за мной стало несложно. Владение оружием тоже неплохое, но ты начинаешь приноравливаться к моим атакующим и защитным приемам. Это хорошо, конечно, но это говорит еще и о том, что тебе требуются новые противники.

Я немного расстроилась. Конечно, однообразный и практически безопасный папоротниковый лес давно уже надоел нам обоим, так что сменить обстановку не мешало. Но это значило и то, что я снова вернусь к началу. А я уже так привыкла к натренированному телу! И Чарли давно прекратил делать мне массаж — как только я перестала маяться по утрам, тут же сама отказалась от его помощи. Честно говоря, мне показалось, что его это немного разочаровало... нет, скорее всего, только показалось.

— Ничего не поделаешь, — тихо сказал Уокер, поняв, о чем я думаю. — Закалка — дело неблагодарное, но неизбежное. Начинай как следует работать над собой в реале. Разницу нужно поскорее сократить до минимума.

— Мне никогда не достичь этого уровня в реале, уделяя тренажерам два часа по вечерам, — уныло возразила я. — Если только уехать на пару месяцев куда-нибудь за город, и там тренироваться дни напролет в здешнем темпе. Но реальное тело такая нагрузка за пару месяцев попросту убьет. Нужно месяцев восемь, не меньше.

— Недостаток реального времени в том, что оно очень быстро уходит, — задумчиво произнес Чарли. — Я не могу отпустить тебя совсем, но с завтрашнего дня — реального завтрашнего дня — будешь приходить на работу к одиннадцати и уходить в два часа — этого хватит, чтобы провести хотя бы три-четыре заброса. Мы с Конни будем готовить все заранее. Утро и вечер посвящай тренировкам.

— А в конторе никто не станет возражать против индивидуального графика?

— Пусть только попробуют, — довольно усмехнулся Уокер. — Ты — моя, и я намерен распоряжаться тобой исключительно по собственному усмотрению.

Я растерянно кивнула и отвернулась. Интересно, это тоже было случайной оговоркой?

* * *

В следующую утопию нам предложили взять за компанию Амброса и ребят. Меня это предложение очень обрадовало, а вот Чарли долго не хотел соглашаться, заявив, что ему теперь некогда подрабатывать нянькой. Мне показалось, что Билл слегка обиделся, но все же спокойно попросил Уокера подумать еще раз.

— Они не будут тебе обузой, — пообещал он и иронично добавил: — Если хочешь, мы даже поселимся отдельно.

— Правда, Чарли, почему мы не можем отправиться все вместе? — возмутилась я.

— Джелайна, у тебя уже совсем другой уровень, — отрезал Уокер.

— Ну и что? Я же не собираюсь равняться на них.

— Ладно, голубки, — насмешливо встрял Билл. — Нет так нет, лишь бы вы не

ссорились.

Я надулась и расстроено отвернулась, скрестив руки на груди. Ребята с молчаливым укором смотрели на Чарли.

— Ну, хорошо... — неохотно раздалось за моей спиной. — Но если я хоть раз замечу, что они мешают тренировкам...

Я просияла, едва удержавшись, чтобы не кинуться ему на шею. В глазах Уокера на мгновение промелькнуло что-то совсем незнакомое.

* * *

На этот раз в нашем распоряжении оказалась бескрайняя дубовая пуца в центре Европы. Первый день, как обычно, был отдан обследованию окрестностей, выбору места для лагеря и обустройству. Я хотела поначалу поселиться в отдельной палатке, но Энн настояла на общей.

— Без тебя Билл все время брал меня только с Полом, — пожаловалась она. — Заявил, что у него нет желания постоянно разгонять влюбленную парочку. Можно подумать, мы с Марком когда-нибудь давали повод! Одной жить скучно, а теперь хоть можно будет поболтать перед сном.

— Ох, Энни, сомневаюсь, что в первые дни из меня выйдет собеседник. Но ты можешь вечера напролет произносить монологи над моим трупом, — усмехнулась я. — Он не будет возражать даже против песен и танцев.

— Почему это — трупом? — нахмурилась Энн.

— Потому что я буду сильно уставать. Еще хочу предупредить тебя, как «сову», что рядом со мной поспать по утрам больше не удастся. Чарли приходит будить меня еще затемно, а после этого в лагере, скорее всего, уже никто не уснет. Зря вы не стали селиться отдельно.

На лице Энн появилась многозначительная ухмылка.

— Я что-то пропустила, или ваши отношения наконец-то... э-э... вышли на новый уровень? Так, может, я буду вам мешать?

— Ты нам — нет, но вот мы тебе точно покоя не дадим.

Подскочили ребята, и обняли нас обеих.

— Девочки, что мы нашли! Тут такая речка — и всего в двух минутах ходьбы! Песчаный пляж, мало водорослей, толстые ветки над водой — нырять с них...

— Какая речка? — одернула я их. — Мы здесь всего полчаса, еще не знаем, что вокруг творится, а вы зовете нас купаться! А если рядом живет воинственное племя? Учтите, блондинки ценятся везде.

— Ну вот, — скривилась Энн. — Как всегда, я крайняя.

— Джа, не пугай, — фыркнул Марк. — Откуда тут воинственные племена? Новичков не посылают...

— Джелайна совершенно права, — перебил его подошедший Уокер. Он холодно взглянул на Пола, и тот немедленно убрал руку с моего плеча. — Во-первых, мы еще не осмотрели все как следует. Во-вторых, сейчас все идут на охоту. Пока здешние животные не испуганы нашим присутствием, можно настрелять мяса, не забредая слишком далеко. И раз уж вы с нами, то больше не новички. Утопия выбиралась не для вас, а для нас. Это понятно?

Ребята притихли.

— Запомните сразу, — строго продолжал Чарли. — От Билла ни на шаг! Это не тундра где все как на ладони. По одному от лагеря не отходить. По двое тоже, — добавил он, выразительно глянув на Марка и Энн. — Держаться всем вместе, и всегда с оружием наготове.

— Вот и поплавали... — разочарованно протянул Пол.

— Еще поплаваετε, — успокоил его Уокер. — Когда окрестности будут только нашими, все станет намного проще.

В первую ночь ветераны по очереди дежурили, охраняя нас от зверей. Теперь я поняла, почему Чарли не стал настаивать на разделении лагеря — в этом лесу обитали, наверное, все мыслимые хищники средней полосы. Несколько раз мы просыпались от стрельбы, а утром обнаружили уже подпорченные падальщиками останки четырех здоровенных волков.

На второй день начались тренировки. Ребята остались где-то возле лагеря, а мы с Чарли углубились в лес, отделились на полмили и начали кругами прочесывать местность — все дальше и дальше. Спугнули лосей, кабанов, выжили волчье логово с детенышами и обнаружили остатки старого разрушенного зимовья, сложенного из бурелома. Судя по найденным внутри кремневым обломкам, охотники этого мира еще не знали металлов, но говорить об этом наверняка было рано.

Мы вернулись к лагерю, когда уже смеркалось. Я едва волочила ноги. На весь лес аппетитно пахло жареной зайчатиной — ребята приготовили ужин. Но я даже не помню, съела ли хоть что-то...

* * *

Утро началось стандартно. Чарли забрался в нашу с Энн палатку и разбудил меня.

— Зря вы устроились вместе, — прошептал он, оглянувшись на Диклест. — Ты вытерпишь молча?

Я обреченно вцепилась зубами в спальник. Но сдерживаться после первого дня получалось плохо.

— Ты чего?! — взвилась Энн. — Волки?! — и тут она разглядела Уокера, разминающего мои ноги...

— Доброе утро, Энни, — невозмутимо улыбнулся Чарли. — Закрой рот, будь добра.

Диклест снова улеглась и принялась изумленно наблюдать за процессом.

— Чарли, зачем ты ее так мучаешь? — спросила она.

— Заткнись! — нервно прорычала я. — Спи!

— Ну и пожалуйста, — обиженно буркнула она, отвернулась и накрылась с головой. Но уснуть под мои полузадушенные стоны было нереально. Тогда Энн вылезла из мешка и, нарочито дразнясь в полумраке упругим белым телом, принялась одеваться.

— Поспишь тут с вами... — недовольно проворчала она и выползла из палатки. Наверное, отправилась досыпать под бок к Марку.

Сделав массаж, Уокер неслышно ушел. Я отдышалась, оделась и кое-как выбралась наружу, ежась от предрассветной прохлады. Возле палатки ребят алой звездочкой то и дело вспыхивала сигарета Марка. Обе наши «совы», наверное, еще спали. Разглядывая меня, Таунта ухмыльнулся.

— Джа, что он там такое вытворял, что ты теперь еле стоишь?

Из палатки ребят раздалось приглушенное хихиканье. Спелись, заразы.

— Насиловал, — вяло огрызнулась я. Энн высунула голову наружу.

— Так и знала, что меня выгнали специально, — ехидно поддержала она. — Мог бы прямо сказать...

Последняя фраза предназначалась уже Чарли, который шел от костра с дымящейся кружкой в руке. Он молча подал мне кофе, потом, как обычно, сел рядом и принялся укутывать меня пледом из палатки. Увидев это, Энн умолкла на полуслове.

— Кофе пахнет! — показался над ее головой сонный Пол. — А еще есть?

— Я сварил на всех, — отозвался Чарли.

Ребята засуетились, подтягиваясь к костру. Уокер помог мне подняться и повел завтракать.

* * *

Сегодня я тренировалась рядом с группой. Ребята вначале добродушно подшучивали надо мной, пока я разрабатывала одеревеневшие конечности, но потом перестали. К тому времени, как они в первый раз устроились отдохнуть, я только набрала темп. Чарли привычно гонял меня, ни на кого не обращая внимания. Ближе к полудню выдохшиеся стажеры начали обеспокоенно окликать нас, подзывая в лагерь.

— Напоминаю в первый и последний раз, — объявил им Уокер во время обеда. — Если вы будете отвлекать Джелайну, мы соберем вещи и уйдем выше по реке. Останетесь тут одни.

— Все-все, — примирительно сказал Билл. — Они больше не будут.

После обеда Энн взялась мыть посуду, и я присоединилась к ней.

— Энни, пожалуйста, прости меня за грубость. Я не хотела тебя обидеть, просто не сдержалась.

— Так вот в чем дело, да? — пытливо спросила она. — У тебя такая нагрузка, что по утрам все болит?

— Это ненадолго, — ответила я. — Еще неделю, не больше. Потом привыкну.

— Мазохизм какой-то, — пробормотала Энн. — Ты и раньше так же мучилась?

— Даже хуже. Сейчас я привыкаю все быстрее.

— А Чарли что, теперь каждый день будет тебя вот так будить?

— Я предупреждала. Отселяйся, пока не поздно.

Диклест вдруг усмехнулась.

— Нет, Джа, я ошиблась — ты садистка. Так издеваться над Чарли...

Я почувствовала, как давнее смущение предательски приливает к щекам.

— Он сам за это взялся.

— Ну, еще бы! Если выбирать между вообще ничем и возможностью ежедневно от души мять девушке ягодицы, то любой мужчина выберет второе. Но ни один мужчина не станет просто так мириться с этим несколько недель.

— Да нет, теперь уже не больше двух, — несмело возразила я.

— Ага, всего-то! Нет, я допускаю, что у тебя в это время мысли бывают совсем о другом. А вот у Чарли, похоже, как раз о том, о чем надо. Или я совсем ничего не понимаю в

мужчинах.

Она натянуто рассмеялась.

— Я так старательно вертела перед ним задом, а он только разок покосился — и все. Конечно, кому интересно просто смотреть на девушку в одних трусах, когда можно сколько угодно трогать другую? Которую, к тому же, еще ни разу...

— Энни, хватит, — не выдержала я. — Чарли ведет себя очень тактично.

— Угу, тактично. Жаль, что у тебя нет глаз на затылке, и ты не видишь, как Чарли при этом на тебя смотрит. На меня он никогда так не смотрел. Даже тогда...

Скорее всего, Диклест это просто показалось. Вряд ли я могу вызывать большой интерес. Угловатая, с фигурой подростка, жеребьячьими ногами и плоской мальчишеской задницей... Ладно бы попозже, когда тело становится рельефнее — тогда я еще ничего смотрюсь, и все же... Но ведь сейчас я еще совсем хилая.

— Не надо было мне с ним связываться, — вдруг вздохнула Энн, перекладывая тарелки. — Не стоило оно того, только Марка обидела зря. Вот, пожалуйста — вечером Чарли отнес тебя в палатку на руках. И утром — на, Джелайна, массаж, на, дорогая, кофе чуть ли не в постель, одеялко на плечи... А меня он, зараза такая, выгнал на разминку, не дав даже поспать хоть пару часов!

— Я в первом с ним рейде тоже совсем не спала, — тихо заметила я. — Мы поссорились, и я всю ночь не могла успокоиться. А потом он меня еще засветло заставил работать.

Энн лишь хмыкнула.

— А меня он еще и поимел. Четыре раза.

Я поперхнулась следующей фразой. Но тут мне в голову пришла занятная мысль:

— Энни, так что же, выходит, даже такой «компенсации» оказалась мало?

Диклест задумалась.

— Да нет, не в этом дело, — наконец, произнесла она. — Просто... при таком свинском отношении один только секс, даже самый лучший, ничего не компенсирует. Я даже не знаю, как объяснить...

— Ничего страшного, — пробормотала я. — Марк мне уже давно это объяснил.

Энн понурилась, вертя в руках тарелку. Потом бросила виноватый взгляд в сторону ребят.

— Джа, я беру назад все свои насмешки, — тихо сказала она.

Мне вдруг стало необыкновенно легко на душе.

— Да ладно, мы же подруги.

Глава 14

Я стояла под раскидистым дубом спиной к реке и, время от времени поглядывая в сторону леса, снимала шкуру с подвешенного к ветке молодого лося. У устья тонкого кровяного ручейка, стекающего к кромке воды, уже кружилась стайка рыбешек. Раздетая, как и я, до купальника и так же перемазанная лосиной кровью Энн зачерпнула из реки чистой воды и притащила ведро к дереву. Охранявший нас Билл стоял неподалеку на открытом месте. Отходить от лагеря без оружия даже теперь, неделю спустя, было все еще опасно.

Энн продолжила обдирать другой бок лося, между делом говоря:

— Может, тебе все-таки стоит поселиться в одной палатке с Чарли?

— А Билла куда девать? — возразила я. Подобные разговоры затевались чуть ли не каждый день.

— К Полу.

— А-а, — рассмеялась я. — Так и знала. А Марка, значит, к тебе?

— Зато всем будет хорошо, — хихикнула Энн. — И нам, и вам, надеюсь, тоже.

— Ага, особенно Биллу, — я посмотрела в сторону Амброса, который, зажмурившись, подставлял лицо солнцу.

И тут я похолодела, заметив появившийся за его спиной силуэт. То, что уже дважды привлекало мое внимание, и всякий раз мерещилось игрой света и тени под деревьями, теперь оказалось крупной саблезубой кошкой, пришедшей сюда на запах свежей крови. Пятнистая шкура являлась отличной маскировкой, позволив животному подобраться совсем близко незамеченным. Припадая к самой земле, зверюга медленно переставляла лапы, подбираясь сзади к Биллу, справедливо посчитанному самым опасным противником. О нашем присутствии она, несомненно, тоже знала, но до реки было лишних пять метров, а густая листва скрывала нас до половины. Думаю, этой кошке было прекрасно известно, каковы люди этой эпохи — и в схватке, и на вкус.

Пистолет Билла покоился в застегнутой кобуре — неделя без происшествий притупила бдительность всех обитателей лагеря. Наше собственное оружие лежало где-то в куче сброшенной неподалеку одежды.

Энн заметила выражение моего лица и тоже замерла.

— Джа, что там? — шепотом спросила она.

— Саблезубый тигр, — прошептала я. — Черт, Билл его не видит!

Энн половчее перехватила ножик. Я вздохнула — клыки этой твари были вдвое длиннее...

— Надо звать на помощь, — шепнула Диклест.

— Не успеют, — ответила я, и осторожно огляделась. К дереву была прислонена длинная жердина, на которой мужчины принесли убитого лося. Подхватив ее, я стала так же медленно, как тигр, передвигаться к Амбросу, сощурившись, чтобы хищник не поймал направленного на него взгляда.

Когда я преодолела около полутора метров, тигр начал напряженно перебирать задними лапами. Я поняла, что он сейчас прыгнет...

— Билл, пригнись! — завопила я что было мочи, и рванулась навстречу. Тотчас же и Энн громко завизжала — в лагере ее точно было слышно. Тигр прыгнул, но Амброс успел сгруппироваться, и пятнистая туша перемахнула через него, зацепив лишь задними лапами. Страшные когти прошли по спине Билла, в клочья располозовав ему майку и содрав плоть до самых ребер. Слегка растерявшийся из-за неудачного прыжка и огорошенный громким визгом, зверь зарычал и на мгновение застыл на месте, выбирая, на кого будет вернее напасть — на меня, более-менее вооруженную и атакующую, или на раненого, упавшего на четвереньки Билла. Воспользовавшись замешательством животного, я с наскока пырнула жердиной в горящий желтый глаз. Волку такой удар выбил бы мозги, но эта тварь была куда крепче. Взревев от боли и ярости, тигр бросился вперед. Я успела подставить палку под огромные клыки, но она хрустнула, как спичка. Тигр тотчас же подмял меня под себя, и зловонная пасть распахнулась над моим лицом. Но тут зверь дернул головой в сторону — подоспевшая Энн всадила нож ему в бок. Я изо всех сил ударила кулаком в открывшееся на

секунду горло тигра — раз, другой... костяшками по трахее... Острые зубы сомкнулись на моей руке и молниеносно перекусили мышцы предплечья. Я почувствовала, как треснули кости. Боли почему-то не заметила. Даже не пытаюсь вырвать у тигра поврежденную правую руку, левую я запихнула в промежуток между сомкнутыми не до конца челюстями, вцепилась в корень скользкого языка и ногтями стала раздирать изнутри огромную плотку. Зверь захрипел и разжал зубы. И тут загремели выстрелы — поднявшийся Билл выпустил в тигра всю обойму. Хищник задергался и заревел, мотая в стороны головой. Выстрелы продолжились — из лагеря добежал Уокер. Уцелевший глаз тигра погас, зверь последний раз дернулся в агонии и тяжело осел на меня.

Ребята вцепились в пятнистую тушу, сваливая ее набок. Тяжесть исчезла, но дышать все равно было невозможно.

— Джелайна!

Черт, я никогда не слышала, чтобы у Чарли был такой встревоженный, полный боли голос. Он чуть приподнял меня, и я смогла сделать вдох. В груди забулькало.

— Возвращайся сейчас же! — приказал Уокер.

"Билл..." — попыталась сказать я, но изо рта хлынула кровь, и я захлебнулась ею.

— Быстро! — крикнул Чарли.

* * *

Капельницы тихо щелкнули, убираясь в гнезда. Ко мне заглянул техник Дин Джойс, охнул и скрылся. Через секунду он появился снова, подавая мне тонкое синтетическое одеяло с казенной эмблемой. Только тут я обнаружила, что верхняя часть моего купальника пропала.

— Что случилось? — поинтересовался Джойс, накрывая меня. — Уходила в местной одежде?

С рейдерами такое иногда случалось. Ничего не ответив, я села и завернулась по уши. Послышались быстрые шаги, и к моей капсуле подошел Чарли. Я не успела и слова сказать, как он быстро схватил меня и молча прижал к груди. Его сердце колотилось так тревожно, словно я все еще была в опасности.

— Все хорошо, — пробормотала я, с удовольствием зарывшись лицом в его рубашку. Теплый, чудесно пахнущий... У меня даже промелькнула идиотская мысль — ради таких объятий стоило сразиться с тигром.

Все хорошее когда-нибудь кончается. Уокер вздохнул и осторожно отстранился. Рядом уже стояли ребята. Все были полностью одеты — видимо, собрались и вернулись не спеша. Один только Билл остался все в той же драной майке — наверное, ушел вслед за мной. Джойс разглядывал его спину, задумчиво почесывая затылок.

Амброс молча положил руки мне на плечи и от души потрепал. Этот простой жест вдруг показался мне необыкновенно трогательным — никакая, даже самая пышная речь не выразила бы признательность лучше.

Обувшись, я заторопилась в раздевалку. Потом мы все собрались в кабинете.

— Подводим итоги, — задумчиво сказал Билл. — К опасным утопиям еще не готовы. Слишком резкий переход, и я тоже расслабился с вами. С завтрашнего дня продолжим по прежнему графику.

Обговорив с ребятами новый распорядок, Амброс отпустил их. Оба ветерана отошли к окну и теперь с высоты задумчиво смотрели на город — тоже джунгли, только каменные.

— Не стал говорить при них, — еле слышно сказал Билл Уокеру, — но, похоже, я теряю хватку. Наверное, начинаю стареть.

— Ерунда, — возразил Чарли. — Просто привык к спокойной работе. Ты легко наверстаешь.

Амброс покачал головой.

— Не сравнивай меня и себя. Я — коренной житель этого мегаполиса, со всеми вытекающими. Воздух, еда, десять лет сидячей работы, и так далее... Да еще и со старшим сыном вымотался за последний год.

Разговор явно не предназначался для посторонних ушей. Я старательно делала вид, что с головой ушла в отчет, а сама вслушивалась, затаив дыхание. В каком же провинциальном городке родился Уокер? Ну же, Билл!..

Опять не повезло. Амброс попрощался и ушел. Чарли подсел ко мне и произнес:

— На сегодня хватит. Я не могу брать тебя в опасные миры, пока ты не укрепишь мышцы в реале и не наберешься хоть немного опыта. Нападение смилодона в этой эпохе выглядит странно, но на то она и утопия, чтобы отличаться, — говоря это, Чарли машинально взял меня за руку. Немного помолчав, он вдруг тихо сказал:

— Сегодня мне стало по-настоящему страшно. За тебя, за Билла, за Энни... Эта тварь легко могла оторвать вам всем головы. Ты отвлекла ее от моего друга, но глупо делать это такой ценой.

— Руку перегрызла, кошка драная, — вымученно рассмеялась я. Уокер тут же погладил мне предплечье.

— Если бы только руку. Она когтями пробила тебе грудину. Еще немного — и вцепилась бы в горло.

Теперь я поняла, куда делся мой купальник, и смутилась. Хороша же я была — голая и окровавленная.

— Начинай заниматься как следует, — добавил Чарли. — До завтра.

Поднимаясь, Уокер неожиданно взъерошил мне волосы и коснулся губами виска. Я пришла в себя только когда его шаги совсем стихли.

Весь оставшийся день я провела в спортзале. Конечно, я не выкладывалась, как в утопиях, но возможности реального тела все равно переоценила. После нескольких рейдов подряд в один день многие новички увлекаются и легко забывают о том, что тело, опять вернувшееся к первоначальному состоянию — это не новая проекция. Забыла и я. Вернувшись домой, обнаружила, что перезанималась. Подниматься по лестнице было тяжело. Пришлось ехать на лифте, чего я дома принципиально не делала вот уже два года.

* * *

Утро преподнесло неприятный сюрприз. Встать с кровати оказалось невозможно. То есть, встать-то еще получилось, а вот ходить и что-то делать — не очень. Отправляться на работу в таком состоянии я не могла. В рейд меня никто не пустит, да и какой смысл в том, чтобы несколько месяцев двигаться, как на протезах. Придется звонить Уокеру, отпрашиваться, отлеживаться и потихоньку разминаться.

Чарли ответил быстро. Конечно, он ведь давно уже не спит.

— Доброе утро, Джелайна. Что случилось?

В самом деле, стала бы я названивать просто так?

— Чарли, я не могу сегодня прийти на работу. Я перезанималась вчера. В рейды не пойду.

— Все настолько плохо?

— Нет, я полежу, потом разомнусь... Завтра, надеюсь, все будет в порядке.

Он помолчал, и вдруг выдал:

— Сейчас приеду, — в трубке послышались короткие гудки. Я беспомощно оглянулась по сторонам.

Уокер — здесь, у меня?! О, Господи...

* * *

Чарли пришлось немного подождать, пока я доползу до входной двери.

— Зачем ты приехал? Со мной все в порядке.

— Я вижу, — иронично кивнул он, снимая пальто. — Ну-ка, пройдишь. В порядке, значит?

Не дожидаясь, когда я переползу в комнату, он легко подхватил меня на руки и, невзирая на протесты, перенес сам.

— Не надо! — сердито заявила я. — И приходить не надо было. В таком виде только гостей и встречать.

— Я не гость, — возразил он и по-хозяйски уложил меня на живот — совсем как в утопиях. Я привычно вцепилась в одеяло, но Уокер почему-то медлил. Мне вдруг пришло в голову, что сейчас я смотрюсь иначе, чем в полутьме тесной палатки — в коротком халатике на разобранной кровати, при неярком утреннем свете из окна... Я попыталась снова подняться, но Чарли удержал меня и принялся за массаж.

Даже несмотря на боль, я не могла не заметить, что сегодня Уокер делает его иначе. Аккуратнее. Мягче. Нежнее. И вряд ли потому, что в этот раз он имел дело с ценным реальным телом, а не с проекцией, с которой можно не церемониться. Сейчас он действительно церемонился. Постепенно забираясь все выше, отодвигая подол, он разминал мне ноги все осторожнее, и его пальцы все чаще принимались не сильно надавливать, а ласково поглаживать. Вот черт, меня это так проняло, что даже боль уменьшилась: своим делом занялись эндорфины — бесспорно, самое приятное болеутоляющее на свете. Я даже скулить перестала, и вдруг отчетливо услышала порывистое дыхание Чарли. Это вам не в шумном лесу, в моей квартире тихо по утрам. Даже мне, с моим более чем скромным опытом, стало ясно, что этот мужчина уже едва сдерживается.

Осознание этого подействовало, как электрический разряд сквозь все тело. Словно почувствовав это, Чарли тотчас же оставил мои ноги в покое, но через пару мучительно долгих секунд его рука легко скользнула вверх, забравшись под халатик. Я быстро перевернулась, но Уокер не убрал руку. Он настойчиво притянул меня к себе и вдруг оказался совсем близко. Встретившись взглядом с его потемневшими глазами, я совершенно потеряла голову. Мгновение спустя Чарли уже целовал меня.

Все, в чем я так старательно убеждала себя прежде, в одночасье потеряло всякий смысл.

Я ни на миг не усомнилась в том, что так и должно быть. А Чарли... Он ласкал меня так будто весь наш мир существует последний день. Как будто он на самом деле наконец-то дорвался до вожделенного десерта. Словно он не просто дождался этого, а прямо-таки обретал меня, черт возьми! Изучал и покрывал поцелуями буквально каждый дюйм моего тела, и делал это так упоительно, так вдохновенно, что я — некрасивая и нескладная, не избалованная доселе таким пристальным мужским вниманием — в то утро я ощущала себя подлинным венцом творения. Его страсть была искренней и поистине обжигающей — я окончательно потеряла всякий контроль над собой, потонув в этой вспышке. До безрассудности, до умопомрачения...

* * *

Не открывая глаз, я каким-то шестым чувством поняла, что уже полдень. Мышцы почти не болели, я словно плыла на мягком облаке. За окном шелестел дождь, и было жутко даже подумать о том, чтобы вылезти из-под одеяла, от теплого бока, и куда-то идти. Тут я почувствовала, как этот теплый бок слегка пошевелился, и вмиг все вспомнила... Теперь мне и вовсе расхотелось выдавать себя. Но через пару минут я поняла, что больше не могу оставаться неподвижной. Я завозилась, старательно изображая пробуждение и, жмурясь, приоткрыла глаза. Чарли лежал рядом, подперев голову рукой, и смотрел на меня.

— Еще раз доброе утро, — улыбнулся он, наклонился ко мне и поцеловал.

Я ожидала от него чего угодно — холодной вежливости, скучающего равнодушия, полного игнорирования — все, чего напарницам Уокера частенько доставалось по полной программе. Чего я никак не ожидала, так это ласкового приветствия, поцелуя и готовности продолжать увлекательные утренние занятия.

Обнимая меня, Чарли распрямил опорную руку с заметным усилием, и я догадалась, что он лежит так и смотрит на меня уже долго.

— Как давно ты проснулся? — спросила я. Он ухмыльнулся.

— А ты?

Все-таки заметил... Я смущенно уткнулась в его плечо и выдала нечто, для меня прежней немыслимое:

— Не хочу никуда идти. Давай забьем сегодня на работу?

— Давай, — вдруг охотно согласился он. — Предлагаю забить вообще на все. Дня на три.

И тут, конечно же, как полагается по закону подлости, зазвонил телефон. Чарли неохотно выпустил меня из объятий и потянулся к сброшенной одежде за мобильником.

— Да, Уилл, — со вздохом ответил он. Меня охватила досада. Звонок от Мерриса означал, что работа ждать не будет.

— Хорошо, сейчас приеду, — выслушав собеседника, без особого энтузиазма согласился Чарли. Вызвав такси, он отложил телефон и вернулся ко мне. Я постаралась спрятать свое разочарование.

— Ну, надо так надо.

Чарли снова обнял меня, хитро поблескивая глазами, потом бросил взгляд на часы... Я не выдержала и хихикнула.

— Нет, — с сожалением произнес он, легко поцеловав меня и отстранившись. — Опять

забуду обо всем, а машина будет зря сигналить под окнами.

Уокер быстро оделся, снова поцеловал меня и велел оставаться дома. Мышцам все-таки следовало дать отдых. Так что у меня образовался самый настоящий выходной.

* * *

Оставшись в одиночестве, я вынужденно предалась безделью и противоречивым мыслям. Основных направлений было два: "какого черта я не согласилась на это раньше" и "все-таки не надо было этого делать".

Да, Чарли действительно умел сделать секс незабываемым. Он с легкостью превратил в настоящий праздник души и тела то, что раньше для меня было утолением одного лишь любопытства, оставлявшего потом привкус неловкости и разочарования. То ли у него был подлинный талант, то ли сказывался огромный опыт, но он будто заранее точно знал абсолютно все, что мне понравится, включая и то, о чем я сама до сих пор даже не подозревала.

Теперь мне оставалось только, как в известной бородатой шутке, обзвонить всех своих бывших с сообщением об их неполноценности и искренними соболезнованиями. И смешно, и грустно. Потому, что все хорошее очень быстро заканчивается — уж это я знала совершенно точно. Скорее всего, оно уже закончилось. И теперь мне можно было смело ставить крест на личной жизни. После сегодняшнего утра я теперь уже однозначно никогда не соглашусь на "лишь бы что-нибудь". Уокер добился своего и сгубил меня окончательно.

Позвонила Энн. Поинтересовалась, почему меня сегодня не видно на работе, и весело заметила:

— То-то Чарли сегодня такой странный. Скучно ему, наверное, без тебя.

— Почему странный? — насторожилась я.

— Ну... рассеянный. На любой вопрос отвечает только со второго раза. С Меррисом поскандалил.

— Из-за чего?

— Да тот запланировал командировку, а Чарли отказался. Взялся только за срочные синхронизации. А в том мире, сказал, работы года на три-четыре, а ему, видите ли, сегодня некогда, — Энн рассмеялась. — Можно подумать, фактическое время нас реально задерживает. Ну, пока, выздоравливай.

Отговорка Уокера показалась бессмысленной только Энн. Я-то как раз поняла. Неважно, что потом эти годы сотрутся пробуждением — их ведь все равно придется прожить и прочувствовать, день за днем. А Чарли, похоже, очень не хотел терять сегодня время, пусть даже фактическое. Вывод напрашивался один: он планировал поскорее вернуться сюда, рассчитывая по-прежнему застать меня в постели.

Едва понимая, что делаю, я стремительно оделась, поймала на улице первое попавшееся такси и поехала за город. У меня выходной, или как? Телефон я отключила. Возможно, со стороны это сильно смахивало на бегство, но мне было все равно. Мне требовалось спокойно подумать, неважно где. Живущая в пригороде тетка по отцу была мне только рада и даже не интересовалась, с чего это я притащилась просто так, без повода. Она очень любила поговорить и, к счастью, ничуть не беспокоилась оттого, что ей не отвечали. Весь вечер тетка увлеченно рассказывала — о своей молодости, о соседских сплетнях, о чем-то

еще — а я в это время размышляла о своем, глядя сквозь нее невидящим взглядом и изредка машинально кивая. Сегодня я была идеальным слушателем.

Самым невероятным, до сих пор никак не укладывающимся в голове было то, что Чарли изменил своему всегдашнему правилу — не переносить интрижки с коллегами в реальный мир. Но с другой стороны, сейчас он ничего не переносил... он ведь начал в реале... Я уже ничего не понимала.

Все-таки Пол в итоге оказался прав, а я, наивная душа, не верила.

* * *

Я заночевала у тетки, а утром прямо оттуда поехала на работу. Включив телефон уже в фойе здания, где занимала несколько этажей наша контора, я от удивления чуть не выронила трубку. По три-четыре пропущенных звонка от каждого из ребят и Билла, а от Уокера — аж двадцать семь! Черт возьми, я никогда в жизни не была так популярна!

— Джа! — Энн выскочила из начавшего закрываться лифта, расталкивая людей, и подлетела ко мне, тараторя: — Ты куда вчера запропастилась?! Чарли тебя обыскался, всех переполошил, заставил наших программистов взломать базы данных всех таксопарков — не выезжал ли кто по твоему адресу...

— Зачем? — едва проморгавшись от удивления, перебила я.

— Да твои соседи сказали ему, что ты уехала куда-то, улетела, как на пожар. Что случилось?! Телефон не отвечал. К родителям ты не приезжала. Твои старые подруги, которым они посоветовали позвонить...

— Да вы с ума сошли! — взвилась я. — Кого волнует, где я бываю в свободный день?!

— А где ты все-таки ночевала? — с любопытством спросила Энн.

— У тетки, за городом. Природа, чистый воздух и все такое. Надо же и реальное тело хоть иногда выгуливать.

Энн прыснула.

— Боже! — закатилась она. — У тетки! А тут такое творилось...

Меня охватило смутное предчувствие. Ага, привет, интуиция. Ну?

— Ну-ка, рассказывай мне все-все, сейчас же! — Энн потащила меня в сторонку. Мы спрятались от всех в креслах с высокими спинками, которые отгораживали стоящий в холле столик.

— Что рассказывать? Честное слово, у тетки...

— Да нет! — нетерпеливо отмахнулась она и заговорщически спросила: — Чарли, что, вчера ночевал у тебя?

Я замерла. Приплыли...

— Это он так сказал?

Глаза Энн так и горели предвкушением.

— Да он после неудачных поисков беспрестанно звонил тебе весь день! Нас всех просто извел, тоже заставлял тебе позвонить. А потом психанул и разбил свой телефон.

— Как — разбил?

— Вдребезги, об пол. Видела бы ты его! Вылетел, дверью хлопнул... Долорес как засмеется! А потом говорит нам с Кей: "Вот вам и "блеклые мощи". Учитесь, девочки!"

Тихо взвыв, я закрыла ладонями запыхавшее лицо. А ведь еще вчера я верила, что хуже

злых шепотков за спиной ничего уже быть не может...

Энн потянула мои руки вниз.

— Ну, Джа... — всем своим видом она требовала горячих новостей.

— Кажется, мне нужен еще один выходной. Пока меня никто не видел... — пробормотала я и схватила ее за руки. — Энни, передай Уокеру, что я заболела. Простудилась на природе. Отравилась кислородом. Заразилась от тетки маразмом. Все, что угодно! — я рысью рванула к дверям. Дорогу преградил охранник.

— Извините, мисс Анерстрим, но у меня приказ не выпускать вас из здания.

Ах так?! Я развернулась и припустила в другую сторону. Энн догнала меня в боковом коридоре.

— Джа, ты куда?

— Вылезу из окна в туалете.

— С ума сошла?! Да что с тобой? Не робей! С тигром сражалась...

— С тигром сражалась моя проекция. А я у себя одна!

Энн слегка отстала, и тут я услышала, как она говорит по телефону:

— Марк, мы на первом этаже, в коридоре «Б». Джа собирается прыгать из окна!

Я быстро вернулась к ней и выхватила трубку. Поздно. Марк уже повторял кому-то слова своей подружки. Там что-то громыхнуло, будто стулья попадали, и раздались голоса:

— Чарли, погоди! Долли, а ты-то куда?!

— Я должна это видеть!

Теперь я просто вынуждена была удрать. Окно в туалете оказалось забрано решеткой. Тогда я вылезла на пожарную лестницу. До земли отсюда было метра четыре. Я стала осторожно спускаться.

— Джелайна!

Чарли выскочил на площадку над моей головой. Я уже добралась до конца лестницы, но чуть замешкалась — она не доставала до земли. Уокер легко перемахнул через железные перила и спрыгнул вниз, опередив меня таким вот радикальным образом. Профессионал во всем, он приземлился ловко, как кошка, и тут же сцапал меня.

— Отпусти! — взвизгнула я и стала вырываться. Не тут-то было! Чарли держал меня крепко.

— Никуда ты не уйдешь, — прорычал он и прижал меня к лестнице.

— Ставлю на Уокера, — послышалось сверху. Долорес закурила тонкую длинную сигарету и спросила: — Так где она шлялась всю ночь?

— У тетки прохлаждалась, за городом, — весело ответила Энн.

Чарли замер, ошеломленно глядя мне в глаза.

— Где?! У тетки? Какого черта ты там делала?..

— А у меня был выходной! — переводя дыхание, заявила я, стараясь держаться как можно независимее, насколько это было возможно в позе морской звезды. — Отдыхаю как хочу, с кем хочу и где хочу. И нечего тут мною командовать! Не на работе.

Глаза Уокера потемнели, крылья ноздрей гневно дрогнули. Похоже, он не знал, чего же ему хочется больше — поколотить меня как следует или...

— Тень Патруля, наконец-то! — фыркнула Долорес. — Энни, ну что ты уставилась? Ни разу что ли не видела, как люди целуются?

На площадке пожарной лестницы появился охранник, и немного удивленно уставился на то, как мы с Уокером поднимаемся: он — подталкивая меня снизу, в чем совершенно не было необходимости, а я — ворча на него за это и пытаюсь брыкаться.

— У вас что-то стряслось, миссис Твинелл? — поинтересовался охранник, глянув вниз: не лезет ли еще кто-нибудь. — Почему сотрудники TSR бегают по первому этажу?

— Учебная пожарная тревога, — ослепительно улыбнувшись, ответила Долорес. — Тренируем стажеров.

Охранник неодобрительно покосился на зажженную сигарету.

— Репетируем эвакуацию из здания, — не подлежащим сомнению тоном добавила Твинелл. — Мы ведь никому не помешали, не так ли?

— Нет, мэм, — машинально ответил охранник. — Но вам, наверное, следует тренироваться на своих этажах?

— О, разумеется. Мы так и поступим.

Выпроводив охранника с площадки, Долорес заметила, обращаясь к Энн:

— Хорошо еще, что вы забрались сюда. Представляю, какое могло быть шоу у главного входа.

— Это ты приказала не выпускать меня из здания? — добравшись до площадки, спросила я.

— Нет, это Чарли. Мне-то откуда знать, что ты можешь натворить?

— И что я, по-твоему, могла натворить? — сердито обернулась я к Уокеру. Энн тут же схватила меня за рукав и втощила с лестницы в коридор.

— Мы, пожалуй, пойдем, — сказала она. — А вы тут пока покурите, успокойтесь...

Чарли немедленно шагнул следом.

— Стой, стой, — удержала его Долорес, закрывая за нами дверь. — Ты же не бросишь меня тут совсем одну?

В лифте Энн вздохнула и выпалила:

— Джа, прости меня. Я рассказала Чарли, что ты собиралась уходить.

— Куда уходить? — не поняла я.

— Уходить их TSR. Совсем. Ну, если вы... если между вами... Ты же говорила, что после этого не сможешь работать с ним, что придется уйти.

Вся суматоха моментально получила более-менее логичное объяснение. Я хлопнула себя ладонью по лбу и сползла по полированной стенке лифта.

— Силы небесные! Да разве так увольняются?!

— А зачем ты тогда убегала?

— Я и сейчас хочу удрать. Энни, если мне сегодня кто-нибудь скажет хоть слово...

— Не волнуйся, — быстро перебила она. — Никто, кроме двух наших групп, ничего не заметил. Для всех остальных твои поиски выглядели вполне буднично — мало ли, зачем ты могла потребоваться в выходной? На людях Чарли вел себя совершенно спокойно. Ничего не изменилось. Если вы продолжите вести себя, как обычно, все будет по-прежнему, — она вдруг насмешливо закатила глаза. — Господи, Джа, но ведь все и так думают, что ты его подружка! Ну, правда, только в утопиях...

Я решительно поднялась.

— Вот пусть все и остается по-прежнему!

Билл пригласил нас в кабинет, где уже сидели Кей Си и ребята, и как ни в чем ни бывало начал планерку. Все делали вид, словно ничего особенного не произошло, просто самый обычный день. Чуть позже к нам присоединились Чарли и Долорес. Им достался дальний край стола, и теперь нам с Уокером совсем не было видно друг друга. Кажется, это было устроено специально. Я вздохнула свободнее.

— Джа, пойдешь сегодня с нами, — спокойно объявил Амброс. — Потренируешься с ребятами, со мной. Чарли говорил, что тебе нужно позаниматься с разными противниками. Вот и займемся делом, — он покосился через стол и чуть повысил голос: — Сегодня все займутся делами. В том числе и накопившимися со вчерашнего дня.

Билл выпроводил нашу группу в спортзал. Ветераны остались и закрыли дверь. Энн и Марк ушли вперед, а Пол подождал меня.

— Надо было все-таки поспорить с тобой.

— Надо было, — согласилась я. — Может, хоть нежелание проиграть добавило бы мне мозгов?

— Я что-то не понял, — усмехнулся он. — Теперь нормальные отношения считаются глупостью? Мисс Анерстрим, здешние виртуальные нравы вас явно испортили.

— Где ты видишь нормальные отношения? — насупилась я.

— Где? — удивился Пол и принялся демонстративно загибать пальцы: — В реале на пару прогуляли работу... потом бешеный Уокер расколотил телефон, отчаявшись выяснить, куда ты делась... собирался прыгать за тобой из окна... — он невозмутимо кивнул. — Да, ты знаешь, это похоже на нормальные отношения.

Меня начал разбирать смех. Нет, с нашими ребятами не соскучишься.

— Во всяком случае, — довольно улыбнувшись, заявил Пол, — это куда больше похоже на них, чем приобщение проекций стажеров к какому-то странному способу субординации. И гораздо веселее.

* * *

— Как же теперь нам быть? — заметил Марк на разминке. — Мы с самого начала были уверены, что будем работать всей командой, но Уокер решил по-своему. Похоже, он забирает тебя надолго, если не навсегда. У нас ведь так хорошо получалось вместе. Если ты уходишь в разведку, нам теперь, наверное, добавят кого-то четвертого?

— Не знаю, — вздохнула я и призналась ребятам: — Чарли сказал, что присмотрел меня себе еще до вербовки. Возможно, меня и не собирались включать в группу насовсем. Разве мало в TSR групп-троек?

— Легко на помине, — негромко сказала Энн, глядя мне через плечо. Ребята тут же отошли в сторону.

— Нам надо поговорить, — произнес Чарли, поравнявшись со мной.

— Сейчас некогда, — стараюсь не глядеть на него, ответила я. — Может, потом, после рейда?

Уокер подошел ко мне вплотную и схватил за плечи.

— Джелайна, что вчера произошло? Когда я уходил, все было хорошо.

На нас начали оглядываться. Чарли велел мне идти за ним, и быстро вышел из зала. Я

вздохнула и поплелась следом. На этом этаже и поговорить-то было негде.

— Так что произошло? — повторил Уокер, остановившись в закоулке коридора. — Почему ты вдруг исчезла, ничего не сказав, не предупредив меня?

— Мне нужно было подумать, — ответила я, опустив голову. Голос Чарли, чарующее тепло от него, которое я теперь по необъяснимой причине ощущала даже на некотором расстоянии — все это не давало мне сосредоточиться. Как будто все вернулось к самому началу, в то время, когда я заикалась и прятала глаза в его присутствии. А я-то надеялась, что перегорела.

— Джелайна, что я сделал не так? — тихо спросил он. Горечь, прозвучавшая в этом вопросе, так и резанула меня по сердцу. — Почему ты от меня сбежала?

— Я... я не знаю, Чарли. Я ничего не понимаю. Ведь все знают, что поддерживать подобные отношения в реале не в твоих правилах, и ты сам всегда это подчеркивал...

— Мои правила, — заявил Уокер. — Мне их и нарушать. Только мне решать, какими будут наши отношения.

— А мое мнение при этом не учитывается?

— Мне показалось, ты была вовсе не против, — усмехнулся он. Я вспыхнула и хотела уйти, но Чарли удержал меня. — В утопии ты не хотела становиться очередной игрушкой. Что тебе не нравится теперь?

Я отвернулась, чтобы не встречаться с ним взглядом. В самом деле, что же теперь мне не нравится?

— Не надо было мне уходить, — вдруг сказал Чарли. — Послать Уилла ко всем чертям, сказаться больным... все, что угодно. Только не оставлять тебя одну.

Он подался вперед и заключил меня в объятия. Я прижалась к нему, открываясь его теплу, наполняясь им без остатка, растворяясь в нем... Чарли молчал, просто крепко обнимая меня, словно чувствовал это.

— Пойдем со мной, — наконец, тихо позвал он. — Что тебе делать в очередной увеселительной прогулке? Мне не удалось забрать тебя у Билла на сегодня, но если ты сама его попросишь, он может отпустить.

— Куда? — еле слышно спросила я. — Там опасно?

— Нет, это почти современная утопия, очень спокойная. Мне нужно будет охранять и немного подгонять небольшую группу людей, занимающихся научной работой. Предположительно, без происшествий.

— Я буду тебе помогать?

— Как пожелаешь. Скорее всего, я буду занят дни напролет. Но все мои ночи будут только твоими.

— Надолго? — прошептала я.

— Планируется где-то на пару лет, с тобой я мог бы задержаться и подольше. Правда, вряд ли организаторам проекта придется по душе слишком растянутые сроки.

— Мне кажется, Билл не отпустит меня, — неуверенно сказала я. Действительно, категоричность Амброса выглядела немного лишней. Но, может, он считает, что со мной Уокер может завалить все дело?

— А что там за научная работа? — поинтересовалась я.

— Связана с медициной. Для узких специалистов.

Мне вдруг все стало ясно.

— Я не стану просить Билла. Он прав — мне нечего там делать.

Чарли резко отстранился.

— Что?

— Тебя ведь никогда не посылают заниматься мелочами, — я изо всех сил старалась сохранять хладнокровие. — Если нужно присматривать за ускорением внедрения важного научного открытия, то лучше иди один. Я буду только отвлекать тебя, и все испорчу. Нам обоим нужно время. Поговорим после, ладно?

Лицо Уокера стало непроницаемым. Он обогнул меня и пошел прочь. Приостановившись на секунду и не оборачиваясь, холодно сказал:

— Все-таки утверждение, что женщинам вредно давать слишком много думать, не так уж далеко от истины.

Глава 15

Северная Европа второго века до нашей эры оказалась местом, не слишком густонаселенным и, собирая подробную информацию об этом слое мира, нашей группе пришлось объехать огромную территорию. За восемь месяцев бесконечных путешествий мы наловчились различать многие диалекты здешних мест и отлично выучились верховой езде. Поначалу мы представлялись в галльских поселениях выжившими после очередной войны беженцами, но быстро выяснилось, что таким гостям редко рады, да и мало кто доверяет. Тогда мы превратились в бродячих комедиантов, и это оказалось не только надежным прикрытием, но и довольно прибыльным делом.

Уокер действительно накаркал нам увеселительную прогулку. Это стало ясно после первого же представления. Наскоро сляпанные незамысловатые пьески с надсадным пафосом, плоские шутки на все времена и пошлые анекдоты имели ошеломляющий успех. Мы немедленно стали знаменитостями, и слава побежала впереди нас. Ко дню нашего прибытия в очередное поселение там уже собирался народ со всех окрестностей. Ребятам постоянно приходилось быть начеку, чтобы не допускать лишнего накала страстей из-за хорошенькой Энн, которую постоянно кто-нибудь желал заполучить себе. За нее иногда предлагали лошадь — по местным меркам такая цена была довольно высокой. Женщин в этой утопии продавали и покупали, как скотину или вещи, а хорошие лошади были невероятно дороги. Меня тоже не раз пытались купить — похоже, здоровые чистоплотные женщины с полным комплектом зубов были здесь желанным приобретением независимо от внешности.

— Это только наши современники превратили в объект культа экранно-обложечные стандарты, — рассказывал как-то Билл. — Во все времена мужчинам были нужны обычные женщины из плоти и крови, практически любые, а если при этом доставались красивые, то это уже было даром богов. А дар богов, как говорят великие, порой бывает божьей карой.

— Это точно, — угрюмо соглашался Марк. Ему уже не раз приходилось ввязываться в драки, а однажды даже убить наглеца, попытавшегося выкрасть Энн из нашего лагеря. Ее красота стала для него настоящей головной болью.

Мы принципиально не пользовались гостеприимством галлов, предпочитая привычно обходиться палатками, замаскированными ветками под шалаши. Ночевать в местных домах означало постоянно поддерживать легенду, пичкая любопытных, жадных до редких новостей хозяев подробными вымышленными рассказами о себе и отвечать на бесконечные вопросы. А давиться скверной едой, чтобы никого не обидеть, и кормить собой полчища насекомых в

любезно предоставленных постелях уж точно никому не хотелось.

Путешествовали мы не спеша, то и дело останавливаясь на несколько дней в живописных местах и совершенствуя боевые навыки. Приемы рукопашного боя и фехтования у Билла заметно отличались, и мы часто тренировались вдвоем. Ребятам до меня было уже далеко, а Амбросу тоже требовался хороший спарринг — происшествие с саблезубым тигром заставило его всерьез взяться за восстановление формы.

— А Чарли неплохо натаскал тебя, — заметил он однажды. — Сколько фактического времени вы отмотали?

— Примерно год, — подсчитала я.

— Всего-то? — удивился он. — Вы что, только и делали, что тренировались сутки напролет?

— А чем еще нам было заниматься? — вопросом на вопрос ответила я. Билл понимающе усмехнулся.

— Да, иначе ты бы мало чему успела научиться, — тихо сказал он.

Амброс умолк и о чем-то задумался. А мне вдруг пришло в голову, что Уокер, возможно, нарочно не прикасался ко мне. Можно подумать, он не мог соблазнить меня в любой из пройденных нами утопий — да запросто! Ему и раньше достаточно было всего лишь проявить настойчивость, приласкать, и я бы легко сдалась. Да уж, доберись он до меня тогда — и наше время уходило бы совсем на другие «тренировки».

— Сейчас у нас там февраль... — задумчиво произнес Билл, словно про себя. Да, в реале заканчивался февраль. Весна уже была на пороге. Исполнялось полгода, как я пришла в TSR. Уже полгода. Всего полгода. А мой фактический отсчет уже перевалил за три с половиной. По меркам конторы, конечно, совсем пустяк, но если бы все путешествия проходили в реальном времени, мне бы уже исполнилось тридцать пять. Иногда начинало казаться, что прежняя размеренная жизнь была так давно...

Пока я предавалась воспоминаниям, Амброс, похоже, что-то подсчитывал в уме.

— Джа, тебе нужно больше заниматься в реале, — неожиданно заявил он. — Как можно больше, чтобы побыстрее набрать хорошую форму.

— Да я и так это знаю! Вы с Чарли что, сговорились понукать меня? В чем дело? Куда спешим?

Билл немного помедлил с ответом. Я заметила, как он машинально мнет в пальцах ремешок от ножен меча. Это нервное движение показалось мне очень знакомым, но я никак не могла вспомнить, откуда именно.

— А разве тебе самой не надоело постоянно заново укреплять мускулатуру?

— Всем нам приходится это делать, — возразила я. — И ребятам, хоть ты их так не гоняешь, как меня.

— Любому рейдеру необходимо иметь тренированное реальное тело, — сказал Билл. — Пока в утопиях нарабатываются навыки и выносливость, в реале следует развивать мышцы, и потом постоянно поддерживать их в отличном состоянии. Для разведчиков это особенно важно. Они сродни спецназу, и им часто поручают самые сложные и опасные дела даже в хорошо изученных мирах. Ты должна достичь такого уровня, чтобы быть полноценной боевой машиной с первого же момента заброса. Расхолаживаться там будет некогда.

Помолчав, он тихо добавил:

— Рейд может длиться всего одну минуту, из которой пятьдесят пять секунд тебе придется на пределе сил бороться за жизнь — свою и прикрываемого собой напарника. Да,

именно тебе, как телохранителю. Чарли будет не до этого и не до тебя: его дело будет еще сложнее — любой ценой выполнять миссию. Так что занимайся, Джа, занимайся усерднее.

Он отложил ножны, встал и пошел к отработывающим удары ребятам. И тут я вспомнила...

"Расскажи мне о жене Чарли. Что с ней произошло?"

Хрупкий желтый нарцисс на полу медицинской палаты. Изломанный в клочья нежный стебель.

Меня прошиб холодный пот.

* * *

Через пять месяцев мы вернулись туда, откуда начали путешествие. Нас встретили совсем другие люди. По этим местам успела пройти междоусобная война, прежние поселения были заняты новыми хозяевами — враждебными и подозрительными. Мы хотели купить двух новых коней взамен захромавших, но никто не желал продавать лошадей чужакам. Билл долго спорил с одним галлом, а потом, вернувшись к нам, спросил:

— Вы когда-нибудь слышали про рейдерские розыгрыши?

"Розыгрышами" в TSR называли различные испытания-сюрпризы для новичков. При всей легкомысленности названия, эта практика преследовала довольно серьезные цели. У стажеров проверяли устойчивость психики, способность к принятиям решений в экстремальных условиях и умение самостоятельно выходить из положения в нестандартной ситуации. Кстати, эксперимент Чарли по возврату из «жареной» утопии с задержкой номинального таймера тоже оказался таким розыгрышем. Правда, своеобразно жестоким, но на то он и Уокер...

— Путешествовать пешком не годится, — объявил Амброс, — так что придется идти на разные ухищрения. Я договорился с этим галлом. Он дает нам хорошую лошадь в обмен на Энни.

— Что?! — одновременно воскликнули Энн и Марк. И только Пол стоял, хитро прищурившись. Я подмигнула ему.

— Билл, а почему только одну лошадь? — подхватил Каннингем. — Давай и Джа тоже продадим.

— Ну, и кто на них тогда поедет? — с обидой спросила Энн.

— Стоп, — опомнился Марк. — Так ты нас разыгрываешь?

— Нет, не вас, — невозмутимо ответил Амброс. — Этот парень убежден, что приобретает здоровую девушку, которая нарожает ему кучу красивых детишек, а на самом деле — хоп, пустышка! Проекция!

Лица у нашей парочки вытянулись. Я не выдержала и засмеялась.

— Ну вот, — фыркнул Билл. — Таковую потеху испортила. Ладно, без шуток. Энни, мы оставим тебя здесь и отведем немного, а ты попрощаешься с хозяином и догонишь нас пешком. Мы подождем, не волнуйся.

— Форменный грабеж, — хмыкнул Пол. — Хозяин может слегка обидеться.

— А если он не даст мне уйти? — возмутилась Энн.

— А ты убеди его, — ухмыльнувшись, возразил Амброс.

— Сверни ему шею, — вполголоса «перевела» я.

— Цыц, не подсказывать! — шутливо одернул меня Билл.

— А не проще забрать лошадей силой, и дело с концом? — не выдержал Марк.

— Конечно, проще, — согласился Амброс. — Но это неспортивно.

Энн оказалась на высоте. Она появилась всего через два часа, и не пешком, а верхом на другой лошади. На все наши расспросы она, снисходительно улыбнувшись, заявила лишь одно:

— Он сам отдал ее мне, лишь бы я проваливала к чертям. Вот я к вам и вернулась.

— Я же говорил — божья кара! — расхохотался Билл.

* * *

Дальнейшее путешествие я почти не помню. Мне разрешили пробуждать записи мнемоника, и я немедленно воспользовалась возможностью убрать все неприятные воспоминания. Логично предположить, что раз уж я стерла почти все оставшееся время, значит, хорошего там было мало. Остались только узелки, мерцающие в памяти, как далекие звезды. Поле синих цветов до самого горизонта, словно опрокинулось небо. Бешеные скачки наперегонки по высокой пахучей траве. Маленький хрустальный водопад среди гляцевых скал, и Пол смеется, закрываясь руками от ледяных брызг. Билл держит подростшего птенца журавля, а тот хлопает слабыми крыльями. Марк и Энн танцуют ночью у костра под наше пение. Капли дождя на лице и яркая двойная радуга над обрывистым берегом.

Остальное я вычистила целиком, не оставляя промежуточных кусков, чтобы не напрягать мозг установлением причинно-следственных связей. Все, чему я научилась, все равно осталось со мной.

* * *

Билл объявил нам о переходе на новый график — несколько рейдов в день вместо одного. Теперь, когда мы могли избавляться от лишних воспоминаний, необходимость в ежедневной адаптации ритмов фактического и реального времени отпала сама собой. Восемь месяцев командировки мгновенно превратились в короткий яркий сон.

Через час мы уже снова ложились в капсулы. Заброс немного задерживался, и я высунулась посмотреть, почему. Оказалось, все ждали Билла, который разговаривал с Уокером. Амброс что-то втолковывал ему, потом покачал головой и отправился укладываться. Чарли было направился ко мне, и Билл тут же вернулся.

— На сегодня — значит, на целый день, — с нажимом сказал он. Ветераны стояли совсем рядом, и я слышала каждое слово. — Сегодня Анерстрим работает со своей группой. У нас будет еще семь рейдов. Заберешь ее завтра.

Я спряталась обратно в капсулу. Сегодня мне больше не хотелось разговаривать с Уокером. Мне нужно было самой ответить себе на вопрос — почему я не очень-то рада тому, что между нами произошло?

Ладно, Чарли нужна напарница в разведку, но зачем еще и привязывать меня к себе? Ведь именно это он и пытается делать. Я не понимала, какими теперь будут правила игры. Я не верила, что это происходит со мной на самом деле. Чарли и я — в реале, подумать

только! Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Так не бывает. Во всяком случае, со мной такого точно быть не может.

— Ей нужно тренироваться здесь, — отрывисто сказал Уокер.

— Я помню, — ответил Билл, понижая голос. — Но она все равно не может заниматься целый день, так что три-четыре лишних часа ничего не изменят. Чарли, прошу тебя, угомонись, времени в любом случае не хватит.

Нет, все-таки мои подозрения выросли не на пустом месте. Ветераны определенно куда-то спешили. Я понимаю, полторы тысячи миров — это много, но они же никуда от нас не денутся. Тут что-то другое.

* * *

Все остальные рейды сегодняшнего дня объединяло одно: обязательная оперативка. Мы с ребятами учились проворачивать самые разные дела — от похищения одного человека до зачистки целого здания. Самым сложным было наловчиться справляться со всевозможной охраной высокопоставленных персон. Часто приходилось прибегать к хитрости, устраивать маскарады, и даже нанимать или принуждать посторонних людей. Мы постепенно выясняли, у кого из нас какая «специализация». У Энн обнаружился самый настоящий талант разговаривать любого человека или убедить его практически в чем угодно. А уж отвлекать внимание или запутывать следы — в этом ей просто не было равных. Благодаря яркой, располагающей внешности, она была надежной приманкой практически для любой жертвы, а еще стала мастером использования в работе разных химических веществ, в том числе и ядов. Пол — тонкий наблюдатель, физиономист и мимистик, плюс универсальный хакер, ловко адаптирующийся к любым вариациям программного обеспечения в разных мирах, стал непревзойденным добытчиком и переработчиком информации. Вот кому из нас в перспективе совершенно точно светила карьера аналитика, так это ему. Марк — превосходный стрелок и виртуоз маскировки, мог часами ждать в засаде, и прикрывать нас всех от любого нападения или погони. Он в совершенстве освоил все виды огнестрела и взрывотехники, и был в группе бессменным минером и снайпером, асом ведения дальнего боя, в отличие от меня, ставшей благодаря занятиям с Чарли спецом по холодному оружию и рукопашной.

А еще я наловчилась быть «вирусом». Переодевшись в любую униформу, а иногда и просто так, ухитрялась открыто пройти везде — в любое здание, учреждение, VIP-этажи гостиниц, мимо почти всякого поста охраны. Иногда меня выгоняли — я тут же надевала новый парик, красила губы помадой другого цвета и шла снова. Мое невзрачное лицо, которое меня всегда так огорчало, оказалось просто уникальным — его не запоминали даже сотрудники таможен, с их профессионально развитой памятью. Сливаясь с толпой и не привлекая к себе внимания, я проникала повсюду, шпионила, искала лазейки, похищала документы, сажала «жучки», добывала пароли, открывала подходы своей группе, иногда подкладывала взрывчатку или по-тихому убирала отдельные «объекты». Я выучилась быть самой настоящей невидимкой.

По итогам четырех многомесячных рейдов Билл заявил, что наша группа сработалась очень хорошо, и можно уже вместо тренировочных миров пробовать выпускать нас в рабочие. Группы стажеров сперва обычно действуют на подхвате у более опытных рейдеров,

и только потом выходят сами.

Бедные обитатели тренировочных миров — наши несчастные жертвы... Да, сложно было убеждать себя в том, что чужие миры не имеют значения, учиться воспринимать их не серьезнее виртуальной реальности. Но если разобраться, судьба их обитателей и так была ненамного слаще, чем у сожженных кометой палеопитеков. Как правило, на роль тренировочных выбирались бесперспективные утопии — те, которым в скором времени неизбежно предстояло стать «жареными». Поразительно, с каким все-таки упорством человек стремится к необратимому самоуничтожению. Можно сколько угодно изводить себя пониманием того, что каждое человечество имеет право в своей параллели жить и умирать так, как хочет оно само, как оно того заслуживает. А можно учиться на чужих ошибках, и беречь от них свой единственный мир.

Угрызения совести по поводу убийств невинных людей мучили нас не так долго, как это представлялось поначалу. Часто бывало так, что, разузнав получше о темных делишках какого-нибудь «объекта», мы приходили в недоумение — да неужели никто в этой утопии до сих пор не попытался прихлопнуть такую тварь? Да, тренируясь в первых командировках, мы по разнарядкам Билла уничтожали кого попало, но со временем задачи стали серьезнее. Все чаще под прицел попадали настоящие политики, высокие военные чины, а иногда и малоизвестные ученые. Чем крупнее оказывалась фигура, тем сложнее было к ней подступить, осторожно подбираясь сквозь вереницу телохранителей, секретарей, обслуги, и тем хитроумнее нам приходилось составлять планы.

В пятом по счету рейде мы были одни, без Билла. Эта утопия должна была поджариться еще в восьмидесятых годах двадцатого века. Любые дипломатические и шпионские выправления лишь отдаляли катастрофу не больше, чем на десяток лет. Поэтому здесь никто не стал церемониться. Мы с ребятами разработали и осуществили беспрецедентную для нас по своей наглости масштабную операцию. Это была даже не охота на людей, а самый настоящий санитарный отстрел тех, кто, на наш дилетантский взгляд, мешал этому миру нормально жить. Да, знаю, это было ужасно, дико, грубо и примитивно... Наверное, у нас было коллективное помешательство. Операция заняла два года и семь месяцев, став для нашей группы рекордной по фактическому отсчету времени. Мы уничтожили в разных странах почти триста человек. Просмотрев наш отчет, Билл схватился за голову.

— Я теперь и не знаю, как показывать его аналитикам, — сказал он. — Вы что, сдурели, стажеры?

Отчет все-таки ушел в отдел, и тут же пришло распоряжение немедленно проверить утопию.

— Теперь сама и расхлебывай эту кашу, Джа, — мрачно велел Билл. — Чарли еще не показывал тебе экзোকостюмы? Нет? Ну вот как раз и ознакомишься.

Экзোকостюмы разведчиков предназначены для кратковременных забросов в особо опасные миры — в «жареные» утопии с радиоактивной атмосферой, в эпохи крупных геологических и техногенных катаклизмов, и так далее. В целом они устроены по принципу скафандра, разве что не годятся для вакуума.

Узнав о том, куда меня отправляют, Уокер напустился на Амброса.

— Джелайне еще рано работать в экзোকостюме!

— А людей косить сотнями не рано?! — огрызнулся Билл. — А я хотел их в рабочие миры пускать!

— Между прочим, я убил больше, чем Джа, — вмешался Марк. — Ты сам учил нас...

— Чему я вас учил — проваливать командировку? — взвился Амброс. — У вас были конкретные задачи.

— Мы их выполнили, — возмутился Пол. — Не надо мешать все в одну кучу.

Билл закатил глаза.

— Нет, такой группы у меня точно не было, — простонал он. — И я еще называл вас моралистами!

— Этому миру все равно было нечего терять, — заявила Энн. — Вот сейчас Дже сгоняет и посмотрит.

— Еще чего! — отрезал Чарли. — Я сам туда пойду.

— Не надо! — возразила я. — Я отвечаю за ошибки группы, мне и идти.

— Не спорь со мной! — рявкнул Уокер. — Хочешь примерить костюмчик — примеришь потом. Сколько угодно. Я сам покажу тебе, как в нем работать. А сейчас будь добра слушаться.

Секунды контрольного заброса, казалось, тянулись бесконечно. Мы с ребятами сидели, взявшись за руки и, затаив дыхание, ждали возвращения Чарли. Вместо планируемых поначалу девятидесятых годов двадцатого века он отправился всего на год назад — чтобы уж наверняка. Когда капсула открылась, я поняла, что меня колотит. Марк сильнее стиснул мою руку.

Лицо Уокера его было совершенно спокойным, но это могло означать все что угодно. Первым не выдержал Билл.

— Ну?! Что там?

— Все нормально, — в голосе Чарли слышалось легкое удивление. — Обычный живой мир. Я даже взялся проверить историю. Они с тех самых пор вообще нигде не воюют. Это точно та утопия?

— Конечно! — ответил ему Конни. — Координаты не сбрасывались.

— Сработало! — вдруг вскочил Пол. Мы с криками подхватились следом и принялись обниматься. Радоваться было от чего. По крайней мере, наказывать нас теперь точно никто не станет.

— Эй, ребята! — позвал нас Джойс, кладя телефонную трубку. — О'Нейли, глава аналитического отдела, велел идти всем четверым на перекачку — к нему лично.

Мы сразу притихли.

— Что же он такого выкопал в вашем отчете? — задумчиво спросил Билл. — Вряд ли его смутило количество «объектов». Подобное вовсе не в первый раз, просто многовато для четверых.

— Как думаете, — сладким голосом поинтересовалась Энн, — стоит ли О'Нейли знать о том, что одним из «объектов» в той утопии был его двойник?

— Ах, вот оно что! — понимающе кивнул Уокер. — Подозреваю, что уже знает. Он когда-то лично курировал этот мир, и в курсе, на какой пост пробился его альтер-эго.

О'Нейли не сказал нам ни одного лишнего слова. Забрал всю информацию и сам стер записи мнемоников. Так что теперь мне больше и вспомнить-то нечего о той операции. С одной стороны, жаль: впоследствии я не раз задумывалась, как нам вообще такое удалось — четверым стажерам? Говорят же, что новичкам везет. Опыт организации подобных операций мог пригодиться впоследствии, но откуда я тогда буду знать наверняка — та ли эта схема? С другой стороны, я бы и сама, наверное, стерла все это при первой же возможности. И даже знаю, почему.

Почти сразу после пробуждения мнемоников мы обнаружили в смутных остатках воспоминаний, что, оказывается, все четверо освоили друг на друге приемы грубой «домашней» хирургии с акупрессурным обезболиванием. А выпотрошив рюкзаки, нашли предметы одежды с дырками от пуль. Видимо, эти вещи мы специально не выбросили, не надеясь на сохранение нам памяти потом. Весело, да? Держу пари, ни одному из нас наверняка даже в голову не приходило возвращаться домой только из-за легкого пулевого ранения. Небось, выковыривали свинец наживую, прижигали сосуды, кое-как штопали друг друга, накачивались обезболивающими и двигались дальше. Проекциям заражение крови не грозит, регенерация идет быстро, а шрамы все равно стираются.

Эта командировка необыкновенно сплотила нас. Думаю, именно так и должны проверяться друзья — в совместных лишениях и опасностях, в ситуациях, когда жизнь каждого зависит от остальных товарищей. Мы действительно оказались настоящей командой — взаимодополняющие части многофункционального целого. У каждого была своя роль, а вместе мы стали неодолимой силой.

Билл отпустил нас в последние рейды одних, без сопровождения, лишь после того, как мы пообещали действовать строго по программе. Эти командировки я тоже потом стерла, оставив на память только один «адреналиновый» узелок — как мы уходили от неистовой полицейской погони. Уж больно захватывающим было то приключение.

* * *

Весь вечер я провела в спортзале, а когда собралась уходить, наткнулась на Уокера. Он стоял на улице у входа в здание, сунув руки в карманы пальто, и в свете уличных фонарей и неоновых вывесок смотрелся почему-то довольно странно и непривычно. Я даже не сразу поняла, в чем тут дело. Мне ведь никогда не приходилось встречать его в такой обстановке, в какой я обычно видела других мужчин. Только в тихом городишке середины прошлого века, в вымершем мегаполисе «жареной» утопии, в палаточном лагере, в лесах древних миров... А в реале — только в конторе, и один раз в собственной спальне. Но до сих пор я не могла даже представить себе его где-то на знакомой мне реальной улице, в магазине, на какой-нибудь вечеринке, на диване у телевизора...

— А ты почему не идешь домой? — ничего лучше я, конечно же, придумать не смогла.

— Тебя жду, — тихо ответил Чарли.

Тепло от него непонятным образом окутывало меня даже сейчас, на холодной улице, проникало под многослойную одежду, растапливало лед так старательно возведенной когда-то защиты... Чарли спокойно взял меня под руку, и мы молча пошли по улице вдвоем, как будто так и надо.

Мы вместе поужинали недалеко от конторы в крошечном уютном ресторанчике. Больше всего я боялась встретить здесь кого-нибудь из наших сотрудников, хотя в такой час это было маловероятно. А вот Уокера, похоже, ничто не волновало. Он вообще ни на кого вокруг не обращал внимания, словно весь мир, кроме меня одной, вдруг перестал существовать. Мы почти не разговаривали, но я то и дело встречалась с его задумчивым взглядом, волновавшим меня все больше и больше.

А потом мы поехали ко мне. Ну разумеется, Чарли ждал меня после работы вовсе не для того, чтобы просто проводить до дома. Он начал целовать меня еще в лифте.

— Ну вот, а я сегодня собиралась лечь пораньше... — капризно протянула я, отпирая дверь. Нет, я вовсе не собиралась прогнать Чарли, просто давала себя знать привычка все время сопротивляться его воздействию. Само-то сопротивление давно уже иссякло. Уокер все-таки одержал верх.

— Договорились, — кивнул он, одаривая меня своей неподражаемой улыбкой. — Прямо сейчас и ляжем.

— Мне нужно выспаться! — смеясь, заспорила я.

— Выспишься, не волнуйся, — заверил меня Чарли, но блестящие глаза и дьявольская улыбочка сулили прямо противоположное. В конце концов, я махнула на все рукой и просто позволила ему делать со мной все что угодно. Он ведь все равно сделает по-своему.

И, черт возьми, мне это наверняка понравится!

Глава 16

С точки зрения реального времени, важные события в моей жизни стали сменяться неестественно быстро. С трудом верилось, что с выхода на работу после снятия швов прошло всего три дня. Даже на сгибах локтей за девять лет фактического отсчета так и не успели сойти синяки. Розы от Чарли еще не завяли, а наши с ним отношения уже расцвели вовсю. Похоже, Уокер принял собственный вывод как руководство к действию, и теперь почти не оставлял меня одну, не давая возможности не то что передумать, но даже начать хоть немного сомневаться.

Ребята уверяли, что я тоже расцветала буквально на глазах. Со стороны, конечно, виднее, но я и сама замечала, что, например, стала вести себя немного иначе. Я впервые в жизни почувствовала себя по-настоящему желанной, окруженной вниманием, и это настолько подняло мне самооценку, что перемену, кажется, заметили все окружающие. Косые взгляды сплетниц меня больше не волновали. Мне теперь вообще было плевать на все разговоры за спиной.

Правда, в первой же утопии у нас поначалу возникла неловкая ситуация. Чарли вел себя как-то потерянно, словно не решаясь прикоснуться ко мне. Тогда я прямо спросила его, в чем дело. Оказалось, он опасался, что я оттолкну его проекцию, как это было во время стажировки. Надо же, а я и не ожидала, что Уокер воспримет мой тогдашний отказ настолько серьезно. Я зря переживала — для Чарли секс в реале был вовсе не случайным порывом. Может, я не такой знаток мужчин, как Энн, но даже я быстро убедилась, что его действительно тянет ко мне. Теперь он оставался на ночь постоянно, можно сказать, почти совсем перебрался ко мне, и я все чаще задумывалась — в самом деле, а почему бы и нет?

Теперь мою жизнь омрачало только одно, но, увы, вовсе не мелочь. Чарли по-прежнему оставался замкнутым. Он категорически не пускал меня в свое прошлое, но и к его настоящему я тоже никак не могла подступиться. Я до сих пор понятия не имела, где, как и с кем живет Уокер, а выяснять это украдкой не решалась, боясь разрушить его доверие. Он никогда не рассказывал мне о своем доме и не приглашал к себе, всегда оставался у меня. Однажды я предложила Чарли отправиться к нему, ну, вроде как сменить обстановку, и неожиданно встретила мягкий, но решительный отказ. Больше я не предлагала.

Порой мне казалось, что Желтый Нарцисс — именно так, по запавшей в душу случайной ассоциации, я мысленно нарекла тайну, под покровом которой скрывалась загадочная миссис Уокер — всегда будет стоять между мной и откровенностью Чарли. Нет,

на самом деле его покойная жена могла быть далеко не самой секретной частью общей загадки прошлого Уокера, над решением которой вот уже два реальных месяца безуспешно бился Пол, но меня по понятной причине больше всего беспокоила именно она. Одно время эта женщина представлялась мне чем-то грандиозным, почти легендарным, и я понимала, что мне бесполезно тягаться с ее памятью в сердце Чарли. У меня опускались руки. А однажды я вспомнила, как в наш реабилитационный центр привозили совершенно беспомощных людей, и в этот миг мне вдруг пришло в голову, что и человек, с которым что-то произошло во время TS-заброса, совершенно необязательно должен был умереть — во всяком случае, в привычном смысле этого понятия. И мне представилась страшная картина. Возможно, Чарли не просто так прятал свой дом от посторонних и устранял в досье любые упоминания об адресах или переездах. Миссис Уокер вполне могла быть жива. Человек по закону считается живым, пока он дышит и бьется сердце — само или с помощью аппаратуры. Его могут искусственно кормить, обслуживать, ухаживать, но кто знает, жизнь ли это? По мне — так хуже смерти.

Физическое существование... Кошмарное определение, но подобрать другое я была не в силах.

Допустив вероятность такой ситуации, я неожиданно взглянула на Чарли совсем другими глазами. И, будучи не в силах держать все это в себе, однажды во время обеда удрала от Уокера и позвала Пола в наш неизменный бар на соседней улице. Долго мялась. Каннингем сразу понял, что дело серьезное, и не торопил меня. Потом я решилась и разом выложила ему все свои догадки. Пол пришел в ужас.

— Раньше, когда я думала о доме Чарли, — говорила я, — мне иногда даже представлялся этакий мавзолей, где все посвящено памяти одной женщины. Глупо, правда? А теперь я просто боюсь давать волю воображению.

— Если предположить, что она все-таки умерла, то вполне мог оказаться и мавзолей, — возразил Каннингем. — Такое бывает. Мы же ничего точно не знаем. А если жива, если она и правда... Черт, Джа, я даже представить не могу, каково так жить! Приходишь домой, а там — растение под присмотром терпеливой сиделки.

— Желтый нарцисс... — прошептала я. — Надеюсь, ты не вздумаешь смотреть на Чарли так же сочувственно, как на меня сейчас?

— Я тут вспомнил, что Уокер — мастер массажа, — пробормотал Каннингем. — Ему, наверное, пришлось этому научиться не просто так. Лежачим ведь нужно часто делать массаж, чтобы не атрофировались мышцы. Конечно, его жена может находиться и в специальной клинике, но если нет нужды в каком-то особом уходе или лечении, ей вполне можно лежать и дома — лишь бы был круглосуточный присмотр.

Несколько минут мы провели в подавленном молчании. Потом Пол торопливо заговорил:

— Просто невероятно, но это очень похоже на правду. Стерты все данные за исключением последних лет, да и те, что остались, только рабочие. Может, Уокер и пришел из другой конторы, но из одного этого делать такую непробиваемую тайну бессмысленно. А вот по поводу... Знаешь, а ведь именно теперь все стыкуется. И он прячет свой дом, значит, там кто-то живет, но может, он сам и не бывает там вовсе? Джа, он ведь раньше практически жил на работе, я узнавал! Приходил раньше всех, уходил почти последним, тянул огромное количество проектов, брался за самое сложное, самое долгое... Выходит, дома его никто не ждал, ему просто не к кому было идти!

Пол нервно отпил из бокала, и запустил пальцы в рыжую шевелюру. Я почти ощущала, как в его голове теснятся мысли. У меня творилось то же самое.

— А все его женщины?! Это же что-то ненормальное... ну, было ненормальное. В утопиях одно, а в реале совсем другое. Он никому не позволял переступить черту, ты же знаешь. Никаких отношений, никаких вопросов. Оно и понятно — девушкам только дай возможность... тем более, такой видный мужик... А мне ведь уже давно казалось, что все это показное, а на самом деле пустота, что у него в реале никого и нет по-настоящему! Да, он в утопиях со всеми дамами был просто орел, да вот только Марк как-то проговорился, что оно так и бывает, если в реале совсем ни с кем... А все парни ему поголовно завидовали. Нет, ну надо же!

Я сидела, не шевелясь, и молча слушала сбивчивое бормотание друга. Выходит, я была права, и проблемы Чарли оказались куда серьезнее моих глупых комплексов? Но тогда... Пол опередил все мои вопросы.

— Только ты одна как-то вписалась в непонятные рамки. Не знаю, почему... ты вообще-то не слишком любопытная, не болтливая, живешь в своем мирке, ни к кому никогда не лезешь. С тобой даже просто помолчать можно, вот он и оттаял, наверное.

Пол задумался.

— Я проверю еще несколько каналов. Если действительно есть вариант с комой или чем-то в этом роде, то все эти случаи можно отследить и отсортировать по срокам. Ничего не обещаю, но попробую. Ты не расстраивайся раньше времени, ладно? Может, на самом деле все не так уж и страшно.

Обеденный перерыв подходил к концу. Я повертела в руке отключенный телефон.

— Что, не решаешься? — заметил Каннингем. — Давай, смелее. Спорим, он уже звонил раз пять?

— Шесть, — объявила я, включив телефон. — И сообщение с просьбой перезвонить. Силы небесные, Чарли будто опасается, что в один прекрасный день я все-таки уйду и исчезну навсегда. Да куда я теперь денусь?

Пол улыбнулся уголком рта.

— Знаешь, а ведь Уокер действительно боится потерять тебя из виду. Дамочки наши так и бьются. А он смотрит только на тебя. Он и раньше-то смотрел, но теперь и вовсе не отходит. А в утопиях у вас как?

— Там он куда спокойнее, — усмехнулась я. — Оттуда я точно никуда не денусь, все равно вернусь в капсулу. В утопиях скорее уж я за ним бегаю.

— Это еще почему? — удивился Пол.

— Чарли то и дело экспериментирует. Иногда меня выбрасывает за много миль от него, и тогда приходится его искать. Сам-то он легко находит меня по маяку, а я все никак не разберусь, как им пользоваться. А еще взялся устраивать мне розыгрыши чуть ли не в каждом втором рейде.

— Ну, о его коронных розыгрышах я уже наслышан, — хмыкнул Пол. — Билл со своими тихими шуточками и близко не валялся. Похоже, Уокер испытывает тебя по полной программе.

— Да, похоже на то. Постоянно тестирует мне чипы, что-то настраивает...

— А-а, — протянул Каннингем. — Да, правильно, у разведчиков там какие-то особые параметры. Погоди, может, тебе вживят еще какой-нибудь девайс.

— Нет, об этом речи не шло... — начала я, и тут снова позвонил Чарли.

— Где ты? — обеспокоенно спросил он.

— В баре за углом, — вздохнув, ответила я. Пол ухмыльнулся.

— Тотальный контроль... Скажи, что уже идешь, а то еще сюда прибежит.

Я покачала головой. Нет, тут мой приятель был неправ, это не про Уокера.

— Жду тебя через двадцать минут в зале отправки, — уже совершенно другим, спокойным и деловитым тоном сообщил Чарли. — Не опаздывай, заброс уже рассчитан.

— Что же получается? — задумчиво произнес Пол, когда мы неторопливо возвращались в контору. — На работе вы все время вместе, потом вместе в спортзал, вечером к тебе домой... Уокер что, совсем к себе не уходит?

— Почему? — возразила я. — Уходит по утрам: побриться, переодеться... На работу-то мы приезжаем раздельно.

— А как же уик-энд?

— У нас еще не было совместных уик-эндов, — заметила я, и сама же удивилась. — Ничего себе! Оказывается, в реале прошла всего неделя!

— Да, оказывается, — рассмеялся Пол. — Насыщенно ты теперь живешь. Сколько уже намотала по факту?

— Уже почти шестнадцать лет, — тихо ответила я, и когда Пол удивленно присвистнул, пояснила: — У нас же теперь самый настоящий конвейер. Заброс, потом мы идем на перекачку, а Конни тем временем настраивает следующую утопию. Когда Чарли занимается своими проектами, я одна хожу в наблюдательные рейды — опыт-то нарабатывать надо. Шесть-семь командировок в час выходит, и все разные — от трех часов до двух месяцев. Я только за эту неделю сразу семь лет накатала.

— Не протри себе драйвер насквозь, — хмыкнул Каннингем. — С такими-то темпами.

— Ну, кое-кто намотал уже шестьсот с лишним лет, и до сих пор ничего себе не протер, — весело подхватила я, но потом забеспокоилась: — А правда, интересно, что он собирается делать завтра? Поедет к себе или опять ко мне? Реальный уик-энд вдвоем — это, конечно, здорово, но у меня из-за него все домашние дела повиснут мертвым грузом. И вообще, я к родителям завтра собиралась.

— Поезжайте к ним вместе, — то ли в шутку, то ли всерьез, предложил Пол. — Познакомишь их.

— Издеваешься? — фыркнула я. — Мама и так спит и видит, как бы пристроить меня замуж. А теперь представь — приеду с Чарли!

— О-о, держу пари, ма будет от него в полном восторге, — весело заверил Пол. — Начнет расспрашивать его, как положено, кто он, откуда, где учился, был ли женат и так далее.

— Она у меня не такая, — возразила я. — Напрямик допытываться не будет.

— Жаль. Может, у нее бы вышло лучше, чем у меня. Я ковыряюсь уже два месяца, а ей Уокеру придется выложить все за двадцать минут. Не будет же он врать напропалую, просто чтобы произвести приятное впечатление.

— Он и без этого расположит к себе кого угодно, — покачала я головой. — Да и мама так не сможет. Папа, думаю, смог бы... но он не станет.

Пол вдруг резко остановился.

— Мне только сейчас пришло в голову, что я даже не удосужился просмотреть архивы TSR на предмет бывших сотрудников. Не знаю, увольнялся ли кто-нибудь, но можно ведь проверить всех умерших или пострадавших. Не факт, что будет указана точная причина, а

все-таки я попробую. Женщины по фамилии Уокер нигде нет, но она ведь могла носить и девичью, верно?

— Да, а еще все данные о ней могут быть затерты так же, как и прошлое Чарли, — мрачно изрекла я. — Или же она могла пострадать где-то в реале, а не в утопии. Такая тривиальная мысль тебе тоже не приходила в голову?

— А я показывал тебе... — начал Пол. — А, нет, тебе еще не показывал! — он нашел в своем телефоне картинку и сунул мне под нос. На маленькой фотографии сидел симпатичный карапуз лет пяти со странно знакомым прищуром.

— Узнала? — хмыкнул Пол. — Ну же! Это Билл.

— Похож, — рассмеялась я. — Какой был лапочка! Ну, он и сейчас, вообще-то...

— Вот, кстати, — заметил Каннингем, — попробуй расспросить Уокера на предмет его детских фотографий. Я уже пробовал искать по взрослой, но данных нигде нет. А с детскими может получиться. На Амброса сразу же кое-что нашлось. Попроси посмотреть, потихоньку пересними на телефон, и запустим в поиск. Что-нибудь да вылезет. На личико малыша Билли, правда, вылезло много похожих людей, но мне кажется, Уокер и в детстве был таким ангелочком, какого ни с кем не спутаешь.

Идея посмотреть детские фотографии Чарли мне очень понравилась. В самом деле, интересно же, каким он был раньше, совсем ребенком или подростком. И тут я поймала себя на очень странном направлении мыслей. Почему-то вспомнилось, как одна моя подруга перед свадьбой придирчиво пересмотрела все альбомы своего парня, после чего удовлетворенно заявила: "Надеюсь, наши дети будут похожи на него".

Черт, я что же, в самом деле об этом подумала? Вот еще не хватало...

* * *

Бытует мнение, что любого мужчину женщине проще всего разговорить в постели. Когда он доволен и расслаблен, то откровенничает гораздо охотнее. Это я и собиралась проверить.

— Ты такой красивый сейчас... — прошептала я, легонько проводя кончиками пальцев по лицу Чарли, очерчивая его безупречный профиль. С этой точки обзора — томно вытянувшись и устроившись головой у него на плече — я могла любоваться им бесконечно. Уокер и правда чудесно смотрелся на фоне горящего камина — кожа чуть мерцает из-за выступившей испарины, глаза утомленно прикрыты, нижняя губа слегка припухла от моего нечаянного укуса, а на шее все еще отчетливо пульсирует жилка. Мой падший ангел... только что падший в очередной раз...

Чарли повернул голову и улыбнулся мне, приоткрыв один глаз. Честно говоря, мне сейчас тоже было неохота и двигаться, и разговаривать, но попытать счастья все-таки хотелось.

— Ты, наверное, и в детстве был на редкость хорошеньким, — тихо произнесла я. — А можно бестактный вопрос?

Чарли еле заметно напрягся. Да уж, когда доходит до личных вопросов, усыпить его бдительность не так-то легко. Если такое вообще возможно.

— Насколько бестактный?

— У тебя в юности были прыщи?

В принципе, мне действительно было любопытно, далеко ли может простираться щедрость природы.

— Были, — спокойно ответил Уокер. Что?! Не может быть! Я так и разинула рот, а Чарли ухмыльнулся: — Правда, очень недолго.

— Ну, еще бы, — фыркнула я. — Девушки хоть дождались, пока ты закончишь начальную школу?

Чарли тихонько рассмеялся, перекатился на бок и обнял меня. Потеревшись о его щеку, я осторожно спросила:

— А много у тебя детских фотографий?

Все. Расслабленность как ветром сдуло. Уокер отстранился, но не лег, а облокотился, подперев голову рукой, и устроился поудобнее. Эта поза была мне хорошо знакома. Чарли расположился думать.

— Зачем тебе?

Нет, все-таки он умеет читать мысли. Я подозревала это уже не раз. Ну не может обычный человек так безошибочно угадывать нужное направление для любой контрмеры. Вот и сейчас — он что, как-то проведал о нашем с Полом расследовании? Узнать о чьих-то поисках в базе он, конечно, мог, но мне кажется, по его скудным данным и так регулярно шарит множество любопытных.

Притворившись, что не заметила перемены в его настроении, я опять подобралась к нему и плотно прижалась. Разве что не замурлыкала.

— Посмотреть, зачем же еще? — как можно равнодушнее пробормотала я. — Интересно же...

Короче, я уже поняла, что Чарли мне опять ничего не скажет. И теперь сделала вид, что собираюсь задремать, тем самым давая ему возможность, как обычно, оставить вопрос без ответа. Как будто и не было этого разговора вообще.

— У меня нет детских фотографий, — неожиданно произнес Уокер. И было в его тоне что-то такое... словно он и сам расстраивался из-за этого.

— Что, совсем ни одной не сохранилось? — удивилась я.

— Их и не было. Меня никогда не фотографировали.

Вот досада! Нет, Чарли не лгал, это было совершенно очевидно.

— Как жаль, — не скрывая разочарования, вздохнула я. — Но почему? Я впервые встречаю человека, которого ни разу не сфотографировали в детстве. Почему твои родители не делали этого?

Уокер встал и подошел к камину. Подбросив в затухающий огонь пару поленьев — в этой утопии середины восемнадцатого века стояла зима — он замер, задумчиво глядя на пламя. Я больше не ждала ответа, просто молча любовалась им — обнаженным и совершенным. Честно говоря, мне уже и не очень-то хотелось видеть его детские фотографии — мне было более чем достаточно и того, кто стоял перед глазами.

Тут мне пришло в голову, что у родителей Чарли, вероятно, и не было возможности фотографировать своего прелестного ребенка... Черт, Джел, ну это уже слишком — записывать в преждевременные покойники всех его близких! Но ведь он сам позаботился о том, чтобы о них нигде не упоминалось. И, может, я не так уж и неправа — иначе с чего бы ему теперь так грустить?

— Иди сюда, — позвала я. Чарли посмотрел на меня непонятым взглядом. Я могла бы поклясться, что у него пару раз вздрогнули веки. Что же он прокрутил сейчас?

— Почему ты так редко отвечаешь на мои вопросы? — вздохнула я. — Я почти ничего о тебе не знаю, а ты не хочешь рассказывать.

Чарли тоже вздохнул и отвернулся к окну. В просвете заиндеветшего по краям стекла на темном небе дрожали холодные звезды. Мне вдруг пришла в голову любопытная ассоциация.

— Ты прямо как Маленький принц. Тот тоже редко отвечал на вопросы летчика.

— Какой еще принц? — рассеянно обернулся Уокер. Кажется, мыслями он сейчас был где-то далеко от меня.

— Маленький, — раздраженно буркнула я, откидываясь на подушки. В конце концов, и мне уже когда-нибудь должно было надоест это игнорирование.

Чарли снова лег рядом и обнял меня. Тепло вернулось. Я стала успокаиваться. Ерунда, право слово...

— Про какого принца ты говорила? — снова спросил он. — Про какого летчика? Я что-то пропустил, кажется?

— Книга про Маленького принца, — терпеливо повторила я. — Антуан де Сент-Экзюпери, французский летчик и писатель. Его еще в школе все читают, неужели не помнишь?

Чарли опять напрягся. Ну, и что дальше? Теперь уже и прочитанные книги — тоже секретная информация?

— Не помню, — немного смущенно сказал он. — Может, и читал, но давно, успел забыть.

— Да ты что? — рассмеялась я. — Как можно забыть сказку про Маленького принца?

Уокер уже заметно нервничал. Так, а вот это уже любопытно...

— Джелайна, я же не стираю, как ты, все записи мнемоника, — объяснил он. — За столько лет работы можно забыть все, что угодно. В том числе и прочитанные в детстве книги.

Я даже села — так мне стало интересно.

— Странно. У меня, например, после имплантации память стала острее, чем раньше. Я сейчас легко вспоминаю даже самые первые свои книжки — с огромными буквами и яркими рисунками. Даже стишки из них помню.

— Ну, значит, я вообще не читал ту книгу, — зевнул Чарли. — Потому и не помню.

— Ты сегодня просто сундучок с сюрпризами, — пробормотала я. Уокер привлек меня к себе на плечо.

— У тебя есть эта книга?

— Да. Где-то была, у родителей, наверное. Если хочешь, я привезу.

Чарли кивнул и натянул на нас одеяло.

* * *

Уик-энд мы провели отдельно. Уокер уехал по своим делам, и я даже не хотела думать, по каким именно. Я перерыла всю свою старую библиотеку и нашла ту самую книгу — слегка потрепанную, с самодельной плетеной закладкой из бисера.

В понедельник утром Чарли выглядел заметно подавленным. Наверное, уик-энд выдался невеселым.

— Вот, привезла тебе "Маленького принца", — объявила я. Уокер чуть улыбнулся,

разглядывая обложку.

— Возьму с собой, — сказал он и сунул книгу в рюкзак. — Почитаю на досуге.

Он действительно в тот же день взялся ее читать, чем весьма удивил меня. Похоже, творчество Сент-Экзюпери и в самом деле не было ему знакомо. Поначалу он то недоуменно хмурился, то усмехался, а потом втянулся так, что даже не слышал, как я его окликнула. Тогда я оставила его в покое и пошла прогуляться.

Когда я вернулась, Чарли уже почти дочитал. Раздеваясь, я заметила, что он отложил книгу и смотрит на меня странно блестящими глазами. Неужели эта история так его растрогала?

— Что случилось? — спросила я, и села рядом, заглянув в книгу. Закладка лежала поперек страницы, отделяя кусочек текста:

"— На твоей планете, — сказал Маленький принц, — люди выращивают в одном саду пять тысяч роз... и не находят того, что ищут..."

— Не находят, — согласился я.

— А ведь то, чего они ищут, можно найти в одной-единственной розе, в глотке воды...

— Да, конечно, — согласился я. И Маленький принц сказал:

— Но глаза слепы. Искать надо сердцем."

— Жаль, что эта книга не попалась мне раньше, — глухим голосом произнес Чарли. — Спасибо тебе.

— Не за что, — пробормотала я и сбежала в ванную. Такого Уокера я еще не видела...

Он так и уснул с книгой в руке. Закладка лежала где-то посередине — видимо, он пролистывал еще раз. Собираясь гасить свет, я обратила внимание на лицо Чарли. Не знаю, что ему снилось, но на его лбу я вдруг заметила горькую складку, губы были поджатыми, а ресницы — влажными. Я осторожно вытащила книгу из-под его руки и раскрыла. Закладка была плотно прижата под строками:

"— Люди забыли эту истину, — сказал Лис, — но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу."

Я до крови прикусила губу. Даже во сне мой Маленький принц продолжал оплакивать свой несчастный цветок.

Глава 17

Этот злополучный понедельник, третьего марта, с самого утра был довольно странным днем. Все шло как-то непонятно. У нас состоялась только одна короткая, на два дня, командировка в современную утопию. Да-да, та самая, где Чарли зачитывался "Маленьким принцем". После этого что-то неуловимо изменилось. Поначалу я не замечала перемены, потому что сама дулась на Чарли. За что? Я бы и сама не смогла это внятно объяснить. Наверное, за все мои пустые надежды. Да, моя жизнь изменилась, но Уокер остался все тем же Уокером, и мне не стоило ждать от него чего-то большего — ни прежде, ни теперь.

Позже я обратила внимание, что Чарли словно избегает меня. Он ушел от разговора, велел мне одной идти в спортзал, а сам закрылся в кабинете с Биллом. Ребята тоже пришли в спортзал и рассказали, что Амброс с самого утра слегка нервничает.

— Я слышала, как он назвал Чарли кретином, — сказала Энн.

— О-о, это у него словечко для особо тяжелых случаев, — заметил Пол.

— Слушайте, что у вас творится в последнее время? — нахмурился Марк. — Уокера с

утра словно подменили, а сейчас на вас обоих лица нет. Вы поссорились?

Народу в спортзале в это время почти не было, так что нам никто не мешал. Мы сели в кружок, и я вкратце рассказала ребятам о наших с Полом исканиях, о моих предположениях по поводу миссис Уокер и о реакции Чарли на мои вопросы и книгу. Пол задумчиво прищурился — обрабатывал новые данные, вплетая их в прежний узор. Энн морщила лоб и бросала на меня такие взгляды, словно порывалась сказать что-то не очень приятное. А вот Марк не стал церемониться.

— Джа, если тебе интересно мое мнение, то ты зря тратишь на него нервы. Ничего не изменится, неужели ты не понимаешь? Ты всегда будешь на вторых ролях, в тени его бедной розочки. Работать вместе — пожалуйста. Но такие отношения — они очень быстро тебя вымотают, — Марк начал взволнованно жестикулировать. — А Уокер молодец, он неплохо устроился! Зачем обременять себя чем-то серьезным, вешать на шею новые проблемы? Мне кажется, он до сих пор тянул стажеров только потому, что была возможность регулярно таскать с собой в утопии девушек для секса. А теперь появилась подходящая кандидатура телохранителя в разведку, и он сразу все обрубил. Ты уж извини, Джа, но по-моему, Уокеру просто нужна женщина, что называется, на все случаи жизни. Если он будет заниматься только разведкой, времени на женщин остается немного, ведь в новых мирах уж точно будет не до этого. А ты всегда будешь под рукой — и там, и тут. Любишь, понимаешь, все прощаешь. В душу не лезешь, вопросы задаешь редко, да и те можно игнорировать. Красота! Чего еще желать? Он прекрасно устроился! А как же ты? Сколько ты так выдержишь? Ты же не мужчина, да и не всякого мужчину устроит один секс, и ничего больше. А женщине должно быть комфортно, только тогда она будет счастлива. Что он сделал, чтобы тебе стало комфортно? Может, наконец-то начал доверять тебе?

Каждая фраза Марка больно била по моему и без того пораненному самолюбию. Да, я осознавала, что друг отчасти прав. Не во всем, конечно... но ведь и ему со стороны видно далеко не все.

— Хватит, — попросила Энн. — Ты ее до слез доведешь. Ей же и так плохо.

— Потом ей будет еще хуже, — жестко произнес Таунта, в упор глядя на меня, словно напоминая о нашей давней беседе в этом же спортзале. — Пусть уж лучше сейчас ей кто-нибудь откроет глаза. Джа, Уокер тебя использует! Неужели не понимаешь? Просто использует! Он уже давно выбрал образ жизни, который его устраивает. Он не изменится, в этом возрасте уже не меняются. На что ты надеешься?

Вот оно. Те самые слова, что я так боялась сказать себе самой. Неужели все настолько очевидно?

— Марк, ты чересчур круто берешь, — вмешался Пол. — Слишком много черных красок. Не все так плохо. Уокер тоже привязался к ней, может, со временем что-нибудь получится...

— Со временем? — фыркнул Марк. — Лет через десять? Извини, Пол, но если бы я был на его месте и боялся потерять дорогую мне женщину, я бы постарался быть с ней откровенным. Что бы там ни стряслось с его женой, Джа ему уже всякое прощала. А если уж там что-то такое, чего никто не сможет простить, то какого черта он вообще взялся морочить ей голову? Хорошо выбрал, ничего не скажешь! Как же, мистер Само Совершенство взял под свое крылышко по уши влюбленную в него дурнушку. Одарил вниманием! На зависть всем. Небось, думал, что Джа будет пиццать от счастья.

Все. Повторения вслух своих самых мрачных мыслей я уже не выдержала. Энн обняла

меня и не пыталась успокаивать, давая выплакаться. Ребята пригорюнились.

Когда я утомилась, Энн тихо сказала:

— Да, похоже, вам с Чарли давно пора поговорить обо всем откровенно. И пусть только попробует играть тобой дальше — бросай к черту эту разведку и возвращайся к нам в команду. Пусть он и дальше живет, как ему удобно, а мы тебя никому в обиду не дадим.

Я вытерла слезы. Все правильно. Сейчас или никогда.

— Билл наконец-то пообещал дать нам сегодня самостоятельное задание, — поведал Марк. — Лично я за то, чтобы отправляться туда вместе с тобой.

— Я тоже, — горячо поддержал Пол. — В настоящем рейде команда должна быть полной. Мы им покажем!

* * *

Собравшись с духом, я направилась в кабинет к Уокеру. Билл давно ушел. Чарли сидел, сгорбившись, словно придавленный каким-то горем. Может, у него правда что-то случилось? Нет, сейчас мне нужно было позаботиться прежде всего о себе.

Но как только я завела разговор, Чарли вдруг глубоко вздохнул и тихо сказал:

— Джелайна, я как раз сегодня собирался обо всем тебе рассказать.

— Сегодня? — растерянно повторила я. Вся моя решимость разом испарилась.

— Да, сегодня ты обо всем узнаешь. Я бы предпочел позже, но... уже пора.

— Поговорим сейчас?

— Лучше дома. После работы. Хорошо?

Я кивнула, про себя отметив, что он сказал «дома». У меня дома? Или у него? Кажется, поняв, о чем я думаю, Уокер взял меня за руки, поцеловал их и прошептал:

— Мой дом там, где ты, моя девочка. Рядом с тобой я везде, как дома.

Я почувствовала, что сейчас опять расплачусь. Чарли обнял меня и поцеловал в макушку.

— Ну, что это такое? Совсем расклеилась. Я тебя, наверное, окончательно загонял. Не работай сегодня, отдохни. Пока я закончу свои дела, отправляйся в отпуск. У тебя, между прочим, уже набежало отсчета на целых три. Там на выбор Париж, Гавайи и Рио-де-Жанейро. Поедешь на острова, к океану?

Я помотала головой. Неделя уединения на романтическом пляже или прогулки в одиночку по Городу Влюбленных мне сейчас были совершенно ни к чему. Иначе я окончательно скачусь в депрессию.

— Пусть будет Рио.

— Вот и отлично. Погуляешь на карнавале, развеешься. Я сейчас все устрою.

— Прямо сейчас? — растерялась я. — У меня и одежды летней нет здесь сегодня.

— Это не имеет значения, — улыбнулся Чарли. — Все нужное найдешь на месте. Главное — не смей там плакать, слышишь? Будь сильной, как всегда. Я в тебя верю.

Он очень нежно поцеловал меня и тихо сказал:

— Сегодня все изменится. Обещаю.

* * *

Через полчаса я уже отбывала в Рио. Чарли перевел мои имплантанты в обычный режим и сам взялся настроить заброс. Карточка с координатами утопии была у него с собой. По поводу летних нарядов и прочего волноваться не стоило — в «отпускных» мирах для рейдеров действовала неплохо развитая безопасная инфраструктура.

Я волновалась, как перед самым первым забросом. Мой первый TS-отпуск — и сразу в Рио! Ребята мои когда еще накатают. Они как раз ложились в капсулы в соседнем ряду. Меня они не видели. Все-таки в этот раз группе придется отправляться на задание без меня. Я хотела окликнуть их и поделиться новостью, но тут подошел Уокер.

— Ты на меня уже не сердишься? — мягко спросил он, помогая мне улечься. Я помотала головой. — Ну и хорошо. Помнишь, я когда-то просил тебя довериться мне? Самое время напомнить об этом. Я ничего не рассказывал тебе раньше, но так было нужно. Прости меня, ладно?

— Ладно, мы же собирались поговорить об этом дома, — заторопилась я, услышав предупреждающий сигнал.

— Я просто хотел, чтобы ты отправлялась в отпуск с легким сердцем.

— Может, составишь мне компанию? — предложила я. Чарли покачал головой.

— Я буду рядом, — прошептал он, наклонился в капсулу и поцеловал меня. Раньше Уокер никогда не позволял себе подобного на людях. Честно говоря, мне теперь тоже было все равно.

— Удачи! — шепнул он и отступил назад. Капсула стала закрываться. Чарли до последней секунды смотрел мне в глаза. В душе шевельнулось беспокойное предчувствие. Что-то уж очень бледным казался он в эту минуту. И это выражение лица... оно тоже было мне знакомо: Уокер не до конца уверен в том, что ситуация полностью под контролем.

Зловещий холодок разлился по телу. Я инстинктивно напряглась, собираясь просигнализировать отмену заброса — но перфоратор уже сработал.

* * *

Первым моим чувством стало легкое недоумение. Меня должны были высадить внутри помещения специальной станции, но вокруг шумел лес. Вековые деревья смыкались в вышине, образуя сплошной зеленый шатер. Я стояла на росистой полянке, покрытой пестрыми цветами.

Так, ну и где тут Рио? Нет, мы часто высаживались на расстоянии от городов, так что со станцией я могла и напутать, но в Бразилии, кажется, лес должен быть совсем другим. Дубы, ясени... а где пальмы-лианы?

Стараясь не беспокоиться раньше времени, я полезла на дерево. В конце концов, мне уже приходилось высаживаться где угодно. И в лесу, и на грязном вспаханном поле, и посреди огромной лужи. Даже в медвежью берлогу однажды провалилась. Сейчас осмотрюсь, и все станет ясно.

Успокаивая себя таким образом, я добралась до подходящей ветки и огляделась. Одни деревья. Лес казался бесконечным. Правда, неподалеку виднелось что-то похожее на просвет, и там была небольшая гора. Вот туда-то мне и надо.

Спустившись вниз, я бодро зашагала, попутно осматриваясь. Нет, это явно не Южная Америка. Похоже на Европу умеренных широт и, судя по первым желтым листьям, примерно

середина августа. Странно, конечно, но паниковать пока не стоило. Может, Чарли ошибся и ввел не те координаты? Зря он отпустил Конни. А может, мне приготовили сюрприз? Впрочем, зная Уокера, логичнее предположить очередной розыгрыш.

Я встала, как вкопанная. Розыгрыш?! Сейчас?! Он же отменил мне на сегодня всю работу! Мы же собирались... Так, Джел, успокойся сейчас же! Это просто ошибка ввода данных. Нечего сейчас делать в чаще леса. Здесь могут быть хищники, а оружия нет...

Я же без оружия! Недавний зловещий холодок перерос в осязаемое волнение. В лесу и без оружия я чувствовала себя голой и уязвимой. Выломав на всякий случай крепкую палку с острым концом, я прибавила шагу. С парой волков, по крайней мере, я справлюсь.

Сквозь густую чащу «неподалеку» оказалось не так уж и близко. Вообще-то я не в командировке, а значит, не обязана сейчас проводить ориентирование, да еще и бессмысленно рисковать из-за чужой ошибки. На такой случай даже существует инструкция, и по ней полагается немедленно возвращаться. Тьфу ты, надо было сразу так и сделать. Я активировала драйвер...

И ничего не произошло.

Я сделала еще несколько попыток. Безрезультатно. Волнение переросло в тревогу. Что с моим чипом? Может, у меня просто не хватает мотивации? Ерунда, драйвер меня всегда слушался.

Да что со мной творится?! Имплантант должен работать! Может, Уокер что-то напутал с настройками? О, Господи, он испортил мне драйвер! Как же я теперь вернусь?!

Слишком много совпадений. Не та утопия, оружия нет, драйвер не работает... Вот теперь я запаниковала по-настоящему.

Странные у тебя розыгрыши, Уокер. Надеюсь, ты не планировал избавиться от меня? Нет! О таком лучше даже не думать, это глупо. Мое реальное тело сейчас лежит в капсуле. Меня вытащат, меня обязательно вытащат... Только кто же меня вытащит? Делать пул — так откуда знать, из какой тайм-точки выдергивать? Если только есть запрограммированное время отката... Может, лучше залечь где-нибудь и переждать? А вдруг откат только через неделю, по истечении отпуска? Вдруг это очередное испытание? В своеобразных условиях, правда... ну, да нам не впервой. Может, Чарли тоже здесь — наведалься заранее, и его прошлая проекция крутится где-то поблизости. Ладно. Не паниковать. Идти вперед. Только вперед.

По пути встретился ручеек. Я пока не испытывала жажды, но выпила, сколько смогла. Кто знает, когда мне еще попадется вода? Жаль, что нельзя наесться, напиться и отсыпаться впрок, с запасом, правда?

Та самая гора оказалась всего лишь высоким холмом, поросшим кустами. Вершина его была голой, а сбоку этой каменистой лысины острым рогом торчала белая скала. С трудом вскарабкавшись на гладкий камень, я очутилась выше самых высоких деревьев.

Вокруг простирался безбрежный лес, густой и дикий. Выйти куда-нибудь до вечера не представлялось возможным. Еще взбираясь и не осмотревшись как следует, я уже подозревала, что, скорее всего, придется заночевать под открытым небом — без огня, без оружия, в одной только форме, без палатки и самого необходимого.

На юго-востоке, откуда я шла, простиралась покрытая лесом высокая холмистая гряда. На западе вдали тоже виднелись какие-то горы, и снова только лес, на много миль. Впрочем, приглядевшись, я различила на горизонте какую-то светлую полосу. Неужели в той стороне море? Это ужечто-то. На побережьях обычно живут люди. А мне нужно именно к людям.

Если Чарли и ждет меня где-то поблизости, то только среди людей. Это уже традиция.

Уже почти решив направить стопы к морю, я повернулась на север — и обомлела. В туманной утренней дымке вдали на возвышенности виднелись шпили города. Настоящего города — с высокими башнями и каменными стенами. Лес вокруг него широко расступался — как положено, крепость окружали деревни, поля, пастбища... Из леса к нему, в низине, серебряной лентой тянулась река.

Тень Патруля, куда я попала?! Это же... это же средневековье! Самое настоящее глухое средневековье! Я еще и вернуться не могу... Это и есть мой заслуженный отпуск?! Где обещанный Рио, гад?! Где карнавал, ублюдок рейдерский?! Вот только доберусь я до тебя... Чертов Уокер, ты покойник!!!

* * *

Солнце поднялось и начало заметно припекать. Ветерок усилился, высушивая мои слезы. Лицо сразу же будто стянуло, и это было очень неприятно. Все еще всхлипывая и шмыгая носом, я спустилась со скалы, поскользываясь на осыпающихся камешках, и направилась на север.

Вскоре лес расступился, и я наткнулась на камышовые заросли. Болото окружало реку. Я нашла открытую воду, умылась и зашагала вниз по течению. Из-за расстройства я даже не обратила внимания на то, что мне до сих пор не попалось ни одного крупного зверя, а ведь это явный признак близкого присутствия человека. Короче, совсем утратила бдительность, и острая боль стала полной неожиданностью. В бедре торчал крошечный дротик. Я машинально выдернула его и, перехватив палку, стала затравленно оглядываться по сторонам. Лес казался безмятежным, но где-то в зарослях таилась самая большая опасность — вооруженные люди.

Привычка к безнаказанности сыграла со мной дурную шутку. Я не боялась никакого яда, но мне даже в голову не пришло, что дротиком можно не только убивать. Лес неожиданно поплыл перед глазами, ноги подкосились, и я провалилась в никуда...

* * *

По иронии судьбы, выследившие меня аборигены применили, пожалуй, единственное средство, способное ненадолго вывести из строя TS-проекцию. Кто бы ни готовил эту пакость на дротике, сделал он это качественно. Я провела в забытьи, наверное, около получаса. Потом уже сознания полностью не теряла, отключаясь лишь частично — поочередно исчезали то зрение, то слух, то осязание. Но вот тело не желало слушаться ни в какую.

Единственное, что не подводило — это обоняние. Самое древнее и оттого надежное средство изучения окружающего мира работало безупречно. Запахи леса и реки были вытеснены запахами свежей рыхлой земли, примятой травы и сломанных веток. Они уступили место дыму костра, острому запаху старой кожи и кислому привкусу железа. Наконец, все забил тяжелый дух лошадиного пота.

На какое-то время вернулись ощущения. Живот сдавливало, толчками перехватывало

дыхание, а в голове тяжело стучала кровь — меня везли, мешком перекинув через спину лошади. Чья-то рука сквозь одежду бесцеремонно щупала мой зад, а шершавые пальцы забрались под куртку на спине и пытались оттянуть вниз эластичный пояс узких брюк. На секунду в сознание вплыл грубый смех и незнакомый говор нескольких мужских голосов. Я тогда еще успела подумать, что если они догадаются, как снять с меня форму, или попросту разрежут ее, то лучше бы мне на это время отключиться совсем.

Когда я осознала себя в следующий раз, то даже слегка удивилась тому, что все еще одета. Похоже, на меня никто не позарился. Честное слово, в тот момент я порадовалась, что природа не наделила меня женственностью и привлекательностью.

Меня куда-то волокли, держа под мышки. Пятки то и дело бились о камень. Видимо, мы спускались по лестнице. Стало прохладно и темно. Потом я почувствовала целый букет вони — плесень, нечистоты, немытые тела... Прелое дерево, сырость, колючая солома подо мной. Опять нахальная рука — тискает, больно щиплет грудь, теребит застежку на куртке... Потом меня оставили в покое, и все стихло.

Через некоторое время до меня донеслись голоса и лязг металла. Сквозь прикрытые веки я уловила свет, а кожей ощутила слабое тепло, идущее от окруживших меня людей. Наверное, один из них подошел совсем близко — я чувствовала его присутствие необычайно остро. В этом было что-то... необъяснимое.

Кто-то подергал пряжку на моей куртке, потом коснулся застегнутого кармана на бедре и поворочал ногу в ботинке. Мужчины заговорили между собой. Язык был незнакомым и, несмотря на дурман, тут же привычно включился в работу менталингвор. Это помогло мне немного разогнать туман в голове.

И тут мой слух уловил что-то смутно знакомое...

Собрав все силы, я открыла глаза. Откуда-то сверху шел тусклый дрожащий свет. Из навешанного дурманом марева у стоявшего надо мной силуэта проступило лицо Уокера. Он был в костюме и, кажется, даже загримирован. Охватившее меня облегчение было просто неопишваемым. Чарли нашел меня, теперь все будет хорошо. С этой мыслью я отключилась.

* * *

Когда я пришла в себя, то первым меня посетило удивление. Почему я лежу не в капсуле, не на мягкой койке в медицинском отделе или, в крайнем случае, на упругой кушетке в зале отправки? И где Чарли? Он что, приснился мне? Неужели одурманенное сознание просто-напросто подсуло желаемую картинку?

Подо мной была жесткая деревянная скамья, а руки и ноги оказались связаны. Пахло дымом, смолой, потом, портянками, прокисшей едой, и еще чем-то незнакомым. И в помещении я была не одна. Неподалеку раздавались негромкие голоса и периодический глухой стук. Чуть приподняв веки, я разглядела троих мужчин, сидевших вокруг грубо сколоченного стола. Понаблюдав за их занятием, я быстро узнала игру на все миры и времена — кости. Интерьер, одежда мужчин и их оружие не оставляли сомнений в том, что я действительно в средневековье. Сразу сказать точнее было затруднительно, но эти люди выглядели, как солдаты.

Меня очень беспокоили веревки на руках и ногах. Я не знала, здесь ли Чарли, и если да, то что он намерен делать? Кто эти солдаты, и зачем они меня стерегут? Требовалось

наблюдение и время на изучение языка. На меня люди почти не обращали внимания, и это было очень кстати. Следя за ними, я осторожно сделала дыхательные упражнения, направленные на повышение болевого порога — иначе было не вытерпеть. Потом закрыла глаза и стала слушать. Солдаты говорили охотно и многословно, так что с накоплением базы проблем не представлялось. Время от времени заходили другие люди, перебрасывались несколькими фразами и уходили. Некоторые приближались ко мне, трясли за плечо, шлепали по щекам. Я притворялась крепко спящей. Как известно, лежачего не бьют, так что в моих интересах было тянуть как можно дольше.

Наконец, в осознание стали постепенно вплетаться отдельные узнаваемые слова. "Поймав волну", менталингвор заработал изо всех сил. Вскоре я уже знала имена солдат, кто из них выигрывает, что сегодня было на обед, и за что некая Дионха вчера огрела по голове конюха. Потом один из них подошел, чтобы в очередной раз проверить, не очнулась ли я. После этого их разговор стал для меня чуть информативнее.

Ого, оказывается, меня считают шпионкой, подосланной из другого королевства. Солдаты перебрали несколько версий относительно цели моего визита, полного отсутствия у меня оружия, потом разговор перескочил на надоевшую войну, на неубранный урожай... Мда... Узнать о себе удалось немного.

Дыхательные упражнения уже не помогали. У меня невыносимо болела спина, онемела половина тела, затекли конечности. Нажать бы еще пару точек на позвоночнике...

А потом пришел десятник, и я узнала о том, что все ждут, когда я проснусь. И мне тут же расхотелось просыпаться вообще, потому что, оказывается, раз уж сегодня здесь находится сам господин капитан, то он теперь заодно лично допросит меня, что очень хорошо, поскольку десятник терпеть не может пытаться женщин.

Тень Патруля, что же теперь будет?! Чарли, где ты?! Почему бросил меня здесь? Я же не могу уйти сама!

О, Господи, неужели он мне всего лишь привиделся?!

* * *

Бойкий старикашка не понравился мне сразу же. Пронырливый, бесцеремонный, он принялся толкать меня, хватать за волосы и больно щипать. А потом близко придвинулся к моему лицу и вдруг злорадно хохотнул, обдав смрадом гнилых зубов. Похоже, он разглядел свежие следы слез — увы, контролировать это я никак не могла. Этот гад неожиданно ткнул меня пальцем в глаз, я рефлекторно моргнула и дернулась, выдав себя. Старик тотчас же едва не запрыгал, солдаты оживились, меня подняли и отволокли к стулу посреди комнаты. Начали выпрашивать всякую ерунду. Я молчала, судорожно подбирая подходящую легенду. Дневальный рысью помчался за капитаном. Старикашка выскочил следом.

Эх, мне бы еще хоть полчаса, и я бы что-нибудь придумала. Но мне не давали даже собраться с мыслями. Солдаты окружили меня, глумливо посмеиваясь и норовя цапнуть за мягкое место. Руки у меня были связаны спереди, так что я успела заехать кое-кому по наглým граблям. Похоже, мужчин это только забавляло. Оно и к лучшему — я была не в том положении, чтобы кого-то злить. Вскоре с улицы раздались приближающиеся голоса и шаги. Солдаты тут же отошли от меня и стали навтыяжку в ожидании капитана.

Я так ничего и не придумала. Ну, что теперь поделаешь? Будем действовать по

обстоятельствам.

Караульный пошире распахнул дверь. Я невольно сжалась: знакомые шаги старикашки и дневального чуть отставали, а идущий первым был в подкованных сапогах со шпорами. Господин капитан вышагивал четко и уверенно. Он не сомневался ни в чем, и не собирался никого щадить. У меня не было шансов.

Шаги остановились совсем рядом. Опять это необъяснимое тепло... Обреченно цепенея, я медленно подняла голову — и с трудом удержалась, чтобы не вскочить и не заорать. Передо мной стоял Чарльз Уокер.

* * *

О, Боже, нет! Это был не он. Но похож, необыкновенно похож, просто одно лицо!

Волна безумной радости схлынула, сменившись изумлением. Подумать только — встретить двойника Чарли! И где — в средневековье! А с другой стороны, откуда мне знать, может это современная утопия, только очень дальняя? Может, у них тут развитие идет медленнее? Все эти мысли пронеслись в моей голове в одно мгновение.

Двойник был гораздо моложе Чарли. Совсем еще мальчишка, на вид не старше двадцати. Смуглый от солнца, с обветренным лицом, чуть выгоревшими волосами до плеч и редкой юношеской бородкой. Когда он заговорил, у меня перехватило дыхание. Та же степенность речи, подчеркнутая внешняя учтивость и — о, господи — неподражаемая уокеровская мимика! Такое не перенять, с этим надо родиться. Даже голос был тот же самый, только чуть более звонкий, молодой... но эти неповторимые обертоновые модуляции, боже мой...

Нет, случайно таких совпадений не бывает. По непонятной причине мне стало казаться, что я попала в некое подобие игры с невыясненными пока правилами, и вот-вот должно что-то произойти. Ну, знаете, вроде того, как в самый интересный момент участнику объявляют: "Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера!"

Интересно, это Уокер все подстроил? Розыгрыш как раз в его манере. В принципе, с него станется. Думаю, будь все по-настоящему, со мной бы так не церемонились. Стукнули бы по голове, вместо того, чтобы усыплять транквилизатором, словно заранее знали надежный способ. Выбили бы пару зубов... Все-таки шпионы — это не шутка, и обращаются с ними соответственно.

Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы сосредоточиться и начать улавливать смысл. Капитан говорил немного иначе, чем солдаты — другой стиль, иные обороты. Не сбивчивое лопотание простолоудина, а изысканная речь благородного человека. Потребовалось какое-то время, чтобы приноровиться к ней, но вскоре я обнаружила, что воспринимаю ее гораздо органичнее, чем путаную болтовню солдат.

Бенвор Олквин. Гордо звучащее имя очень шло ему, как и идеально сидящая военная амуниция. Что ж, Чарли тоже хорош в любой форме. Я невольно залюбовалась грациозным молодым двойником, очарованная его удивительным магнетизмом. В голову сразу полезли нескромные мысли: насколько они похожи на самом деле, есть ли отличия, и какие именно?.. По крайней мере, одно отличие было налицо: Чарльз Уокер прекрасно знал и всегда помнил о том, что он красив, что притягивает внимание, и он постоянно играл на этом, как бы преподнося себя окружающим, особенно дамам. А вот Бенвор Олквин, похоже,

даже не осознавал собственной привлекательности, его прирожденная сексуальность, сквозившая в каждом движении, была совершенно естественной, как дыхание. Этим он будоражил мое воображение сильнее искусителя Уокера!

Так-так... А вот любопытно, как отреагирует этот юный и невозможно серьезный капитан, если я прямо сейчас, при всех, в глаза, признаюсь, что хочу его? Что Чарли предусмотрел на такой случай?

Наверное, у меня и без слов все отразилось на лице, потому что Олквин слегка отвлекся от своей роли. Непонимающий взгляд, растерянные вопросы... Еще и старикашка лезет со своими глупостями. Ладно, сколько ж можно играть в молчанку.

Первый блин вышел комом. Следовало бы вначале потренироваться одной. Язык несложный, видимо, из близкой к нам группы диалектов, но во всем требуется практика. Однако, меня поняли. Капитан с удобством уселся напротив и, похоже, настроился на знакомство и неспешную беседу. А развязать меня?

Зря я выпила в лесу так много воды. Но откуда ж мне было знать, что я попаду в такую переделку? Впрочем, вид у капитана был вполне благосклонным. В ответ на мою просьбу о большей свободе движений он невозмутимо продолжил прежнюю игру. Ах, недогадливый? Ну и получи, и пусть тебе будет стыдно. Боже, этот мальчик еще не научился смущаться! Краснеющий Уокер... просто сказка какая-то...

Меня наконец-то развязали — господи, какое блаженство! — и проводили по нужде. Поверх мешковатого платья женщины гренадерского роста с совершенно неподходящим ей воздушным именем Малеана был повязан дивно пахнущий фартук. Покрутив носом, я радостно спросила:

— Вы повариха?!

Малеана подозрительно кивнула. Я сглотнула слюну и бесхитростно пояснила:

— От вас кашей пахнет. Ваши ребята говорили, что сегодня она с мясом.

— Так ведь господин капитан приехал... — растерянно буркнула она и вдруг оживилась: — Ты голодная?

— Ужасно! — жалобно захныкала я. Суровая на вид, но добрая внутри, Малеана явно мучилась сомнениями. На секунду я понадеялась, что она возьмет и отведет меня на кухню. Как говорится, война войной, а обед по расписанию. Доиграть в шпионов можно и потом. Но женщина вздохнула и повела меня обратно.

— И откуда ты только взялась такая? — посетовала она, и доверительно прибавила: — Слышь, ты господину Бенвору не прекословь. Поведай все, как есть, авось он сжалится. Сердце у него золотое, только ведь война идет... Все расскажи, глядишь, и отпустит.

— Так это что... все правда?.. — недоуменно пробормотала я, только теперь начав подозревать, что версия с уокеровским розыгрышем как-то не очень стыкуется с очевидной действительностью.

— Отпустит-отпустит, — убежденно заявила Малеана, неверно истолковав мой вопрос. — Господин Бенвор обман видит сразу. Говори, не таясь, кто послал, зачем? Им-то теперь все равно, а ты молодая, еще жить и жить...

Мне стало не по себе. Повариха явно не притворялась. Солдаты, стоявшие у входа в дежурку, тоже не походили на антураж. Враждебность писаря добила меня окончательно. Один только Олквин казался живительным глотком воздуха в этом болоте. Он был вежлив и почти любезен. Тень Патруля, он даже имя мое повторил в точности, как Уокер, с теми же чарующими нотками!

Капитан нисколько не старался казаться солиднее, как это обычно бывает с молодыми людьми, облеченными властью. Он просто был здесь законным хозяином, и это чувствовалось во всем. У меня в голове все еще никак не укладывалось, что этот юноша, так похожий на Чарльза, способен причинить мне вред. Сбитая с толку этим невероятным сходством, я совершила огромную ошибку. Все дело в том, что я слишком привыкла доверять Уокеру. Несмотря на то, что некоторые его поступки часто оборачивались неприятными последствиями, намеренно причинять мне зло он никогда не стремился, и всегда выручал из любой передряги. Так что теперь я автоматически перенесла это доверие на молодого капитана, наивно понадеялась, что он тоже «свой» и совсем перестала его опасаться. Идиотка!

Когда допрос начался уже по-настоящему, у Олквина моментально выявились манеры человека, знающего себе цену и привыкшего приказывать. Похоже, он мало сомневался в том, кто я такая. Любая странность моего облика и поведения оправдывалась в его глазах опережающим темпом развития шпионского ремесла. Выводы капитана и обрисованные им перспективы стали для меня настоящим шоком, и я сорвалась.

Пожалуй, будь мы здесь один на один, я бы рискнула попробовать справиться с ним, даже несмотря на плохую подготовку новой проекции и обессиливающий остаток дурмана. Но Олквин был вооружен, за дверью чутко дежурили четверо солдат, а за каждым моим движением настороженно следил мерзкий писарь, немедленно поднявший тревогу. Не будь мой драйвер испорчен, я бы активировала его немедленно, ничуть не заботясь тем, как отреагируют на это окружающие. Увы и ах, меня ловко скрутили, начисто лишив возможности сопротивляться.

Кажется, капитан и сам не знал, что ему со мной делать. Я уже пожалела о вспышке бессмысленной несдержанности, совершенно мне не свойственной. Было бы правильное отпираться до последнего, и искать подходящую лазейку. Видимо, повышенная агрессивность была побочным эффектом окончания действия транквилизатора и, хорошо зная об этом, меня попросту спровоцировали. Этим людям удалось поймать и обезвредить рейдера TSR! Несмотря на безвыходное положение, я почувствовала невольное уважение к ним.

К счастью, пытать меня прямо сейчас капитан не собирался. Мне показалось, что у него еще остались сомнения. Все-таки надо быть истинным рыцарем, чтобы достойно обращаться с предполагаемой шпионкой. Большинство других не стали бы так церемониться. Олквин вскользь пригрозил мне голодным заточением и крысами, при этом открыто сомневаясь в действенности меры. У вредного писаря неожиданно прорезалось чувство юмора, и капитан вдруг улыбнулся ему — ярко, тепло... Мне показалось, что в пыльной дежурке взошло солнце! Держу пари на что угодно — ради одной лишь благосклонной улыбки своего обожаемого господина здешние люди наверняка готовы пойти хоть на смерть, и причем он, скорее всего, даже не подозревает об этом.

Волшебный момент улыбки стал апофеозом всего самого лучшего за нынешний день, ибо все, что последовало дальше, обернулось кошмаром. Олквин послал дневального за каким-то зельем, применение которого страшило даже писаря. Плохое предчувствие никогда не появлялось у меня напрасно. И в этот раз оно тоже не обмануло. Эта дрянь была отвратительной на вкус, а через пару минут со мной стало твориться что-то невообразимое. Внутри все горело, казалось, плавилась мозги, и единственным спасением казалось высвобождение накопленной информации. Одна лишь мысль о том, чтобы хоть кому-то

излить душу, уже приносила облегчение. Тут же капитан милостиво подсказал требуемое направление, и у меня попросту не осталось выбора. Условия были сформулированы так, что от меня требовалось рассказать абсолютно все, с самого начала и вплоть до мелочей — ведь все это в конечном итоге и привело к тому, что я теперь лежала здесь связанной. Сопrotивляться зелью было непереносимо, это доставляло жуткую боль — и физическую, и душевную. Да даже и не в ней дело, а в том, что начисто слетели тормоза. Любая мысль, любое воспоминание тут же сами собой рвались наружу. В какой-то момент я сломалась, и стало абсолютно все равно...

Глава 18

Напиток откровенности Танбика всегда действовал безупречно. Дойдя до логического конца повествования, Джелайна запнулась и умолкла. Потом она начала дрожать, и тихонько захныкала, с ненавистью глядя на ошеломленно застывших мужчин.

— И-из-зверги... — заикаясь, забормотала она. — Л-лучш-ше бы п-пытали, т-твари...

Бенвор, который в продолжение удивительного рассказа то сидел, потрясенно замерев, то нервно вскакивал и принимался мерить шагами комнату, казалось, только что опомнился. Двигаясь медленно, точно в растерянности, он принес из угла толстое шерстяное одеяло дежурного и укрыл им женщину.

— Это пройдет, — тихо произнес он. — Быстро пройдет, вы крепкая.

Капитан выпрямился и обернулся к писарю.

— Микас, вели Малеане подогреть молока.

Старик сидел, уставившись перед собой невидящим взором. Забытые письменные принадлежности сиротливо валялись на столе. На приготовленном для протокола допроса листе темнела единственная строчка, потом — жирная клякса. Записывать дальше писарь не смог — сначала удивился, прервался, а потом ему и вовсе изменило самообладание.

— Микас, быстрее! — окрикнул его Бенвор.

Тот вздрогнул и молча выскочил вон. По-видимому, писарь был в шоке не меньшем, чем капитан. Чтобы взять себя в руки, Олквин принялся старательно укутывать пленницу. Ее колотило все сильнее и сильнее. Микас принес молоко в глиняной кружке, и Бенвор сам принялся поить им Джелайну. Она едва могла пить, зубы то и дело ударялись о край посуды. Кое-как осилив половину, женщина выхватила кружку и выплеснула остаток содержимого в лицо Бенвору.

— У-ублюдок!

Олквин поймал ее запястье и молча выдернул кружку. Джелайна сжалась, заслоня голову трясущейся ладонью, будто ожидала удара. Но капитан сдержанно обтер лицо тыльной стороной кисти и аккуратно поставил кружку на пол. Потом обернул плечи женщины краем одеяла, легко подхватил ее на руки и вынес на улицу. Миновав пару домов, Бенвор толкнул ногой дверь одного из них, с виду ничем не отличавшегося от прочих. Уверенно прошел через неосвещенную комнату и бережно опустил Джелайну на широкую мягкую кровать. Вытащил откуда-то еще одно одеяло, мохнатое и тяжелое, и укрыл им сверху. Потом отступил в сторону и чем-то зашуршал в темноте. Раздался треск огнива, вспыхнула яркая искра. Женщина повернула голову и, щурясь, пригляделась, как капитан ловко разжигает похожий на камин очаг.

— Сейчас будет тепло, — глухо произнес Олквин. — Здесь с весны не топили, так что

поначалу может немного вонять. Дверь пока побудет приоткрытой.

Продолжая бормотать себе под нос, он то и дело ходил туда-сюда, что-то двигал, переставлял, ворошил дрова в очаге... Наконец, Джелайна не выдержала.

— Да бросьте же все это, наконец! Подойдите сюда!

Казалось, Бенвор только этого и ждал. Оставив в покое кочергу, он приблизился к кровати и присел на самый краешек. В неровном, мерцающем свете от очага его лицо казалось полосатым от засохших потеков, борода местами слиплась от молока, и волоски комично торчали в разные стороны. Джелайна зашлась хриплым смехом, больше похожим на кашель.

— Все скоро пройдет, — словно уговаривая ребенка, повторил Олквин. — Серьезные последствия уже бы дали о себе знать. Если хотите плакать — поплачьте. Легче станет в любом случае.

— Да ну вас, — буркнула женщина, утыкаясь носом в одеяло. — Пойдите лучше умойтесь.

Капитан потрогал бороду и со сконфуженным видом поднялся. Погремев пустым кувшином, он вышел на улицу. Вернулся очень скоро, словно боясь оставить женщину одну, и зафыркал в углу над лоханкой, плеская в лицо водой.

— Это можно было сделать и на улице, — ворчливо проговорила Джелайна, наблюдая за ним из-за отогнутого уголка мохнатого одеяла. — Здесь и без того сыро.

Бенвор обернулся к ней, держа в руке холщовое полотенце.

— Кхм... да... — растерянно согласился он.

— Идите сюда, посидите со мной, — снова позвала Джелайна. — Мне так теплее.

Капитан вернулся к ней и опять присел на край кровати, избегая смотреть в лицо женщине.

— Что это еще за мерзкий дом? — тихо спросила она, зябко кутаясь. Зубы уже почти не стучали. — Совсем запущен. Вы живете один?

— Это не мой дом, — ответил Бенвор. — Это постой для заезжающих офицеров.

— Ясно. Полагаю, у вас больше нет ко мне вопросов?

Резко вздохнув, Олквин с силой потер лицо руками и, заметно волнуясь, сбивчиво заговорил:

— И да, и нет. Я многого не понял, к тому же вы то и дело переходили на незнакомую речь. Но одно совершенно точно — я верю вам безоговорочно. Напиток откровенности полностью исключает любую ложь. Да и придумать такое... такое... О, господи, это невозможно! Если бы я не был уверен... — юный капитан вскочил и заходил кругами. — Мне то и дело казалось, что я в каком-то невероятном сне!

— Перестаньте маячить, — поморщилась Джелайна. — Я бы сама не отказалась сейчас проснуться и обнаружить, что ваш мир — всего лишь причудливый ночной кошмар.

— Нет! — Бенвор снова сел рядом. Глаза его засверкали. — Это не сон! Вы... Вы — не сон! Вы — человек из будущего! Человек из другого мира! Из будущего другого мира! Невероятно!

— Ну, ладно, ладно вам, — засмушалась Джелайна. Но хладнокровного еще недавнего рыцаря словно прорвало. Он вдохновенно продолжал:

— Еще ребенком я слышал невероятную легенду об удивительных волшебниках, которые могли странствовать в прошлом и будущем. Я всегда знал, что это сказка, но... Но сейчас я вижу перед собой ожившую сказку из моего детства!

Юноша снова вскочил, восторг распирал его, не давая усидеть на месте. Он прошелся туда-сюда, запустив пальцы в волосы, и без того взлохмаченные.

— Капитан Олквин, — капризно позвала Джелайна. Бенвор подскочил к ней, потянул было за край одеяла, но потом отдернул руки, точно опомнившись.

— Простите меня, леди Анерстрим, — с чувством промолвил он. — Я совершил ужасный, отвратительный поступок, причинил вам столько страданий, унижений...

— Что верно, то верно, — едко вставила женщина.

— О, вы вправе ненавидеть меня всей душой. В свое оправдание могу лишь сказать, что был сбит с толку. Сначала сделал выводы с чужих слов, а потом слышал только то, что хотел услышать. Знаю, что такое оправдание звучит жалко, но поймите — шпионы появляются у нас постоянно, а вы... — Бенвор порывистым движением опустился у кровати на одно колено. — Умоляю вас о прощении. Я был вопиюще слеп. Вы совсем не похожи на обычную шпионку, — Олквин перевел дыхание и растерянно добавил: — Правда, на волшебницу из сказки вы похожи еще меньше.

Джелайна насмешливо фыркнула.

— Капитан, а не пора ли оставить детские фантазии в прошлом? Мое присутствие в вашем мире не подразумевает никакого колдовства, и мне показалось, вы прекрасно это поняли. Магии вообще не существует. Есть законы природы и люди, научившиеся использовать их в своих интересах.

— Возможно, — неуверенно согласился Олквин. — Но я знаю сразу троих колдунов. Танбик — тот, кто приготовил напиток откровения — он колдун. Вайдорос из Жомеросуина — он учил Танбика. В Анклау живет Риймонс, колдун короля Альберонта. В других местах могут быть еще, просто я никогда этим не интересовался.

— Так, может, никакие они не колдуны, а друиды, знахари?

— Танбик действительно умеет хорошо лечить, — кивнул Бенвор. — Но Риймонс — тот уж точно колдун!

Женщина усмехнулась и села, завернувшись в одеяло.

— А неплохо вы сдаете информацию недавней шпионке.

Олквин рассмеялся и сел рядом с ней.

— А это ни для кого и не секрет. Кстати, я смотрю, вам уже стало лучше. Согрелись?

Джелайна некоторое время изучала лицо Бенвора. Остановила взгляд на его улыбающихся губах. Капитан вдруг вспомнил ее откровения, особенно последние минуты, касающиеся его самого, и почувствовал легкую досаду. Гостья заблуждалась, будучи уверенной, что он даже не подозревает, как выглядит в ее глазах. Навязчивое внимание со стороны женщин преследовало Олквина чуть ли не с самого детства, и он давно смирился с этим, почти как с затяжной войной. Но Бенвору почему-то казалось, что пришелица из другого мира и его должна воспринимать как-то иначе. Признание Джелайны немного разочаровало его. Она была такой же, как и все остальные.

Но тут ему вдруг пришло в голову — да ведь она, наверное, просто сравнивает его с тем, другим... Чарльз Уокер, взрослый, зрелый мужчина из полного загадок параллельного техномира будущего был для нее живым, настоящим. А он, юный Бенвор Олквин — всего лишь часть зримого окружения ее проекции, увязшей в червоточине слаборазвитой утопии прошлого. У капитана возникло совершенно незнакомое до сих пор и оттого неуютное чувство некоей собственной неполноценности. Ощущение ожившей сказки и недавнее воодушевление растаяли, как дым.

— Если мне удастся вымолить ваше прощение, — начал он, — мне бы очень хотелось узнать еще хоть что-нибудь о вашем мире. Как... как вы там живете?

— А может, меня сегодня все-таки хоть раз покормят? — с мученическим видом поинтересовалась Джелайна. — Я, конечно, привычная ко многому, но вы обещали...

— О, боже! Я совсем забыл! — Бенвор вскочил и зацепился ногой о разохшуюся половицу, едва не растянувшись. Женщина прыснула. Олквин побагровел и задом попятился к двери.

— Извините. Сейчас!

Он выскочил за дверь и убежал, точно какой-нибудь шустрый деревенский паренек, а не чинный армейский капитан. Джелайна долго смотрела ему вслед, и на губах ее появилась мечтательная улыбка.

— Так похожи, — тихо прошептала она, качая головой. — И все же совершенно разные.

* * *

Бенвор распахнул дверь пошире, пропуская вперед Малеану с подносом. Бросив взгляд поверх плеча поварихи на скомканные одеяла на кровати, он замер — Джелайны там не было. Но Малеана спокойно прошла вперед, к низкому столу, и суетливо заговорила:

— Совсем замучили бедную, а господин капитан сказал, что ты, оказывается, и не шпионка вовсе... Давай-ка, поешь.

Олквин, наконец, заметил Джелайну — женщина стояла у камина, вытянув руки к огню. Хрупкая, затянутая в мерцающую черную ткань, на фоне пламени она казалась еще тоньше, чуть ли не просвечивая насквозь. Похожая на мальчика-подростка, разве что была чуть пропорциональнее.

— Вы встали? — поразился Бенвор. — Уже?

— Не удивляйтесь, проекции поправляются очень быстро, — ответила Джелайна, подойдя к столу. Поблагодарив Малеану и взяв миску с кашей, она отвернулась и принялась жадно есть, одновременно расхаживая возле камина. Жуя, она то поджимала ноги, то становилась на цыпочки, то перекатывалась на пятки, и удовольствие, с которым она разминала мускулы, было почти осязаемым. Олквин никак не мог заставить себя отвести взгляд от пластичных движений гибкой фигуры, переливающейся всеми оттенками черного. И вдруг Джелайна положила ложку, согнула колена, схватила себя за щиколотку и... распрямила ногу вверх, по-птичьей стоя на одной ноге. Малеана охнула и пролила молоко на поднос. Не заметив этого, Джелайна выпрямилась, взяла миску в другую руку, снова набила рот, и тут же легко вытянула вверх вторую ногу.

— Малеана, — выдавил Бенвор, — у тебя найдется подходящая одежда для леди?

Джелайна резко обернулась и уставилась на него.

— Я думала, вы уже ушли, — смущенно пискнула она. — Что же вы стоите тут и молча глазеете?

— Я не глазел! — запротестовал Олквин. — Я ждал, когда вы поедите, хотел поговорить с вами. Откуда мне было знать...

— Юбка найдется, — торопливо встряла повариха. — Только ведь она в нее три раза завернется.

— Да не нужна мне ваша юбка, — дернула плечом Джелайна. — Что я, жить тут

собралась?

— Что ж ты, прямо так и будешь ходить? — всплеснула руками Малейана. — Срамота... Еще и ноги задираешь! Хоть бы господина капитана постыдилась.

Джелайна вздохнула и снова отвернулась, всем видом словно говоря, что ей-то как раз стыдиться нечего. Рассудив, что в ее мире дозволено многое, Олквин выпроводил Малейану.

— Если я правильно понял, — усмехнувшись, начал он, — то именно это ваши наставники и считают плохой подготовкой? Какой же вы станете, когда достигнете нужного уровня?

Джелайна перестала жевать, приблизилась к Бенвору и тихо сказала:

— Ну, например, смогу вырубить вас одним ударом, не сходя с этого места. А у вас прекрасная память, капитан.

Небрежно брошенная первая фраза вызвала у Олкина легкое замешательство. Первоначальное упоение приоткрывшимся ему фантастическим миром улеглось, и он вдруг отчетливо осознал, что прежняя слабость гостьи была вызвана исключительно вредными снадобьями, но теперь стоящая перед ним женщина, несмотря на обманчиво тщедушную внешность, может быть по-настоящему опасной.

— Я могла бы сделать это даже сейчас, просто протянув руку, — еще тише добавила она, наклонив голову набок и быстрым взглядом окидывая капитана с головы до ног. — А могу и убить. Мы здесь одни.

— Ну что ж, рискните, — предложил Бенвор, машинально кладя ладонь на рукоять меча.

— А зачем? — Джелайна отошла и снова невозмутимо принялась за еду. — Мне это не нужно. Вот приди я в этот мир по работе — другое дело. Вы ведь ничуть не ошиблись во мне, капитан, я и в самом деле шпионка, убийца и террористка. Просто не по вашу душу.

— Тогда я рад, что вы попали к нам случайно, — проговорил Олквин. — Очень надеюсь, что наше королевство не интересуется вашей... конторой. Само собой, обвинение в шпионаже снимается.

Тут женщина перестала есть и опустила голову.

— Значит, это все-таки не розыгрыш, — печально произнесла она. — То, что рейдеры среди вас не появлялись ни разу, мне и так понятно. А я еще надеялась, что Чарли забросил меня сюда случайно, и все вот-вот закончится.

— Это действительно могло быть совпадением, — предположил Бенвор. — Или нет?

— Нет. Что-то одно — возможно, но не все сразу. Утопия, драйвер, двойник... Нет, это все-таки игра, просто правила в очередной раз усложнились.

— Довольно жестоко с его стороны играть с вами в такие игры, — заметил Олквин. — А если это действительно игра, но поломка этого вашего... — он указал на голову женщины, — и есть случайность?

Джелайна задумалась.

— Капитан, вы верите в Бога? — наконец, спросила она.

— Думаю, да, — после небольшой паузы ответил Бенвор. Неуверенность ответа слегка удивила женщину.

— Что ж, если знаете молитвы, помолитесь, чтобы это не оказалось правдой. Если все из-за драйвера, то этому миру теперь долго не избавиться от незваной гостьи.

— А как же ваше тело там, в другом мире?

— Оно лежит в капсуле, и относительно этой проекции время для него стоит на месте.

У меня есть шанс побить все рекорды и проверить на себе TS-теорию об экзистенциальной бесконечности. Доживу до своего времени, спирали наших миров синхронизируются в червоточине, и меня автоматически выбросит обратно. Это самый радужный прогноз.

— Ничего себе, радужный! И вы так спокойно говорите об этом?

— А я вообще на редкость спокойная. Это ваша отравка вывела меня из себя, — Джелайна села на кровать и принялась расшнуровывать ботинки. Сняв их, она вытянулась поверх одеял, положив обувь рядом.

— Будете спать с ними в обнимку? — ухмыльнулся Бенвор.

— Конечно! Вдруг меня выдернут, а они останутся?

— Так вы действительно собрались спать?

Она покосилась на него, прищулив один глаз.

— А что, есть другие предложения?

— Но... разве вам не интересно разузнать получше, куда вы попали?

— Нет. Все, чего я хочу — спокойно дождаться пула. Сейчас я в безопасности, крыша над головой есть, мне тепло, я сыта, кровать удобная. Чего еще можно пожелать? — Джелайна снова окинула юношу тягучим взглядом и вздохнула.

— А я хотел еще порасспрашивать вас, — Олквин сел рядом с ней. — Я понимаю, что вам здесь может казаться скучно, но вы-то для меня — настоящее чудо. Вдруг вы исчезнете ночью, а я так и не узнаю ничего больше.

— Капитан, вам мало уже услышанного? — устало спросила Джелайна.

— У меня все равно полно вопросов. Например, что такое пистолет?

Женщина снова вздохнула.

— Оружие.

— Ну, допустим, это я понял, — кивнул Бенвор. — А подробнее?

— Огнестрельное оружие.

— Стреляет огнем? — удивленно переспросил капитан. Джелайна хихикнула. Олквин нахмурился и добавил: — Тогда зачем нужны пули?

— Пистолет стреляет пулями, а пули выталкиваются из ствола огнем, — прикрыв глаза, монотонно протянула женщина. Бенвор вдохновенно заерзал.

— А как сделать такой пистолет?

— Начинается... — проворчала Джелайна. — Пистолет ему подавай. Нет бы спросить у меня, например, про современные способы лечения... ой, нет, этого я не знаю. Или об искусстве... хотя что я понимаю в искусстве?

— Вот видите, леди, — развел руками Олквин. — Вы солдат, и я солдат. О чем еще нам говорить?

— Ну почему же? Я в прошлом — преподаватель колледжа. Учила ребят вашего возраста.

Бенвор просиял.

— Учитель? Какая удача! Вы, наверное, сведущи в самых разных науках?

Джелайна сердито подперла щеку кулаком.

— Знаете что, капитан, давайте лучше про пистолет.

Спустя полчаса Олквин вытер взмокший лоб и расстроено переспросил:

— А иначе никак?

— Конечно, нет! Даже для самой примитивной модели нужна хорошая сталь, множество инструментов для ее обработки, порох, наконец...

— А что такое порох?

Джелайна со стоном рухнула лицом в скомканное одеяло.

— Капитан, какой у вас сейчас идет год?

— Шестнадцатый.

— Точнее. Тысяча пятьсот шестнадцатый? Тысяча четыреста шестнадцатый? Тысяча триста? Или еще раньше, черт возьми?!

— Просто шестнадцатый, — озадаченно ответил Бенвор. — От разделения Великого Хорверолла.

— А в каком году произошло разделение? — продолжала допытываться Джелайна.

— Сразу после смерти короля Сейнона. Он правил двадцать три года. А до него...

— Стоп, — перебила она. — Принцип ясен. У вас есть общая система летосчисления?

— Общая?

— Ну, в моем мире, например, принят отсчет от Рождества Христова. Насколько я успела понять, о Христе вы знаете не понаслышке.

— О, это же было так давно, — скривился капитан.

— Вот и скажите мне, как давно это у вас было. По возможности, поточнее.

На Олквина было мучительно смотреть. Он морщил лоб, ерошил волосы и, наконец, признался:

— Я не знаю. Может, в монастыре хранятся летописи? Но мне их никогда не показывали.

— А вы что делали в монастыре?

— Я там воспитывался в детстве, учился грамоте, разным наукам. Но мне никогда не приходили в голову подобные вопросы. Леди, вообще-то я считаюсь довольно образованным человеком, но вы заставляете меня чувствовать себя полным невеждой!

— Успокойтесь, это нормально, — неожиданно мягко произнесла Джелайна. — Видите, капитан, любой мой вопрос неизбежно тянет за собой следующий. Чтобы разобраться во всем основательно, нужно начинать издалека. Так же и с моими знаниями. Чтобы дать вам хотя бы общее представление о предмете вашего интереса, сперва пришлось бы объяснять самые основы. Сколько лет вы проучились в монастыре?

— Пять. Ну, со мной не все время занимались науками. Большею частью обучали военному делу.

— А мое образование заняло семнадцать лет, — тихо заметила Джелайна. — И все это время я занималась практически одной только учебой.

Бенвор оторопел.

— Ого! Да мне девятнадцать! Вы проучились целую жизнь! Когда же жить?

— Но меня же не запирали в монастыре, — усмехнулась она, но потом ее улыбка поблекла.

— Полагаю, вы самый образованный человек из всех, кого я знаю, — подумав, высказался Олквин.

— Нет, капитан, — совершенно серьезно возразила Джелайна. — Подозреваю, что в данный момент я самый образованный человек во всем вашем мире. Но я очень хочу вернуть

эту статистику к прежнему виду.

В дверь кто-то осторожно постучал.

— Господин капитан! — раздался голос Виланда. — Вы не спите?

— Входи, — отозвался Олквин. — Что случилось?

Виланд со свечой в руке шагнул вперед и уставился на идиллическую картину: раскрасневшийся инспектор и оправданная шпионка при свете камина сидели на кровати друг напротив друга, скрестив ноги, оба без обуви, а капитан еще и без мундира, и, судя по всему, вели задушевную и довольно эмоциональную беседу.

— Жарко как у вас... — растерянно заметил дежурный. Бенвор босиком спрыгнул на пол и загасил камин.

— Зачем пришел?

— Я это... одеяло наше хотел забрать, — пробормотал Виланд. — За полночь уже, милорд.

— Так вот почему у меня уже давно глаза слипаются, — понял Олквин.

— Это же ваша кровать, — вскочила Джелайна. — Я могу переночевать где угодно.

— Еще чего! — возмутился капитан. — Вы теперь моя гостья. Располагайтесь здесь, — он повернулся к Виланду: — К леди Анерстрим относиться с почтением. Передай это всем. И пусть мне приготовят ночлег в другом месте.

Дежурный оставил свечу и скрылся с одеялом под мышкой. Джелайна расправила второе и, покосившись на все еще раскаленный камин, расстегнула и стащила форменную куртку, оставшись в белой майке без рукавов. Бенвор скользнул невольным взглядом по ее тонким рукам и острым плечам с выступающими косточками. Просто не верилось, что этими паучьими лапками можно хоть как-то отбиться от нескольких солдат. А она отбивалась — только впятером и скрутили.

— Вы так легко это сняли... — показал он на куртку.

— Ну да, — согласилась Джелайна. — Это молния, — она показала, как именно работает замок. — Очень удобно.

— Молния, — повторил Олквин, ухмыльнувшись.

— А что смешного?

— Нет, ничего, — пробормотал он. — Не волнуйтесь, леди, теперь вас никто не посмеет тронуть.

Джелайна настороженно посмотрела на него исподлобья.

— Выходит, я и впрямь осталась нетронутой толпой солдат только благодаря неизвестным здесь застежкам?

— Я прошу прощения за них, — извиняющимся тоном сказал Бенвор. — В форте Локо почти нет женщин, так что пойманные шпионки — законное развлечение для всех желающих.

— Хорошо, что я не притащилась сюда в коротенькой юбочке для бразильского карнавала, — хмыкнула Джелайна. — Хоть за это спасибо Уокеру.

— Вы еще и благодарить его готовы, — неодобрительно покачал головой Олквин.

— Капитан, вы, кажется, собирались идти спать? Не то чтобы я вас выставляла, но у меня после вашего допроса горло болит.

— О, я и забыл, что вам пришлось говорить несколько часов подряд, — спохватился Бенвор. Натянув сапоги и набросив на плечи мундир, он шагнул к двери и остановился.

— Вы действительно можете исчезнуть ночью?

— Я не знаю, — ответила Джелайна. — Но очень надеюсь на это.

Олквин долго смотрел ей в глаза.

— Жаль, — тихо заметил он. — Если бы вы не спешили, могли бы погостить у нас. Я еще много всего хотел спросить.

— Проекции, в принципе, некуда спешить, но возврат теперь зависит не от меня.

— А вы еще придете сюда? — спросил Бенвор. — Вам ведь это совсем несложно.

— Я не уверена, смогу ли уйти, а вы уже предлагаете вернуться, — с упреком произнесла Джелайна.

— Вы правы. Доброй ночи, леди Анерстрим. Ну, и на всякий случай — прощайте.

— Прощайте, капитан Олквин.

Бенвору показалось, что ее глаза влажно блеснули. Уже выйдя, он снова вернулся.

— А вы оставите в памяти нашу встречу или сотрете?

— Я вас никогда не забуду, — с грустной улыбкой пообещала она.

* * *

Первое же, что сделал капитан, проснувшись утром — отправился проверить, на месте ли его удивительная гостья. Джелайна никуда не исчезла, и спокойно спала. Глядя на нее, Бенвор с облегчением почувствовал, как тревожная пустота внутри, возникшая сразу после пробуждения, рассеялась без следа. Тихонько выйдя, он подумал, что стоит начать записывать все, что ему хотелось спросить, чтобы потом ничего не упустить.

Позже Малейна позвала Джелайну завтракать. Гостья казалась невыспавшейся. На вежливый вопрос Олквина она объяснила:

— Долго не могла уснуть. Снова и снова теребила драйвер, и все думала — почему я здесь?

— Что-нибудь надумали?

— А как же! Например, что Чарли за неимением фотографий решил вживую показать мне, как он выглядел в молодости. Но тогда почему именно в это время? Меня ведь интересовало его детство, а не то, каким он был в ваши годы. Может, он просто не смог найти двойника-ребенка?

— А ему не проще было показать вам себя самого в детстве?

— Рейдеры не могут путешествовать по реальной спирали. Нет, это можно было бы сделать, но только обратившись за помощью к Патрулю Времени. А они, знаете ли, не катают туристов. К тому же, у Чарли довольно натянутые отношения с некоторыми патрульными. Да и встречаться с самим собой ему никак нельзя.

— Ваша жизнь — это что-то необыкновенное, — качая головой, восхищенно пробормотал Бенвор. — Вы рассуждаете о путешествиях во времени и иных мирах так же легко, как я — об объезде границ королевства.

Джелайна невесело улыбнулась.

— Каждому свое. А вот мне любопытно, почему двойник Чарли живет в средневековье? Может, наши эпохи все-таки одновременны? Хорошо бы так и оказалось. Тогда бы мне пришлось дожидаться синхронизации всего лет пятнадцать.

— Ничего себе — "всего"? — изумился Олквин. — А сколько же придется ждать, если эпохи не одновременны?

— Судя по первичным наблюдениям, в сравнении с реалом ваш мир сейчас находится примерно на уровне четырнадцатого-шестнадцатого веков, — ответила Джелайна. — Точнее сразу не скажу, потому что во всех утопиях существует так называемый люфт эволюции. Что-то развивается быстрее, что-то отстает, и везде по-разному. Отклонения в уровнях технологий порой имеют размах в целые столетия.

— А из какого века пришли вы? — заподозрив совсем уж неладное, спросил Бенвор.

— Из двадцать первого.

Олквин выронил вилку. Когда к нему вернулся дар речи, он выдавил:

— Но тогда это пятьсот-семьсот лет!

— Вот я и говорю, — грустно вздохнула Джелайна. — Лучше бы эпохи оказались одновременными.

Когда шок прошел, Бенвору стало мучительно жаль ее, обреченную на бессрочное ожидание.

— Леди, что я могу сделать для вас?

Она поджала губы.

— Капитан, у вас мало собственных проблем?

— Полным-полно, — согласился Олквин. — Но еще одного человека я как-нибудь прокормлю, не сомневайтесь. А потом строго-настрого завещаю заботу о вас своим потомкам.

Джелайна изумленно вытаращилась на него.

— Вы серьезно? Нет, от первоначальной поддержки я не отказываюсь, но перед вами вовсе не беспомощное дитя.

— Тем более. Через час я покидаю форт Локо и отправляюсь дальше на запад. По пути заеду в свой феодал и задержусь там на две недели, чтобы привести дела в порядок. Вы можете поехать со мной в Сентин, — Бенвор встал и нерешительно протянул ей руку. — Разумеется, вы можете остаться здесь и дожидаться своих, но...

— Еще чего! — вскопчила Джелайна. — Конечно, я еду с вами!

Глава 19

Гнедой жеребец недовольно всхрапывал, то и дело норовя перейти на рысь. Бенвор оглянулся на тяжело груженные телеги и вздохнул.

— Теперь всю дорогу придется еле-еле тащиться.

— Разве больше некому сопровождать обоз? — спросила едущая на муле Джелайна, поправляя слишком просторный ей плащ с чужого плеча. Он то и дело сползал назад, и завязки врезались в шею. На плаще настоял Олквин — переодеться в местное платье женщина отказалась, а облегающая рейдерская форма слишком бы притягивала внимание едущих позади солдат.

— Зачем специально снаряжать еще один отряд, если есть мой? — пожал плечами капитан. Впрочем, пока лошади ехали шагом, можно было скрасить путь разговором, чем Бенвор не преминул воспользоваться.

— Если я правильно понял, леди, вы предполагаете одновременность наших эпох, основываясь лишь на том, что встретили здесь двойника мужчины из вашего века, так?

— Вы на удивление верно все понимаете, капитан, — одобрительно кивнула Джелайна. — Признаться честно, я не надеялась даже на то, что здешние люди смогут

осилить хотя бы принятие самой возможности TS-перемещений. Но вы превзошли самые смелые мои ожидания. Я не перестаю восхищаться гибкостью вашего ума и тем, как легко вы схватываете совершенно новые для вас понятия.

— Да будет вам расточать мне похвалы, — смутился Бенвор. — Лучше ответьте на вопрос.

— А я на него уже ответила. Вы совершенно правы.

— Но разве двойники не могут рождаться в разных веках?

— Теоретически возможно все, но вероятность точного совпадения почти нулевая. Будь вы с Уокером всего лишь похожи внешне — запросто. Но вы с ним идентичны. Это означает, что у вас одинаковый хромосомный набор, — задумчиво произнесла она и, заметив, что Олквин уже приготовился задавать новые вопросы, быстро добавила: — То есть, ваши тела как бы построены из одних и тех же кирпичиков. Из этого следует, что и родители те же самые, и остальные предки.

— А так бывает?

— Да именно так обычно и бывает. Некоторые близкие утопии могут различаться лишь названиями, именами и мелкими событиями. А люди те же самые. Даже семьи, как правило, создаются такие же.

— Но вы же сами говорили, что между нашими мирами огромная разница, — напомнил Бенвор.

— Может отставать прогресс, но сохраняться точно та же смена поколений. Поверьте, это куда реальнее, чем случайное возникновение похожего генетического кода. А отыскать настолько точного двойника в далеком прошлом Уокер мог, только случайно на него наткнувшись, иначе никак.

— Да, слишком уж много тогда выходит случайностей, — усмехнулся Олквин. — Получается два вывода. Первый утешительный. Вам не придется ждать семьсот лет.

— О, это было бы замечательно, — улыбнулась Джелайна.

— Второй удручающий. Почему наш мир по сравнению с вашим так плохо развит?

— А вот об этом, капитан, — тихо ответила Джелайна, — спрашивать нужно не меня. Скажите, другие страны живут так же?

— Я не знаю. Я никогда не был в других странах.

— Но вы могли хотя бы слышать об этом, читать в книгах.

Бенвор тяжело вздохнул.

— Леди, сколько я себя помню, Хорверолл все время воюет. Торговля почти прекратилась, новости очень редки, налоги стали просто непомерными. И со временем, как мне кажется, становится все хуже. Последние года полтора у нас особенно тяжело. Да еще и засуха, будь она неладна...

— Странная у вас война, — хмыкнула Джелайна. — Шпионы, партизаны... А когда было последнее важное сражение?

— Год назад. Сейчас все больше мелкие стычки.

— Кому-то это очень выгодно, — подумав, произнесла женщина. — Расскажите-ка, кто с кем воюет.

— Я служу принцу Майрону, — начал Олквин. — Столица теперь находится в Норвунде — это тот самый город на севере, что вы видели с горы. А война идет с королем Альберонтом, резиденция которого — город Анклау на юго-востоке королевства. Анклау — бывшая столица Хорверолла.

— Воюющие стороны... они родственники?

— Майрон — племянник Альберонта.

— Из-за чего идет война? — поинтересовалась Джелайна.

— Из-за Хорверолла, разумеется. Майрон стремится снова объединить королевство, вернуть ему прежнюю силу и славу. А Альберонт желает захватить все земли, чтобы править ими самому.

— Я, конечно, человек посторонний и могу ошибаться, — осторожно заметила Джелайна, — но разве у короля не больше прав на трон, чем у принца? Тем более, что они оба хотят одного и того же.

— Не одного и того же! — с жаром возразил Бенвор. — Альберонт сам провозгласил себя королем и пригласил бангийских наемников, а скоро сюда прибудет и регулярная армия Рунгунда. Бангия сожрет наше ослабленное королевство!

— Бангия — это...

— Варварская страна на востоке, за морем.

— Как, море на востоке? — нахмурилась Джелайна. — А на западе?

— На западе тоже есть море, — подтвердил Олквин. — Но вы бы туда не добрались. Там Жомеросуин, и граница с ним тоже закрыта.

— Тоже воюете?

— Нет, не совсем. У Жомеросуина есть удобные гавани, но бангийские галеры теперь не дают ими пользоваться. Король Ленгосоу настаивает, чтобы Хорверолл изгнал бангийцев, тогда возобновится торговля.

— Да, с такой политикой прогресс идет трудно, — протянула Джелайна. — Но ведь можно решать проблемы дипломатическим путем. Если Альберонту хочется мирно занять трон, пусть бы он сам отказался от помощи Рунгунда. Да, Майрон в этом случае лишится большей части власти, но зато сохранит страну и людей. Разве не это главное?

— Это невозможно! — воскликнул Бенвор. — Королем должен быть Майрон! Он — сын и законный наследник короля Сейнона. Леди, вы здесь всего второй день, и считаете, что лучше знаете, кому что делать?

— Конечно, нет. Я просто по привычке предполагаю один из вариантов динамики. Успокойтесь. Я понимаю — принц ваш сюзерен.

— Да, именно принц! — отрезал Олквин. — Это он дал мне все, что я имею, и вы не вправе судить о нем!

— Речь идет не о вас и не о нем лично, а о взгляде со стороны с учетом того немногого, что вы мне рассказали, — пожала плечами Джелайна. — Но если вам кажется, что мне сложнее разобраться в ваших проблемах, чем вам в моих — хорошо, давайте говорить только обо мне.

Бенвор слегка устыдился своего резкого тона.

— Извините, леди. Мне просто никогда не приходилось обсуждать подобные вещи с дамами. Я раньше и подумать не мог, что они способны разбираться в чем-либо, кроме... — он запнулся.

— Продолжайте, капитан, — насмешливо подхватила Джелайна. — Кроме кухни, детей, тряпок... Верно?

— До встречи с вами, — тихо произнес Олквин, — я примерно так и думал.

Джелайна усмехнулась.

— Ваш двойник в юности тоже считал, что женщины не годятся ни на что серьезное.

Вот и думай после этого — обходится ли формирование личности одними только хромосомами?

Оба умолкли, думая каждый о своем.

— А у вас есть двойники? — наконец, спросил Бенвор.

— Да, конечно. Но меня они никогда не интересовали.

— Я бы на вашем месте не удержался и навестил парочку, — хмыкнул Олквин.

— И что бы это мне дало? Узнать, как бы я могла жить, если бы сделала что-нибудь по-другому? А смысл?

— Можно было бы изучить свои возможные ошибки, чтобы не допускать их впредь.

— Вы сейчас говорите, как самый настоящий рейдер, — рассмеялась Джелайна. — Ковырять чужие судьбы на предмет улучшения собственной жизни — это самое то.

— А что? — вполне серьезно заметил капитан. — Я бы не отказался попробовать.

Джелайна искоса взглянула на него.

— Похоже, двойники действительно могут иметь общие склонности.

— До вашего появления я и не подозревал, что подобное вообще возможно, — принялся увлеченно рассуждать Олквин. — А теперь мне любопытно. Я бы хотел увидеть других своих двойников. Может, хоть кому-то из них живется спокойно и мирно.

— А я не хочу. Сомневаюсь, что хотя бы одна из них счастлива.

— Разве вы несчастны? — удивился Бенвор.

— Не знаю, — задумчиво ответила она. — Скорее нет, чем да. У меня замечательная, интереснейшая работа. Кто знает, нашла ли другая Джелайна в своем мире TSR, точнее, нашли ли они ее? Может, так и прозябает где-нибудь на скучной службе, занимаясь нужным, но неинтересным делом.

— А как же Чарльз Уокер? — напомнил Бенвор, все больше хмурясь. — Разве его любовь не делает вас счастливее? Почему только работа?

— Любовь... — угрюмо буркнула Джелайна. — С чего вы взяли, что это любовь?

— Мне так показалось. Разве нет?

— Вы что, любили всех женщин, с кем делили постель?

— Нет, конечно. Просто так говорят... А вообще-то, не знаю, — растерялся Олквин. — Я, наверное, еще никогда никого не любил.

— Раз сомневаетесь, то наверняка нет, — заявила она. — Иначе вы бы знали об этом.

— Тогда точно не любил, — уверенно кивнул Бенвор. — Ведь настоящую любовь можно как-то распознать?

— Ну, уж не заметить вы ее точно не сможете, — проговорила Джелайна. — Однажды почувствуете, что просто не можете жить без одной-единственной, неповторимой и незаменимой. Вростете в нее всеми нервами, будете страдать, когда ей плохо и ликовать, когда она улыбается. Захочется всегда быть рядом, защитить ее от любого врага, уберечь от любой беды... — она умолкла, переводя дыхание.

— Я понял. Любовь — это тяжело, — сделал вывод Олквин.

— Да? — удивилась Джелайна. — Почему вы так решили? Любовь — это дар, а вовсе не бремя.

— Как вам сказать... Зачем мне жить еще и чужой жизнью? Каждому свой крест, как говорит отец Паритэн.

— Вот те на, — усмехнулась женщина. — Впервые встречаю подобную трактовку. Ребячество какое-то...

— Вы забываетесь, леди! — воскликнул Олквин, уязвленный ее тоном.

— Приношу вам свои извинения, уважаемый капитан, — иронично отозвалась она. — Но поверьте, придет день — я очень надеюсь, что такой день у вас настанет — и вы еще сами посмеетесь над собственными словами.

— Не думаю, — холодно возразил Бенвор. — Мне и без того приходится тащить немалый груз забот. Видимо, в вашем мире нет нужды непрестанно сражаться за спокойную жизнь, и ложась спать, всегда точно знаешь, что до самого утра тебя не поднимут по тревоге. И не мыслишь о том, как выкроить лишний час на то, чтобы разобраться с текущими делами, которые все прибывают, — все больше распалялся он. — Возможно, там у людей остаются время и силы на такую любовь. Наверное, у вас было много свободного времени, леди, раз вы столько внимания уделяли душевным переживаниям. Я такой роскошью не располагаю.

— В точку, — с легкой усмешкой согласилась Джелайна, похоже, ничуть не пристыженная его справедливой отповедью. — И все же вы тратите свое драгоценное время на меня, и тратите много, неоправданно много. Вы сами начинаете все эти разговоры, требуете подробностей. Но если вас так раздражает мое мнение, зачем оно вам?

Олквин насупился и ненадолго умолк.

— Я прекрасно понимаю, — наконец, медленно произнес он, — что мой мир и на тысячную долю не любопытен вам так же, как мне ваш. Вы привыкли к иным мирам, перебираете их, как книги на полке, выбирая, какую открыть. Я для вас — всего лишь страница книги, — он помолчал и с грустной усмешкой добавил: — Наверное, странно осознавать, что странице тоже может быть интересен тот, кто ее читает?

— Это не так, — мягко возразила Джелайна. — Я охотно верю, что кажусь вам чем-то удивительным, вроде инопланетянина.

— Кого? — озадаченно пробормотал Бенвор.

— О... — отмахнулась она. — Неважно, забудьте. И весь этот бред про настоящую любовь — тоже. Вообще, не понимаю, с чего это я продолжаю с вами откровенничать? Мы ведь совсем чужие, а я все время забываю об этом.

Пару минут они ехали в молчании, затем капитан произнес:

— Интересно, каково это — уходить на месяцы, отсутствуя секунды? Мне кажется, я начинаю завидовать вам.

— Завидовать?! — удивилась Джелайна. Олквин смотрел перед собой, страдальчески наморщив лоб.

— Иногда мне так хочется... просто отдохнуть. Просто отыскать немного времени только для себя, и чтобы ни о чем не думать. Взять и исчезнуть для всех на пару секунд, а самому в это время умчаться на целый год далеко-далеко...

Бенвор неожиданно пришпорил коня и пустил его в галоп. Джелайна растерянно оглянулась на еле плетущийся обоз — и тоже хлестнула мула, устремившись вслед за капитаном. Через несколько минут она нагнала коня без седока. Тот переминался, отдыхая, в стороне от дороги, у водопоя. Женщина спешила, беспокойно хмурясь, подбежала к Олквину и вздохнула с облегчением, увидев его склонившимся над журчащим ручьем.

— Черт, вы меня напугали... — пробормотала она.

Капитан резко выпрямился, отбрасывая назад намокшие волосы. На его разгоряченном лице блестели капли воды.

— Леди из будущего, научите меня уходить в другие миры! — умоляюще воскликнул Бенвор.

— Да как же я научу вас? — оторопела Джелайна. — Это же не верховая езда. Я и сама-то вернуться не могу.

Задор Олквина тут же угас. Юноша ссутулился и опустился на мягкую траву у ручья.

— Так хочется пожить годик-другой, отдохнув от войны... — мечтательно признался он. — Я бы прочел книги, что давно отложены и запылились, изучил бы науки, для которых у меня не хватает ни времени, ни сил. Мне так нравилось учиться! — Бенвор помрачнел. — Увы, когда умер отец, меня забрали из монастыря, и все кончилось. Старший брат Ланайон принял титул барона и все связанные с этим обязанности при дворе принца. А меня отдали на военную службу, ведь я младший.

— Сколько вам было лет? — тихо спросила Джелайна, садясь рядом.

— Двенадцать.

— О...

— На постоянной войне карьеру в армии делают быстро. Я получил феодал, дослужился до капитана, стал инспектором пограничных гарнизонов, — с оттенком гордости перечислил Олквин. — Но мне по-прежнему хочется вернуться к наукам, ведь я так многого не успел.

— У вас еще все впереди, — успокаивающе произнесла Джелайна. — Война ведь не длится вечно.

— Сейчас активных боевых действий нет, только бесконечные беспорядки на границах, — ответил Бенвор, срывая травинку. — У меня есть всего две недели на то, чтобы привести в порядок дела в Сентине. Потом опять на службу.

Он помолчал, задумчиво наматывая травинку на палец.

— Сентин — тихий городок, окруженный пятью деревеньками. Надеюсь, вам там понравится.

Джелайна поднялась и стала нервно озираться.

— Может, нам лучше вернуться к обозу? Когда они еще нас догонят...

— Что-то случилось? — тоже оглянулся по сторонам Бенвор. Джелайна тревожно прикусила губу.

— Вы, наверное, будете смеяться, но... меня уже давно одолевает нехорошее предчувствие. Началось еще до того, как вы пустились вскачь.

Олквин пристально посмотрел женщине в глаза, невольно заразившись ее тревогой.

— Знаете, — пробормотал он. — После всего, рассказанного вами, наверное, не буду.

Вставая, капитан на всякий случай выхватил меч. И не зря. Стоило им отойти от ручья, как из леса показались шестеро вооруженных мужчин. Бенвор видел их впервые, но сразу заподозрил в них тех самых разбойников, на которых жаловался Микас. Обнаружив свое присутствие, бандиты тотчас отрезали все пути отступления к дороге. Похоже, живыми им нужны были только лошади.

— Капитан, у вас есть еще оружие? — быстро спросила Джелайна.

Олквин с досадой кивнул в сторону пасущегося у дороги коня.

— К седлу приторочена гизарма.

— Нож есть?

— Он тоже в седельной суме, — Бенвор отстранил женщину к большому дереву и быстро произнес: — Держитесь позади меня. Только, ради всего святого, не так близко, чтобы я не зацепил вас мечом.

Тем временем двое разбойников пошли в пробную атаку. Олквин легко отбил их первые

удары, но сразу понял, что они в этом деле отнюдь не новички. Вдруг Джелайна отскочила куда-то в сторону. Разбойники так и замерли, наострившись туда же, точно почуявшие добычу хищники.

— Да это баба! — с радостным удивлением воскликнул один из них.

— Леди, вернитесь сюда! — взмолился Бенвор. — С ума сошли?!

Двое нападающих снова отвлекли его. Остальные четверо бросились ловить Джелайну. Привычные к подобной «охоте», бандиты ловко окружили женщину и загнали ее в ловушку на поляну, опоясанную плотным кольцом молодых деревцев, прорваться сквозь которые без топора было просто невозможно. Капитан отчаянно отбивался от своих противников, расторопных и сильных. Их легкие, чуть изогнутые сабли в рукопашной схватке на скорость были гораздо сподручнее прямого меча Олквины. Капитан был отменным фехтовальщиком, но каждую секунду отвлекался на происходящее за его спиной. Бандиты пользовались этим и теснили его все сильнее, не давая развернуться. Бенвор все больше нервничал оттого, что никак не мог отцепиться от врагов и прийти на помощь Джелайне. Но он заставлял себя не поддаваться нетерпению, так как это было бы верной гибелью. Изловчившись, капитан провел свой коронный «хитрый» выпад и дотянулся-таки до одного противника. Фуфайка бандита тут же пропиталась кровью. Второй налетел следом, и сам едва не напоролся на меч. Тут Олквин понял, что негодяи тоже стали отвлекаться, торопясь поскорее убить его и присоединиться к остальным насильникам. Капитан выругался сквозь зубы. Да, Джелайна, конечно же, помогла ему, отвлекая внимание четверых бандитов, но как теперь успеть помочь ей самой?

Раненый противник отстал, и это дало Бенвору возможность переместиться ближе к поляне. Оказывается, Джелайна все еще ухитрялась держаться на расстоянии от преследователей, проворно петляя среди кустов. Но вот один из разбойников, растопырив руки, далеко прыгнул и поймал женщину за край плаща. Та рванулась и попала в завязки накидки, как в петлю. Остальные бандиты тут же бросились к ней.

Но тут разбойник, что едва не удушил Джелайну, откинулся назад с расквашенным лицом, сжимая в руках скомканный плащ. А высвободившаяся из накидки женщина метнулась через поляну, на ходу выломала тонкий сухой ствол орешника, хлестнула им о дерево, обламывая ветки, и развернулась на месте, держа перед собой импровизированное оружие. Ближайший бандит уже был рядом, и Джелайна пырнула его палкой в лицо. Тот схватился за пострадавший глаз, а женщина выхватила из ножен негодяя его саблю и одним ударом вспорола живот подоспевшему второму. Третий отпрянул сам, увидев перед собой не перепуганную, растрепанную дамочку в копне юбок, а стриженую фурию в диковинном черном облачении, больше смахивающую на двуногую пантеру. Молниеносный взмах — и разбойник оросил траву кровью, падая с рассеченным горлом.

Все это произошло за каких-то десять секунд. За это время противники Бенвора успели оглянуться, опомниться и, осознав, что потехи не будет, а будет нешуточная битва, набросились на капитана с удвоенной энергией. Но Олквин тоже разобрался, что его спутнице вовсе не требуется срочная помощь, и теперь взялся за них как следует.

Разбойник с раненым глазом поднял саблю одного из убитых. Рядом с ним встал второй, рукавом вытирая кровь с разбитого лица. Элемент внезапности позволил Джелайне быстро расправиться с первыми бандитами, не ожидавшими такой прыти от только что убегающей женщины. Но эти двое были уже начеку и готовы к бою, а Джелайна пока вряд ли могла рассчитывать только на навыки, сражаясь слабыми руками неокрепшей двухдневной

проекции.

Перестав отвлекаться, Бенвор начал полновесную атаку. Теперь его противникам приходилось нелегко. Отражая удары тяжелого меча легкими саблями, разбойники все сильнее разбивали себе руки. Да и проворства у них поубавилось — обыкновение всегда нападать целой ватагой на одиночек подвело бандитов, давно отвыкших от долгих схваток. А вот Олквин казался выкованным из железа, и меч смотрелся продолжением его неутомимой руки. Могучим ударом Бенвор рассек одного негодяя от ключицы до середины груди, выдернул меч и ловким замахом отрубил другому руку с саблей. Добив его, капитан заторопился на помощь даме. Та, надо сказать, неплохо справлялась сама, но таким манером, что Олквину стало не по себе. То ли по глупости, то ли из своих, незнакомых капитану требований техники боя, но она выбирала самые опасные положения и, очертя голову, бросалась в близкий контакт. Вместо того, чтобы снова отбежать в сторону и разобраться с тем, кто догонит первым, Джелайна кувыркнулась под ноги одному из бандитов. Тот потерял равновесие, и его сабля воткнулась в землю. Он успел еще взмахнуть руками, пытаясь устоять, но в следующее мгновение уже согнулся и повалился, стискивая рукой пронзивший его клинок. Оставшийся в живых одноглазый разбойник размахнулся и рубанул по горлу безоружной женщины... а точнее, по тому месту, где ее шея находилась всего мгновение назад. Увлекаемый вперед инерцией собственного удара, он чуть наклонился, и тотчас же Джелайна твердым носком ботинка выбила бандиту колено, не вставая с земли, извернулась и еще одним ударом ноги сломала ему нос. Разбойник опрокинулся назад, но почти сразу встал и, волоча ногу, подскочил к одному труп. Выхватив что-то из сапога убитого, он развернулся, замахнулся... И тут его настиг меч подоспевшего капитана.

* * *

Переводя дыхание и потирая растянутую мышцу, Джелайна наблюдала, как Бенвор методично обыскивает окровавленные трупы. Он заглянул в карманы, забрал глухо звякнувший кошелек и снял с перерезанной шеи разбойника шнурок с серебряной подвеской.

— Мародерствуете? — устало спросила женщина.

— Забираю трофеи, — безо всякого выражения отозвался капитан. — Не я, так другие подберут. Какая разница?

— Вы правы. Я просто привыкла ничего не брать — в утопиях это бессмысленно.

Высвободив из мертвой руки бандита тонкий кинжал, Бенвор протянул его Джелайне.

— Он предназначался вам, так возьмите. Полагаю, вы умеете с этим обращаться?

Женщина кивнула.

— Благодарю вас, капитан Олквин. Вы спасли мне жизнь.

— Не стоит, леди Анерстрим, — так же церемонно расшаркался Бенвор. — Я лишь избавил мерзавца от позора остаться избитым дамой.

Джелайна покачала головой.

— Вы успели вовремя. Он бы точно не промахнулся, даже с одним глазом.

Олквин снова бросил взгляд на порубленных ею бандитов.

— А эти, позарившись на легкую добычу, немного просчитались, — с усмешкой заметил он.

— О да, самую малость, — саркастически отозвалась его спутница.

Олквин вытащил из-за сапога разбойника украшенные кисточками ножны. Женщина повертела клинок, проверила, как он ложится в руку и удовлетворенно хмыкнула. Когда Бенвор обнаружил еще один такой же кинжал, Джелайна поставила ногу на грудь убитому и стала что-то делать со своими брюками. Она шелестела какими-то замочками на бедре, стягивала тонкие ремешки, соединяла застёжки... Закончив, она вложила ножны с кинжалом в получившийся набедренный карман. Те же манипуляции были произведены с другой штаниной.

— Интересные приспособления, — заметил капитан.

— Болтаются немного, — посоветовала Джелайна, слегка попрыгав на месте. — Они предназначены для кобуры пистолета, а ножны гораздо тоньше. Но сильнее уже не затягивается, нужно перешивать.

— Сдается мне, при всей кажущейся простоте вашего наряда, в нем кроется еще немало сюрпризов, — задумчиво произнес Бенвор, снова невольно оглядывая по-кошачьи гибкую черную фигуру, теперь не скрываемую просторным плащом. Женщина бросила на капитана быстрый взгляд исподлобья, еле заметно улыбнулась и чуть иронично спросила:

— Что это вы там высматриваете — остальные сюрпризы?

Олквин поспешно отвел глаза и с подчеркнутым усердием принялся вытирать меч об одежду одного из убитых. Пауза затянулась, и капитан, не выдержав, поднял голову. Джелайна увлеченно разглядывала его лицо, и ее прозрачные глаза ярко блестели. Бенвора охватила знакомая досада.

— Вы опять сравнили меня с двойником? — резко спросил он. — Я прав?

Джелайна нехотя кивнула.

— Ну, и как? Что скажете? Кто из нас лучше сражается?

— Перестаньте, — поморщилась она. — Это не имеет значения.

— Для меня имеет, — упрямо набычился Бенвор. Джелайна покачала головой.

— Конечно же, вы ему не соперник. Не в обиду вам, поверьте. Это попросту несопоставимо. Вам еще нет и двадцати лет. А он накапливал навыки более шестисот.

Капитан почувствовал совершенно неуместное разочарование. А чего он, собственно, ждал?

— Я повторяю — здесь это не имеет значения, — продолжала женщина. — Сегодня вы снова спасли мне жизнь.

— Снова?

— А где бы я была сейчас, не окажись вас в форте Локо? Гнила бы с крысами?

— Да, пожалуй, так, — хмуро согласился Бенвор. — Вас допрашивали бы, не веря ни единому слову. Танбик доверяет редкие снадобья только мне. Заточили бы в камере до выяснения всех обстоятельств, заковали бы в кандалы и перевезли в Норвунд, судить.

— И там бы я загнулась под пытками, — сделала вывод Джелайна.

— Скорее всего.

— Ну вот, — усмехнулась женщина и кивнула на тела разбойников. — Правда, надо было слушать Билла и еще больше тренироваться в реале. Жаль, что я не занялась собой как следует пораньше. Приди я в ваш мир уже подготовленной — и еще неизвестно, кто кому помогал бы сейчас добивать этих мерзавцев.

Подобрав все оружие, они поехали назад, навстречу обозу. Олквин чуть задержался, проверяя дорогу, но потом догнал Джелайну. Край ее плаща завернулся назад, открывая

затянутую черной тканью ногу. Снова покосившись на уютно устроившийся на бедре кинжал, капитан машинально потянулся поправить накидку и недовольно заметил:

— И все-таки вам не следовало ввязываться в сражение, раз вы к этому пока не готовы.

— Ну, простите, я не удержалась, — хмыкнула она. — Тоже привычка, знаете ли.

— Не язвите, леди. Я прощаю вас потому, что вы, очевидно, до сих пор воспринимаете меня, как Уокера. Может, я и хуже сражаюсь, но мне не нужен телохранитель-женщина.

— А вы не воспринимайте меня, как женщину, — посоветовала Джелайна. — Все сразу станет намного проще. Кроме владения оружием, я больше ничего не умею делать из того, что нужно в эту эпоху. Точнее, ничего из того, чем можно было бы заняться профессионально, ведь я не собираюсь пятнадцать лет сидеть на вашей шее.

— Вы не правы, — возразил Бенвор. — Меня, например, гораздо больше интересуют ваши знания.

— Большая часть моих знаний в реалиях этого мира не имеет никакой практической пользы.

Олквин рассмеялся.

— Леди, вы ведь однажды уже давали представления. За одну лишь хорошую, интересную историю в любой деревне охотно предоставят сытный ужин и ночлег. Вы можете получить охранную грамоту и путешествовать по королевству, рассказывая рейдерские байки и чем-нибудь приторговывая. А если скрасить занятной сказкой долгий зимний вечер скучающего феодала, то можно и этим денег заработать.

— Ну, для этого мне и рабочие байки не нужны, — фыркнула Джелайна. — Сойдет и любая прочитанная мною художественная книга.

— А вы говорите — никакой пользы, — улыбнулся Бенвор, и тотчас же посерьезнел. — Только я не собираюсь отпускать вас гулять по дорогам. Вот закончится война, наладится порядок — тогда посмотрим. А пока будете делиться знаниями со мной. У меня еще столько вопросов!

Глава 20

Густой лес начал редеть, на свежих вырубках топорщились корнями вверх выкорчеванные пни. Олквин то и дело выезжал вперед, оставляя обоз далеко позади. Даже лошади, тянувшие груженные телеги, почувствовали близость жилья и стали прибавлять шаг.

Лес кончился внезапно. Дорога сворачивала в маленькую деревню. Когда показались первые дома, тут же, словно из-под земли, стали появляться люди. Издерганные войной жители приграничных земель, привыкшие прятаться от чужаков, узнали своего феодала и теперь торопились навстречу. Крестьяне выбегали к дороге, останавливались и кланялись. На некоторых лицах ясно читалась искренняя радость. Бенвор остановился, поджидая обоз, и перекинулся парой слов со старостой деревни. Потом вся процессия двинулась дальше. Дорога тянулась через поля, к возвышающемуся на далеком холме городищу с деревянными стенами. Теперь и остальные всадники опередили обоз и догнали Олквина.

— Похоже, жители рады вашему приезду, капитан, — немного удивленно заметила Джелайна.

— Конечно, рады, — пожал плечами Бенвор. — По крайней мере, пока я с отрядом здесь, им нечего бояться.

— Милорд, а вы сказали старосте, что задержитесь на две недели? — спросил один из

солдат, с седыми висками и шрамом на лице. Олквин кивнул, и тот ухмыльнулся: — Интересно, успеет ли кто-нибудь сыграть свадьбу?

— Свадьбу? — переспросила Джелайна, и нахмурилась: — У вас крестьяне не могут жениться без разрешения господина?

— Ну что вы, миледи, — широко улыбнувшись, ответил солдат. — Отец Паритэн венчает всех в любое время. Просто у нас тут теперь все не как у людей...

Олквин фыркнул, пряча усмешку.

— Нэмрик, не докучай леди Анерстрим.

— Вовсе нет, — тут же возразила Джелайна. — Продолжайте, прошу вас.

— Вы, наверное, нездешняя? — прищурился солдат. — Обычаев не знаете... Иноземка?

— Да, — кивнула женщина. — Верно, иноземка.

— Из Бангии? — насторожился Нэмрик.

— Нет, не из Бангии, — подумав немного, Джелайна добавила: — Из Англии.

— Во как! — изумился солдат. Олквин чуть отстал, поравнялся с женщиной и тихо спросил:

— А где находится Англия?

— Вообще-то, мы по ней и едем, — хмыкнула Джелайна. Бенвор резко натянул поводья и остановился. Женщина тоже развернула мула. Теперь их никто не слышал — солдаты уехали вперед, обоз тащился позади.

— Англия? — оживленно переспросил Олквин. Жеребец под ним нетерпеливо гарцевал на месте.

— Да, — кивнула женщина. — Именно так ваша страна называется в моем мире.

— А как вы поняли, куда именно попали?

— Ну, уж Англия-то узнаваема в любой утопии. У нас даже языки немного похожи.

— Стало быть, в своем мире вы тоже живете в этом королевстве?

— Нет, моя родина далеко отсюда, за огромным океаном. Просто я бывала здесь и в реале, и много раз в утопиях.

Джелайна развернулась и двинулась к городу. Бенвор, задумавшись, ехал следом.

— Значит, за океаном действительно есть еще земли? — наконец, спросил он.

— Конечно, — ответила женщина. — Мир огромен. Шесть континентов, четыре океана... У вас тут знают о том, что Земля круглая? По идее, пора бы.

Олквин снова остановился.

— Шесть континентов... — потрясенно повторил он. — Четыре океана...

— О-о, кажется, не знают, — пробормотала женщина себе под нос. — Ну и дела.

— Нет, я знаю, что Земля круглая, — справившись с удивлением, заявил капитан. — Только... раз она такая большая, то на чем же все это помещается?

Теперь Джелайна пару секунд растерянно хлопала глазами. Потом прикусила губу и отвернулась, но спрятать насмешливую улыбку ей не удалось. Бенвор почувствовал себя задетым.

— Я что, сказал глупость? — поморщился он.

— Вовсе нет, — возразила женщина. — Вы заблуждаетесь в соответствии со своей эпохой. Что-то у меня все больше сомнений относительно точки отсчета.

— Расскажите-ка мне все по порядку, — загорелся Олквин. — Как устроен мир? Вы ведь знаете это точно, да?

Джелайна снова посмотрела в сторону городка, потом оглянулась на догоняющий их

обоз.

— Хотите лекцию по географии и астрономии прямо посреди поля? Я понимаю, что все это очень интересно, но... вы что, уже не торопитесь?

— Черт, правда, — Бенвор тронул поводья, и жеребец послушно двинулся с места. — Леди, я с вами уже в третий раз забываю обо всем на свете! Но мы очень скоро вернемся к этому разговору. У меня теперь еще больше вопросов!

* * *

Три кольцевые улочки, восемь радиальных, расходящихся лучами от двухэтажного каменного дома в центре, да деревянные стены окруженной заросшим, полузасыпанным рвом крепости — вот и весь крошечный городок Сентин. Олквину доводилось бывать здесь гораздо реже, чем следовало бы — служба требовала постоянного присутствия капитана в разных местах страны, и большую часть времени он проводил в бесконечных разъездах по гарнизонам.

В доме он познакомил Джелайну со стареньким управляющим Платуссом и экономкой Даиной. Бенвор представил им леди Анерстрим как путешествующую иноземку, потерпевшую кораблекрушение и едва не попавшуюся разбойникам, которая написала домой письмо, и теперь будет гостить в Сентине, ожидая, когда кто-нибудь из родных приедет за ней.

— Ах, миледи, — всплеснула руками Даина. — Эти негодяи совались и в наши деревни. Они могли убить вас!

— К счастью, им не удалось причинить мне вред, — кротко опустил глаза, улыбнулась Джелайна. — Капитан Олквин подоспел как раз вовремя, и спас меня. Теперь я у него в неоплатном долгу.

Бенвор велел Даине приготовить комнату для гостыи, и когда экономка удалилась, тихо сказал Джелайне:

— Вы пробуете занятную роль, леди. Даже я на какую-то секунду поверил, что вы — утонченная барышня.

— А вы думаете, мне слабо? — ухмыльнулась она. — Если не ошибаюсь, такой образ привлечет гораздо меньше внимания, чем если бы я стала разгуливать по городу с саблей наперевес.

— Несомненно, — согласился Олквин. — Но утонченная барышня вряд ли станет путешествовать по воюющим королевствам, тем более в одиночку. Оставайтесь самой собой, только не демонстрируйте вольностей своей эпохи. Вас ведь, кажется, учили этому — не вызывать подозрений, выглядеть местной в любом мире? Когда люди привыкнут к вам, сможете вести себя как угодно.

Джелайна лукаво прищурилась.

— Вы сейчас поучаете меня, прямо как Чарли. Даже интонации те же самые, один в один. Обалдеть!

На этот раз сравнение с двойником позабавило Бенвора.

— А может, я тоже вхожу в роль! — подбоченившись, заявил он, и был вознагражден веселым смехом.

— Путешествующая иноземка... Скажите, капитан, а вы сами поверили бы такой

легенде?

— Не знаю. Нынешний Хорверолл — не то место, где стоит путешествовать. Но это выглядит намного убедительнее, чем потерявшийся в лесах торговый караван.

— Но откуда же мне было знать, что у вас нет торговли? Честно говоря, мне впервые попался такой мир. Это ненормально, торговля необходима. Как вы вообще живете без нее?

— Торговли нет только с другими королевствами. Соседние феоды обмениваются товарами. Вы же видели, в обозе одна телега была нагружена черной рудой. Назад им погонят стадо коров и овец.

— За одну-единственную телегу бедной руды? — спросила Джелайна.

— Железо дорого, леди. Ближайший рудник за сто тридцать миль отсюда, и тот уже истощен.

Женщина задумалась, и Олквину показалось, что ее веки стали странно вздрагивать.

— Что-то я не припомню, чтобы хоть одна из Англий страдала от нехватки железа, — наконец, произнесла она. — В вашей утопии все как-то неясно. А сколько всего железных рудников в Хорверолле?

— Три. Но остальные два еще дальше, на севере.

— Всего три?! Да быть того не может! На этом острове много месторождений. Помнится, в одной из утопий...

— На каком острове? — удивленно перебил Олквин.

— На этом, — само собой разумеющимся тоном ответила Джелайна, и тут же нахмурилась: — Может, вы еще не знаете и того, что живете на острове?

Бенвор не сомневался, что еще услышит от своей гостьи много нового — о далеких мирах, невероятных приспособлениях и прочих удивительных вещах. Но такого он даже предположить не мог. Удивительное открывалось рядом, под ногами.

— Какой же это остров? — пробормотал он. — Вы, наверное, путаете, леди. Остров — это что-то маленькое, три королевства на нем бы не поместились.

— Сдается мне, капитан, — тихо заметила Джелайна, — кое-что об этой стране мне известно куда больше вас.

* * *

Теперь дни Олквина были заполнены под завязку. Еще затемно он отправлялся на объезд деревень, уделяя особое внимание тем, что располагались у самой границы. Из-за периодических набегов крестьяне боялись выходить в поле, урожай погибал, и жителям окраины грозила голодная зима. Сейчас, пока капитан был в Сентине, люди побросали прочие дела и все до единого, даже дети, вышли на поля. Присутствие лорда обеспечивало им защиту от любых нападений. К сожалению, у Олквина не было возможности содержать в своем феоде постоянный гарнизон — Сентину это было не по средствам.

Джелайну Бенвор видел только мельком. Первые дни она почти все время проводила рядом с Даиной, охотно посвящавшей «иноземку» во все подробности местной жизни. Капитан догадывался, что у гостьи тоже уже накопилось много вопросов, и подозревал, что отвечать на некоторые из них будет нелегко и неприятно. Рейдерскую форму Джелайна сразу же сменила на простое местное платье и чепец, и теперь Бенвор с трудом узнавал ее среди прочих жителей. Изредка встречая ее в городке, Олквин замечал, как она разглядывает

изделия в ремесленных мастерских и беседует с людьми. Сентинцы поначалу немного настороженно относились к любопытству приезжей дамы, отвечали неохотно и немногословно. Осмотрев городок, Джелайна хотела обследовать окрестности, но ее не выпустили за ворота. Это было сделано по распоряжению Бенвора, который рассудил, что ей незачем искать себе неприятностей, прогуливаясь в одиночку. Он сказал ей об этом прямо, и уже приготовился отстаивать свою точку зрения, но гостья проявила неожиданное понимание. Несмотря на вспыльчивость и задиристость при их неудачном знакомстве, в жизни Джелайна оказалась совсем другой — уравновешенной и покладистой. Она старалась не привлекать к себе излишнего внимания, и первоначальные опасения Олквина вскоре рассеялись. Похоже, пришелица из другого мира смирилась с тем, что в ближайшее время ей не вернуться, и начала осваиваться со своим новым положением. Вынужденное безделье на правах благородной гостьи явно тяготило ее. Она пыталась помогать Даине по хозяйству, но та категорически отказывалась нагружать работой "знатную госпожу". Тогда Джелайна напросилась в объезд с капитаном. Целый день она, не говоря ни слова, незаметной тенью следовала за ним и внимательно наблюдала, как Олквин проверяет границу и деревни, решает давние тяжбы, рассматривает жалобы и прочее... А вечером Платусс принялся сетовать на огромный налог, опись для которого прислали еще месяц назад. На днях ожидался визит сборщика, и управляющий уговаривал капитана задержаться до его приезда, чтобы хоть немного оспорить непомерные поборы.

— Платусс, я почти не разбираюсь в этом, — устало отказался Бенвор. — Ты-то занимался подобными расчетами много лет, а я только третий год владею собственными землями.

— При вашем отце все было по-другому, — проворчал Платусс. — Господин барон всегда договаривался со сборщиками сам. А я что могу сделать? Их и лорд-то не всякий переспорит.

— Мой отец не нес военной службы, — возразил Олквин. — У него было на это время. Но он так и не успел обучить всему этому меня.

Управляющий вздохнул и стал снова собирать разложенные пергаменты. Сидевшая в сторонке Джелайна поднялась и подошла к столу.

— Простите, что вмешиваюсь не в свое дело, капитан, — тихо произнесла она. — Я наблюдала достаточно, чтобы понять здешнее устройство, но не могу понять одного. Вы служите принцу, и одновременно платите в его казну налоги со своих владений, верно?

— Верно, — кивнул Бенвор.

— Но разве военная служба уже сама по себе не является вашей данью сюзерену? Конечно, я могу ошибаться, но обычно, как мне кажется, бывает что-то одно — либо служба, либо налог.

— Вот-вот, — буркнул Платусс. — Миледи хоть и иноземка, а тоже знает законы. При короле Сейноне только налог платили или служили. А теперь тянут все сразу. И владельца земель видим здесь редко, и обирают чуть ли не до последнего зернышка...

— Хватит, Платусс, — оборвал его Олквин. — Я уже слышал это много раз. Да, с феода берут налог, но я ведь тоже получаю офицерское жалованье.

— Но раньше такого не было? — быстро спросила Джелайна. Управляющий оживился, встретив нежданного единомышленника.

— Не было, миледи, — твердо заявил он. — Старый господин барон, упокой господи его душу, всегда платил налог со своих земель, это верно. И молодой барон, господин

Ланайон, теперь тоже платит налог. А вот господин Тейвен, брат старого барона, нес военную службу, поэтому налог с феода не платил, а излишками торговал для себя. Все было правильно и все жили хорошо, — Платусс перевел дыхание и торопливо заговорил, словно боясь не успеть высказаться: — Эта война, будь она неладна... Милорду отдали Сентин, я переехал сюда с ним, а Даина еще при старых хозяевах здесь работала. У этих земель хозяева все время меняются, Сентин отдают за службу, а молодые господа так и гибнут на войне. Теперь вот милорду достался... И налог по-прежнему заставляют платить, а откуда столько взять, если урожай, считай, вытоптан после набегов, и крестьяне в поле боятся выходить. Восьмой год здесь уж так, а последние две зимы люди совсем голодают. Милорду разобраться некогда, мы его и не видим почти, а сборщик приезжает и отбирает последнее. И так гладко у него выходит, как по писанному. Я-то стар уже, считаю медленно, и угнаться за ним не могу.

— Платусс, даже если я и дождусь сборщика, что толку? — покачал головой Бенвор. — Я считаю еще хуже тебя. Попробуй-ка, разберись в его записях.

— Вот и я третий год уж говорю, — подхватил управляющий, обращаясь к внимательно слушавшей его Джелайне. — Раз милорд несет службу, налога он платить не должен. Или совсем чуть-чуть. Правда ведь?

— Теперь все платят, — мрачно заметил Олквин. — Время такое.

— Погодите-ка, — встряла Джелайна. — Вам ведь прислали опись. Можно рассчитать самим, и подготовить все заранее.

— Так то опись, — развел руками Платусс. — А сборщик приезжает, и начинает пересчитывать прямо здесь. Ловко, быстро, раз-раз, и готово. И ведь не переубедишь его.

— Покажите-ка мне эту опись, — попросила Джелайна. Платусс нерешительно покосился на Бенвора, но тот согласно кивнул, и управляющий снова развернул плотный пергамент. Женщина машинально придвинула его к себе, вгляделась — и разочарованно ссутулилась.

— Я же не знаю вашей грамоты, — вздохнула она. — Капитан, пожалуйста, прочтите мне это.

Олквин принялся по слогам разбирать неаккуратный почерк сборщика. Случайно бросив на Джелайну взгляд поверх пергамента, он смутился и сбился. Женщина сидела, закрыв нижнюю половину лица ладонями, но глаза над ними искрились веселым умилением.

— Что смешного? — насупился Бенвор.

— Ничего-ничего, — поспешно отозвалась она. — Продолжайте, прошу вас, не обращайтесь на меня внимания.

Это было проще сказать. Олквин обнаружил, что потерял, где только что читал. А так как пергамент был нудным списком, то вспомнить оказалось сложно. Однако Джелайна сама напомнила ему последнюю строчку. Бенвор удивился — ему казалось, что женщина совсем не слушает. После прочтения описи Джелайна принялась выпрашивать детали. Капитан весьма смутно разбирался в подробностях, и отвечать взялся управляющий. Некоторые вопросы гости завели беседу в тупик, и Платусс принес старую рукописную книгу, где были собраны все правила налогообложения в королевстве.

— Ух ты, раритетный налоговый кодекс! — восхищенно воскликнула Джелайна, осторожно переворачивая истрепанные страницы. — Похоже, им часто пользовались.

— Это еще деда господина Бенвора, — с гордостью поделился Платусс. — Господину

Ланайону переписали новую копию, а эту я забрал сюда.

— Значит, все налоги рассчитываются по этой инструкции? — деловито осведомилась женщина. — Тогда почему столько сложностей со сборщиками?

— По ней, — подтвердил управляющий. — Только сборщик всегда сам пересчитывает.

— Ага... — задумчиво протянула Джелайна. — А ну-ка, зачитайте-ка мне отсюда все, что относится к вашей описи.

— Да это ж сколько читать... — почесал затылок Платусс.

— Ничего, — успокоила его женщина, придвигая к себе чистый пергамент и чернильницу. — Нам некуда спешить.

Потрескивание свечи, шелест страниц и монотонное бормотание управляющего убаюкали Олкви́на. Он задремал, уронив голову на руки, и проснулся оттого, что Платусс громко откашлялся.

— Капитан, вам ведь завтра снова рано вставать, — улыбнулась ему Джелайна и мягко добавила: — Идите-ка спать, жаворонок.

От проскользнувшей в ее голосе тихой нежности Бенвора охватило смутное ощущение уюта. В нем было что-то знакомое, но забытое... будто из детства... Юноша поднялся и обратил внимание на ровные мелкие строчки на пергаменте Джелайны.

— Что вы пишете? — заинтересовался капитан.

— Кратко конспектирую для себя, — пояснила она. — Сразу кое-что и подсчитываю.

Платусс продолжил зачитывать маловразумительные пункты из старой книги. Слова были обычными, но обороты нанизывались друг на друга столь причудливым образом, что охватить точный смысл витиеватых фраз было почти невозможно. Бенвор не стал и пытаться. Он задержался, лишь увидев, как Джелайна, внимательно прослушав абзац, принялась быстро записывать, разделяя не буквы, а только слова. Олкви́ну еще никогда не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь писал с такой скоростью. Она, кажется, даже ничуть не уставала от этого. Насмотревшись вдоволь и в очередной раз посокрушавшись, что ежевечерняя усталость и отсутствие свободного времени не дают ему возможности продолжать увлекательные расспросы гости, Бенвор вздохнул и отправился спать.

* * *

На следующий день, вернувшись вечером в дом, Олкви́н увидел такую картину: Платусс и Джелайна, как два заговорщика, сидели рядышком за столом, обложившись пергаментами, и о чем-то негромко спорили.

— Я же говорю — он все равно пересчитает по-своему! — чуть не плача, повторял управляющий. — И в прошлом году так было, и в позапрошлом. Надо, чтобы господин Бенвор сам с ним поговорил, ткнул носом в разницу. С ним сборщик спорить не посмеет.

Платусс заметил Олкви́на и умолк. Умаявшись за жаркий день, капитан не хотел сейчас ни спорить, ни разбираться в счетах. Даина накрыла на стол. Дождавшись, когда Бенвор утолит первый голод, управляющий было подсел к нему.

— Платусс, не надо, — с нажимом произнесла Джелайна. — О делах можно поговорить и потом. Даина, давайте я помогу наносить воды на ванну для господина.

Женщины ушли. Платусс трагически повздыхал, собрал свои листы и тоже удалился. Бенвор впервые за целый день остался один, только теперь почувствовав, насколько устал от

общества людей, которые все время чего-то от него хотят. Ему было приятно, что Джелайна вмешалась и избавила его от очередного бесполезного разговора с управляющим. Капитан и сам прекрасно видел, что высокие налоги непосильны для крошечного приграничного феода, но Платуссу было легко жаловаться, ведь управляющий ничем не обязан тому, кто наделил землями его молодого господина. Если бы еще Олквин мог поспорить со сборщиком так же уверенно, как это делал отец... Но для того, чтобы потягаться с шустрым и языкастым чиновником, у юного капитана не было ни свободного знания всех правил, ни сноровки в жонглировании ими, ни времени, чтобы успеть этому научиться.

Легкие шаги Джелайны Бенвор научился узнавать еще три дня назад.

— Леди, а что насчитали вы? — не оборачиваясь, тихо спросил он. — Это совпадает с описью?

— Не совсем, — отозвалась она. — Если старый налоговый кодекс действителен по сей день, а Платусс уверяет, что так и есть, то предыдущие два года вас не просто заставляли платить напрасную дань, но еще и беззастенчиво грабили.

— Догадываюсь, — мрачно вставил Олквин. — Сборщики бывают нечисты на руку.

— Это мягко сказано, — фыркнула Джелайна. — Даже если принять во внимание исключительные обстоятельства военного времени и допустить, что вам не полагается никакой скидки за службу, все равно вы два года платили втрое больше положенного.

— Что?! — вскочил Бенвор. — Втрое?!

— Именно. И опись на этот год составлена уже с приличным размахом. А сколько еще набросают здесь?

— Это невозможно! — не верил Олквин. — Это же преступление!

— Не пойман — не вор, — усмехнулась она. — Честное слово, вы будто впервые сталкиваетесь с подобными вещами.

— Нет, не впервые. При короле Сейноне моему отцу иногда приходилось оспаривать обшеты. Просто я не ожидал, что то же самое начнется теперь, когда и без того трудно...

— О-о, капитан, — насмешливо протянула женщина. — Как раз в такие времена и проворачивают всякие делишки. Для чиновников война — отличная возможность легко набить карманы за чужой счет. Поверьте тому, кто наблюдал это много раз. Но вы не расстраивайтесь так, — успокаивающе добавила она, когда Бенвор тяжело опустился на стул. — Я думаю, кое-что еще можно исправить.

— Исправить? — вздохнул Олквин. — Что именно? Вернуть к жизни семнадцать человек, умерших от истощения за две последние зимы? Этого бы не случилось, если бы они не голодали.

— Можно подать на сборщика жалобу, отсудить переплаты за эти два года, и уж конечно постараться не допустить обшета в этот раз.

— Я даже не представляю, как и когда все это делать, — покачал головой капитан. — Еще один пункт в список того, чему я, к великому сожалению, никак не мог научиться в монастыре и не успеваю теперь.

— И большой он, этот список? — поинтересовалась Джелайна.

— Огромный, — невесело хмыкнул Бенвор. — А в последнее время растет с каждым днем. Из-за вас, между прочим.

— Я польщена, — иронично заметила она. — На самом деле, это хорошо, когда появляется стимул учиться чему-то новому. Конечно, сборщика следовало поставить на место сразу, пока он еще не понял, с кем имеет дело. Но раз уж так сложилось, надо

бороться с ним той же наглостью. А в отношении ваших налогов у меня есть план. Даже два.

Олквин заинтересованно поднял голову. Джелайна присела прямо на край стола и неторопливо начала:

— Платусс уверен, что сборщик объявится здесь на следующий же день после вашего отъезда. Если сможете задержаться, мы подготовим подробный перечень всех претензий с обоснованиями по закону. Вы сами растолкуете этому хапуге, что отныне не станете терпеть его нахальство. Пригрозите судебным преследованием, пусть возвращает награбленное. В этом году заплатите налог по нашим расчетам, а он, если пожелает, пусть пересчитывает при нас и сравнивает.

— Так, — прикинул Бенвор. — Задержаться на один день и пригрозить я, конечно, могу. Но если дойдет до сравнения расчетов, я сразу же запутаюсь. А до этого дойдет обязательно. Сборщик будет отстаивать каждую цифру, а мне придется показывать ему, откуда что взято. Нет, сам план неплох, но я не хочу позориться. Какой второй план?

Джелайна чуть усмехнулась. Бенвору показалось, что именно такой вывод она и предвидела.

— Во втором то же самое, но отличается он тем, что грозить и потрясать своим авторитетом будете вы, а сравнивать, доказывать и обосновывать — я.

— Вы?!

— Да, я. Платусс уже плохо видит, и не будет за ним поспевать. Но ваше присутствие все равно необходимо, дабы чиновник не считал, что меня можно просто проигнорировать.

— Сборщик все равно не станет говорить с вами.

— Станет как миленький, — резко возразила она. — Представьте меня ему своей новой экономкой, и не позволяйте оскорблять. Остальное — моя забота.

Женщина соскочила на пол и быстро зашагала к лестнице. Олквин проследил взглядом, как она поднимается, и задал вопрос, пришедший ему в голову еще накануне:

— Зачем вам это нужно?

Джелайна остановилась и, помолчав немного, задумчиво произнесла:

— Поначалу я все ждала, что вот-вот вернусь. Чувствовала себя гостьей. Но вот уже прошла неделя... — она вздохнула. — Что мне остается? Просто жить. А чтобы выжить здесь, стоит помогать в выживании тому, кто меня приютил.

— Это единственная причина? — неожиданно для самого себя спросил капитан. Джелайна снова замедлила шаг и посмотрела на него сверху.

— Единственная, имеющая значение в данный момент, — тихо бросила она и, торопливо взбежав по ступенькам, скрылась из виду. Бенвор запоздало решил, что все-таки зря задал последний вопрос.

* * *

Сборщик налогов приехал ровно через восемь дней, как и предполагалось. Олквин подозревал, что тот был прекрасно осведомлен о том, что феодал должен был оставить Сентин еще накануне. Удивление и растерянность чиновника при встрече с капитаном подтвердили эту догадку. Бенвор не стал церемониться и сразу выложил все претензии, пригрозив, что затеет тяжбу и обратится напрямую к принцу Майрону. Все решилось очень быстро. Сборщик не мог вернуть все немедленно, но обязался вычесть переплаты из налога

этого года. Похоже, он и в этом случае не опасался остаться внакладе. Прежде чем приступить к пересчетам, Джелайна снова усомнилась в законности уплаты налогов капитаном действующей армии. Выслушав пространные и весьма путанные оправдания чиновника, она отозвала Бенвора в сторону и заявила:

— Это все-таки незаконно. Но посмотрите — он ничуть не боится. Выходит, вся эта грабительская система поощряется властями. Отличная награда за верную службу, ничего не скажешь.

Потом она принялась уверенно спорить со сборщиком, отстаивая свои расчеты. Олквин узнал еще одну новость, на этот раз приятно удивившую — Джелайна теперь бегло читала записи чиновника. Она легко ориентировалась в маловразумительных формулировках и запросто, прямо при сборщике, составила новый расчет со всеми положенными вычетами. Мало того, что переплаты сразу же превзошли всю нынешнюю сумму, так еще и оказалось, что Сентину теперь вообще не придется платить налоги целых четыре года. Чиновник почти час дважды придирчиво сверял каждую цифру, потом недовольно вздохнул, признавая свое поражение, и полубопытствовал, откуда леди приехала в Сентин, ведь он-то точно знает, что нигде в Хорверолле женщин так не учат. В то, что у Олквина сменилась экономка он, само собой, ни на секунду не поверил. Джелайна не стала утруждать себя ответами на его вопросы, а коротко попрощалась и ушла к себе.

Когда сборщик уехал, Платусс с гордостью похвастался капитану:

— Это я обучил леди хорверской грамоте.

Бенвор от души похвалил его.

— Она сама попросила, — добавил управляющий. — Знаете, милорд, я никогда еще не видел, чтобы кто-то научился прекрасно читать и писать всего за девять дней.

— Ну и что, Платусс? Она ведь умела это и раньше, просто на другом языке.

— А вы видели, как она считала? — оживился старик. — Это ведь было просто представлением для сборщика! На самом деле мы все подсчитали заранее. У леди Анерстрим необыкновенная память.

— Охотно верю, — улыбнувшись, кивнул Бенвор. — Я уже... слышал о ее способностях.

— Леди и так считает очень быстро, но тогда бы сборщик сам не понял ее записей. Она использует совершенно иной способ счета, и уверяет, что наш — устарелый и неудобный, — Платусс вздохнул, сворачивая пергаменты. — Я собирался попросить ее научить меня, да боюсь, не разберусь. Стар я уже для таких занятий.

— Если принц не затеет наступление на Анклау, — с надеждой произнес Олквин, — то появится возможность приезжать сюда чаще и надолго. Тогда у меня будет оставаться больше времени, и я смогу наконец-то добраться до книг. Может, леди Анерстрим и меня научит быстрому счету?

— Леди брала книги из библиотеки вашего отца, — сказал Платусс, пождав губы. — Те, что вы забрали сюда.

— Пусть читает, — кивнул Бенвор и присмотрелся к управляющему повнимательнее. — Ты расстроен? Почему?

— Потому что это — серьезные книги, милорд! Обстоятельные научные труды! — нижняя губа Платусса дрогнула. — А она читала — и смеялась над ними!

— В самом деле? — удивился капитан и задумчиво произнес: — Пожалуй, не стоит больше жалеть о том, что я не успеваю их прочитать. Сперва стоит узнать ее мнение. А ты не

расстраивайся, Платусс. Сам ведь уже убедился, что леди Анерстрим — не совсем обычная дама. Я завтра уеду, а она останется здесь. Прошу тебя, не удивляйся ничему, и прислушивайся к ней хоть иногда. Ее знания могут быть очень полезны для нас.

Ужин в господском доме в тот день был праздничным. Олквин велел объявить, чтобы семьи, где в прошлые зимы кто-то умер от голода, в этом году совсем не платили оброка, а остальные ограничились лишь половиной обычной доли. Наутро отряд капитана собрались проводить едва ли не все жители Сентина. Отъехав немного, Бенвор оглянулся и среди толпы машущих шапками и платками людей поискал глазами тоненькую фигурку в скромном сером платье. Джелайна стояла на городской стене, обхватив плечи руками, и печально смотрела ему вслед.

Глава 21

Олквин смог вернуться в Сентин только спустя четыре месяца. Зима уже вступила в свои права. Уезжая на побывку из столицы, капитан обычно несколько дней гостил у старшего брата Ланайона, жившего неподалеку от Норвунда. В замке Олквинау прошло раннее детство Бенвора — беззаботные годы, которые он считал самыми счастливыми. Живя в монастыре после смерти матери, и даже получив собственный феодал, он по привычке продолжал называть родовой замок своим домом.

Обычно небольшой отряд выезжал поздним утром и, не спеша, с частыми остановками во всех попутных деревеньках, добирался до Сентина как раз за зимний световой день. В этот раз Бенвор выехал из столицы вечером, сразу после того, как закончил и передал все дела, и заночевал в Олквинау вместе со своим отрядом, собираясь пуститься в путь на рассвете. Ланайон и его жена Веанрис уговаривали юношу остаться подольше, но Бенвор отказался.

— Мне впервые выпало столько свободного времени. Не хочу его терять.

— В прошлый раз у тебя было всего три недели, — заметил Ланайон. — И все-таки ты погостил у нас немного. А теперь впереди два месяца. Куда так спешить?

— У меня там осталось очень важное дело, — сдержанно ответил Бенвор. — Я не успел в прошлый раз... Боюсь, как бы не стало поздно.

— Подожди хоть, пока как следует подмерзнет, — уговаривал брата барон. — Платусс недавно написал нам, что у них все благополучно. Урожай собрали весь, на границе сейчас тихо. С налогами ты разобрался, даже очень удачно разобрался. Остальное подождет.

— Охота тебе торчать половину зимы в этом Сентине? — подхватила Веанрис. — Там такая скука...

Молодая баронесса в очередной раз была на сносях, и от души предавалась тоскливому унынию. Дочь столичного вельможи, вышедшая замуж за придворного, с ужасом представляла себе уединенное прозябание в глухой провинции, вдали от развлечений и, даже живя в предместье, буквально считала дни, когда сможет наконец-то разрешиться от бремени, оставить дитя с кормилицей и снова окунуться в привычную светскую жизнь.

Бенвор вспомнил, как легко он раньше поддавался на их уговоры. В отсутствие вражеской угрозы феодал долго мог обходиться и без него. Платусс и Даина превосходно справлялись со своими обязанностями. Сентину было не привыкать к постоянному отсутствию часто меняющихся господ — как правило, молодых и безалаберных, которые тяготились доставшимся им запущенным хозяйством, почти не приносящим дохода, и

рвались лишь на войну... до первого серьезного боя. Торчать без необходимости в крохотном городишке молодому капитану было действительно скучно и, едва разобравшись с насущными делами, Бенвор обычно спешил хоть на пару дней вернуться в Олквинау. Правда, вовсе не из-за столичных развлечений, тем более, что его, как младшего в семье и без титула, приглашали далеко не везде. Просто в родовом замке имелась приличная библиотека, и хоть ей было далеко до монастырской, капитан предпочитал чтение книг всему остальному. Но в этот раз «чемоданное» настроение охватило Бенвора уже за неделю до планируемого отъезда. Никогда еще он не рвался в Сентин с таким нетерпением.

— Вот-вот, — поддержал супругу Ланайон. — Что тебе там делать, кроме как тискать крестьянских девок?

Веанрис хихикнула, вспомнив о том, что сентинские девицы стараются бежать под венец именно тогда, когда приезжает их красавец-господин. Узнав об этом впервые, баронесса удивилась — ведь обычно крестьяне старались жениться тайком от хозяев или в их отсутствие. Но, как верно подметил старый солдат Нэмрик, теперь в Сентине все было "не как у людей". В отличие от большинства феодалов, Бенвор никогда сам не заявлял о своем праве лорда на первую ночь. Лишь однажды, в самом начале, едва вступив во владение землями, он из любопытства пригласил одну новобрачную. Олквин даже не настаивал, но она все-таки пришла — и понеслось... Гостя как-то в Сентине, Ланайон и Веанрис не раз наблюдали, как невесты сами сбегали прямо после венчания и приходили в господский дом. Даина выставляла их прочь со словами: "Милорд тебя не звал", а эти нахалки, бесстыдно стреляя глазами в направлении хозяйской спальни, с невинным видом поясняли: "Так ведь положено приходиться к господину! Может, он не знает, что у нас сегодня свадьба?" Бенвор уверял брата и невестку: мол, все дело в том, что он взял за правило одаривать серебряной монетой родивших от него крестьянок, а так поступали очень немногие феодалы — ведь право лорда было обычным делом во все времена, и бастарды господ божьей милостью приравнивались к собственным детям. Поэтому, мол, девицы заранее рассчитывают на возможность урвать от господских щедрот. Барон и баронесса лишь рассмеялись в ответ: "А ты перестань их одаривать — и они найдут другое оправдание". В Сентине и окрестных деревнях подрастало уже одиннадцать очаровательных малышей с характерными олквинскими чертами — несмотря на редкие визиты, недостаток времени и занятость, юный капитан, по выражению брата, бил без промаха.

— Поедешь на целых два месяца — осенью разоришься, — поддел Ланайон. — Оставайся здесь. Какая разница, где именно портить глаза над книгами?

Бенвор покачал головой, пропуская мимо ушей привычные колкости. Веанрис лишь усмехнулась — иногда ей казалось, что на самом деле ее муж втайне немного завидует брату. Старший Олквин был копией отца — коренастого и грубоватого, а вот младшему достались изящество и изумительная красота матери. Рассказывали, что когда тринадцатилетнего Бенвора представляли ко двору, леди Одилла, супруга принца Майрона, сравнив братьев, пожаловалась фрейлинам: "Какая досадная несправедливость — из этих двоих подле нашего трона торчит самый настоящий солдафон, а сошедшего на землю ангела отправят проливать кровь". Леди Одилла было заикнулась о том, что младшего Олквина можно оставить при дворе пажом, а со временем он мог бы занять какой-нибудь пост в ее личной гвардии. Принц сперва согласился, но разглядев Бенвора получше, тут же передумал. Мальчика срочно произвели в сержанты и отправили служить подальше, на границу. И Веанрис искренне считала, что ее деверю еще повезло...

— Я все-таки поеду, — мягко возразил Бенвор, не желая обижать брата. — И в этот раз, наверное, не ждите меня раньше срока.

— Вот как? — удивился барон. — Ты начал привыкать к тому жалкому местечку?

— Да он там, наверное, наконец-то влюбился, — ехидно предположила Веанрис.

— В кого? — возмутился Ланайон. — В дочку кузнеца? Только через мой труп! Я сам подыщу ему невесту.

— Дочке нашего кузнеца от силы лет семь, — рассмеялся Бенвор.

— Значит, дело вовсе не в девушке? — не отставала баронесса. Юноша слегка растерялся.

— Ну... — протянул он, подыскивая что-нибудь, чтобы избежать расспросов. — Нет, вы меня не так поняли.

— Как же тогда понимать? — тут же любопытствовала Веанрис. Острый носик светской львицы безошибочно почуял слабый, но отчетливый запах тайны. Бенвор мечтательно улыбнулся.

— Вы все равно не поймете, — заявил он. — И я не смогу объяснить. Но ехать мне нужно срочно.

Ланайон переглянулся с супругой. Та нервно поерзала, положив руку на круглый живот. Глаза ее загорелись нетерпением.

— Никуда мы не поедem! — заметив это, отрезал барон.

— Не надо! — встрепенулся Бенвор. — Ну, хорошо, хорошо, будем считать, что я влюбился в дочку кузнеца. Все.

Он коротко поклонился даме и быстро вышел из гостиной.

— Только через мой труп! — повторил барон ему вслед и недовольно сказал супруге: — А может, и впрямь женить его поскорее?

— Ланайон! — закатила глаза Веанрис. — Где ты найдешь в столице достойную твоего брата невесту, согласную на Сентин?

— Я и не собираюсь искать согласных на малое. Ему нужна партия с хорошим приданым и со своими землями.

— Верно. Твой брат и сам по себе будет желанным приобретением для любой девицы, и этим нужно пользоваться, — уверенно улыбнулась баронесса.

* * *

Бенвор осторожно выбрался на узкую, наполовину разрушенную галерею, обрамлявшую верхушку центральной башни замка. Чистое ночное небо было усыпано крупными яркими звездами. Юноша остановился, плотно прижавшись спиной к шершавым камням, и запрокинул голову. Здесь, на высоте, звезды не колыхались от поднимающегося снизу тепла жилых домов, и ясно мерцали в бездонной пустоте. Непостижимая глубина звездного неба неизменно вызывала у Бенвора странное чувство — чувство чего-то несбывшегося, какой-то странной ностальгии по тому, чего никогда не было. Как чья-то тихая песня в ночи над военным лагерем, как курлыканье улетающих журавлей... Но с недавних пор он видел звезды совсем в ином свете, нежели раньше.

Капитан в очередной раз воскресил в памяти последний день в Сентине. После отбытия сборщика налогов Бенвор уже никуда не поехал, остался в доме. Он попросил Джелайну

рассказать ему, наконец, об устройстве мира, а также о том, что она думает о его книгах. Гостыя начала с книг.

— Прочитать их, конечно же, стоит, — заявила она, взяв со стола первый попавшийся томик. — Как бы там ни было, даже мне оказалось полезным получить представление о принятых в вашей науке суждениях. Но, не скрою, многие из них в корне неверны. Ну вот, например, у вас используется геоцентрическая модель мира. Да, Земля круглая, но это вовсе не плоский диск...

И пошло-поехало. Бенвор не успевал задавать вопросы, число которых росло как снежный ком. Увы, Джелайне не всегда удавалось ответить так, чтобы он понял все — по словам гостыи, ему были неведомы элементарные вещи, в ее мире знакомые даже детям. Но все-таки она старалась как могла — и окончательно лишила его покоя.

Это стало очередным откровением, потрясением. Простиравшийся между морями Великий Хорверолл оказался лишь куском большого острова, торчащего на относительно мелководье. Чтобы дать капитану представление о величине мира, Джелайна угольком нацарапала на полу схематичную карту всей Земли. Олквин был шокирован — его родина просто потерялась рядом с огромными материками и безбрежными океанами. А сама Земля, оказывается, была планетой — гигантским шаром, стремительно несущимся сквозь абсолютную пустоту вокруг Солнца — огненного сгустка еще больших размеров. И звезды — привычный с детства узор холодных искр на темном небосклоне — были ничем иным, как такими же пылающими солнцами, недостижимо далекими от Земли и друг от друга и, возможно, тоже несущими вокруг себя планеты с живыми мирами.

Когда рассказ Джелайны дошел до этого места, Бенвор ошеломленно предположил:

— Леди, так ваш мир — на одной из звезд?!

— Что вы, капитан?! — покачала она головой. — Расстояние между звездами — это один вид измерения пространства, а между параллельными мирами — совсем другой. Мы с вами живем на одной и той же планете, только в разных системах координат. Пространство беспредельно не только в видимых глазу направлениях, и систем в нем — бессчетное множество. Впрочем, отсюда мой мир недоступен точно так же, как и самая далекая звезда.

Олквин уже и не знал, о чем спрашивать, разрываясь сразу между несколькими темами. Но как только доходило до интересующих его подробностей, он тут же переставал понимать половину и огорчался.

— Мы можем только прыгать по верхушкам, — вздохнула Джелайна, вставая с пола, где они просидели уже больше трех часов. — Учиться следует с самых азов, капитан. Сами видите, стоит только копнуть вглубь — и вы тут же запутываетесь в моих объяснениях.

Чувствуя себя расстроенным не столько из-за своего невежества, сколько из-за очевидного намека гостыи на то, что продолжения занимательной лекции больше не будет, Бенвор опустил голову, машинально катая уголек по нарисованной карте.

— Море и впрямь бывает несколько миль глубиной? — указав вдоль полосы воображаемого океана, спросил он. Джелайна кивнула. Юноша вспомнил себя переплывающим речушку рядом с Олквинау, и вдруг отчетливо представил себе, будто дно внезапно ушло вниз... Резко выдохнув, он поежился, чувствуя, как встают дыбом волоски на руках. Бросив взгляд на Джелайну, он заметил, что она внимательно наблюдает за ним, и торопливо встал.

— Вы боитесь моря, верно? — тихий вопрос женщины был скорее утверждением.

— Я видел его близко всего один раз в жизни, — усмехнулся Бенвор, глядя, как она

удивленно подняла брови. — Да, вот так сложилось. Хоть и живу на острове. Не боюсь, нет... скорее, меня тревожит его непредсказуемость. Знаю, обычно море тихое, но мне, к несчастью, довелось увидеть, как огромные волны за несколько минут уничтожили целый порт... Но я смотрю, вас это не удивляет. Вы говорили, мой двойник тоже не очень-то любит море. Занятно, правда?

Джелайна промолчала.

— А что он любит? — неожиданно поинтересовался Олквин. Женщина замаялась.

— Вам это, наверное, покажется странным, но я знаю о нем до обидного мало. Можно долго перечислять все, что он знает и умеет... ну, во всяком случае, хотя бы то, что известно мне. Но о его интересах и склонностях мне приходилось лишь догадываться, полагаясь только на случай или наблюдательность. Я полностью уверена лишь в том, что он любит свою работу.

— И вас, — вставил Бенвор.

— А вот в этом я уже не уверена. Особенно после его предательства.

— Не уверены потому, что он вам никогда этого не говорил? — спросил капитан. — Но разве обязательно говорить об очевидном?

— Боюсь, это очевидно только вам, — мрачно отозвалась она. — Вы сделали выводы, основываясь на моем рассказе, а эту точку зрения нельзя считать объективной.

— Он мой двойник, — напомнил Олквин. — Вы сами нашли у нас много общего. Пусть мы выросли в разных условиях, но тела устроены одинаково, так что, можно сказать, мы с ним — почти одно и то же, не правда ли? Как братья-близнецы. Кому, как не мне, проще понять его?

— Ну, хорошо, все может быть, — дернула плечом Джелайна. — Какое это теперь имеет значение? И какая разница, что любит или не любит ваш двойник? У вас своя жизнь, у него своя.

— Просто любопытно, — хмыкнул Бенвор и окинул ее быстрым взглядом. — Сравнить наши с ним вкусы...

Лицо женщины застыло.

— Вы выбрали неудачный объект для сравнения, — резко ответила она.

— Я не хотел вас задеть, — поспешно произнес капитан. — Всего лишь пытаюсь понять ход его мыслей. В конце концов, это и вам может помочь. Думайте, как хотите, но я сомневаюсь, что это было предательством. Если мы и впрямь похожи, то он на такое не способен. Я не могу представить, что могло бы заставить меня...

— Ваша версия? — безо всякого выражения перебила Джелайна.

— О, их даже несколько. Первой напрашивается, конечно же, ошибка. Тем более, что Уокер и сам говорил вам как-то о том, что ему нельзя ошибаться. А возможно, он намеревался уберечь вас от чего-то, или кого-то.

— Или кого-то от меня, — скривилась она.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Нет, это бессмысленно, — покачал головой Олквин. — Если бы время тут и там шло одинаково... но ведь несколько секунд ничего не решают.

— А как насчет наказания? — прищурилась Джелайна. — На это вы способны?

Капитан задумался.

— Должна быть веская, очень-очень веская причина, — наконец, медленно произнес он, — чтобы я решил так поступить с женщиной. Я бы даже сказал, что и предположить не

могу, за что стоило бы так наказывать — кого угодно. А в вашем рассказе я вообще не вижу ничего, хотя бы отдаленно напоминающего серьезный проступок. Вы же не сделали Уокеру ничего дурного. Наоборот, до самого последнего дня проявляли уважение к его тайнам, терпение и понимание.

— Ладно, ясно, — Джелайна отвернулась.

— К примеру, я бы на вашем месте, — продолжал Олквин, — использовал любую возможность, чтобы выяснить правду. Насколько я могу судить, возможности у ваших друзей были немалые. Если бы понадобилось, я проследил бы за ним сам или нанял кого-нибудь. Нашел бы его дом, разведал...

— Следить за Чарли? — фыркнула она. — Если бы вы хоть раз увидели, как искусно он вычисляет хвост и избавляется от ищеек, то даже не заикнулись бы об этом.

— Он бывает безжалостен, да? — поинтересовался Бенвор.

— В пределах необходимого.

— Охотно верю. Я тоже иногда... На войне не до церемоний. Но я не верю, что то же самое могло коснуться вас. Он называл вас своей. Это многое значит.

Джелайна пристально взглянула на капитана. Невозможно было понять, о чем она сейчас думает.

— Версия, которая кажется мне наиболее логичной, — сказал Олквин, — вам же и принадлежит. Очередное учебное испытание. А все эти приготовления к отпуску были лишь отвлекающим маневром, чтобы усложнить задачу, вывести вас из равновесия. Не сказал бы, что я это одобряю, но Уокеру, наверное, виднее, как готовить разведчиков. Он ведь тоже мог прийти сюда, чтобы следить, как вы с этим справляетесь, верно? Я на всякий случай предупредил солдат форта...

— Это ни к чему, — перебила женщина. — Чарли — не я. Они заметят его только в том случае, если он сам позволит им это. Пусть лучше присматривают за всякими необычными явлениями.

— Что вы имеете в виду?

— В месте высадки или ухода рейдера, — пояснила Джелайна, — некоторое время можно наблюдать характерное возмущение в пространстве, слышать несвойственные лесу звуки. Заодно пусть обращают внимание на трупы зверей со странными ранами. Хотя, если он не захочет выдать себя, то не станет оставлять никаких следов.

— То есть, он может один незаметно жить в лесу под носом у целой армии? — хмыкнул Бенвор. — И хищников не боится... Просто дьявол какой-то.

— Чарли опаснее любого хищника, — процедила она. — И лучше бы вашим солдатам не попадаться ему на пути. Независимо от численности отряда. Если что-то заметят — пусть немедленно уйдут отсюда, срочно сообщат вам и держатся подальше от этого места.

Бенвор хотел было возразить, что и солдаты не лыком шиты, но что-то во взгляде женщины остановило его.

— Но вас-то поймали, — буркнул он вместо этого.

— Я была расстроена и непростительно рассеянна. К тому же, я всего лишь стажерка, а Чарли — ветеран. Не судите обо всех рейдерах по одному невезучему новичку.

Олквин почувствовал себя неуютно оттого, в каком настроении теперь пребывала его гостья. Появление Даины, приглашающей их к столу, оказалось весьма кстати.

— Не хотите ли узнать обо мне еще что-нибудь? — предложил он за ужином. Джелайна пожала плечами.

— Даина и Платусс уже снабдили меня кое-какой информацией.

Капитан усмехнулся, оценив рвение слуг. Скорее всего, ей даже и спрашивать не пришлось.

— Нет, я говорю о моем сходстве с Уокером. Мне показалось, что оно может помочь вам понять мотивы некоторых его поступков.

— Вам-то какой прок от моих вопросов? — хмыкнула она. — Или вы тоже что-то хотите за это?

— Каюсь, хочу, — сознался Бенвор. — Я надеялся, что потом и вы расскажете мне еще что-нибудь такое же жутко интересное, как сегодня.

Джелайна тихонько рассмеялась.

— Так я и знала! Пока что налицо только разница. Чарли умеет добиваться своего куда незаметнее.

Олквин улыбнулся и посмотрел на нее исподлобья.

— Я это запомню, — тихо пообещал он. Женщина тут же перестала смеяться, отвела глаза и уткнулась в свою тарелку. Капитану показалось, что ее щеки слегка порозовели.

* * *

Сильный порыв холодного ветра растрепал Бенвору волосы и пробрался под одежду. Юноша поежился, только теперь почувствовав, как сильно замерз. Подышав на онемевшие руки, он бросил последний взгляд на ледяное крошево звезд и вернулся в башню. Спускаясь по спиральной лестнице вниз, он думал о внушительном списке вопросов, составленном за четыре месяца, прикидывая, что еще можно успеть туда добавить.

— Правильно, записывайте все, что вас интересует, — одобрила Джелайна, провожая его из Сентина. — А я, пожалуй, вспомню свою прежнюю профессию, и начну потихоньку составлять для вас учебный план. Я чувствую себя совершенно беспомощной из-за того, что приходится опираться на ваши скудные базовые знания. Будем восполнять пробелы в вашем образовании, осваивать математику, физику и так далее... Но только попробуйте потом хоть раз заикнуться, что вам надоело, или что-то в этом роде — брошу все, и не услышите от меня больше ничего "жутко интересного"! — тон ее стал шутливо-угрожающим, но Бенвору на это было совершенно наплевать, он ликовал. Да пусть хоть розги вымачивает, как братия из монастыря! Она согласна учить его!

Четыре месяца казарменной рутины тянулись просто невыносимо. Но теперь Олквин ехал домой надолго. Впереди зима, хозяйственных забот почти не будет. Целая куча свободного времени.

Только бы Джелайна все еще была там.

* * *

Путь до Сентина оказался рекордно быстрым. Словно чувствуя настроение хозяина, гнедой жеребец то и дело переходил с рыси на галоп, заражая своим нетерпением остальных лошадей в отряде. Да и солдаты не предлагали обычных остановок по пути — раз господин капитан торопится, значит, так надо.

Контраст с прошлой зимой был разительным. На улочках городка не встретилось ни одного исхудавшего от голода лица, румяные от мороза жители кланялись феодалу, сбегаясь отовсюду. В приподнятом настроении Олквин почти бегом ворвался в дом, на ходу заключил в объятия радушную Даину, хлопнул по плечу Платусса, взлетел по лестнице и принялся звать Джелайну. Постучав кулаком в дверь ее комнаты и не дождавшись ответа, он вернулся вниз и спросил:

— А где леди Анерстрим?

Платусс слегка побледнел.

— Она... нет ее... — дрожащим голосом пробормотал он. У Бенвора внутри разом все зашлось, словно он глянул вниз с высокого обрыва.

— Когда? — выдавил он. — Когда она... ушла?

— Так это... утром еще, — пролепетала Даина, пятась в направлении кухни.

— Сегодня?! — воскликнул Олквин, почти физически ощущая, как в один миг рухнули все его надежды. Он опоздал всего на несколько часов. Ну что, что мешало ему бросить все еще вчера, взять запасную лошадь и домчаться сюда в одиночку?!

Новость оглушила Бенвора. Краем сознания он понимал, что ему стоило бы порадоваться за Джелайну. Она наконец-то получила возможность вернуться домой. Ей больше не придется долгие годы томиться ожиданием в скучном средневековье. Теперь она снова живет в своем далеком мире, и рядом с ней верные друзья.

Но это было так несправедливо... Всю осень напролет он отчаянно ждал этого дня, а ее забрали именно сегодня!

Конечно, Олквин знал, что такое когда-нибудь все-таки случится. Но это не приносило утешения. Как будто он вытерпел четыре нудных месяца только благодаря тому, что пребывал в постоянном ожидании чего-то необыкновенного. Теперь казалось, что его обманули, лишили заслуженной награды. Осталось только острое чувство потери. Его удивительная тайна больше не принадлежала ему. И еще одна непрошенная мысль неприятно кольнула вслед, оставив осадок смутной зависти: Джелайна вернулась к его несравненному двойнику...

Теперь не было никакого смысла торчать в Сентине половину зимы. Можно хоть сейчас возвращаться в Олквиу. Или дать отдохнуть лошадям и вернуться завтра. Или подождать пару дней, пока уляжется разочарование, чтобы родные не заметили подавленного состояния. Все равно.

— Милорд? — тихий голос управляющего казался слегка испуганным, и Бенвор невольно задался вопросом: каково было его старым слугам наблюдать невероятное исчезновение гостя. "Характерное возмущение в пространстве" — так, кажется, она говорила? К черту. Все равно.

— Не только сегодня, милорд, — робко выговорил Платусс. — Леди Анерстрим нарушила распоряжение уже на третий день после вашего отъезда. И с тех пор уходила каждый день.

Олквин медленно обернулся к нему, с трудом воспринимая, о чем тот говорит.

— Каждый день? — растерянно повторил он. — Какое распоряжение?

— Вы запретили ей покидать Сентин, — запинаясь, напомнил управляющий. — Велели нам не выпускать ее за ворота. Но она все равно ушла — попросту перелезла через стену, как мальчишка. Больше ворота перед ней не запирали, да и зачем, если они ее не останавливают? Простите нас, милорд.

— Теперь леди каждое утро в лес уходит, — подхватила Даина. — Крестьяне видели ее в разных местах, говорят, она подолгу бегает, лазает по деревьям, плавает в реке в любую погоду...

Джелайна здесь, она никуда не исчезала! Это известие ослепительной вспышкой затмило все сразу — и горечь предполагаемой утраты, и виноватые лица слуг, не сумевших выполнить господский приказ.

— Ее предупредили, чтобы не подходила близко к границе, — торопливо добавил Платусс, и недоуменно умолк, когда капитан с совершенно счастливым видом рухнул на кресло у камина.

— Господи, да пусть делает, что хочет! — с облегчением хохотнул Бенвор. — Главное, что она здесь.

Слуги переглянулись, и тут отворилась дверь, раздались торопливые шаги и радостный возглас:

— Даина!

В зал влетела запыхавшаяся Джелайна — в широком плаще с капюшоном и маленькой котомкой на плече. Олквин вскочил и шагнул ей навстречу. Ахнув, женщина бросилась к нему, протягивая руки. Бенвор машинально поймал ее и оторвал от пола, смеясь, как ненормальный. Шок от недавних переживаний еще не прошел.

— Я увидела конный отряд, — пискнула Джелайна в его крепких объятиях, — и сразу поняла, что это вы.

— А вы меня напугали, — бормотал Олквин, не отпуская ее. — Я думал, вы исчезли, бросили меня...

Он почувствовал на щеке что-то мокрое и удивленно отстранился. Оказалось, у женщины свалился капюшон, открыв слипшиеся ледяными сосульками волосы. Она провела по ним рукой, стряхивая тающие льдинки, и смущенно рассмеялась.

— Не представляете, как я рада вас видеть!

— Нет! — возразил Бенвор. — Это вы не представляете!

Даина подскочила к ним с полотенцем.

— Миледи, вы опять ходили с мокрой головой! — запричитала она.

— Я услышала стук копыт, — оправдывалась Джелайна. — Некогда было вытираться как следует. Хватит, Даина, я не заболею.

— Вы плавали? — изумленно спросил капитан. — Но ведь мороз!

Женщина пожала плечами.

— Река-то еще не замерзла. Да ладно вам! Вода теплее воздуха. Скажите лучше — вы надолго?

— Надолго! — просияв, ответил Олквин. — На целых два месяца!

— Отлично! — воскликнула она. — Тогда я оставлю вас на минутку.

Она вернула полотенце Даине и побежала наверх, стаскивая на ходу котомку и плащ. Мелькнула аспидно-черная рейдерская форма. Бенвор смотрел вслед, расплываясь в безудержной улыбке.

Возвращаться в Олквинау? Да ни за что на свете!

Глава 22

За четыре месяца Джелайна сильно изменилась. Куда только подевалась хрупкая,

бледная, полупрозрачная фарфоровая статуэтка? Теперь ее лицо стало обветренным из-за постоянного пребывания на холоде, руки загрубели. Подсохшая царапина на скуле, потрескавшиеся губы, некогда безупречно белоснежные, а теперь ставшие самыми обычными зубы — все это вдребезги разбило прежнюю неприступную утонченность, но удивительным образом сделало женщину живой, реальной, земной. Узкие рукава платья то и дело обрисовывали рельеф тугих мускулов на тонких руках. Сейчас, без мешковатого плаща, перемены стали гораздо заметнее. Повадки всегда готовой к прыжку и осознающей свою ловкость рыси... Бенвор исподволь наблюдал за Джелайной весь вечер, не переставая удивляться тому, как органично эти перемены вписались в смутно запомнившийся тусклый образ — проявились, словно загар наутро, и придали ему законченность. Только теперь он по-настоящему убедился в эффективности, казалось бы, бессмысленного «наслоения» навыков у TS-проекции. Стоило лишь привести слабое исходное тело в нужное состояние — и оно автоматически превращалось в боевую машину.

Олквин невольно опять вспомнил про Уокера — и ужаснулся, представив себе возможности шестисотлетнего совершенства, которому даже не требовалось постоянное восстановление формы. Оставалось только надеяться, чтобы его двойник и дальше не надумал появиться в этом мире.

* * *

— Вы меня напугали, — повторил Бенвор, выкладывая на стол привезенные из Олквинау книги. — Платусс сказал, что вас здесь нет, и я решил: все, забрали домой. А вы, оказывается, тренировались.

— Что поделаешь? — хмыкнула Джелайна. — Мне теперь топтать землю этой утопии как минимум половину тысячелетия, так что нужно быть готовой ко всему.

— Вот как, — протянул Олквин. — Что же убедило вас окончательно?

— Климат, — ответила она. — В Англии последних столетий зимы мягкие, морозов почти не бывает. А тут, насколько я успела узнать, зима всегда долгая и часто снежная. В Европе такие были именно в позднем средневековье.

— Я сожалею, — тихо произнес капитан. — Но мое предложение остается в силе.

— Да я и не волновалась, что вы можете передумать, — лукаво улыбнулась Джелайна. Бенвор недоуменно вглядывался в ее лицо, пытаясь отыскать признаки печали, неизменно охватывавшей гостью раньше.

— Похоже, вы смирились, — без удивления констатировал он.

— Выбора нет, — пожалала она плечами. — Зачем лишний раз нагонять на себя депрессию? Не можешь изменить ситуацию — измени свое отношение к ней. Я собираюсь обставить по отсчету всех рейдеров. Можно будет незаметно шагать из века в век под защитой ваших потомков. Можно жить, каждые лет десять переезжая с места на место, меняя имена и стараясь не привлекать внимания. А можно позволить взять верх авантюрной жилке и стать в этом мире легендой, войти в его историю, наследить по максимуму... Что бы выбрали вы, капитан?

— Ну, тут я вам не советчик, — рассмеялся Олквин, все еще чувствуя удивительное умиротворение от того, что все складывалось именно так, как ему и хотелось. — Может, вы все-таки напугали, и у нас тут не Англия?

— Все, довольно, — отрезала Джелайна. — Это у вас проблемы, а не у меня. У вас война, торговая блокада, запутанная политика и застой прогресса. Я заинтересовалась последним. Почему так вышло?

Бенвор уселся поудобнее, предвкушая новый рассказ.

— Я еще в первый день кое-что заподозрила, а потом порасспрашивала отца Паритэна, и докопалась до любопытных вещей. В вашем королевстве религиозному культу отведено поистине ничтожное место...

— И из-за этого застой? — удивился Олквин.

— Дело, в общем-то, не в самой религии. В моем мире христианство впервые попало в Англию вместе с римскими легионами. У вас существуют летописи о нашествии армии алафинов. Очевидно, это одно и то же. Завоеватели принесли сюда свою письменность, которая существует и поныне. Вы используете алатинскую систему счета.

— Да, вы говорили, неудобную, — вспомнил Бенвор. — А как у вас?

— Наша Европа давно перешла с римских цифр на арабские. Мы изучим их, если хотите, — успокоила Джелайна враз подобравшегося капитана. — Цифры пришли с континента, из далеких земель на юго-востоке. Из разных стран в Англию попали хорошая сталь, порох, стекло, специи, благовония, кофе, чай, сахар, бумага, шелк... — женщина развела руками. — У вас ничего этого и в помине нет. У нас кое-что принесли с собой крестоносцы. А вот в вашем мире не было вооруженных походов в дальние земли под знаменами христианства. Ну, может, и были, но без вашего участия. Вы вообще никогда не воевали на чужой территории, только на своей.

Олквин заставлял себя не перебивать, надеясь, что подробности параллельной истории еще услышит потом.

— Вот я и подумала, — уставившись на горящую свечу, произнесла Джелайна. — А что, если именно с той поры и пошло расхождение с нашим миром? Сильная церковь не поддерживала королевскую власть. Не было Крестовых походов, Столетней войны с Францией, или Лувеньоном, как она у вас называется. Не произошло учреждения парламента и образования сильной морской державы. Вместо этого Хорверолл распался и попал в блокаду скандинавов. То есть, бангийцев, — поправила она. — Викинги завоевывали Англию и раньше, но у вас процесс что-то затянулся.

— А это могло продолжаться до двадцать первого века?

— О, нет. Только если и весь остальной мир застрял так же прочно. Изоляция изоляцией, но даже с трудом сохранившиеся первобытные пигмеи в диких джунглях моего мира догадываются о том, что огромные стальные птицы, летающие высоко в небе, сделаны человеческими руками.

Стальные птицы стали последней каплей в чаше терпения Олквина.

— Все, хватит, — загорелся он, разворачивая свой заветный список. — Если причина отставания прогресса и была вашим заданием по моему миру, то решение вы нашли. Теперь я буду задавать вопросы, интересные мне.

Женщина взяла у него пергамент и внимательно просмотрела.

— А вы не размениваетесь на мелочи, — одобрительно усмехнулась она. — Ну, что ж, я попытаюсь научить вас всему, что приведет к ответам. Но за два месяца мы успеем совсем немного.

— Сколько успеем, — подхватил Бенвор. — Если не будет нападения из Анклау, то я постараюсь вернуться как можно раньше, и продолжим.

Время — коварная вещь. Позднее Олквин недоумевал: почему прежде ему казалось, что два месяца — это много? В ожидании время тянулось, словно застыв на месте, а теперь понеслось стремительно, как горный ручей.

Поначалу Джелайна по утрам привычно уходила в лес. Она сильно сократила свои тренировки, но уже через неделю Бенвор, видя, как медленно они продвигаются, попросил ее пока забросить их совсем. Конечно, Джелайна не обязана была посвящать целые дни исключительно ему одному, но она согласилась.

Занятия с ней были полной противоположностью нудным монастырским урокам, где мальчиков заставляли лишь бездумно заучивать наизусть. Джелайна старалась, чтобы Бенвор понял суть, а не вызубрил. И это оказалось намного лучше, потому что осмысленное запоминалось само.

Удивительное устройство в голове, обеспечивающее Джелайне абсолютную память на работе, пригодилось и теперь. Благодаря ему она последовательно вспоминала все, чему когда-то учили ее саму, и капитану оставалось только удивляться, как много всего открыли ученые ее мира за последние столетия. Когда-нибудь, наверное, и в его мире тоже родятся свои Галилей, Ньютон, Декарт, Бойль, Дарвин и остальные. Джелайна уверяла, что это произойдет обязательно — при любых темпах прогресса развитие человеческой мысли во всех утопиях идет с одинаковой закономерностью.

В особенно хорошем настроении женщина соглашалась рассказывать интереснейшие истории из жизни своего и чужих миров. И Бенвор постепенно научился улавливать подходящие моменты. Это оказалось совсем нетрудно — от настроения Джелайны непонятным образом стало зависеть его собственное самочувствие. Однажды Олквин признался ей в этом, на что женщина туманно заметила, что тоже постоянно ощущает его ауру, после чего надолго задумалась. Бенвор не стал уточнять, но догадался, что речь шла об упомянутом в ее откровениях живом тепле, которое окутывает ее рядом с ним и его двойником. Влияло ли ее настроение точно так же и на Уокера? Возможность такой взаимосвязи с двойниками из разных миров казалась Олквину просто мистикой.

Впрочем, о чем бы ни рассказывала Джелайна, капитан всегда внимал ей с одинаковым удовольствием, легко погружаясь в яркую воображаемую реальность, создаваемую умением женщины превращать любую тему разговора в захватывающее повествование. Он так привык слушать ее, что иногда делал это даже во сне. Перегружаемый информацией мозг постоянно выдавал по ночам жутко запутанные видения, и лишь знакомый голос, ставший уже таким привычным, спасал от зарождающихся кошмаров, легко расплетая смысловую паутину и раскладывая все по полочкам. Бенвор заметил, что даже когда он сам мысленно задает себе вопросы, ответы на них все чаще звучат в его сознании голосом Джелайны.

Олквин привык к голосу, но лицо женщины продолжало вызывать его неослабевающее любопытство точно так же, как и в первый день. Он смотрел на нее постоянно, но ее облик ускользал почти сразу, стоило лишь отвести взгляд. Капитан продолжал пытаться запомнить ее черты, и вскоре обнаружил, что их можно ненадолго запечатлеть только по отдельности. С этого момента он стал присматриваться к мелочам — к тому, как Джелайна поднимает брови, меняет направление взгляда, сдувает с глаз русую челку, прикусывает губу, улыбается или хмурится. Это особенно занимало его, когда женщина увлекалась, и ее мимика

становилась очень оживленной. Она вся словно светилась изнутри в такие минуты. Иногда Бенвор ловил себя на том, что неотрывно любит Джелайну во время лекций. И однажды понял — почти неуловимая для невнимательного взгляда, несомненная гармония этого странного лица раскрывалась только в непрерывном движении.

* * *

Олквин будто очнулся, когда до него дошло, что уже больше минуты стоит тишина, а лицо Джелайны застыло и вновь стало невыразительным. Женщина молча смотрела на него, поджав губы. Юноша расправил плечи, чувствуя себя так, словно только что вынырнул из глубины, и снова может дышать и отчетливо слышать.

— Похоже, вам это совсем не интересно, — тихо сказала она. — Давайте сделаем перерыв.

— Нет-нет, — торопливо ответил Бенвор. — Продолжайте.

— А уже все, — хмыкнула Джелайна. — Вы можете повторить мою последнюю фразу?

Капитан напряг память, но последним отчетливым впечатлением было лишь то, как женщина прищурилась, прежде чем умолкнуть. Вздохнув, он опустил голову.

— Мы занимаемся ежедневно по двенадцать часов, — с явным упреком произнесла Джелайна. — Не пора ли сжалиться над собой и признать, наконец, что впихнуть в два месяца материал нескольких лет попросту невозможно? Даже я едва выдерживаю, а ведь мне не привыкать к многочасовым урокам.

— Так вам тяжело? — спохватился Олквин. — Почему же вы не сказали сразу?

— Тяжело вам, — покачала головой Джелайна. — Может, хватит мучить себя в таком темпе?

— Я не устал, — тут же возразил он. — Просто отвлекся.

— Последние дни вы отвлекаетесь почти постоянно. Вы нормально спите?

— Нет, — нехотя сознался Бенвор. — Откуда вы знаете?

— Это синдром хронической усталости. Скоро вы сорветесь. Так больше нельзя, нужно разбавить умственную нагрузку чем-то еще. С завтрашнего дня я снова продолжу тренировки. Советую и вам присоединиться, пока мозги окончательно не закипели.

Капитан невольно согласился с этим. Жизнь сейчас такая: неизвестно, что будет завтра. Кто знает, может, ему скоро придется участвовать в сражении? А у него за полтора месяца спина совсем заостенела.

Джелайна встала из-за стола и направилась к лестнице. Внимание Олквина привлеч шум у двери: Даина с кем-то спорила.

— ...ведь всем сказано было: милорд запретил его беспокоить, — ворчала экономка.

— Кто там? — окликнул ее Бенвор. Даина оглянулась. Из-за ее плеча высунулась румяная принаряженная девица. С лестницы донесся тихий звук — то ли отрывистый смех, то ли фырканье. Олквин растерянно посмотрел на Джелайну. Несомненно, гостью давно успели просветить по части особенностей здешних нравов. Но как же ему не хотелось, чтобы она с этим сталкивалась!

— Сделайте перерыв, капитан, — выдавила Джелайна, криво усмехнувшись. — Отдохните от занятий. У вас есть все, что нужно, — кивнув в сторону девицы, она резко повернулась и почти убежала. Дверь ее комнаты хлопнула.

Скрипнув зубами, Бенвор принялся машинально складывать исписанные пергаменты. Настроение его разом испортилось, но хуже всего было отчетливое понимание того, что именно на него влияет. Экономка нерешительно потопталась на месте и, видя, что хозяин сейчас не занят, ушла на кухню. Девушка сделала несколько неуверенных шагов вперед и остановилась посреди зала, снимая блестящую от тающих снежинок теплую накидку. Не обращая на нее внимания, Олквин отодвинул стопку книг и направился к лестнице. Крестьянка пошла вслед за ним. Бенвор обернулся и смерил ее недовольным взглядом. Девушка посмотрела наверх, в сторону жилых спален, и робко улыбнулась. Снова хлопнула дверь. Джелайна с каменным лицом торопливо спустилась вниз, уже в плаще, под которым виднелась черная форма. Не поднимая глаз, она старательно обошла преградившего дорогу капитана, но он поймал ее за край одежды.

— Куда вы? — тихо спросил Олквин. — Уже темнеет.

— Прогуляюсь, — не глядя на него, невыразительно бросила женщина и, аккуратно высвободившись, стрелой вылетела прочь. Бенвор взбежал по лестнице, толкнул дверь своей спальни и схватил первую попавшуюся под руку теплую одежду. Выходя, он снова наткнулся на крестьянку.

— Что, замуж вышла? — процедил он. Девушка расплылась в улыбке и кивнула. — Вот и иди к мужу! — прошипел капитан, оттолкнул ее и выбежал на улицу.

Шел сильный снегопад. От городских ворот не уходило никаких свежих следов. Олквин потоптался на месте, вглядываясь в быстро заметаемые ямки, и уже собрался возвращаться ни с чем, когда заметил цепочку отчетливых ребристых отпечатков, тянущуюся вдоль самой стены крепости. Джелайна не пошла через мост, и это было странно — ведь тогда ей пришлось бы как-то перебираться через ров, где снега намело по плечи. Бенвор пошел по следам, и наткнулся на женщину у бревенчатой стрелковой башни. Она сидела на корточках, опершись о стену, обхватив колени и плотно завернувшись в плащ.

— Что вы здесь делаете? — не поднимая головы, глухо спросила Джелайна, словно удивившись тому, что Олквин предпочел догнать ее, а не остаться в приятной компании.

— Вы же сами приглашали меня присоединиться, — невозмутимо произнес Бенвор.

— Завтра, — буркнула женщина. — На тренировке. А сейчас я просто гуляю.

— Странная у вас прогулка, — усмехнулся капитан. — У проекций могут отмерзнуть пальцы?

Джелайна встала, и Олквин увидел, что она дрожит. Эта одежда была слишком легкой для такой погоды.

— Леди, вы совсем замерзнете, — с упреком сказал он. — Вернитесь в дом.

— Зачем вы пошли за мной? Вам нечем больше заняться?

Похоже, она пыталась быть язвительной. Но получилось жалобно, как у обиженного ребенка.

— Я испугался, что вы пойдете в лес, — объяснил Бенвор. — В темноте, в снегопад...

— Ни в какой лес я не собиралась, — фыркнула она и сбивчиво пояснила: — Вышла, а потом подумала: ну, может, найду и себе кого-нибудь, чтобы тоже... отвлечься от занятий.

Ах вот даже как?!

— Боюсь, это пустая трата времени, — мягко заметил Олквин, стараясь, чтобы в голосе не звучала улыбка. Джелайна гневно сверкнула глазами из-под капюшона.

— Ну, спасибо! — отрывисто бросила она и зашагала назад к воротам.

— Нет, я не в том смысле... — поспешно добавил Бенвор, поравнявшись с ней. —

Просто ни один мужчина в Сентине не посмеет и пальцем вас тронуть. В моих владениях, леди, вы неприкосновенны.

Женщина вздернула подбородок и с вызовом спросила:

— Неужели? А если леди сама попросит об этом — что, кто-то посмеет отказать?

Широко шагая, Бенвор обогнал ее и встал на пути.

— Ну, попробуйте, — тихо предложил он. — Мне тоже любопытно.

Джелайна замерла, вглядываясь в темноте в лицо капитана. Ее глаза блестели, отражая слабый свет сумерек.

— Ладно, сдаюсь, это была неудачная шутка, — нервно хмыкнула она. Порывисто вздохнув, тихо добавила: — Да плевать я хотела на "кого-нибудь"... — и еле слышно прошептала: — ...и вам об этом прекрасно известно.

Голос ее сорвался. Натянув пониже капюшон, она скользнула мимо Олквины, но тот поймал ее за руку и удержал на месте. Джелайна дернулась, пытаясь освободиться, шагнула в сторону и провалилась ногой в ров. Потеряв равновесие, она машинально уцепилась за Бенвора. Не ожидавший этого капитан поскользнулся и полетел в глубокий снег.

Вынырнув из сугроба, Олквин встряхнул волосами, вытер лицо и неожиданно для себя самого рассмеялся. Давненько уже его не вываливали в снег... Нашарив рядом в темноте Джелайну, он потянул ее вверх. Женщина не смеялась, она недовольно шипела, держась за затылок.

— Что с вами? — забеспокоился Бенвор, испугавшись, что зацепил ее, когда падал. — Ударились головой?

Он помог Джелайне сесть ровно и, протянув руку, нашел ее холодные пальцы.

— Похоже на то, — мрачно согласилась она. — И, кажется, уже давно.

Все еще пытаясь нащупать у нее шишку, капитан не сразу понял, что она имеет в виду. Взяв голову женщины в ладони, он растерянно заглянул ей в лицо. Пушистые снежинки падали на ее волосы, цеплялись за ресницы, и Олквин заметил, что Джелайна тоже рассматривает его. Он уже достаточно изучил мельчайшую мимику этого лица, чтобы различить, даже в сумерках, что ее пристальный взгляд остановился на его губах. Ни секунды не задумываясь, Бенвор наклонился и поцеловал ее.

Женщина вздрогнула и попыталась оттолкнуть его. Но капитан держал ее крепко, и отпустить не собирался. Еще секунда — и она всхлипнула, обвила его руками и ответила с таким неожиданным пылом, что у Олквины перехватило дыхание. Господи, его никогда так не целовали! Так жадно, самозабвенно, захлеб... будто последний раз в жизни. Выпустив голову Джелайны, Бенвор притянул к себе ее тонкое, сильное тело, и тут же она сама прижалась к нему с отчаянием человека, которому нечего больше терять. Все растаяло, смазлось — и мороз, и снег... и пространство, и время...

Реальность грубо напомнила о себе обрушившимся на головы сугробом. Холодные мокрые комочки тут же пробрались за шиворот. Охнув, Олквин отпустил женщину и принялся торопливо выбрасывать талый снег из-за ворота. Леди в плотно прилегающей форме повезло больше. Лишившись опоры, Джелайна осела в снег, тяжело дыша и совершенно ошалело глядя на капитана. Растрепанная, возбужденная, с горящими глазами — сейчас она была хороша, как никогда. Тотчас же забыв про холод, Бенвор снова потянулся к ней. Женщина отшатнулась, вскочила на ноги и ловко выбралась из рва. Олквин метнулся следом, чувствуя, как морозом уже пощипывает губы. Он поймал Джелайну возле самых ворот и прижал к бревенчатой стене. Но теперь она стала уворачиваться, не давая ему снова

захватить ее врасплох. Бенвор стал покрывать быстрыми мелкими поцелуями ее лицо, шею, забрался рукой под куртку, рванул завязки плаща...

— Перестаньте, — задыхаясь, взмолилась она. — Ну, хватит же!

Олквин до боли стиснул в кулаках металлические пряжки рейдерской формы. Это отрезвило его ровно настолько, чтобы начать понимать, чего все же не стоит делать прямо здесь, на улице. Но женщину из объятий он все равно не выпустил.

— Что вы творите? — пискнула Джелайна. — Я на двенадцать лет старше вас!

— И что с того? — севшим голосом возмутился Бенвор.

— А по нашим законам вы вообще еще несовершеннолетний. Я не могу...

— К черту ваши идиотские законы! — не выдержал капитан. — Я воюю с тринадцати лет!

Нелепая причина упрямства женщины, идущая вразрез с ее откровенным влечением к нему, разозлила Бенвора. После полутора месяцев одной лишь умственной нагрузки тело теперь все настойчивее требовало физической компенсации. И отступить так просто юноша был не намерен.

— Я не имею права вмешиваться в вашу жизнь, — отстраняя его руки, пробормотала Джелайна.

— Но моя жизнь и так необратимо изменилась в тот день, когда вы появились здесь, — возразил Олквин.

Женщина замерла, глядя на него широко открытыми глазами. Неожиданно она ахнула и зажала рот рукой.

— Что такое? — насторожился капитан. Джелайна помотала головой и попятилась от него вдоль стены. Взгляд ее сразу стал таким, словно она смотрела на Бенвора, но видела при этом кого-то другого.

— Он что... проверяет вас мной?! — ошеломленно предположил Олквин. Джелайна повернулась и убежала прочь. Капитан так и остался стоять, привалившись к стене.

Немыслимое, самонадеянное коварство двойника просто не укладывалось у него в голове. Ладно, какой-то там Бенвор Олквин из утопии — понятно, что для Уокера он был никем, просто одним из зеркальных отражений в бесконечной веренице идентичных миров. Но поступить так с любимой женщиной, которая доверяла ему...

Почему ему раньше казалось, что он в состоянии понять Уокера? Душа этого страшного человека теперь представлялась темной, как декабрьская ночь, и такой же холодной. Что привлекло двойника в Джелайне, зачем она ему нужна? Зачем было мучить ее своей скрытностью, бросать одну в незнакомом мире, устраивать непонятные испытания с непредсказуемыми правилами? Зачем привязывать к себе, а потом цинично провоцировать? Какая-то извращенная логика, форменное издевательство.

Вылившееся в злобу напряжение наконец-то нашло подходящее направление для ненависти. Хуже всего Бенвору сейчас было оттого, что он совершенно точно знал: Джелайна все равно простит Уокера, что бы тот ни сделал. И Олквин не мог и не хотел винить ее за это — она была всего лишь женщиной, впечатлительной и легко ранимой, а ее единственная настоящая жизнь терпеливо дожидалась по ту сторону бескрайней бездны.

Сентин казался вымершим — все попрятались от мороза. Бенвор быстрым шагом пересек крошечные улочки и, едва войдя в дом, увидел крестьянку. Она все-таки осталась ждать капитана в тепле у камина, надеясь, что тот скоро вернется. У Олквина аж в глазах потемнело, когда он представил себе, что Джелайна опять ее встретила.

Если бы эта девица не приперлась сюда сегодня, то ничего из того, что произошло за последний час, не случилось бы. Если бы чертов Уокер не вздумал забросить в его мир удивительную женщину из параллельного будущего, то крошечная вселенная Бенвора так и осталась бы если не простой, то по крайней мере привычной и понятной. А что теперь творится с его жизнью?!

Злость на Уокера была масштабной, но заведомо бесполезной. А вот настырная девица, из-за которой испортились отношения с Джелайной, неосмотрительно оказалась в пределах досягаемости.

Олквин решительно шагнул к ней. Кому-то же все равно придется за все отдуваться...

— Как тебя зовут? — хмуро бросил он. А какая, к черту, разница? — Иди за мной, — не дожидаясь ответа, приказал он и пошел к себе. Девушка послушно заторопилась следом.

Бенвор швырнул в угол теплый плащ, стащил рубаху, сел на кровать и принялся снимать сапоги. Покосился на девицу — та спохватилась и стала поспешно раздеваться.

— Серебра не получишь, — с мрачным злорадством предупредил он. Крестьянка замерла, не поняв сразу, о чем идет речь.

— А! — дошло до нее. — Ну и ладно!

Олквин бесцеремонно схватил ее за распущенные волосы и толкнул на кровать. Быть с ней ласковым он точно не собирался. Другим неповадно будет.

* * *

подавая на стол, Даина, против обыкновения, не смотрела на господина и не говорила ни слова. О причине ее осуждающего молчания можно было легко догадаться. Крестьянка, имени которой Бенвор так и не узнал, вчера ушла от него вся в слезах. Олквина раздражало, что экономка дует из-за какой-то глупой девки, и поэтому он тоже молчал.

— погоди, — наконец, проронил он, когда Даина собралась выйти. — Почему леди не идет завтракать?

— Леди давно уже поела на кухне и ушла, — сухо ответила экономка. Бенвор бросил на нее угрюмый взгляд.

— Что, уже успели перемыть мне косточки?

— Воля ваша, милорд, — безучастно отозвалась Даина. — Как можно?

Капитан решил поехать верхом, чтобы дать как следует размяться коню, которого полтора месяца выгуливал только конюх. Дорогу замело, но мягкий снег легко разлетался в стороны. Олквин быстро отыскал в натопанной с утра колее знакомые ребристые отпечатки и пустился по ним. Но вскоре следы исчезли в густом лесу, и Бенвору пришлось вернуться на дорогу. Он доехал почти до самой границы, а потом завернул к реке. Бриста стояла, скованная льдом, и вряд ли теперь в ней можно плавать. Капитану пришлось возвращаться в Сентин ни с чем.

В ожидании Джелайны Олквин стал просматривать заготовленный ею учебный план. Как все-таки мало они успели пройти! Сколько еще впереди интересного и важного. Бенвора снедало беспокойство, смешанное с раскаянием — а вдруг она теперь не захочет продолжать занятия? От этой мысли ему делалось почти так же горько, как и тогда, когда он ошибочно решил, что Джелайну забрали домой.

Задумавшись, Бенвор едва не пропустил ее возвращение. Дверь открылась почти

неслышно, да и Джелайна, когда хотела, могла перемещаться совершенно бесшумно. Ее выдала скрипучая ступенька лестницы. Олквин вскочил и побежал следом, но женщина уже скрылась в своей комнате. Бенвор прислонился к двери и постучал.

— Леди, откройте.

Конечно, он не рассчитывал, что она тут же послушается, и не ошибся. В комнате слышался лишь легкий шелест одежды. Тихо прожужжала «молния» застежки, неожиданно вызвав у Бенвора совсем не те мысли, которыми он настраивал себя с самого утра. Перед глазами снова встали хрупкие плечи женщины в жарко натопленном доме... и ее горящие глаза в окружении белого снега...

— Я хочу извиниться... за вчерашний вечер, — выдавил Олквин и смущенно добавил: — Наверное, у меня действительно закипели мозги.

— Ну, теперь-то, я надеюсь, вам полегчало? — язвительно донеслось из-за двери. Бенвор стиснул зубы, снова мысленно обругал некоторых личностей и как можно мягче сказал:

— Мне бы не хотелось, чтобы вы чувствовали себя виноватой.

— Какая пронизательность, — мрачно заметила Джелайна. — Именно так я себя и чувствую.

— Не надо, прошу вас, — забормотал Олквин, прижавшись лбом к двери. — Мне невыносима мысль, что вы можете от меня отдалиться. Обещаю — отныне все будет только так, как вы захотите. Только не забрасывайте наших занятий. Вы нужны мне. Пожалуйста, скажите, что не сердитесь.

Он услышал шорох приблизившихся шагов. Но женщина не стала открывать, а отрывисто ответила:

— Я не сержусь. Я просто идиотка. Мне следовало продолжать оставаться сдержанной, и ничем — ни словом, ни даже взглядом — не вмешиваться в ваш жизненный уклад. Вас назвала несовершеннолетним, а сама веду себя, как ревнивая девчонка.

Такого Бенвор не ожидал. Но Джелайна, запинаясь, продолжила:

— Все это... словно дежа вю. Видимо, все дело в вашем сходстве. Наверное, подсознательно я до сих пор полагаю, что у меня и на вас тоже могут быть какие-то права. Умом я понимаю, что все совсем не так, но это все равно причиняет мне боль. Простите меня, это выше моих сил.

Олквину вдруг почему-то стало абсолютно неважно, что еще он может услышать. Он отошел от двери и спустился вниз. Безмысленно прослонявшись по залу, Бенвор сел возле камина и уставился в огонь.

Жизнь давно научила его, что есть некое злое равновесие. Полтора чудесно проведенных месяца теперь просто обязаны были завершиться чем-нибудь плохим. Бенвор то и дело забывал старую аксиому, но реальность неизменно напоминала о ней самыми неподходящими способами. Олквин знал, что многие люди считают его жизнь достойной зависти. Ну, как же: красавчик, единственный и усердно протезируемый брат обласканного властями придворного, успешный карьерист, везунчик на поле брани... Ирония была в том, что судьба действительно часто предоставляла капитану блестящие возможности — но при этом постоянно подсовывала совсем не то, чего бы ему хотелось. То, что окружающим казалось большой удачей, для Бенвора выглядело несколько по-иному. Нет, он понимал, что ему грешно быть недовольным, и гордился тем, что имел. Большинство не имеют и гораздо меньшего. И все же он часто задумывался о том, что мелкой междоусобной военной славе

предпочел бы больше времени на занятия науками, самостоятельности с ранней юности — живых родителей, а лицемерной благосклонности монарших особ — свободу выбирать собственный путь.

Олквин вспомнил свой девятый день рождения. Праздники были самой большой радостью, потому что его на несколько дней забирали из монастыря домой. Барон подарил младшему сыну меч — маленький, облегченный, но настоящий, железный, очень острый. Верные друзья по детским играм — сын пекаря Тиви Хоркан и пасынок бондаря Воллан Уилкас — взирали на меч с восхищенным благоговением. А Бенвор едва не плакал. Меч был великолепен, но мальчик прекрасно знал, что в его жизни будет еще много разного оружия. А в тот раз ему больше всего на свете хотелось получить в подарок "Атлас десяти королевств" с цветными рисунками-картами. Атлас стоял в лавке иноземного купца и стоил даже меньше меча, но отец рассудил, что будущему рыцарю без надобности дорогуя книга, написанная на языке, которого никто не понимает. Потом началась торговая блокада, и больше Бенвор никогда не видел ничего подобного.

В монастыре в него вдолбили, что долг превыше всего, и каждый получает то, что заслужил, так что глупо было жалеть о том, что судьба охотно предлагала синиц в руках, ведь журавлями в небе она дразнила только лишь затем, чтобы потом щедро осыпать драными перьями и глумливо расхохотаться в лицо.

Когда на улице раздался шум и голоса, а в распахнувшуюся дверь ввалился уставший солдат в покрытой инеем одежде, Олквин даже не удивился. Все было закономерно.

— Пакет для господина капитана! — отчеканил гонец. Бенвор взял у него послание, кивнул в направлении камина, и парень бросился отогреваться. Вскрыв письмо, Олквин медленно поднялся по лестнице и снова постучал в запертую дверь.

— Леди, — тихо позвал он. — Я уезжаю в столицу.

Послышались торопливые шаги и дверь распахнулась. У Джелайны были чуть покрасневшие, испуганные глаза.

— Как, уже?! — с отчаянием воскликнула она, но странно — от одного вида ее искреннего огорчения в душе Бенвора разлилось удивительное умиротворяющее тепло.

— Служба... — пожал он плечами, комкая в руке письмо. Женщина заметила пакет с гербовой печатью.

— Война? — тревожно спросила она.

— Еще не знаю, — ответил Олквин. — Но вызывают срочно. Я напишу вам сразу, как прибуду.

Джелайна долго смотрела на него, словно пытаясь запомнить каждую черточку.

— Храни вас Бог, — вымолвила она. — Я не умею молиться, но попытаюсь.

— Тогда лучше пожелайте мне удачи, — криво усмехнулся Бенвор. — Ведь если меня убьют, кто же станет о вас заботиться?

Джелайна порывисто вздохнула, шагнула вперед и прильнула к Олквину, спрятав лицо у него на груди. Бенвор обнял ее, снова ощущая, как растекается по жилам то самое забытое ощущение уюта. Если в прошлый раз он уезжал из Сентина просто с неохотой, то теперь у него вообще не было сил тронуться с этого места.

— Вы будете ждать меня? — шепнул он. Джелайна быстро закивала, не поднимая лица. Олквин счастливо улыбнулся, прижавшись щекой к ее теплой макушке.

— Это так хорошо, когда дома ждут.

Опасения Бенвора не подтвердились. Бангийская армия еще не высадилась возле Анклау. Разведчики доложили всего лишь об одной галере с тридцатью наемными солдатами, прибывшими для пополнения королевской стражи. Правда, это было уже далеко не первое пополнение, и многие считали, что Альберонт все-таки хочет незаметно собрать значительное войско и попытаться отхватить кусок приграничных земель на востоке.

Несколько недель Олквин разрывался между столицей и фортами феода Йонриха. Потом все снова успокоилось. Пару раз хорверские солдаты ввязывались в мелкие стычки, но в остальном все оставалось подозрительно тихо. Даже шпионов появлялось очень мало, или же они стали ловчее и осторожней. Анклау замер, словно выжидая.

К весне принц Майрон в очередной раз попытался наладить отношения с королем Ленгосоу. В Жомеросуин отправилась дипломатическая миссия. Бенвор с удивлением узнал о том, что посольство возглавил его брат Ланайон. Молодой барон Олквин сам вызвался вести переговоры, и справился с этим блестяще. Договор не затронул вопрос о совместном ведении военных действий, но зато слегка ослабил торговую блокаду. Через приграничные заставы осторожно пошли единичные купеческие обозы с побережья — первые за десять лет.

Бенвору все это время пришлось провести на восточной границе, а потом надолго задержаться в столице. Особых дел сейчас у него здесь не было, но ситуация могла измениться в любой момент, и капитану приходилось все время быть под рукой у командования. Оставаться ночевать в казарме было ни к чему, и Бенвор вечерами уезжал в Олквинау — при необходимости его могли вызвать и оттуда. Вернувшийся из Жомеросуина Ланайон теперь постоянно обитал при дворе. Веанрис благополучно родила дочь, нашла ей кормилицу и вскоре отбыла к мужу — снимать сливки монаршей благосклонности к подающему надежды молодому дипломату. Замок почти опустел, лишь на хозяйской половине няньки в детской возились с малышами. В прежние времена Бенвор был бы только рад такому стечению обстоятельств, позволяющему спокойно заняться освоением дальних полок библиотеки. Но теперь он не находил себе места. Долгожданная тишина не радовала, а лишь добавляла уныния. Едва взявшись за любую научную книгу, Бенвор неизменно наткался на какие-нибудь детали, однозначно указывающие на несоответствие с толкованием той же самой темы Джелайной. В монастыре подобным сомнениям не оставалось места, там заставляли просто принимать на веру и заучивать. Но теперь юноше было недостаточно постулатов, ему требовались логичные объяснения с самых основ. Сначала Бенвор честно пытался разбираться во всем самостоятельно, но ему все время как будто чего-то не хватало. И капитан очень быстро понял: не хватает знакомого уверенного голоса... точнее, его хозяйки.

Гонцы регулярно развозили почту в приграничные форты. Олквин за это время два раза отправлял Джелайне короткие письма. От нее он ни разу ничего не получил, но это могло и не зависеть от самой женщины. Ни один гонец, сделавший неудобный крюк и завернувший в Сентин, не стал бы еще и ждать, пока она напишет ответ. А приготовить письмо заранее Джелайна, видимо, не догадалась. Похоже, она не рассчитывала, что Бенвор будет ждать ответа на первое письмо, и уж тем более — что напишет повторно.

Как-то раз Бенвор отправлял в Локо отряд для сопровождения обоза с продовольствием и, внезапно решившись, попросил одного из солдат доскакать до Сентина и забрать оттуда

Джелайну. Отряд из форта должен был вернуться в столицу только через день, но это Олквина не беспокоило — повариха Малеана наверняка охотно приютит бывшую «шпионку». И только после этого он отважился спросить у Ланайона, не станет ли тот возражать, если в Олквинау поживет гость из Сентина.

— Этот твой гость — мужчина или женщина? — чуть усмехнувшись, поинтересовался барон.

— Какое это имеет значение? — заупрямился Бенвор.

— Значит, женщина, — быстро сделал вывод Ланайон, нахмурился и строго спросил: — Это именно к ней ты так рвался в прошлый раз?

— Да, — с досадой выпалил Бенвор. — Но совсем не по той причине, о которой ты подумал.

— Да что ты? — фыркнул барон. — И как же зовут эту юную особу?

— Леди Джелайна Анерстрим, — сдержанно ответил капитан. — И, между прочим, она старше тебя.

На лице Ланайона отразилось задумчивое удивление.

— Ну, если это, как ты говоришь, не то, о чем я подумал, тогда зачем еще тебе так нужна ее компания?

— Она меня обучает, — спокойно сказал Бенвор. Барон удивился еще больше, и капитан пояснил: — Леди Анерстрим — иноземка, всесторонне образованная и начитанная. Обстоятельства таковы, что вернуться в Сентин и продолжить наши занятия мне доведется еще не скоро. А здесь вечера все равно свободны, не лучше ли проводить их с пользой?

— Обычно выражение "провести вечер с пользой" большинство молодых людей понимают несколько иначе, — ухмыльнувшись, пробормотал Ланайон и махнул рукой. — Ладно. Учись, раз нравится. Все лучше, чем брюхатить подряд всех моих служанок.

— Это не я, — рассмеялся Бенвор, довольный, что вопрос с приездом Джелайны решился так быстро.

— Не ты, как же... А что иноземка делает в Сентине? — вмиг посерьезнев, спросил барон.

— Живет, — просто ответил капитан. — Я приютил ее. Это долгая история.

— Откуда она приехала?

— Из Англии, — чуть помедлив, уверенно заявил Бенвор.

— А где это находится?

— Очень далеко. За морем.

— Что-то не припомню королевства с таким названием, — нахмурился Ланайон. — Хотя, если это самоназвание, то нам оно может и не быть знакомо. Но как она попала сюда? Ты что, арестовал ее на границе?

— Примерно так и было, — кивнул капитан и, недолго думая, рассказал брату то же, что и Платуссу: — Корабль, на котором она путешествовала, попал в бурю, и больше никто не спасся. Леди написала домой письмо, теперь ждет, когда за ней приедет кто-нибудь из родных.

— Долго ей, наверное, придется ждать, — подозрительно заметил барон. — Разве откуда-нибудь ходит почта в эту самую Англию? Раз для этого нужен корабль, то только из Жомеросуина. Или из Анклау, — холодно процедил он. — Так куда, говоришь, написала леди? Ты хоть видел ее письмо?

Бенвор занервничал. Наспех придумывая легенду, он как-то не принял во внимание

существующих возможностей отправки почты за границу, а убедить придворного было куда сложнее, чем доверчивого слугу.

— Видел, конечно, — твердо заявил он. — И, честно говоря, тоже считаю, что ни в какую Англию оно так никогда и не попадет. Но что мешает леди надеяться? А если ей не суждено вернуться домой, пусть так и живет в Сентине. Она мне еще пригодится.

— А ты уверен, что она не бангийская шпионка? — произнес Ланайон.

— Уверен. Я сам допрашивал ее с напитком откровенности.

Лицо барона вытянулось.

— Не ожидал, что мой брат станет злоупотреблять такими вещами, — пробормотал он. — Да еще и допрашивая даму. Не проще было...

— Не проще, — отрезал Бенвор. — Иначе я бы никогда ей не поверил. Правда.

— Тогда тебе еще повезло, что она согласилась обучать тебя после такого унижительного обращения.

— Даже не представляешь, насколько ты прав, — очень серьезно сказал капитан. — Думаю, ей тоже повезло, что она встретила здесь именно меня, а не кого-то другого. Попадись она, скажем, Каренцу — тот бы запытал ее до смерти, потому что ни на миг не допустил бы, что на свете и в самом деле случаются такие вещи. Большинство людей готовы верить только в то, что можно увидеть и потрогать. А я... — он вздохнул. — Мне кажется, в глубине души я всю жизнь ожидал чего-то подобного.

Барон снисходительно улыбнулся мечтательно задумавшемуся брату и потрепал его по плечу.

— Кажется, вы и впрямь нашли друг друга, — насмешливо бросил он, уходя. — Ты у нас еще в детстве бредил чужими краями. Надеюсь, эта путешественница не сманит тебя взглянуть на ее далекую Англию?

Бенвор проводил его враз погрузневшим взглядом.

— Если бы... — проронил он.

* * *

Два дня капитан провел в том же состоянии нетерпения, с каким последний раз ехал в Сентин. Даже зная неугомонную натуру Джелайны, Бенвор время от времени все-таки сомневался: а вдруг она не захочет приехать в норвундское предместье? Жители крошечного городка уже успели привыкнуть к некоторым странностям иноземки. А в Олквинау ей снова придется вернуться к прежней роли, но зрители на этот раз будут куда взыскательнее.

Как назло, неожиданно вернулась домой Веанрис. Видимо, барон рассказал супруге о предстоящем приезде гостыи Бенвора, и женское любопытство пересилило всякую деликатность. Весь вечер баронесса изводила деверя дотошными расспросами, а за завтраком призналась, что Ланайона немного беспокоит то, что его брат связался с неизвестной дамой. Оказывается, барон с самого начала зимы усердно подыскивал Бенвору подходящую невесту из хорверской знати.

— По-моему, Ланайон действительно испереживался, что тебя незаметно для нас окрутит какая-нибудь дочка кузнеца, — сообщила Веанрис. — А у него на тебя большие планы.

— Какие еще планы? — насторожился Бенвор. — Женить меня на титуле?

— Почему бы и нет? — ответила невестка. — Разве ты не достоин самого лучшего? Но согласишься, звание капитана и маленького нищего феода недостаточно, чтобы поймать крупную рыбку. Если отбросить церемонии и говорить начистоту, то Ланайон хочет как можно выгоднее продать твое хорошенькое личико.

— Да что я, девица?! — возмутился Бенвор.

— А какая разница? — хмыкнула Веанрис. — Ты что же думаешь, Ланайон ввязался во всю эту дипломатическую кутерьму исключительно ради собственной карьеры? Нет, он заводит новые связи, стараясь заодно устроить будущее любимого брата. А тебе стоило бы выказать хоть немного признательности.

После этого разговора в душе Бенвора надолго поселилось легкое беспокойство. Но оно рассеялось без следа, как только ему доложили о возвращении отряда из Локо. Капитан немедленно отправился самолично встречать прибывших. Быстро шагая, он обыскал глазами заполненный людьми и лошадьми огромный двор казармы. Джелайны нигде не было видно. Уже начав волноваться, Олквин заметил вдали солдата, которому поручил забрать женщину, и направился к нему. И тут из-за расседываемого мула показалась маленькая на фоне плечистых солдат фигура в мешковатом плаще с капюшоном. Бенвор едва не споткнулся, хотя мысленно почти взлетел. Он еще не видел лица Джелайны, а уже знакомое ощущение ни с чем не сравнимого уюта нахлынуло волной и заструилось по жилам. Женщина резко обернулась, будто ее окликнули, и посмотрела прямо на него, словно точно знала, где искать. Она тут же пошла ему навстречу, все быстрее и быстрее, легко расталкивая толпу и не отрывая взгляда. Капитан еле заставил себя не побежать, а потом — не задушить ее в объятиях у всех на виду.

— Вы приехали, — только и сказал Бенвор, безуспешно пытаясь справиться со счастливой улыбкой. Джелайна молча закивала, радостно глядя на него блестящими, как капли ртути, глазами.

* * *

— Сейчас распоряжусь, чтобы вам принесли обед, — Олквин усадил гостью в уголке штаба и позвал дежурного. Юноша весь извелся, не зная, как устроить ее получше. Джелайна в очередной раз заверила его, что все в порядке, и она совершенно спокойно может подождать здесь до вечера. В дверь то и дело заглядывали люди. Казалось, капитан срочно понадобился всем и сразу, но Бенвору было ясно, что это обычное любопытство. Не каждый же день ему по особому заказу доставляют в столицу даму. А слух уже прошел, в этом можно было не сомневаться.

Отправлять Джелайну в Олквинау одну было никак нельзя. Когда Веанрис начнет обстрел вопросами, Бенвору лучше было быть рядом. Но и оставлять женщину в одиночестве он тоже не решался. И вовсе не потому, что в его отсутствие кто-то мог ее обидеть — конечно, нет, да и Олквин еще посмотрел бы на того, кто теперь попробует это сделать. Бенвору просто не хотелось отходить от нее слишком далеко. Была бы его воля — он весь день таскал бы ее с собой повсюду, лишь бы не терять из виду. Приезд Джелайны до сих пор казался ему чем-то вроде сна, который мог оборваться в любую минуту.

Вслед за дежурным в дверь сунулся Уилкас. Детские друзья Бенвора уже почти неделю находились в столице, ожидая нового распределения по гарнизонам. Поприветствовав

капитана, Уилкас принялся искоса разглядывать Джелайну, усердно делая вид, что он тут по делу особой важности.

— О! — вдруг воскликнул он. — Да это же та самая шпионка! Точно! — и указав на выглядывающие из-под плаща ноги женщины, пояснил: — Только по сапожкам и признал. Других таких ни у кого нету.

— Никакая она не шпионка, — возразил Олквин, поспешно выставляя его за дверь.

— Да знаю, знаю... — согласился Уилкас, скрываясь из виду.

— Сейчас прибежит второй, — вздохнул Бенвор. И точно — почти сразу появился Хоркан. С серьезной миной отдал честь капитану и открыто уставился на Джелайну. Та, не выдержав, прыснула. Солдат расплылся в хитрой улыбке.

— Насмотрелся? — недовольно одернул его капитан. — Все, иди отсюда.

Вытолкав Хоркана, он разогнал за дверью остальных и вернулся. Джелайна тихонько смеялась.

— Они все с вами так по-простому?

— Еще чего, — фыркнул Олквин. — С этими двумя оболтусами мы росли вместе, так что им многое прощается. А знаете, что? — оживился он, подавая женщине руку. — Прямо сейчас и уедем. Все равно покоя не дадут.

— Да нет, зачем? — забеспокоилась Джелайна. — Занимайтесь своими делами, не нужно все бросать. Я не хочу, чтобы у вас из-за меня были неприятности.

— Ну что вы, леди, — улыбнувшись, мягко возразил Бенвор. — Все мои неприятности закончились час назад.

* * *

Знакомство с Веанрис прошло куда лучше, чем ожидал Олквин. Похоже, посмотрев на Джелайну, невестка сделала вывод, что в данном случае Ланайону можно забыть о своих опасениях. С баронессы мигом слетела напускная надменность. Веанрис взяла на себя все заботы по обустройству, как обычно, успевая и гонять слуг, и расспрашивать Джелайну, как той живется вдали от родины, а попутно еще и сделав выговор деверю за то, что у него в Сентине иноземная гостья была вынуждена ходить в жалких крестьянских тряпках.

— Не знаю, как там в деревне, — ворчала она, отбирая Джелайне подходящие платья, — но я не допущу, чтобы у нас вы ходили одетой, как прислуга. Конечно, то, что дала Даина, все лучше, чем ваш непристойный мужской наряд. Но Бенвор и сам мог догадаться, что леди нужна подобающая одежда, а не это убожество. Мальчишка, солдафон... Мог бы у меня спросить, наконец. Так нет же — развел секреты... — похоже, что именно последнее казалось Веанрис самым досадным.

— Ваша невестка чем-то напоминает мне Энни, — чуть позже поделилась с капитаном Джелайна. — Такая же шустрая и деловая.

— И так же легко разговорит кого угодно, — вспомнив ее рассказ, согласился Бенвор.

— Но вас она, похоже, так и не смогла разговорить?

— У меня не так-то просто что-то выведать, если я сам этого не захочу, — ответил Олквин.

— Охотно верю, — кивнула Джелайна, и тут же помрачнела. Капитан сразу понял, о ком она подумала, и поспешил отвлечь ее, пригласив осмотреть замок. Он показал ей свое

любимое место на разрушенной галерее под крышей башни. Женщина пришла в восторг от вида, открывавшегося с этой высоты на Норвунд. Бенвор, которому это зрелище было привычно с детства, рассказал о том, как четко отсюда просматривается звездное небо, и предложил вернуться вечером.

— Да, и лучше все-таки будет надеть брюки, — заметила Джелайна, цепляясь одной рукой за стену, а другой придерживая раздуваемый ветром подол. Бенвор подхватил женщину за талию и помог спуститься с галереи. А когда они очутились на полутемной площадке под крышей башни, он наконец-то сделал то, чего ему хотелось еще днем. Джелайна замерла в его осторожных объятиях, почти не дыша. Олквину так много хотелось сказать ей: о том, как ему не хватало ее уверенного голоса, интересных занятий, долгих разговоров на любые темы, да и просто одного ее присутствия рядом. Но все слова куда-то подевались, и юношу с трудом хватило на банальность:

— Я скучал.

— Я тоже, — прошептала Джелайна. Она не пыталась высвободиться, ничего не спрашивала, и Бенвор, наконец, перестал бояться, что может вот-вот проснуться.

— Мне хорошо, когда вы рядом, — вырвалось у него. — Не знаю, как это объяснить... Я чувствую себя так, словно в меня вливаются новые силы. Даже жизнь сразу кажется проще.

Женщина чуть отстранилась и посмотрела на него с выражением, похожим на удивление. Олквину был уже знаком этот взгляд.

— О чем вы сейчас думаете? — спросил он. — Только скажите правду.

— О вас, — тихо ответила она. — И о Чарли.

Бенвор выпустил ее и отступил назад. Ну что, хотел правду?

— Видите ли, — сбивчиво пояснила Джелайна, — я тоже чувствую нечто подобное. Вы так запросто вложили это в три короткие фразы... Я бы так не смогла. У меня и раньше не очень получалось.

— Мой двойник, — понял юноша. — С ним было так же, верно?

— Да. И я подумала...

— ...мог ли Уокер сказать о себе то же самое? — закончил за нее Бенвор. Женщина понуро кивнула.

— Вы что, до сих пор ищете причину, по которой вас можно было полюбить? — не выдержал Олквин. — Да почему, черт возьми, для этого обязательно должна быть объяснимая причина?!

Джелайна отвернулась, обхватив себя руками, и уставилась на небо в просвете узкой бойницы. Юноша занервничал, решив почему-то, что она вот-вот заплачет.

— Простите меня, — пробормотал он, снова подойдя к ней вплотную, но уже не решаясь дотронуться. — Конечно, это не мое дело. Я просто никак не пойму... У вас там, в вашем мире, что — принято все всегда так усложнять?

— Давайте не будем больше говорить об этом, — ровным голосом произнесла женщина. Похоже, плакать она все-таки не собиралась, и у Бенвора тоже отлегло от сердца.

— Если вам не нравится о чем-то говорить — не будем. Я ведь пообещал, что теперь всегда будет по-вашему, а я всегда держу слово. Если вам не нравится... — он запнулся, неуверенно коснувшись ее плеча. Джелайна молча накрыла его руку своей. Пальцы были холодными. Бенвор взял ее тонкую кисть в ладони, словно пытаясь согреть. Женщина повернулась и улыбнулась ему. Все снова стало хорошо, как раньше.

— Милорд? — послышался голос с лестницы. — Милорд, вы наверну?

— Да, я здесь, — отозвался Олквин. Из люка в полу площадки вынырнула голова лакея.

— Милорд, вас там спрашивает какой-то солдат.

Бенвор тихонько чертыхнулся. Две недели он проводил здесь вечера в одиночестве, и никто не тревожил. Стоило только организовать себе интересное занятие — тут же появились заботы. Как это называет Джелайна... закон подлости?

* * *

Солдат оказался из того самого отряда, что сменился в гарнизоне форта Локо.

— Господин капитан, — начал он, — вы так неожиданно уехали сегодня, что я не успел вам кое-что передать. Помните, вы велели следить за лесом в округе и доложить, если заметим что-то необычное?

Бенвор переглянулся с Джелайной. В глазах женщины сразу появилась тревога. Солдат замаялся, косясь на даму. Олквин велел ему продолжать.

— Отец Морнун приходил в форт продавать мед и рассказывал, что они видели знамение неподалеку от монастыря.

Капитан насмешливо фыркнул.

— Там каждый месяц кто-нибудь зальет глаза элем и видит знамение. Ничего особенного.

Джелайна враз поникла. Но солдат покачал головой.

— Нет, сэр, на этот раз его видели сразу шестеро воспитанников. Я сам съездил в монастырь и расспросил их. Ребята собирали хворост в лесу и заметили впереди что-то странное. Там есть особенная поляна — на ней выложены круги из камней...

— Да, я знаю эту поляну, — вспомнил собственное детство Олквин. — И что же там было?

— Все мальчики говорили одно и то же, — продолжил солдат. — Знамение было невысоко, почти над самой землей. У тех, кто был ближе всех, слегка заложило уши. А потом воздух над поляной превратился в воду.

Джелайна тихо ахнула.

— В воду? — недоуменно переспросил Бенвор.

— Им так показалось, сэр. Ребята, не оглядываясь, сразу бросились бежать оттуда. Братья хотели сходить и посмотреть, но...

— Когда это произошло? — звенящим голосом перебила Джелайна.

— Да еще в равноденствие. Как раз в самый полдень. Потому-то братья и не пошли. Мало ли что?

— Три недели прошло, — упрекнул его Олквин. — И никто не сообщил.

— Сэр, отец Морнун приходил всего четыре дня назад, — начал оправдываться солдат. — Они ведь не знали...

— В лесу после этого не замечали чего-нибудь странного? — быстро спросила Джелайна.

— Я не знаю, миледи. Мы вообще ничего такого не видели.

Бенвор отпустил солдата и спросил женщину:

— Это и есть то, чего вы ждали? Воздух, как вода...

— По описанию похоже, — нервно покусывая губы, согласилась Джелайна. — Но меня

смущает выраженный компрессионный эффект. Так сильно быть не должно.

— Вы про заложенные уши? — догадался Олквин.

— Да, именно. Мальчикам пришлось бы стоять вплотную к самой границе высадки, чтобы хоть что-то почувствовать. А они находились за деревьями. Поляна большая?

— Шагов тридцать. И везде рассыпаны камни. Свободное место есть только в центре.

Джелайна почти бегом направилась к себе. Догадавшись, что она собирается делать, Бенвор догнал ее.

— Вы не доберетесь туда засветло. Дождитесь утра. А завтра я поеду с вами.

— Но как же служба? У вас есть обязанности...

— Проверка сообщений обо всем, происходящем неподалеку от границы, тоже входит в мои обязанности, — успокоил ее Бенвор. — Леди, прошло уже три недели. Несколько часов ничего не изменят.

— Как вы не понимаете? — завелась Джелайна. — Три недели назад кто-то высадился совсем близко от Сентина. Гораздо ближе, чем я в прошлом году. А я каждый день проводила в лесу, но так ни на кого и не наткнулась.

Тут Олквину стало не по себе. Если это действительно Уокер, если он все это время ошивался рядом... Он ведь мог забрать Джелайну в любой момент.

— Чарли по маяку легко находит меня где угодно, — продолжила женщина, словно прочитав его мысли, — Даже если он собирался всего лишь присматривать, то все равно уже знает, что я уехала.

— Он может объявиться здесь? — встревожился Бенвор.

— Да запросто. Он и в замок может пройти. Стража ему не помеха. Неожиданно появится рядом и, как ни в чем не бывало, скажет что-нибудь вроде: "Я смотрю, ты неплохо устроилась".

— И у него хватит наглости? Нет, я не сомневаюсь, что он пройдет, я имею в виду подобные слова.

Джелайна чуть усмехнулась.

— Вы даже не представляете, на что еще у него может хватить наглости.

Олквин решил, что ему совершенно не хочется этого представлять.

— Он может прийти в любой день, — беспокойно пробормотал он. — А я буду в казарме и даже не узнаю. И помочь вам ничем не смогу.

— А зачем мне помогать? — удивленно улыбнулась женщина. — Господи, вы так волнуетесь, будто Чарли собирается причинить мне вред. С чего вы это взяли?

До юноши в очередной раз дошло, что они с Джелайной совершенно по-разному относятся к визиту Уокера. Она ведь только его и ждала все эти восемь месяцев. В самом деле — он же не убивать ее придет. Просто уведет за собой в далекий удивительный мир параллельного будущего, мир их настоящей жизни. И заберет у Бенвора дорогую сердцу тайну...

— Я, наверное, последний эгоист, — промолвил капитан. — Но я не хочу, чтобы вы уходили. Моя жизнь так изменилась с вашим появлением... Вы щедро делитесь со мной тем, о чем раньше я не мог даже и помыслить. Кто станет учить меня, если вы исчезнете? Кому еще я смогу задавать любые вопросы и всегда получать на них ответы? Для вас это обычное дело, просто прежняя работа, но у меня опять появилась цель, достичь которой я уже и не надеялся. Теперь мне придется забыть о ней навсегда.

Джелайна уже не улыбалась. Недавняя взвинченность прошла, теперь женщина

выглядела опечаленной.

— А я-то размечтался, — упавшим голосом продолжил Олквин. — Уже представлял себе наши занятия. Целыми днями только об этом и думал. Как это было бы замечательно: с нетерпением ожидать каждого вечера, спешить сюда, зная, что вы встретите меня...

— Не надо так расстраиваться, — тихо сказала Джелайна. — Помните тот день, когда меня забросило сюда? Я была уверена, что вот-вот исчезну, а вы еще спросили, приду ли я снова, помните?

Бенвор кивнул. Огорчение стало потихоньку отпускать его, уступая место слабой надежде.

— Вы ведь сможете, правда? — тут же спросил он. Женщина пожала плечами.

— Я не могу ничего обещать наверняка. Это ветераны имеют право выбирать утопию на свое усмотрение. Если я попала сюда только из-за ошибки ввода данных, нужно будет проверить категорию вашего мира по каталогу. Не дай бог, утопия окажется в разработке — тогда меня к вам больше не пустят. А если это наблюдательный или тренировочный мир — постараюсь вернуться, как только накатаю отсчета на новый отпуск.

— Значит, мне придется долго ждать, — заключил юноша.

— Не обязательно. Это для меня в реале могут проходить месяцы и годы, а для вас я могу исчезнуть всего на пару секунд. Окажись вдруг сейчас мой драйвер исправным, вы бы даже не успели заметить мое отсутствие. Только отвернулись — а мне уже лет сорок. Я, конечно, немного утрирую, но как вам такой финт?

— Мне трудно это представить, — рассмеялся Олквин, но тут же сник. — И еще труднее — поверить, что к тому времени вы не забудете меня и согласитесь потратить заработанные отпускные рейды на занятия с каким-то средневековым солдатом. Вам почти удалось утешить меня, леди, но я уже не ребенок, чтобы верить в чудеса безоговорочно.

Джелайна опустила голову и задумчиво усмехнулась.

— Давайте не будем загадывать наперед. Я пока все еще здесь. Считайте, что вы уговорили меня потерпеть с поездкой до завтра. А сегодня я на весь вечер в вашем распоряжении.

* * *

Бенвору снова снился запутанный сон. После вечернего занятия немного отвыкший от интенсивной нагрузки мозг принялся беспорядочно перебирать впечатления дня: приезд Джелайны, ее знакомство с Веанрис, прогулка по замку, беседа на башне... Во сне Джелайна стояла совсем близко, но дотянуться до нее никак не получалось. Бенвор шагнул вперед, и вдруг обнаружил, что идет не в ту сторону. Руки почему-то наткнулись на невесть откуда взявшееся огромное зеркало, а женщина, которую он хотел обнять, оказалась всего лишь отражением. Повернуться, чтобы увидеть ее саму, юноша так и не смог. Он застыл, изумленно вглядываясь, как за отполированной гранью Джелайну обнимает его собственное отражение. Но тут зазеркальный Бенвор обернулся... и капитан остолбенел.

Двойник был точь-в-точь, как его описывала Джелайна: в такой же черной форме, с коротко стриженными волосами и выбритым лицом. Он медленно улыбнулся, и в этой высокомерно-снисходительной улыбке светилось нескрываемое торжество. Джелайна спокойно стояла, прижавшись к его груди и, похоже, не замечала ничего странного. Бенвор

попытался позвать ее — но не мог издать ни звука. Уокер шагнул в сторону, увлекая женщину за собой. Она послушно поднялась с ним на галерею. На секунду оба замерли над пропастью, а потом неожиданно шагнули вместе за край... Бенвор закричал, рванувшись вслед — и проснулся.

До рассвета было уже недалеко. Юноша немного посидел на кровати, пока не унялось бешено колотящееся сердце. Потом встал и, торопливо одевшись, направился к Джелайне. Ничто не нарушало вязкую сонную тишину замка, но Олквину почему-то то и дело казалось, что он уже опоздал. Бенвор осторожно толкнул дверь и на цыпочках пересек комнату. В почти погасшем камине тускло светились алые точки углей, уже подернувшихся сединой пепла. Призрачный свет, проникающий сквозь мутную пленку в окне, обрисовал в полутьме лежащую на кровати женщину. Юноша сразу успокоился и наклонился, вглядываясь в ее лицо. Джелайне тоже снилось что-то яркое, глаза быстро двигались под веками. Капитан почему-то предположил: а что, если она видит похожий сон, испугается и проснется? Но тут женщина вздохнула и вдруг улыбнулась — так безмятежно, что у Бенвора защемило сердце. Кто бы ни пришел в ее сон или явь, бояться ей некого. С врагами разберемся, а друзья... от них все равно не спастись.

За окном неотвратимо надвигалось апрельское утро.

* * *

Мальчишка в застиранной робе огляделся и уверенно махнул рукой в сторону от старой вырубки. Олквин спешил и велел юному служке возвращаться в обитель. Повторять не пришлось, мальчика как ветром сдуло. Тем временем Джелайна забралась на толстое поваленное дерево и замерла, прислушиваясь к звукам леса.

— Поляна в той стороне, — указал Бенвор, подойдя к ней. Женщина молча вернулась к лошадям, сняла плащ, аккуратно свернула его и повесила на седло. У капитана возникла неприятная ассоциация с приговоренным к казни — Джелайна возвращала все здешние вещи, не собираясь больше ими воспользоваться. Впрочем, она пока оставила при себе трофейное оружие: кинжалы в набедренных ножнах и две пристегнутые по бокам сабли. Олквин вспомнил, что до сих пор так и не успел спросить Джелайну, зачем ей нужно было носить сразу две, а задавать этот вопрос теперь казалось глупостью и напрасной тратой драгоценного времени. Бенвор понимал, что если он хочет поговорить с ней напоследок, то делать это нужно именно сейчас, но не мог выбрать главное, а в голову, как назло, лезла всякая чушь.

— Я пойду одна, — тихо сказала Джелайна. — Забирайте лошадей и возвращайтесь к монастырю.

— Позвольте мне остаться, — попросил Олквин. — Или вы боитесь, что мне могут причинить вред?

— Нет, это маловероятно. Вы не представляете угрозы.

— Тогда я предпочел бы проводить вас. Знаю, это может показаться ребячеством, но... мне любопытно.

— Я прекрасно вас понимаю, — очень серьезно ответила она. — Но все же хочу попросить об обещании не ходить со мной. Это не опасно, но ваше присутствие будет мне мешать.

— Я буду нем, как рыба, — торопливо вставил Бенвор. — Постараюсь ничему не удивляться и...

— Да нет же, — перебила Джелайна, смущенно улыбнувшись. — Все гораздо проще. Я ведь чувствую вашу ауру. Мне кажется, если я буду все время чувствовать вас, то не почувствую Чарли.

— Так вы... — запнулся Олквин. — Вы собираетесь искать его, ориентируясь по ощущениям?

— Можно попытаться. По крайней мере, я смогу понять, когда окажусь совсем близко от него. Такое уже бывало.

Бенвор посмотрел в сторону леса и вздохнул.

— Хорошо, — согласился он. — Обещаю не идти с вами. Я вернусь к монастырю.

— Вот и славно, — кивнула Джелайна. Юноша постоял еще немного, переминаясь с ноги на ногу, потом пошел к лошадям. На полдороге спохватился и вернулся.

— Если это и правда он, — запнувшись, выдавил Бенвор, — и пришел забрать вас, вы предупредите меня, что уходите?

— Я постараюсь, — пробормотала Джелайна. — Если успею.

От того, как она это сказала, у Олквина почему-то появилась смутная уверенность — не успеет. Или же Уокер не позволит ей. Юноша отчетливо понял, что сейчас, возможно, действительно видит Джелайну в последний раз.

— Я с вами однажды уже прощался, — вымолвил он. — И вы никуда не исчезли. Я хочу попрощаться снова. Потому что теперь мне кажется, что это насовсем, и на этот раз, наверное, точно.

Слегка поклонившись, Бенвор поцеловал руку Джелайны и на мгновение прижался к ней щекой. Неохотно отпустив ее, он выпрямился и поразился тому, как ярко заблестели глаза женщины. Не говоря ни слова, она снова подняла руку и провела кончиками пальцев по лицу юноши. И вдруг, судорожно вздохнув, шагнула вперед и впиалась в его губы жадным, сильным поцелуем. Бенвор на секунду ошеломленно замер, а когда, опомнившись, собрался поцеловать ее в ответ, она уже оттолкнула его и, не оглядываясь, почти бегом устремилась в лес. Олквин чуть не кинулся следом, но тут же остановился, вспомнив о только что данном обещании. Джелайна скрылась из виду, а он остался на опушке, беспомощно опустив руки, растерянный и вконец расстроенный.

Глава 24

Солнце клонилось к закату. Олквин сидел на крыше монастыря возле голубятни и неотрывно смотрел в сторону леса. Рядом пристроились двое мальчишек. Они тоже поглядывали по сторонам — тому, кто первым заметит среди деревьев такое же знамение, как три недели назад, капитан посулил подарить свой детский железный меч. Пары мальчишек сменяли друг друга каждые полчаса — настоящий меч хотелось каждому. Но время шло, а ничего не происходило.

— Милорд, мы отсюда ничего не увидим, — посетовал монастырский воспитанник. — Оно совсем низко было. Надо вблизи смотреть.

После того, как мальчишек заверили, что знамение ничем им не угрожает, те так и рвались на поиски. Бенвор покачал головой.

— Я обещал леди, что не пойду с ней, — тихо сказал он.

Мальчишка почесал усыпанный веснушками нос и заявил:

— А про то, что мы тоже не пойдём, вы не обещали.

— Скоро стемнеет, — нахмурился Олквин. — Не хватало ещё, чтобы кого-нибудь задрали волки.

— А зачем леди пошла на каменную поляну? — подал голос второй мальчик и, не дожидаясь ответа, начал рассказывать. — Туда девки из вон той деревни ходят травы всякие собирать. Одна ещё в прошлом году говорила всем, что видела висящую в воздухе лужу. Только она ведь полоумная, её бангийские солдаты как-то прямо с покоса выкрали. Она от них потом удрала, а все равно с тех пор так и ходит полоумная...

— Ты её знаешь? — тут же повернулся к нему Олквин. — А ну-ка, сбегай в деревню, позови её.

Мальчик убежал, и Бенвор тоже спустился с крыши, взволнованный странным предчувствием. Вскоре воспитанник вернулся, ведя с собой девчущку лет двенадцати. На свихнувшуюся она особо и не тянула, только с виду была немного не в себе. На расспросы капитана девушка отвечала охотно, правда все время отвлекалась на посторонние подробности, забывая о главном. Бенвор терпеливо дослушал её путаный рассказ, из которого выходило, что похожее на недавнее знамение зрелище девушка наблюдала в прошлое весеннее равноденствие, и тоже в полдень.

Может, Уокер приходил в прошлом году на разведку? Это означало бы, что Джелайна попала сюда вовсе не случайно. А может, это и не Уокер был вовсе?

Не выдержав неизвестности, Олквин отправился в лес.

* * *

Выбравшись на каменную поляну, Бенвор наткнулся на ещё не окоченевший труп волка с располосованным горлом. Потом он увидел Джелайну, сидящую на большом камне.

— Вы нарушили слово, — немного удивленно заметила она.

— Нет, — возразил Олквин, вспомнив лазейку, выдуманную мальчиком. — Я обещал не ходить вместе с вами. Я сдержал это обещание и пришел позже.

— Вот уж, действительно, нашла, кого ловить на слове, — усмехнулась Джелайна. Явное сравнение, прозвучавшее в этом замечании, напомнило Бенвору, зачем он здесь.

— Я пришел проверить, вдруг вы уже исчезли. Не мог же я уехать, так и не убедившись наверняка? И правильно сделал, как погляжу.

— А, ерунда, — отмахнулась она. — Добралась бы пешком до Сентина, подумаешь.

Бенвор подошел к ней. Женщина прятала глаза, явно не желая никаких напоминаний о том, что произошло на опушке несколько часов назад.

— Давайте вернемся в Олквинау, пока не стемнело, — предложил капитан. — Или в Сентин, он ближе.

— Я останусь здесь, — упрямо отозвалась она.

— Оставшись ночевать на поляне, вы ничего этим не добьетесь, — заметил Олквин. — По маяку Уокер найдет вас и в столице. Может, он туда и направлялся, а мы приехали сюда.

— Я все-таки подожду, — грустно пробормотала Джелайна. Бенвор вздохнул и принялся рассказывать ей то, что узнал от деревенской девушки.

— Видите, что получается? — увлеченно рассуждал он. — Два года подряд, а может, и

больше, в один и тот же день, причем, не абы какой, в одно и то же время, в одном и том же месте высаживался какой-то рейдер. А может, даже целая группа. Почему вы решили, что это обязательно за вами?

Повернув голову, он обнаружил, что Джелайна смотрит в никуда широко распахнутыми, но явно ничего не видящими глазами. Бенвор тут же умолк. Так смотрит тот, кто вот-вот поймет что-то очень важное.

— Какая же я дура... — вдруг протянула она. — Это же прыжки!

— Что? — не понял Олквин. — Какие прыжки?

Джелайна закрыла лицо руками и принялась тихонько раскачиваться. Бенвор уже собрался успокаивать ее, если понадобится, но тут заметил, что женщина начала смеяться. На истерику это было не похоже, но юноша все-таки потряс ее за плечо.

— Все, хватит. Рассказывайте, что там еще за прыжки?

— Я пустоголовая идиотка, — простонала Джелайна.

— Ну, это вряд ли, — не согласился Бенвор. — Не надо так. Ошибиться может кто угодно.

— Ошибиться?! — взвилась она. — Да меня прибить мало за такую невнимательность!

— Короче! — не выдержал Олквин. — Кто это был? Это не Уокер?

— Да это вообще не рейдеры, — заявила Джелайна. — Это патрульные. Совершают прыжки через год, то ли вниз, то ли вверх. Может, разведывают, или ищут что-то конкретное. Что тут раньше было, на поляне этой?

— Патрульные? — ошеломленно переспросил Бенвор.

— Да. У них немного иная технология. Они ведь целиком проваливаются, без создания проекций. Отсюда и компрессия, и периодичность...

— Постойте-ка, — перебил ее Олквин. — А как патрульные-то попали в наш мир?

Джелайна лукаво улыбнулась.

— Вы что, еще не поняли, капитан? — спросила она. — Это ваши патрульные. В вашем далеком будущем тоже есть Патруль Времени.

Слегка обалдев, Бенвор машинально плюхнулся на соседний камень.

— Вот это да... — пробормотал он. — А рейдеры? Рейдеры у нас тоже есть?

— Не исключено. Только здесь они не появятся. Эти, скорее уж, к нам... — тут Джелайна запнулась, вскочила и заходила кругами, нервно похрустывая пальцами.

— А это нормально, — все еще не придя в себя окончательно, спросил Олквин, — чтобы в одном маленьком королевстве появлялось сразу столько... визитеров?

— Мне самой интересно, — хмыкнула женщина. — Патрульные не станут прыгать просто так, бесцельное мелькание обходится довольно энергозатратно. Их что-то очень заинтересовало в этом времени и месте. Причем, точный год события неизвестен. В принципе, с вашей жуткой системой летосчисления...

— Что-то должно произойти? — насторожился капитан. — Именно здесь, в весеннее равноденствие?

— Или уже произошло. Нет? Значит, произойдет. Патруль может заинтересоваться чем угодно: каким-то малоизвестным сражением, пропавшей реликвией, загадочным документом или пробелом в летописи.

— Или таинственным человеком, — добавил Бенвор. — Может, они вас ищут?

— Может и меня, — задумчиво проговорила Джелайна, снова заходя кругами. Остановившись в центре поляны, она усмехнулась и предположила: — Может, это я сама их

сюда и отправила?

— Как это? — удивился Олквин. — Из будущего?

— Да, — она рассмеялась. — Не удивлюсь, если я и создала здесь Патруль. Не смотрите на меня с таким ужасом, я пошутила! Откуда мне, рядовой стажерке, знать засекреченные детали гениальной технологии времени? Да и зачем мне посылать их в прошлое? Хотя, кто его знает, что мне взбредет в голову лет эдак через пятьсот.

— Вы могли попросить их доставить вас в будущее, чтобы меньше ждать, — придумал Бенвор.

— Ага, и создать неразрешимый парадокс. И вообще, я же не человек, а проекция, перемещаться внутри чужой спирали не могу. Я и так подвешена в межпространственной червоточине, куда ж еще? Единственное, что приходит мне в голову — предупредить себя о чем-либо.

— О чем, например? — спросил юноша. Джелайна скользнула по его лицу тягучим взглядом и вздохнула.

— Например, вести себя прилично, — буркнула она и тут же сменила тему: — Ладно. За мной никто не пришел, возвращение домой откладывается до лучших времен. Мы еще успеем добраться до Олквинау?

По пути к монастырю капитан поинтересовался:

— Как думаете, патрульные еще появятся?

— Думаю, да, — кивнула Джелайна. — Через год, следующей весной. Честно говоря, у меня была мысль встретить их и попросить как-нибудь связаться с моим миром.

— А это возможно? — поразился Бенвор.

— Теоретически — почему бы и нет? Ваши рейдеры могли ходить и к нам. Тут главная проблема — вычислить именно тот мир, который нужен. Точно таких же, с крошечными отличиями, могут быть сотни, а проверки займут долгие годы реального отсчета. Надо будет подобрать список признаков, характерных только для моей жизни. Найдут меня — найдут и TSR. И пусть как-нибудь предупредят там, откуда меня вытаскивать... — женщина горько вздохнула. — Ох, нет, опять выйдет парадокс.

— Только если вы их и посылали, — заметил Бенвор. — А если они прыгают здесь по каким-то своим делам, парадокса не будет.

Джелайна остановилась и посмотрела на капитана сияющими глазами.

— Слушайте, какой же вы умница! — восхищенно воскликнула она. — И правда, разве Патрулю больше нечем заняться, кроме как прыгать по поручению чужого червяка? Спасибо, что образумили меня.

— Ну, слишком обнадеживаться тоже не надо, — смущенно заметил Олквин.

— Я больше и не буду обнадеживаться. Хватит ждать чуда, надо просто жить. И запастись терпением на долгие-долгие годы.

— Я сожалею, — вежливо проронил Бенвор.

— Да ни капли вы не сожалеете, — насмешливо бросила Джелайна. — Наоборот, довольны, что я остаюсь.

Юноша радостно кивнул, даже не пытаясь отрицать очевидное.

— Куда вы с Бенвором сегодня ездили? — поинтересовалась Веанрис, пока служанка накрывала стол для позднего ужина.

— Подумали, что кто-то приехал за мной, — ответила Джелайна. — Увы, ошиблись.

Баронесса помялась и тихо заметила:

— Ланайон считает, что вам не стоит слишком надеяться. Даже если письмо каким-то чудом дойдет до Англии, и за вами приплывет корабль, его все равно не пропустят бангийские военные галеры. Еще хорошо, если просто прогонят, а вдруг нападут и потопят?

— А я уже и не надеюсь, — вздохнула Джелайна. — Ваше гостеприимство оказалось весьма кстати, и я очень признательна, но теперь мне нужно как-то устроиться здесь самой.

— Разве мой деверь вас прогоняет? — удивилась Веанрис.

— Что вы, вовсе нет! Но я не хочу всю жизнь сидеть у него на шее. Пора, наконец, заняться каким-нибудь делом.

— У вас уже есть дело, — возразил Олквин, который как раз вошел в столовую и услышал разговор. — Вы что, хотите бросить мое обучение? Я вас не отпущу.

— А я что, обязана просить у вас разрешения? — нахмурилась Джелайна.

— Мне жаль, что приходится об этом напоминать, — начал Бенвор, — но у вас до сих пор нет никаких документов. Вас никто не знает и не сможет подтвердить ваше свободное происхождение. При аресте вы автоматически лишились всех прав, а когда я забрал вас из Локо, обрели статус моей личной пленницы и, кстати, являетесь ею до сих пор, так что по хорверским законам вы — моя собственность. И не надо так сердито смотреть, леди. Вы отправились со мной добровольно.

— Ах, вот как вы теперь заговорили? — возмутилась Джелайна. — Что, раз деваться мне некуда...

— Я не хотел вас оскорбить, — торопливо перебил капитан. — Дело в том, что любой феодал, задержав вас на своих землях, запросто может сделать то же самое, но силой. Попробуйте на миг представить себя имуществом первого же встречного, и сразу поймете, что я всего лишь хочу защитить вас. Например, Эхен Шейдон, в феоде которого расположен форт Локо, и не подумал бы с вами церемониться. Он даже читать не умеет, и плевать хотел на образованность других. Работали бы в поле наравне с крестьянами, а если бы не захотели — он хорошо умеет заставлять.

— Бенвор прав, — тихо заметила Веанрис. — Я не знаю, как у вас в Англии, но у нас по закону любой свободный человек должен являться чьим-то вассалом. Если у вас нет сюзерена, вы приравниваетесь к бесправным бродягам. А бродягу кто угодно может захватить в собственность или убить, и за это никто не накажет.

— Ну у вас и законы, — пробормотала Джелайна. — А что же мне теперь делать?

— Раз возвращение домой стало невозможным, — объяснил Бенвор, — вам нужно получить хорверское подданство и признать над собой власть сюзерена. А до тех пор, без официального статуса, вам нужна защита. Я предложил вам ее, вы согласились, и пока формально принадлежите мне. Если кто-то попытается посягнуть на вас, будет иметь дело со мной.

Джелайна задумчиво покосилась на юношу и ничего не сказала. Но у Бенвора почему-то осталось ощущение, будто что-то в его словах показалось ей забавным.

— Ланайон поможет вам поскорее получить подданство, — уверенно заявила Веанрис. — Можете сразу же признать его своим сюзереном. Или его, или Бенвора — как

захотите. Но сделать это нужно обязательно.

— Вассальная зависимость ведь предусматривает какую-то... оплату? — осторожно спросила Джелайна.

— Разумеется, — кивнула баронесса. — Все феодалы — вассалы короны. Они платят налоги с земель, несут военную службу. Вольные ремесленники, торговцы и чиновники тоже отрабатывают свою защиту.

— Вам не о чем беспокоиться, — тотчас же подхватил Бенвор. — Вы уже отработываете ее своими уроками.

— Хорошо, — согласилась Джелайна. — Но я ведь не обязана заниматься только этим?

— А чем плохо быть нашим домашним учителем? — удивился Бенвор. — У Ланайона подрастают дети, им тоже понадобится наставник.

— А вы обучены какому-то ремеслу? — поинтересовалась Веанрис. — Ах, да, вы же путешественница.

— Ну, я неплохо владею оружием, — проронила Джелайна.

Баронесса удивленно округлила глаза.

— Вы — солдат?!

— А что тут такого? Нет, воевать за кого-нибудь я, конечно, не собираюсь. Но стать личным телохранителем, скажем, богатой дамы или ребенка вполне могу. Или оказывать разовые услуги: сопровождение в поездке, в ситуациях, когда охрана по какой-либо причине не должна быть явной, и так далее.

— О, я даже знаю, кому можно вас порекомендовать! — воскликнула Веанрис. — Графиня Исенхар, пожилая вдова, слегка повредившаяся в уме. Живет одна и убеждена, что все окружающие норовят посягнуть на ее честь и драгоценности. Поэтому почти не выходит из дома, отклоняет все приглашения и ужасно от этого страдает.

— Может, узнаете при случае, не нужна ли ей компаньонка? — подмигнула Джелайна. — Аккуратная, воспитанная, незаметная, но при необходимости способная на многое... Ах да, и скромная, конечно же.

Веанрис рассмеялась.

— Ваша далекая Англия интригует меня все больше и больше, — призналась она и бросила хитрый взгляд на деверя. — Теперь мне многое стало гораздо понятнее.

* * *

Конец весны стал самым замечательным временем в жизни Бенвора — главным образом, благодаря спокойствию и хоть какой-то стабильности. Дипломатические отношения с Жомеросуином улучшались на глазах, с Анклау прекратились даже мелкие стычки, о Бангии вообще ничего не было слышно. Капитан время от времени совершал объезды границ, раз в месяц навещался в Сентин, а все остальное время проводил в столице.

После трех предыдущих засушливых лет снова полили щедрые дожди. После целого десятилетия блокады купеческие обозы потоком хлынули с побережья и обратно. Норвунд утопал в зелени, все цвело, благоухало, вновь открытые на каждом шагу лавки ломались от жомеросуинских товаров, и лотки выставлялись прямо на улицы. Нынешняя весна своим быстро наступившим теплом вселяла надежду на окончание затянувшейся войны.

А Бенвор впервые поверил, что мечты действительно могут сбываться. Иногда он вспоминал, как в свое время ему быстро надоедала казарменная рутина, лучше уж было заниматься делом — умирять беспорядки, подавлять крестьянские бунты, отражать атаки разбойничающих бангийских отрядов... Теперь капитан был рад покою, предсказуемости и возможности делать то, что нравится. Все было именно так, как он себе и представлял. Отбив на службе положенное время, Бенвор спешил в Олкви́нау, понукая коня и еще издали нетерпеливо вглядываясь в верхнее окно на главной башне замка. Почти каждый день там можно было различить маленькую фигурку сидящей на подоконнике женщины. Джелайна ожидала его, иногда держа на коленях какую-нибудь книгу и часто поглядывая на дорогу. Если ее там не оказывалось, Бенвор знал — она успела заметить его раньше и уже торопится вниз, чтобы встретить с улыбкой и сияющим взглядом.

Вечера проходили в библиотеке замка. Эта низкая, почти круглая комната, прежде всегда казавшаяся капитану мрачной и неприветливой, в присутствии Джелайны чудесным образом становилась невероятно уютной. Теперь было ни к чему стараться узнать как можно больше за ограниченный промежуток времени, как в Сентине, и Бенвор стал гораздо спокойнее относиться к новому неспешному темпу занятий.

В первый же вечер Веанрис присоединилась к ним, желая узнать, ради чего деверь так рвался зимой в Сентин, а теперь упорно держал при себе иноземную гостью. Капитан подозревал, что невестка заодно собиралась немного понаблюдать со стороны, чтобы точно выяснить, какого рода отношения связывают его с этой женщиной. Джелайна тут же невозмутимо начала довольно сложный даже для Бенвора урок по геометрии — с чертежами и формулами. Веанрис сначала рассеянно заглядывала через плечо юноши в покрытый загадочными символами и рисунками пергамент, потом села в стороне и некоторое время пыталась слушать. Вскоре она начала скучаяще вертеть головой, тайком зевать и, наконец, извинившись, удалилась. Когда ее шаги стихли, Бенвор и Джелайна молча переглянулись и оба прыснули от смеха. Больше Веанрис в библиотеку не приходила, а через три дня и вовсе уехала к Ланайону. А слугам Олкви́н строго-настрога запретил вообще подниматься по вечерам на верхний этаж, якобы, это отвлекает его от занятий. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь ненароком или умышленно подслушал странные истории его наставницы. Теперь у их общей тайны появился привкус избранности — как для посвященных в некий заговор.

* * *

Ланайон приехал только через неделю, как раз вечером. Он неожиданно без стука вошел в библиотеку и остановился на пороге, созерцая, как Бенвор и Джелайна вдвоем увлеченно разрисовывают разложенную на двух сдвинутых столах огромную карту, склеенную из нескольких листов пергамента. Барон громко кашлянул, привлекая к себе внимание. Капитан тут же выпрямился и шагнул навстречу Ланайону, неосознанно попытавшись загородить собой женщину, но она тут же очутилась рядом. Бенвор представил ее барону по всем правилам этикета. На этом формальности закончились сами собой. Джелайна и Ланайон уставились друг на друга с нескрываемым интересом. И если причина такого пристального внимания брата была вполне очевидной, хоть и немного досадной, то мотивы женщины юноша понял не сразу, а когда понял, раздосадовался еще больше. Хоть она и собиралась, по собственным словам, просто жить, все равно никак не могла

успокоиться и оставить свое расследование жизни его двойника. А ведь Бенвору даже не приходило в голову, что у него с Уокером могут быть одинаковые родственники.

— Мой брат много о вас рассказывал, леди Анерстрим, — светским тоном привычно начал барон, но тут же, спохватившись, отбросил лишние в домашней обстановке церемонии. — И все же я представлял вас себе несколько иначе.

— Я вас тоже, — без малейшего стеснения призналась женщина. — Вы с братом совсем не похожи.

— А вы, наверное, рассчитывали встретить такого же красавчика? — усмехнулся Ланайон.

— Как, еще одного?! — фыркнула Джелайна. — Нет уж, пожалуй, достаточно.

Бенвор тихо рассмеялся. Ланайон удивленно покосился на него, не понимая, что смешного нашел младший брат в паре ничего не значащих фраз. Потом он прошел к столу и принялся с любопытством разглядывать незаконченную карту.

— Веанрис уверяет, что у вас тут очень скучно, — сказал барон. — Но мне почему-то так не показалось.

— Ей немного не повезло с темой занятия, — хмыкнул Бенвор, снова хватая грифель. — Сегодня скучать некогда. Смотри, сотворение мира в самом разгаре.

— Мира? — недоуменно переспросил Ланайон. — Это карта мира?

— Да, всей Земли, — кивнул капитан и иронично спросил: — Сможет ли господин дипломат найти тут Хорверолл?

Барон обошел карту по кругу, сосредоточенно хмурясь и прикидывая так и эдак взаимное расположение материков. Бенвор отступил от стола и весело переглянулся с Джелайной. Ланайон подозрительно покосился на обоих, напустил на себя важный вид и небрежно взмахнул рукой над Сибирью и Китаем.

— Полагаю, это где-то здесь... Что, я не прав?

Капитан подавил улыбку, чтобы не обидеть брата и предложил:

— Подумай еще раз. Ты смотришь с запада. Вот направление север-юг.

Оставив в покое Евразию, Ланайон уставился на североамериканский материк, потом на Австралию...

— Больше ничего похожего, — произнес он. — По-моему, ваш рисунок очень искажен.

— Попробуйте быть немного скромнее, господин барон, — посоветовала Джелайна. — В мире есть страны и побольше вашего королевства.

— Покажи сам, — не выдержал Ланайон, поворачиваясь к брату. Бенвор пальцем обвел очертания родного острова — мужская ладонь не помещалась в них даже на такой большой карте.

— Ты шутишь? — оторопел барон. — Всего-то?!

— Даже не весь, — юноша снова взял грифель и тонкими линиями осторожно обозначил границы Хорверолла. — Теперь правильно. А где-то здесь — Норвунд. Вот Анклау и Жомеросуин. Вот Бангия. А здесь Лувеньон.

Ланайон растерянно окинул взглядом остальную карту и в замешательстве запустил пальцы в шевелюру — совсем как брат.

— Я тоже не поверил поначалу, — успокоил его Бенвор. — Мир огромен, а мы его совсем не знаем.

— Леди, а где тут ваша Англия? — тихо спросил барон. Джелайна подошла и, хитро ухмыляясь, нарисовала границы Соединенных Штатов.

— Такая большая?! — воскликнул Ланайон. — Даже больше Лувеньона!

Женщина хихикнула.

— Ой, я забыла еще две провинции, — и обозначила Аляску и Гавайи. Барон выглядел уязвленным.

— Сложно, наверное, управлять таким большим королевством, — буркнул он, и вдруг оживился: — Не вздумайте рассказать кому-нибудь еще. Такие вещи пока лучше держать в тайне.

— Мы и не собирались, — заверил его Бенвор. Ланайон еще немного постоял над картой, а потом, словно собравшись с мыслями, посмотрел на Джелайну и сказал:

— Бенвор, пожалуйста, оставь нас с леди Анерстрим наедине. Мне нужно поговорить с ней.

— У меня нет секретов от вашего брата, — спокойно возразила Джелайна.

— Я все же настаиваю.

Бенвор не стал спорить и пошел к двери, гадая, что же могло понадобится Ланайону. Уже выходя, он услышал, как женщина насмешливо заметила:

— Надеюсь, вы понимаете, что я все равно не стану ничего от него скрывать? Стоит ли...

— Я так не думаю, — сухо перебил ее барон. Дальше юноша не услышал.

Бенвор поднялся на галерею и уселся там, размышляя. Неужели Ланайон планирует как-то использовать ложные сведения о несуществующей в этом мире стране? В своей шалости Джелайна зашла слишком далеко, и теперь ей придется как-то выкручиваться. Следовало придержать неуместный патриотизм и тоже указать на какой-нибудь маленький островок, который бы никого не заинтересовал.

Когда капитан вернулся, барон уже ушел из библиотеки. Женщина сидела на подоконнике и выглядела печальной.

— Что ему было нужно? — едва прикрыв дверь, спросил Бенвор.

— Да так, ничего... неважно, — рассеянно отозвалась Джелайна, глядя в сторону.

— Я думал, между нами действительно нет секретов, — с упреком сказал он. — Ланайон расспрашивал о вашей родине?

— Не совсем. Разговор был... личного характера.

Олквин про себя чертыхнулся. Как он сразу не догадался?! Да плевать хотел барон на заокеанские страны. У него под боком была проблема поважнее — необычная, непонятная и очень занятная иноземная дама, завладевшая всем свободным временем и мыслями его беспокойного брата, падкого до всего нового и удивительного.

— Позвольте я угадаю? — недовольно спросил он. — Речь шла обо мне?

— А тут и угадывать нечего, — передернула плечами Джелайна. — Ваша жизнь уже расписана на годы вперед, и мне деликатно намекнули, чтобы не слишком путалась под ногами, а то как бы чего не вышло... По-своему он прав, в общем-то, хотя разговор этот был совершенно ни к чему.

— Он не имеет права так обходиться с вами! — возмутился юноша и развернулся, собираясь найти брата. Но Джелайна поймала его за руку и удержала, торопливо говоря:

— Не надо, капитан. У него есть это право. Он вас любит, и желает только добра. Я тоже... тоже желаю вам добра, поэтому не хочу конфликтовать с вашими родными. Да, я знаю, что вы хотите сказать — это не их дело. Но ваш брат поступает так, как велит ему долг перед семьей. Он — глава рода и несет за всех ответственность. Я — источник

беспокойства, меня предупредили, и я приняла это к сведению. Все, тема закрыта. Они успокоятся, а от меня не убудет. Ведь все остается по-прежнему.

Гнев Бенвора постепенно утих. Прикосновение теплых пальцев, стиснувших его запястье, успокаивало лучше всяких слов. Юноша перехватил другую руку Джелайны и притянул ее к себе.

— Ладно, — уступил он. — Раз уж все по-прежнему...

Женщина с облегчением вздохнула и положила голову ему на плечо. Бенвор мельком подумал: хорошо еще, что Ланайон боится только того, что иноземка якобы может сманить его в дальнейшее путешествие. Видел бы барон, как он ее сейчас обнимает, забеспокоился бы гораздо серьезнее. И ведь ни за что не втолкуешь, что это просто... словно напиток из родника. Не поймет, не поверит...

* * *

Однажды в середине лета барон и баронесса вернулись в Олквинау в заметно приподнятом настроении. Когда все собрались за ужином, Ланайон торжественно объявил:

— Бенвор, я присмотрел тебе невесту.

Юноша растерянно уставился на брата.

— Как, уже? — пробормотал он. — И кто она?

— Ты ее не знаешь, — ответил барон. — Я рассмотрел все варианты среди хорверской знати, и решил, что будет намного лучше, если наша семья породнится с кем-нибудь из Жомеросуина. Благо у меня была возможность поискать не торопясь. Думаю, мой выбор тебя не разочарует. Это леди Леаншен Рунхис, единственная дочь герцога Вэйнборнского. Ей пятнадцать, и она просто красавица.

Веанрис сияла так, словно они с мужем преподнесли окружающим невероятный сюрприз.

— Красивая, юная, знатная... — скептически перечислил Бенвор. — И ты полагаешь, герцог отдаст ее за небогатого офицера без титула? Ты бы отдал свою дочь, скажем, за простого чиновника?

— Так сложилось, что у Гонте Рунхиса не осталось наследников мужского пола, — пояснил Ланайон. — Он заинтересован только в том, чтобы дочь была счастлива, остальное его не слишком волнует. По жомеросуинским законам юная герцогиня оставит за собой титул и передаст его по наследству. Конечно, если ты женишься на леди Леаншен, ты не станешь герцогом, но зато им будет твой старший сын. Олквин, герцог Вэйнборнский — звучит, а?

— Звучит превосходно! — подхватила баронесса. — Леди Леаншен выросла без матери, и отец в ней души не чает. Герцог готов отдать дочь замуж за того, кого она пожелает, при условии, что он будет благородного происхождения. Ну и, само собой, не за первого попавшегося бездельника, охотника за приданым. Рунхисы, как и мы, не против породниться со знатью из соседнего королевства. Через две недели они приедут в Норвунд на праздник в честь именин младшего принца, а заодно собираются присмотреться к здешним женихам. Там вы и познакомитесь.

— Муж герцогини... — невесело усмехнулся Бенвор. Да, партия была бы блестящей, но... Капитану уже приходилось видеть, что получается из таких браков. Одно дело, когда

титулованный дворянин берет в жены девушку чуть ниже происхождением. Такое часто бывает. Но мужчине, взявшему жену из высокого дома, порой приходится всю жизнь мириться с унизительно-снисходительным отношением со стороны ее родни. И то, что в данном случае жена не лишается титула, по большому счету, никого не волнует.

— Ланайон, но почему сразу герцогиня? — взмолился он. — Что, пониже рангом никого не нашлось?

— Пониже всегда найдется, — резонно возразил барон. — А герцогинями не разбрасываются. Ты не единственный, кому нужна выгодная невеста. Девица будет сама выбирать из одобренных отцом претендентов.

— Представляю себе эту картину, — язвительно процедил юноша. — Избалованная папина дочка и очередь из расфуфыренных племенных жеребцов, алчущих руки ее привередливой светлости.

— Нет, вы посмотрите, он еще и недоволен! — обиделся Ланайон.

— Можно подумать, ты никогда такого не видел? — сердито заметила Веанрис.

— Видел, конечно. Только никогда не представлял в этом качестве себя.

— Ничего, теперь и представишь, и побываешь, — отрезал барон, постепенно закипая. — И изо всех сил будешь стараться ей понравиться, ясно? Будет на редкость досадно, если тебя действительно обойдет какой-нибудь ничтожный хлыщ, у которого усердия окажется больше, чем гонора.

В поисках хоть какой-то поддержки Бенвор посмотрел на Джелайну. За минувшие три месяца женщина мало-помалу стала кем-то вроде второстепенного члена семьи, какими бывают учителя и воспитатели во многих знатных домах. В присутствии хозяев она обычно вела себя очень тихо и ни во что не вмешивалась, если ее не спрашивали. Поэтому Бенвор не очень рассчитывал услышать сейчас ее мнение и надеялся хотя бы на сочувственный взгляд. Но Джелайна сидела неподвижно, как изваяние, уставившись в свою тарелку с нетронутым содержимым. Со стороны могло показаться, что у женщины просто нет аппетита, и она незаметно скучает в ожидании конца ужина. Но ведь не сейчас, когда за столом обсуждаются такие новости?!

Ланайон перехватил взгляд брата и немедленно тоже обратился к Джелайне:

— Ну хоть вы ему скажите, леди Анерстрим, разве я не прав?

Женщина чуть вздрогнула и с заметным усилием подняла голову. Заметным, впрочем, только Бенвору — остальные знали ее не настолько хорошо.

— Разумеется, господин барон, — безо всякого выражения согласилась Джелайна. Потом она, видимо, поняла, что Ланайон рассчитывает услышать что-то посущественнее, не оставляющее сомнений в том, что она не пытается, пусть даже косвенно, повлиять на своего ученика противоположным образом, и торопливо добавила, вложив в голос немного энтузиазма: — Ваш брат присмотрел вам шикарный вариант, капитан. Только представьте себе: ваши потомки могут стать герцогами Вэйнборнскими! Такая возможность выпадает лишь единицам из многих сотен достойных. Ловите момент.

Ланайон с довольным видом откинулся на спинку стула. А Бенвор ошарашено замер. Так вот, о чем она думала! Жить долгие века под надежным крылышком богатого и влиятельного герцогского рода, безусловно, было бы идеальной перспективой в ее ситуации. Это немного примирило юношу со словами Джелайны, но его неприятно задело проявление подобной расчетливости именно сейчас, когда решалось его будущее.

— Ну, что же, — медленно произнес Бенвор, стараясь не переборщить с сарказмом. —

Если даже незаинтересованные лица советуют то же самое, стоит ли отказываться от своего счастья? Прошу извинить меня, — он резко встал и покинул столовую.

* * *

— Я думал, вы на моей стороне, — с упреком заявил Бенвор, заняв свободную половину библиотечного подоконника. Джелайна сидела, поджав колени к груди и обхватив их руками. В такой позе она могла просидеть весь вечер, и это означало, что нормального разговора, скорее всего, не выйдет. Занятий тоже.

— Разве мое мнение имеет какое-то значение? — сухо произнесла женщина. — Может, кто-то дал мне право указывать господину барону, хлеб которого я ем, как ему следует женить своего брата?

— По крайней мере, — проворчал Олквин, — могли бы хоть как-нибудь намекнуть ему не спешить с таким важным решением. Ланайон торопится так, словно в двух королевствах больше и невест не осталось. Кто-то же должен его хоть немного образумить?

— Ну, положим, герцогини с наследуемым титулом действительно на дороге не валяются.

— И вы туда же! Похоже, возможность пристроиться в герцогскую семью настолько ослепляет, что ради этого вы готовы поддержать любое сумасбродство.

Бенвор, конечно, слегка передергивал. Он давно успокоился и теперь нагнетал обстановку лишь затем, чтобы хоть немного расшевелить Джелайну. Ее бледность и внезапная замкнутость начали его тревожить. Сразу вспомнился памятный вечер в Сентине, когда она расстроилась из-за крестьянки. Теперь Олквин волновался, во что выльется затея с женитьбой. Что же теперь — постоянно как-то напоминать Джелайне о том, что он и Уокер — разные люди? Юноша чувствовал себя абсолютно беспомощным из-за невозможности помочь ей хоть чем-нибудь, а вдобавок еще и виноватым из-за того, что сам искал у нее поддержки.

— Я действительно считаю, что упускать герцогиню не стоит, — отозвалась Джелайна. Слова Бенвора достигли цели, она немного оживилась. — Мои мотивы для вас не должны играть никакой роли. Да, я хочу пристроиться в герцогскую семью! В конце концов, что плохого в том, чтобы желать себе безопасности, комфорта и благополучия? Вам я тоже желаю долгих лет семейного счастья, детишек побольше... в общем, всего, что полагается.

Олквин скептически хмыкнул. Джелайна разозлилась.

— Между прочим, я всегда была и буду на вашей стороне. И дело вовсе не в том, что мне пригодится теплое местечко. Я не слепая и вижу, что вас больше всего задела перспектива стать консортом при титулованной супруге. Уж извините, но моим феминистским убеждениям это обстоятельство принципиально не противоречит.

— У вас там, наверное, с этим проще? — предположил Бенвор. — Раз уж женщины могут даже воевать и править...

— Я высказала только свое личное мнение. Но повторяю — я на вашей стороне. Если не принимать во внимание уязвленную гордость, брак с герцогиней выгоден вам во всех отношениях.

— Это правда, — неохотно согласился капитан. — Только почему мне тогда так не по себе?

— Хотела бы я посмотреть на парня, который рад жениться в двадцать лет, — фыркнула Джелайна.

— Нет, дело не в этом. Наоборот, все правильно — я порой рискую жизнью, мне поскорее нужен наследник, — Бенвор выглянул в окно и вздохнул. — Наверное, это что-то вроде ваших предчувствий. Ничего хорошего из затеи с герцогиней не выйдет, помяните мое слово.

Глава 25

Праздники во дворце всегда отличались вычурной пышностью, порой казавшейся совершенно неуместной, особенно в нынешнее трудное время. Казалось бы — всего лишь именины младшего принца, но скромное семейное торжество превратили в повод пригласить высоких гостей из соседнего королевства, и не только ради укрепления дипломатических связей. В прежние времена в Великий Хорверолл приезжали за женихами и невестами даже из Лувеньона. Теперь, по прошествии многих лет, ближайшие соседи снова были расположены искать здесь подходящие партии.

Герцог Вэйнборнский был не единственным, кто рассчитывал породниться с хорверской знатью. Из Жомеросуина прибыло сразу восемь семей с готовыми остепениться сыновьями и дочками на выданье. Но, само собой, признанной королевой бала сегодня была именно леди Леаншен. На руку и сердце юной герцогини претендовали сразу шестнадцать кандидатов. И это остались только те, кого одобрил сам Рунхис.

Ожидая, когда Олквинов пригласят для представления, Бенвор рассеянно поглядывал по сторонам. Его раздражала суэта вокруг, толкотня и духота, пропитанная самыми разными, слившимися в неразличимую мешанину запахами. Юноша немного неловко чувствовал себя в новом парадном мундире с неудобным тугим воротником, не раз машинально пытался ослабить его и тут же одергивал себя.

Весь этот день, с самого утра, действовал Бенвору на нервы. Мало было того, что его больше недели мучили примерками. Сегодня пришлось еще и подвергнуться экзекуции приглашенного в Олквинау парикмахера. Тот возился с капитаном почти час, после чего юноша, по собственному убеждению, стал похож на расфуфыренное чучело. Увы, Ланайон одобрил это модное безобразие, а Веанрис так искренне восхищалась, что Бенвор махнул на все рукой и промолчал, чтобы не расстраивать родных своими комментариями. Возможно, посторонним людям он будет казаться таким же смешным, как и себе самому. Может, ее привередливая светлость тоже посмеется над ним? А какое лицо будет у брата в этот момент? Этот ребяческий вывод неожиданно привел капитана в приятное расположение духа. Он уже успел убедить себя, что из гонки за высоким титулом у барона все равно ничего не выйдет, и теперь собирался с интересом наблюдать за самим процессом.

Пока все ждали очередные "еще пять минут" баронессы, юноша заглянул к Джелайне. Она не появлялась с самого утра, предпочитая отсиживаться в своей комнате, чтобы не мешать сборам. Бенвор подозревал, что под вежливой отговоркой кроется совсем другая причина, и решил показаться женщине перед выходом — пусть тоже посмеется и успокоится. Но ее реакция оказалась неожиданной.

— Вы... просто куколка, — тихо произнесла она после долгой паузы, внимательно оглядев его с головы до ног и опустив глаза. — Очень красивая куколка.

— Ну вот, все еще хуже, чем я думал, — удрученно пробормотал Бенвор. — Понадеялся,

что буду просто смешон. А меня, наверное, сделали похожим на девицу.

— Ничего подобного, — возразила Джелайна. — Парадный мундир прекрасно сидит и очень идет вам. А прическа... Да, пожалуй, немного неестественно, — женщина подошла и пальцами слегка прочесала завитые парикмахером волосы юноши, распрямив их и чуть отбросив назад. — Мне кажется, так будет лучше.

Бенвор повернулся к зеркалу. О, да, намного лучше. Не то, что прежние дурацкие, почти дамские букли вдоль лица, как нынче принято красоваться при дворе. Теперь расправленные локоны эффектным каскадом спускались на плечи и выглядели так, словно вились от природы.

— Что же вы натворили? — усмехнулся он. — Стало действительно красиво и совсем не смешно.

— А что, должно было быть смешно? — удивилась Джелайна. — Я что-то не пойму, вы на смотрины едете или шутком к принцу наниматься? Чего именно вы хотели добиться?

— Уже неважно, — отмахнулся Олквин. — Я не собираюсь снова подставлять голову под это мерзкое орудие пыток. Пусть остается как есть.

Женщина хихикнула и тут же спрятала улыбку. На вопросительный взгляд она помотала головой, и только когда Бенвор настоял, ответила с видом "ладно, сам напросился":

— Чарли тоже не по душе, когда приходится гримироваться и носить парики. В реале он всегда стрижется очень коротко и одевается подчеркнуто строго, почти всегда в черное. И на работе ходит только в форме. Если бы Чарли вдруг вздумалось появиться в конторе таким же нарядным и с роскошной прической, наши дамочки моментально порвали бы его на сувениры.

Бенвор лишь невесело усмехнулся, так толком и не оценив шутки. На фоне предстоящего вечера сравнение с двойником было сущей ерундой. Джелайна вздохнула и, покачав головой, сказала:

— У ваших соперников, капитан, в любом случае нет ни единого шанса. Вы так хороши, что никто не устоит, не то что юная герцогиня, которая, небось, сама еще в куклы не наигралась, — она снова провела рукой по волосам Бенвора, убирая со щеки непослушный завиток. В глазах женщины появилась уже знакомая грусть.

— Не хочу я ни на какие смотрины, — вырвалось у юноши. — Не хочу никаких герцогинь. Не для меня это.

Он опустил голову и уткнулся лбом в плечо Джелайны, крепко обнял ее и прижал к себе. Сразу стало легче. Бенвор подумал, что ему следовало зайти к ней еще утром — глядишь, и день прошел бы спокойнее. Женщина молча перебирала его кудри, и с каждым ласковым прикосновением покосившийся мир все больше возвращался к равновесию. Снизу донесся голос Ланайона. Да-да, сейчас... Еще немного, и все будет почти хорошо.

— Сейчас вы выйдете отсюда, спуститесь по лестнице и сядете в карету, — мягко заговорила Джелайна. — Поедете на праздник и будете там красивым и веселым, будете улыбаться и раскланиваться с дамами. Будете вежливым и остроумным, обаятельным и галантным. Это именно то, чего от вас сегодня ждут. Так надо.

— Да, — эхом отозвался Олквин. — Так надо.

Он слегка стиснул ее напоследок и медленно отстранился, уже досадуя на себя за минутную слабость. Если бы свидетелем его слабости стал кто-то другой, Бенвор никогда бы не простил этого ни себе, ни ему.

— Как хорошо, что вы есть, — заглядывая Джелайне в глаза, прошептал он. —

Пожалуйста, пообещайте, что никогда меня не оставите. Я не знаю, что тогда буду делать и как жить.

— Но ведь до сих пор вы как-то жили? — растерянно произнесла она.

— Да, верно, как-то жил, — согласился юноша. — Но теперь я не представляю...

— Вот и не надо этого представлять, — отрезала женщина. — Брат заждался, идите. Вы должны думать о будущем. Выгодно жениться, оставить наследников. Иначе кто станет защищать и заботиться обо мне ближайšie пятьсот лет? — иронично поинтересовалась она. Бенвор только кивнул.

— Идите, капитан, — преувеличенно бодро добавила Джелайна. — И без невесты не возвращайтесь.

— Как скажете, сокровище мое, — слегка поклонился Олквин. — Хотя бы ради вас.

* * *

Распорядитель наконец-то выкрикнул имя барона, и раздражающее ожидание закончилось. Их представили, и Ланайон сразу устремился к Рунхису, беседовавшему с двумя вельможами. Леди Леаншен не было рядом, она сидела где-то в зале вместе с другими жомеросуинскими девицами. Вокруг было полно молодежи — все воспользовались удобным случаем, и праздник по поводу именин спонтанно превратился в массовые смотрины.

Герцог Вэйнборнский оказался неплохим человеком и довольно интересным собеседником. Бенвор понадеялся, что дочь хоть немного пошла в отца. В разговоре Гонте Рунхис вскользь упомянул о принадлежащей ему верфи, и юноша принялся расспрашивать его подробнее. Герцог посетовал на то, что корабельное дело давно стало едва ли не убыточным: из-за бангийской блокады работает только речное судоходство, и верфь, рассчитанная на строительство больших морских судов, простаивает, изредка спуская на воду одни лишь плоскодонные баржи.

Ланайон поначалу тоже слушал Рунхиса, но потом ему показалось подозрительным оживление Бенвора. Барон ловко вышел из разговора и, отведя брата в сторону, недовольно спросил:

— С какой это стати ты так заинтересовался строительством кораблей?

— Не волнуйся, я не собираюсь никуда уплыть, — сразу успокоил его юноша. — И не вздумай снова беспокоить леди Анерстрим. Даже если уйдут бангийцы, ни один здешний корабль все равно не сможет пересечь океан. Давай оставим эту тему раз и навсегда. А кораблями я интересуюсь потому, что это перспективно: я точно знаю, что наше будущее — за освоением дальних морей.

— Все это, конечно, хорошо, — проворчал Ланайон, — но сначала надо стать хозяином верфи. А для этого нужно жениться на той, кто ее унаследует.

— Само собой, — серьезно кивнул Бенвор. — Я здесь именно для этого.

— Надо же, — барон заметно успокоился и даже улыбнулся. — Я почему-то ожидал, что ты будешь упираться до конца.

Тем временем гости закончили поздравлять именинника, и герцог пригласил одобренных им претендентов знакомиться с дочерью. Все оказалось именно так, как и предполагал Бенвор. Среди кандидатов в женихи он оказался единственным военным, и его парадный капитанский мундир на фоне бархатных камзолов и сверкающих драгоценностей

титулованных дворян смотрелся совсем скромно и непритязательно. Разряженные в пух и прах молодчики по очереди подходили к ручке юной герцогини, изо всех сил стараясь произвести на нее впечатление своими безупречными манерами. Их речи и поклоны, строго следовавшие принятым для такого случая правилам, были до того одинаковы, что уже после третьего кандидата Бенвору стало смешно. Опытным придворным, конечно, было не привыкать, но капитану повторяющаяся один в один церемония казалась на редкость нелепым фарсом. Интересно, удастся ли леди Леаншен невозмутимо вытерпеть это представление до конца? Сам Олквин шел десятым. Чтобы не начать смеяться, он старался не прислушиваться к очередному точному повторению приветствия и стандартных комплиментов. Вместо этого он отошел чуть в сторону от остальных и принялся разглядывать герцогиню.

Леди Леаншен действительно была прелестной девочкой, и со временем обещала похорошеть еще больше. Но она была именно девочкой — честное слово, Рунхис что-то уж слишком торопился с ее замужеством. Бледненькая, изнеженная, герцогиня выглядела от силы лет на тринадцать. Подождать еще хоть годик пошло бы ей только на пользу. Бенвору стало немного грустно, когда он представил, как быстро может увянуть ее не расцветшая в полную силу красота после нескольких родов подряд.

На коленях Леаншен лежала алая роза. Выслушивая очередного претендента, девушка подносила ее к лицу и делала вид, что наслаждается ароматом, но Бенвору сбоку стало заметно, что герцогиня деликатно прячет за пышным бутонем плотно сжатые губы. Она сдерживалась изо всех сил, и капитан мысленно похвалил того, кто придумал для нее уловку с цветком. Что бы такое придумать, чтобы тоже не рассмеяться в самый неподходящий момент?

И тут Бенвору пришло в голову — а как бы здесь повел себя Уокер? О, несомненно, двойник в любом, даже самом невзрачном наряде смог бы понравиться с первого же взгляда, и не просто понравиться, а затмить собой всех прочих. Олквину снова вспомнился удивительно реальный сон, в котором он видел двойника в зеркале. Эта его улыбка — нахальная и самоуверенная, этот взгляд "я все про тебя знаю"... Даже сейчас капитану становилось не по себе от ярких воспоминаний. Но ведь у них с Уокером одна и та же суть!

Чем ближе становилась его очередь, тем нелепее казалась заранее выученная речь. В какой-то момент Бенвор не выдержал и решил, что не станет говорить то же, что и все, даже если это пахнет скандалом. В конце концов, он же не барон, а простой офицер — что с него взять? И похоже, в этой очереди единственным верным способом обратить на себя чуть больше внимания, чем на остальных, был именно скандал.

Очередной рафинированный молодчик учтиво склонился к ручке герцогини, преданно заглядывая ей в глаза. Девушка скользнула взглядом по его лицу и выдавила очередную вежливую улыбку. Претендент отступил в сторону, уступая очередь следующему, при этом открыто радуясь так, словно уже чего-то добился. Бенвору стало противно. Следующий юноша еще не успел открыть рот, а Леаншен уже поднесла розу к лицу. Бедняжка. Олквин не выдержал и все-таки рассмеялся.

Вся очередь, как по команде, уставилась на него. Но Бенвору было уже все равно. Леаншен повернула голову. Поймав ее взгляд, капитан широко улыбнулся, совершенно не собираясь стыдиться своей выходки. Герцогиня удивленно моргнула, и на ее скучающем личике отразилось любопытство. Олквин понял, что выделиться из толпы ему однозначно удалось. Он издали отвесил девушке легкий полупоклон и вернулся в очередь. Соседи

попятиться от него, и теперь старательно отворачивались.

Прерванная речь возобновилась. Подождав немного, Бенвор выглянул из-за плеча соседа. Так и есть — Леаншен не слушала, а тянула шею, пытаясь высмотреть недавнего возмутителя спокойствия. Олквин снова плюнул на приличия и незаметно подмигнул ей. Девушка торопливо отвернулась и уткнулась в свою розу. Сосед покосился на капитана и презрительно усмехнулся. Очевидно, соперником Бенвора тут уже не считали. Ну, по крайней мере, это было весело. А девиц и без герцогини хватает.

Девятый по счету шагнул вперед и завел злополучное приветствие. Теперь Бенвор стоял прямо напротив Леаншен, и она то и дело нет-нет, да поглядывала на него. Окончательно наплевав на ее мнение о себе, Олквин, ухмыльнувшись, передразнил постное выражение лица и осанку девятого претендента. Девушка подозрительно дернулась и почти нырнула лицом в окончательно измочаленную розу.

Незадачливый предшественник отошел в сторону. Очередь хранила гробовое молчание, буравя спину капитана возмущенными взглядами. Герцогиня уронила цветок на колени и заинтересованно уставилась на Бенвора. Что ж, теперь он просто обязан был оправдать ее ожидания. Капитан представился, как положено, но вместо стандартной речи иронично добавил:

— Ну, а все остальное вы уже прослушали девять раз подряд. Не буду утомлять вас банальностями.

Сияя совершенно хулиганской улыбкой и не отводя взгляда, Олквин поцеловал руку Леаншен и нарочно нарушил этикет, задержав ее пальцы у своих губ. Девушка тотчас же опустила глаза, сравнившись цветом лица со своей розой, но высвободить руку не попыталась. Пусть сомнительное, но все же достижение. Бенвор отступил назад, уступая место следующему юноше. Герцогиня больше не пряталась за цветком, более того — судя по отсутствующему виду, вообще не обращала внимания на говоривших, а вместо этого украдкой посматривала в сторону уже представившихся кандидатов. Олквин спрятался за спинами соседей, стараясь больше не попадаться ей на глаза. Когда церемония приветствия закончилась, он вздохнул с облегчением и пошел искать брата. Ланайон опять разговаривал с Рунхисом. Увидев Бенвора, он подскочил к нему и процедил сквозь зубы:

— Ты что здесь делаешь? Немедленно вернись!

Не желая ссориться, капитан сделал вид, что идет обратно, а сам отправился гулять среди гостей. Пробираясь вдоль стены, он то и дело проходил мимо висящих зеркал, сделанных в форме рыцарских щитов. Сверкающее убранство зала начало вызывать у него почти мистическое ощущение многомерности окружающего пространства. Казалось, из-за каждой отполированной грани Бенвору с насмешливым одобрением кивает его альтер-эго. Олквин окунулся в толпу, но незримый двойник словно продолжал подбадривать его, подсказывая и направляя. Капитан замедлил шаг и наконец-то начал обращать внимание на окружающих, приветствуя знакомых, и заодно отработывая самоуверенные взгляды и неотразимые улыбки на всех дамах подряд — от самых юных до пожилых. Равнодушной не оставалась ни одна, и Бенвор постепенно вошел во вкус. Опомнился, только когда его догнала Веанрис.

— Ты что вытворяешь? — возмущенно зашептала она, дернув его за локоть. — Хочешь на дуэль нарваться?

— Я же не делаю ничего плохого, — спокойно ответил юноша. Невестка закатила глаза.

— Хоть невинных девиц обходил бы стороной. Позади тебя уже три обморока.

— Веанрис, — взмолился Бенвор, — здесь так душно, что я сам сейчас упаду в обморок.

Не пора ли нам домой?

— А как же леди Леаншен? Почему ты прогуливаешься здесь, вместо того, чтобы...

— Герцогине и без меня есть кому надоедать, — перебил ее Бенвор.

— Для дамы не бывает слишком много внимания, — возразила невестка. — Ты собираешься на ней жениться или уступаешь другому? Вот иди и тоже надоедай.

Вздыхнув, капитан подчинился. Кандидаты в женихи столпились вокруг герцогини. Каждый старался хоть как-то привлечь ее внимание к своей персоне. Ловить там было нечего. Девушка явно устала и уже едва ли различала их в лицо. Несчастный бутон давно превратился в вялую тряпочку.

Олквин оглянулся по сторонам и тайком выдернул из огромной корзины свежую розу. Оборвав колочки, он бесцеремонно пробрался сквозь толпу молодчиков и, выдав самую дерзкую улыбку, предложил:

— Леди Леаншен, позвольте заменить ваш цветок. Этот, наверное, уже совсем не пахнет.

— О, благодарю вас, — оживилась герцогиня, заметно обрадовавшись его возвращению. Голосок у нее тоже был совсем еще детским. Бенвор поднял увядший цветок и забрал его себе. Отступив на шаг, он поднес бутон к лицу. Лепестки уже не пахли розой, а пропитались дорогими духами.

— Оказывается, я ошибался, — вполголоса заметил он.

Леаншен снова раздумянулась и понюхала свежую розу, кажется, даже прижала ее к губам. Соперники смотрели на Бенвора с мрачной завистью. Капитан поклонился даме и покинул эту недружелюбную толпу.

Ланайон снова начал выражать недовольство, и тогда Бенвор предъявил ему свой трофей. Барон на минуту замолк, а потом начал смеяться.

— Ты все больше похож на маму, — непонятно к чему сказал он. — Вот только не знаю, к добру ли это.

* * *

Не желая снова выслушивать от брата за неподобающее поведение во дворце, Бенвор с раннего утра спрятался от всех в комнате Джелайны.

— Да уж, у ее светлости наверняка не осталось сомнений в том, что с вами не соскучишься, — посмеивалась она над его рассказом. — Но вы явно недооцениваете себя, капитан. Уж кому переживать... Вам бы и так сошли с рук любые проделки.

— Я вам этим никого не напомнил? — тихо спросил Олквин.

— Еще как. Но меня это почему-то уже ничуть не удивляет. То ли еще будет лет через десять.

Бенвор поведал ей о зеркалах и своих необычных ощущениях.

— Честное слово, мне казалось, что Уокер находится в зале и ходит по пятам. Двойники могут как-то воздействовать друг на друга сквозь пространство?

— А может, у вас просто раздвоение личности? — усмехнулась Джелайна. — У Чарли тоже, знаете ли, иногда проскакивало... — она неопределенно пошевелила пальцами возле виска. — Все замечали, не только я.

— Ланайон опять сердится, — сменил тему Бенвор. — Теперь он выдумал, что это вы на меня дурно влияете. Говорит, что я нахватался у вас английских манер и словечек.

— Мне уехать в Сентин? — осведомилась женщина. Олквин тут же вскочил.

— Еще чего! Я вас не отпущу, и даже не упоминайте об этом. А Ланайон может считать как ему угодно. Он мне не отец, хоть иногда и ведет себя именно так.

Барон действительно сердился. Доброхоты в подробностях доложили ему обо всех выходках Бенвора, но масла в огонь подлило то, что еще до завтрака в Олквинау стали появляться посыльные с записками и приглашениями.

— Барон Дитшез, граф Мабран... — перечислял брату Ланайон, перебирая конверты. — И все интересуются тобой — не помолвлен ли еще. Это что, такой новый способ поиздеваться?

— Да нет, это наш красавчик вчера по залу прогулялся, — едко заметила Веанрис. — Результативно, ничего не скажешь. Остается только гадать, сколько истерик девицы устроили родителям после праздника. А это, — она кивнула на конверты, — от тех, кто все-таки добился своего.

В столовую вошел лакей.

— Милорд, к вам еще посыльный — от лорда Темплена.

— Еще один, — буркнул Ланайон. — А ведь день только начался.

— Ну вот, а ты переживал, — хмыкнул Бенвор. — Вон сколько готовых невест. Закрой глаза и выбери любую.

— Так ведь они все останутся без титула, — вздохнул барон.

— Милорд, — снова заглянул лакей. — Приглашение на обед от герцога Вэйнборнского.

Оживившись, Ланайон тут же взялся писать ответ Рунхису, что приглашение принято.

— Похоже, я все-таки прошел во второй тур, — усмехнулся Бенвор. — Интересно, сколько претендентов осталось?

Джелайна торопливо извинилась и покинула столовую. Вскоре вернулась и сообщила:

— Судя по всему, во второй тур прошли только вы, капитан. Поздравляю.

— Откуда вы узнали? — насторожился барон.

— Поболтала с посыльным, — ответила женщина. — Приглашение отправили только вам. Ну, во всяком случае, пока.

— Значит так, — немедленно подобрался Ланайон. — Больше никаких выходов, понятно? Ладно, признаю, ты произвел впечатление на девицу, но с ее отцом этот номер не пройдет.

— Не волнуйся, — успокоил его брат. — Тебе не будет стыдно за меня.

Как выяснилось в тот же день, поведение капитана уже не имело никакого значения. Рунхис успел составить о нем собственное мнение и заранее был настроен дать согласие на брак. Бенвор всерьез понравился герцогине, и все его дерзкие выходки умная девушка оценила верно. Пообщавшись с ней, юноша убедился, что с будущей супругой дело обстоит совсем неплохо. Несмотря на заметную избалованность, Леаншен оказалась доброй девочкой с хорошим чувством юмора. Единственное, что смущало Олквинов — то, как герцог торопился со свадьбой. Веанрис предположила, что в довесок к жомеросуинской девице может пойти чужой грешок, и осторожно навела справки, выискивая возможные сплетни. По всему выходило, что подозревать Леаншен было не в чем. Зато выяснилось другое — герцог был неизлечимо болен, сдавал на глазах, и оттого спешил поскорее

пристроить дочь в надежные руки.

Все утряслось, состоялась помолвка, и на конец октября назначили свадьбу.

* * *

Меч очертил замысловатую петлю и со звоном столкнулся с саблей. Отступив назад, Бенвор с досадой тряхнул головой. Это был его коронный выпад, как правило, беспроигрышный, но Джелайна неизменно отбивала все атаки.

— Кто научил вас этому приему? — тут же пытливо спросила женщина. Удивившись ее настороженности, юноша ответил:

— Я сам его придумал. Не знаю, может, он и так существует, но до вас еще ни один противник его не отразил. Надо отдать должное вашим наставникам, они хорошо знают свое дело.

— Это любимый удар Чарли, — огорошила его Джелайна. — Только он наносит его вдвое быстрее.

— Вот те на, — пробормотал Бенвор. — А впрочем, чему тут удивляться?

Отложив меч, он подошел к проему, ведущему на галерею, и подставил разгоряченное лицо свежему ветру. Чтобы не разжигать излишнее любопытство среди обитателей замка, они занимались фехтованием на площадке под крышей.

— Помесье герцога расположено почти на берегу моря, — произнес юноша. — Хоть мне такое соседство и не по душе, но надеюсь, у нас там будет много укромных мест для тренировок.

Джелайна опустила голову. Бенвор снова почувствовал легкую тревогу. Женщина открыто радовалась по поводу приближающейся свадьбы и с энтузиазмом помогала Веанрис с подготовкой. Но порой, когда она считала, что ее никто не видит, Олквин замечал на ее лице грусть и уныние. На осторожные расспросы капитана ответ был один — не принимать на свой счет. И все же юноше почему-то казалось, что дело вовсе не в Уокере. Вот и сейчас — Джелайна задумалась, прикусила губу и начала часто моргать.

— Я не поеду с вами в Жомеросуин, — вдруг тихо сказала она. — Веанрис представила меня графине Исенхар, так что я остаюсь в Норвунде.

— Это как понимать? — растерялся Бенвор. — Вы покидаете меня?

— Ничего не поделаешь, — пожалала плечами Джелайна. — Доброта вашей семьи не знает границ, но мне пора начинать что-то делать и самой. Тем более, вы скоро женитесь.

— Выходит, причина все-таки в этом? — упавшим голосом спросил он. — В том, что я женюсь, да? Но я не хочу ничего менять! Мы же договорились, что все останется по-прежнему.

Джелайна вздохнула.

— Вашей супруге может не понравиться, что в ее доме поселилась чужая женщина, и муж проводит с ней вечера за непонятными занятиями, вместо того, чтобы уделять внимание...

— Моей супруге, — перебил Бенвор, — в любом случае придется с этим мириться. Не захочет — хуже будет только ей одной. Я постараюсь втолковать ей это как можно скорее. Леди Леаншен хотела заполучить мужа сообразно капризу — она его получит. Но от нее требуются только способность к деторождению и титул для наследника. Надеюсь, она

понимает, на что идет.

— Бедная маленькая герцогиня, — с грустной усмешкой заметила Джелайна. — Пожелала лакомый кусочек, и не подозревает, что жизнь ее ожидает совсем не сладкая.

— Напротив, — возразил Олквин. — Если она догадается проявить понимание к моим делам и с уважением отнесется к вам, то никогда не пожалует об этом.

— Не будьте жестоки, капитан. Девочке вскоре предстоит потерять отца. Вы останетесь для нее единственным близким человеком. Это именно ей будут нужны ваши понимание и любовь, а вовсе не ультиматумы.

— Знаете, — задумчиво начал Бенвор, — в монастыре нас учили, что каждый получает только то, что заслужил. Можно сколько угодно спорить, но жизнь постоянно доказывает, что в этом есть определенная доля истины. У Леаншен будет возможность сделать выбор, и я надеюсь на ее здравый смысл. Она ничего не потеряет, если заслужит мое доброе отношение.

— А вы? Вы тоже получаете заслуженное? — невыразительно поинтересовалась Джелайна.

— Не знаю. Я часто получаю то, что мне подходит... — юноша поколебался и признался: — ...и почти никогда — то, о чем мечтаю. Моя будущая супруга — любая, кого бы ни выбрал Ланайон, — он подчеркнул последние слова, — все равно не сможет дать мне все, чего я хочу. Увы, но идеала в данном случае попросту не существует.

— То-то вы и собираете нас вокруг себя, — фыркнула женщина. — Одна будет наследников рожать, другая наукам учить... Хорошо устроились.

— Мой двойник, говорят, устроился гораздо лучше, — процедил Бенвор. — Ему повезло, он наконец-то нашел все, что искал, в одной-единственной.

— Не уверена, что я была знакома с той единственной, — сразу поникнув, выдавила Джелайна.

— Ну почему вы продолжаете себя мучить? — недовольно заметил Олквин. — Любая женщина за столько времени смогла бы если не забыть, то по крайней мере, успокоиться.

— Любая, — эхом согласилась она, — кроме TS-рейдера, которая уже несколько месяцев не пробуждала мнемоник. Вы не представляете, как я иногда ненавижу этот нужный и полезный девайс. Даже если очень захочу, я все равно не могу ни о чем забыть. Для меня каждое событие вспоминается так, словно произошло пять минут назад. Каждое слово, каждый взгляд...

В приступе запоздалого раскаяния капитан виновато потянулся за ее рукой.

— Господи, я совсем забыл об этом, — пробормотал он. — Что же будет с вашей головой через пятьсот лет?

— Да ничего, все нормально, — через силу улыбнулась она. — С этим я как-нибудь справлюсь. Давайте не будем о грустном. Расскажите лучше, как продвигается ваше общение с невестой? Приручаете потихоньку свою розочку?

Она продолжала говорить что-то еще, но Бенвор уже не слушал. Давняя ассоциация вдруг вернулась и кольнула нехорошим предчувствием.

— Леди, скажите, а у Уокера есть бастарды?

— Откуда мне знать? — хмыкнула женщина. — А почему вы спрашиваете?

— Просто вспомнил, как вы говорили, что в разных мирах часто сохраняется та же самая смена поколений. Получается, все мои дети должны быть такими же, как у двойника. А Леаншен... — он оцепенел. — Вы рассказывали, что жена Уокера погибла или...

— Остановитесь! Молчите! — немедленно воскликнула Джелайна. — Я ничего точно не знаю! Это были только догадки, предположения. И потом, миры не обязаны совпадать до мелочей. К тому же, я появилась здесь — значит, ход истории где-то уже нарушен.

— В чем нарушен?

— Например, если бы Ланайон не опасался моего влияния, он бы не поспешил со сватовством. Позже вам бы нашли другую невесту. Уже расхождение. Разве мало?

Бенвор принялся беспокойно ходить кругами. Помявшись немного, Джелайна выдавила:

— Ну, ладно, ладно, я еду с вами. К черту старую графиню. Раз уж довелось вмешаться в вашу жизнь, придется идти до конца. Если хоть что-то зависит от меня — я сделаю для вас все, что будет в моих силах.

Олквин подскочил к ней и обрадованно стиснул в объятиях.

— Пообещайте, что никогда нас не оставите, — потребовал он. — Меня, мою жену, детей... Вряд ли я смогу все время быть рядом. Но вы — единственная, кому я могу их доверить. Я не сомневаюсь в ваших силах.

— Обещаю, — обреченно прошептала она. — Я и так уже давно дала себе клятву, что всегда буду защищать ваши интересы. Если понадобится, я встану за вас против всего этого чертова мира.

— Что же вы тогда заставляли меня сомневаться? — с облегчением рассмеялся Бенвор. — Я все время боялся, что вы меня оставите. Не смейте уходить, слышите? Я связываю вас вашей же клятвой. Больше не отпущу ни на шаг.

— Вы бессовестно пользуетесь тем, что я не могу вам ни в чем отказать, — беспомощно пробормотала Джелайна, уткнувшись в его грудь. — Гадкий, жестокий мальчишка... — и тихо добавила что-то по-английски.

Капитан хитро улыбнулся. Она всегда переходила на родную речь, если не хотела, чтобы он ее понял. Пора с этим завязывать.

— Тогда не откажите мне еще кое в чем, — подхватил он.

— Валяйте, — бросила женщина. — Пока я добрая.

— Обучите меня английскому языку.

— Это еще зачем? — тут же отстранилась она. — В вашем мире его никто не понимает.

— Вот именно, — согласился Олквин. — Нам пригодится тайный язык. Моя жизнь в Жомеросуине может оказаться далеко не такой приватной, как здесь. А есть темы, которые я не могу обсуждать с вами открыто. Нужно что-то в обход любопытных ушей.

— Вот черт, — нахмурилась Джелайна. — Если вы еще и заговорите по-английски...

— Разве это плохо?

— Это будет уже слишком, — призналась она, пряча глаза.

— Но согласитесь, — возразил Бенвор, — необходимость в этом назрела давно. Я и так уже усвоил множество понятий, соответствий которым в хорверском языке попросту нет.

— Ладно, — махнула рукой женщина. — Все равно ведь будете доставать, пока не уговорите.

— Кстати, — вспомнил Олквин. — Сегодня же ровно год, как вы здесь высадились.

— Надо же, — усмехнулась Джелайна и желчно добавила: — Как быстро летит время. Осталось всего ничего.

Размеренная жизнь Бенвора кончилась. Получив на службе месяц отдыха, он планировал отправиться в герцогское поместье, чтобы присмотреться к своему будущему хозяйству и, как выразился Рунхис, чтобы хозяйство тоже присмотрелось к нему. Но планы пришлось перекраивать на ходу из-за принца. Майрон уговорил высоких жомеросуинских гостей задержаться во дворце еще. Принцу хотелось изысканным гостеприимством заслужить хвалебное мнение о себе среди самых знатных представителей соседнего королевства.

Факт законности коронации Альберонта долгие годы вызывал немало споров, и в середине осени было принято решение оставить притязания на юго-восточные земли и во всеуслышание признать территорию вокруг Анклау независимым королевством. Раз оно уже не заявлялось оккупированной бангийцами частью Хорверолла, то и король у каждой страны отныне мог быть свой собственный. Коронацию Майрона предполагалось провести еще до первого снега, и теперь готовился первый настоящий дипломатический визит в Анклау. Перспектива наладить мирные отношения вызывала надежду на полное прекращение военных действий и избавление от блокады. Увы, далее этой надежды прогнозы так и не продвигались. О безграничном влиянии бангийского правителя на Альберонта ходило множество слухов — от нелепых до жутких. Поговаривали, что Рунгунд уже давно управляет королем через Риймонса, хитрого одноглазого колдуна, без одобрения которого не решалось ни одного серьезного вопроса.

Главой посольства снова определили молодого барона Олквины, который прекрасно зарекомендовал себя в Жомеросуине. Однако, у самого Ланайона новое назначение не вызвало никакого энтузиазма, скорее, наоборот. Ехать в Анклау он откровенно страшился. Вопреки давней традиции дипломатической неприкосновенности, в этом случае никто не мог гарантировать, что парламентарии останутся в живых.

Неприятная новость испортила Олквиным все ожидание предстоящей свадьбы. Веанрис часто принималась плакать. Все утешали ее, как могли — баронесса снова была в положении и чувствовала себя неважно. Из-за этого Ланайон появлялся в обществе только по крайней необходимости, так что делать это за всю семью приходилось Бенвору. Капитану сейчас не хотелось еще больше расстраивать родных, и потому он безропотно посещал все придворные приемы. Теперь его приглашали постоянно — жениха герцогини сразу стали рады видеть повсюду. Леаншен, как и Веанрис, любила светские развлечения, так что Бенвор был вынужден терпеть их ради нее. Он никогда не понимал, как можно находить удовольствие в том, чтобы часы напролет крутиться среди душной толпы под обстрелом множества взглядов, и не всегда дружелюбных. Ну, раз в неделю, ну, два, но не ежедневно же?! Бессмысленность большинства таких вечеров невероятно утомляла, и капитан начинал думать, что лучше уж проводить сутки напролет в казарме.

Спасало Олквины только одно, и если бы его невеста увидела, что именно, то наверное, не знала бы, что и думать. Уютные и теплые объятия Джелайны придавали ему сил перед очередным выходом в свет и помогали забыть об усталости после. Женщина всегда дожидалась Бенвора, как бы поздно он ни возвращался, и когда на светских вечерах становилось совсем уж невозможно, юноша представлял себе, как окажется дома, сделает вид, что идет к себе спать, а сам поднимется этажом выше и крепко прижмет к груди свое верное и терпеливое сокровище. Даже просто мысли об этом помогали примириться с бесконечно тянущимися часами очередного дворцового увеселения.

Сегодняшний вечер был особенно невыносимым. Леаншен азартно обсуждала с другими

девицами одну из свежих придворных сплетен. Глядя на нее, Бенвор мрачно решил, что если будущая супруга, заметив его странные отношения с Джелайной, попробует возмущаться или упрекнет любого из них хоть словом — будет сидеть дома безо всяких развлечений.

То, что мысли приняли такое воинственное направление, было верным знаком, что пора как-нибудь отвлечься. Ланайон сегодня тоже был здесь, но все время находился рядом с принцем. Члены посольства обсуждали стратегию предстоящего на днях визита. Не желая портить себе настроение еще больше, Бенвор незаметно покинул бальный зал и спустился в дворцовый парк. Скорее всего, герцогиня хватится жениха еще не скоро. Очувтившись на свежем воздухе, Олквин сразу успокоился и неторопливо зашагал по освещенной редкими факелами аллее. На мощных дорожках, разделенных фигурно подстриженными кустами-лабиринтами, царил приятный после сияния сотен свечей полумрак. С соседних аллей парка доносились голоса и смех — похоже, немного проветриться пришло в голову не только капитану.

Остановившись посреди аллеи, Бенвор запрокинул голову и машинально отыскал на небе несколько знакомых созвездий. При этом он вспомнил Джелайну, и в памяти, перечисляя названия ярких звезд, снова зазвучал ее голос. Скорей бы уже домой...

Замечтавшись, юноша с опозданием обнаружил, что в его аллею свернула небольшая группа пышно разодетых дам. Бенвор узнал нескольких фрейлин, а среди них заметил леди Одиллу, супругу принца Майрона. Досадуя на то, что не успел нырнуть между кустами и улизнуть на соседнюю аллею, он отступил с дорожки в сторону и, когда дамы поравнялись с ним, вежливо поклонился.

— Кого я вижу здесь?! — раздался знакомый грудной голос. — Капитан Олквин!

Фрейлины восторженно перешептывались. Бенвор заметил, что принцесса остановилась, и склонился ниже. Повинуясь невидимому знаку, свита торопливо ушла вперед, шелестя яркими платьями.

— Какой приятный сюрприз — встретить вас в этом парке, — с неприкрытым удовольствием произнесла Одилла. — А я еще не хотела выходить на прогулку.

Она милостиво протянула Бенвору руку, и юноша тотчас же почтительно опустился на одно колено.

— Ваше высочество, — пробормотал он, прикладываясь к надушенной перчатке. Унизанные драгоценными кольцами пальцы охватили его подбородок, заставляя поднять голову.

— Ах, мальчик мой, — проникновенно прошептала принцесса, заглядывая ему в глаза. — С каждым разом, когда я вижу вас, вы становитесь все красивее. Хотя, казалось бы, дальше уже некуда.

Олквин оцепенел от удивления. Рука Одиллы принялась слегка поглаживать его подбородок, постепенно опускаясь по шее. Капитану отчаянно захотелось, чтобы вернулись фрейлины, или кто-нибудь еще появился в этой пустынной аллее — желательно, кто-нибудь, кто не счел бы увиденное предосудительным. Если бы Бенвору не пришлось уступать дорогу дамам, то сейчас он бы оставался на мощеной дорожке. Увы, он стоял, коленопреклоненный, чуть ли не в кустах, и со стороны в полутьме вполне могло показаться, что он за руку тащит туда же Одиллу. Как назло, принцесса продолжала увлеченно пожирать его глазами, не позволяя подняться на ноги.

— На вас скоро будет просто больно смотреть, — вздохнула она. — Право слово, вы уже превзошли красотой свою мать, а ведь она в свое время была первой чаровницей в

королевстве.

Продолжая говорить, Одилла, словно невзначай, запустила пальцы под воротник юноши. Бенвор лихорадочно соображал, как бы выпутаться с наименьшими потерями. Внезапно ему захотелось грубо оттолкнуть ласкающую руку. Дикое, совсем ребяческое желание было чисто интуитивным, но у Олквины в эту минуту были все основания доверять интуиции.

— Вы, наверное, хорошо знали мою матушку, ваше высочество? — как можно учтивее спросил он. Рука принцессы замерла. Напоминание о том, что Одилла и сама давно уж годится ему в матери, не прошло незамеченным.

— Не очень, — слегка изменившимся тоном ответила она. — Королевский двор тогда располагался в Анклау... — принцесса осеклась, заметив собственную оплошность: двор переехал семнадцать лет назад, а в те времена, когда там блистала прежняя баронесса Олквин, самого Бенвора еще и на свете не было.

— Прошу прощения, ваше высочество! — с видом искреннего раскаяния воскликнул капитан. — Конечно, я не мог этого знать.

Леди Одилла раздосадовано поджала губы. Но горячая юношеская кожа все еще чувствовалась сквозь перчатку, и принцесса снова заулыбалась, слегка склонившись вперед.

— Как жаль, что не получилось оставить вас в моей личной гвардии, — с придыханием посетовала она, ладонью погладив Олквины по щеке. — Но, возможно, получится теперь. Супругу герцогини место при дворе, а не на границе, в этих ужасных гарнизонах.

— Я недостаточно высок для гвардейца, — напомнил Бенвор, попытавшись хоть немного отстраниться.

— О-о, какие пустяки! — засмеялась принцесса, подушечкой большого пальца коснувшись его губ. Глаза Одиллы заблестели, дыхание слегка участилось. Другой рукой она обвила шею юноши. Отвратительное, леденящее, высасывающее последние силы объятие... Капитану захотелось немедленно сбежать.

Поздно. Совсем рядом послышались голоса. Сердце Бенвора куда-то ухнуло: принц Майрон со свитой из участников посольства быстрым шагом вышел на аллею и замер как вкопанный, заметив живописную сцену. Рядом с будущим королем застыл побледневший Ланайон.

* * *

Барон Олквин стремительным шагом ворвался в столовую, где сидели Веанрис и Джелайна.

— Ты уже вернулся? — удивленно окликнула мужа баронесса. — Мы не ждали тебя к ужину.

— Мы не стали задерживаться во дворце, — прорычал Ланайон, даже не поприветствовав дам должным образом. — Боюсь, нас больше не пожелают там видеть!

— Боже, что случилось?! — занервничала Веанрис.

Бенвор вошел следом. Заметив выражение его лица, Джелайна вскочила из-за стола. Ланайон нетерпеливо отослал прочь лакея.

— Наш красавчик не придумал ничего лучше, чем соблазнить леди Одиллу прямо посреди парка, — прошипел он, ткнув пальцем в сторону капитана.

— Я ее не соблазнял! — рывкнул Бенвор. Братья спорили всю дорогу до Олквины.

Мигом все поняв, Веанрис со злостью стиснула кулачки.

— Вот похотливая жаба! — пробормотала она сквозь зубы, беспомощно повернулась к Джелайне и, наткнувшись на ее испуганный взгляд, пожаловалась: — Она облизывалась на Бенвора, еще когда тот был совсем мальчишкой. И тебе об этом прекрасно известно! — возмущенно добавила она, обращаясь к мужу.

— Вот и нечего было оставаться с ней наедине, — отрезал Ланайон. — И ладно бы, если б их увидели придворные или слуги. Все можно было бы списать на фантазию сплетников. Но их застал сам принц Майрон. Будто нарочно... Как же все это не вовремя!

— И что мне было делать?! — воскликнул юноша. — Оттолкнуть ее и уйти? Да меня бы уже через час лишили головы! Повод всегда можно устроить.

— Предложил бы ей перенести свидание в более подходящее место, — запальчиво огрызнулся барон.

— А потом, как ни в чем не бывало, извиниться за то, что не смог прийти, да? — с сарказмом отозвался Бенвор.

— Четвергование назавтра, — мрачно прокомментировала это Веанрис.

— Ну, а так получишь кинжал в спину через три дня, — процедил сквозь зубы Ланайон и, повернувшись к супруге, пояснил: — Принц велел включить моего не в меру шустрого брата в состав посольства. А учитывая его репутацию в Анклау... О, там очень хорошо помнят все былые и нынешние заслуги. Какой удобный случай по квитаться.

— Не может быть! — простонала баронесса. — Это же мирный договор!

— Посольству уже запретили вносить в Анклау любое оружие, — огорошил всех Ланайон. — Нас поселят во дворце отдельно от собственной охраны. Я не знаю, каково придется дипломатам, но на жизнь Бенвора я бы теперь не поставил даже медяка.

— Да как же так? — не выдержав, взвилась Джелайна. — Майрон, что, не понимает, чем рискует? Убьют не только вашего брата, но заодно и вас тоже, и всех остальных послов! На что рассчитывает принц? На мирный договор? Или на самом деле он только ищет законный повод развязать вооруженный конфликт?!

Ланайон ошеломленно уставился на нее. Конечно, не потому, что впервые увидел Джелайну в гневе, повышающей голос, а потому, что, похоже, впервые открыто выслушивал от женщины нечто такое, чем даже при дворе осторожно делились только с самыми надежными друзьями. Во всеуслышание обвинить Майрона в военной провокации ценой жизни нескольких приближенных придворных! Да за такое...

— Замолчите! — процедил он, опасливо оглянувшись на закрытые двери столовой.

— Полагаете, вам может стать еще хуже? — с горечью заметила Джелайна. — Куда уж больше?

— Куда больше? — переспросил Ланайон. — Вот куда! — он схватил за руку бледную жену, потом указал вверх, в направлении детской. — Молчите, несносная, или я удавлю вас на месте!

Веанрис разрыдалась. Все разом захлопотали вокруг нее, на время забыв о скандале. Баронессу отвели наверх и уложили в постель. Джелайне Ланайон тоже велел убираться в свою комнату. Чувствуя себя уже на пределе сил, Бенвор рвался следом за ней, но брат не дал ему уйти.

— Ну почему, почему с другими не случается ничего подобного? — схватившись за голову, страдальчески вопрошал он. — Почему только нам так «везет»? Сначала мать... Ее

постоянно кто-то домогался, отец на дуэлях получил больше ран, чем некоторые на войне. Теперь еще и ты!

— Не смей говорить так о маме, — процедил Бенвор.

— Смею! Ты был сопляком, и ничего не помнишь. Что ей стоило держаться подальше от двора? Нет, ее тянуло красоваться в свете и наслаждаться своими победами! И что из этого вышло? Ладно, мне было уже пятнадцать лет, но тебе-то всего шесть! Детям положено расти с матерью, а не с няньками или в монастыре! А что из тебя выросло? То же самое.

— Во-первых, — с трудом сдерживая гнев, возразил Бенвор, — я не наслаждаюсь своими, как ты выразился, победами. Я не стремился понравиться Одилле, будь моя воля — глаза б мои ее не видели. Во-вторых, — повысил он голос, видя, что брат пытается перебить, — ты сам себе противоречишь. Твоя собственная жена, что, сидит дома? У вас шесть нянек, а твой наследник иногда зовет мамой кормилицу.

— Мою жену, — разозлился барон, — никто не домогается. Она всегда ведет себя благопристойно. Даже если я не всегда бываю ею доволен, по крайней мере, светская жизнь не мешает ей исправно рожать детей. А нашей матери казалось, что даже двое — слишком много. И что теперь? Нас обоих убьют, и из всех Олквинов останутся только четверо малышей. Пятого я уже не увижу.

— Да это же вы и заставляли меня вертеться при дворе! — возмутился Бенвор. — Я не просил герцогиню, меня вполне устраивала военная карьера. Ты сам выставил меня напоказ, как девицу на выданье!

— Вот и держался бы все время рядом с невестой, — отрезал Ланайон. — Зачем тебя понесло на прогулку в одиночестве? Это тебе не казарма, по ночам в парковом лабиринте без компании шляются только искатели сомнительных приключений. Ты же понятия не имеешь, как принято выкручиваться из таких щекотливых ситуаций.

— Ах, я еще и виноват?! — воскликнул юноша. — Ну, хорошо, почему же меня тогда не арестовали прямо там? В крайнем случае, кто-нибудь мог хотя бы дать мне по морде. Нет, вместо этого принц предпочел выставить все так, будто именно ты провинился. А вы-то что делали в парке?! С каких это пор посольские дела обсуждаются на вечерних прогулках? Может, Майрон и до этого знал, чем занята его супруга?

Ланайон оторопел и на минуту задумался, прокручивая в уме события вечера.

— Нет, — наконец, уверенно произнес он. — Откуда ему было знать, что Одилла встретит там тебя?

— Я в парк не тайком прокрадывался, — фыркнул Бенвор. — Меня видели десятки людей. Принц мог сам отрядить супругу на поиски. Она даже свиту сразу отослала.

Барон без сил опустился на стул.

— Чем мы провинились? — пробормотал он. — За что?.. За прежнюю верную службу?

— Это война, Ланайон, — так же тихо ответил брат. — Все средства хороши. А кто мы такие? Все посольство разменяют в большой игре, только и всего. Майрон ведь до сих пор рассчитывает на военную помощь. Пожертвовать шестью придворными, капитаном и десятком солдат охраны — невелика цена за возможность начать наступление, и при этом выглядеть в глазах соседей не завоевателями, а вершителями справедливости. Даже странно, что вместе с вами не отправляют жен и детей — чтоб уж наверняка все возмутились.

— Ну, знаешь! — вскочил Ланайон. — Не накаркай!

Когда брат ушел, Бенвор заторопился наверх. Джелайна поджидала возле его покоев. Капитан тут же сгреб ее в охапку, не заботясь о том, что их могут увидеть. Немного придя в

себя, он затащил ее в комнату и запер дверь. Чувство ледящего опустошения постепенно уходило прочь, сменяясь привычным ласковым теплом.

— Можно личный вопрос? — тихо произнесла женщина.

— С каких это пор вам требуется особое разрешение? — хмыкнул Бенвор. Джелайна нерешительно прикусила губу.

— Что случилось с вашей мамой?

— Вы подслушивали? — ничуть не удивившись, вопросом на вопрос ответил капитан.

— Не специально, — спокойно возразила она. — Кто-то же должен был отгонять любопытных слуг? А вы говорили достаточно громко.

Бенвор встал и схватил плащ.

— Я задыхаюсь здесь. Пойдемте на крышу.

Усевшись на галерею и накрывшись вместе одним плащом, они некоторое время смотрели на постепенно гаснущие огни раскинувшейся неподалеку столицы. Наконец, Бенвор собрался с мыслями и начал рассказывать.

Он почти не помнил своей матери. В памяти остался только смутный образ всегда нарядной, благоухающей дамы, редкие ласки которой были для него неразрывно связаны с тоскливыми слезами, потому что потом она опять надолго исчезала — и так постоянно. Став старше, мальчик начал понимать, что мать никогда не любила отца. Красавица-жена была для барона предметом гордости, дорого купленным и еще дороже обходившимся. Родив наследника, баронесса сочла свой долг выполненным и стала открыто избегать мужа, месяцами пропадая в Анклау на бесконечных придворных увеселениях, пока барон занимался делами поместья в Норвунде. Увозить ее домой хоть на пару дней приходилось чуть ли не силой. Про леди Рианэн Олквин ходило множество сплетен, порой самых невероятных, и барону часто приходилось отстаивать честь семьи, наказывая мнимых обидчиков. Мнимых — потому что ни один слух никто точно не подтвердил. В конце концов, большинство этих сплетен порождалось обычной завистью. А леди Рианэн не собиралась ни перед кем оправдываться. После особенно скандальной истории барон с боем забрал жену из Анклау и надолго запер ее дома. Именно тогда родился Бенвор.

Трудно сказать точно, любила ли мать Ланайона. Наверное, да, ведь все матери любят своих детей. Уж на что Веанрис не терпит возни с малышами, но и она не находит себе места, если кто-то из них приболел. Но Бенвор никогда не видел, чтобы мама обнимала или целовала его старшего брата. Рианэн была холодна и неприступна даже со своими родными. Нет, она не отталкивала Ланайона, но он сам рано научился сторониться ее, и лишь маленький Бенвор льнул к матери с тем упорством, какое бывает только у несмышленных детей.

После разделения королевства двор переехал в Норвунд. Барон стал часто бывать во дворце, и светское общество вспомнило про бывшую первую красавицу. Леди Рианэн вновь появилась при дворе и стала первой. Ее опять неделями не бывало дома, но до новой столицы было рукой подать, и барон немного успокоился.

Бенвору было шесть лет, когда Рианэн однажды привезли домой на носилках. Мальчику не позволили входить в ее спальню, но он успел услышать, как мать громко стонет. Вызванный отцом важный лекарь пробыл у нее совсем недолго. Его вывод был однозначным и безутешным — баронессу отравили. Помочь ей было невозможно. Промучившись ночь и весь следующий день, красавица Рианэн тихо скончалась.

— Ей было столько же, сколько вам сейчас, — прошептал капитан и умолк, уткнувшись

лицом в колени Джелайны. Женщина долго молчала, глядя его по голове.

— Кажется, теперь я понимаю, почему отец отослал вас воспитываться в монастырь, — наконец, вымолвила она. — Вы все время напоминали ему об утрате.

— Возможно, — согласился Бенвор. — Но скорее всего, я был напоминанием о непрерывной войне, в которой он так и не смог победить. Я не плод любви, а результат укрощения непокорной жены.

Начал моросить дождь, и они перебрались в башню.

— Красота — это проклятие, — убежденно заявил юноша. — Еще никому она не приносила счастья.

— Надо же, — мрачно усмехнулась Джелайна. — А я всю жизнь считала наоборот.

— Нет, леди. Не знаю, как в вашем мире, но здесь куда лучше быть незаметным. Как вы.

— Мне всегда казалось, что красивые люди гораздо удачливее. Они располагают к себе, их подсознательно считают достойными доверия...

— Все может быть, — кивнул Олквин. — Наверное, в будущем многие вещи изменятся. Но, насколько я понял из ваших рассказов, зависть и зло вечны во все времена.

— Ну, по крайней мере, травить в мое время завистник не рискнул бы. У нас такое преступление легко раскрывается. И вылечить отравленного человека почти всегда удается. Главное — не опоздать.

— Да, у вас там хорошо, — вздохнул Бенвор. — Жаль, мне не суждено увидеть этот благословенный, счастливый мир.

Джелайна скептически хмыкнула и открыла было рот, собравшись что-то возразить, но промолчала. Олквин был признателен ей за это. Несбыточное и должно казаться идеальным, иначе какой смысл мечтать?

* * *

За ночь первый шок прошел, обиды братьев друг на друга улеглись, и ситуация предстала во всей своей ужасающей безысходности. Утром Ланайон добился аудиенции у принца в попытке хоть что-то исправить, но вместо этого окончательно удостоверился в том, что Майрон настроен предвзято и глух к любым доводам. Барону дали понять: если дипломаты откажутся ехать в Анклау, это будет воспринято, как сговор с врагами и саботаж мирного договора, что приравнивается к государственной измене, карающейся смертью на плахе. Посоветовавшись между собой, участники посольства решили все же покориться судьбе и поехать. Надежды на то, что бангийские наемники пощадят мирных парламентаров, было немногим, но больше. Если бы не отправляемый с ними инспектор приграничных гарнизонов, которого соседи уже давно люто ненавидели, дипломатическая миссия могла бы даже удалась.

Когда барон вернулся домой, его поджидала еще одна плохая новость. Герцог Вэйнборнский официально известил их, что разрывает помолвку.

— Неужели Гонте поверил сплетням? — огорченно заявила Веанрис.

— Это здесь не при чем, — мрачно ответил Ланайон. — Он вовсе не глуп, и тоже понял, что у Бенвора почти нет шансов вернуться из поездки. Будь Рунхис здоров, он бы сделал вид, что ни о чем таком не слышал. Но время его поджимает, а свадьбу из-за сплетен все равно пришлось бы передвинуть. Скорее всего, он сегодня же пошлет приглашение

другому претенденту.

— Леаншен тоже жаль, — грустно заметила баронесса. — Она уже успела влюбиться, а теперь ее выдадут за другого. Господи, сколько же еще людей станут несчастными из-за этой вашей проклятой политики?!

Впрочем, Бенвор на последнюю новость едва обратил внимание. До герцогини ли теперь? Капитана не оставляло жуткое чувство, что вся их налаженная жизнь катится в пропасть. Как будто страшная, неодолимая сила, вроде огромной волны, подхватила его с братом и тащит, сметая на своем пути все, чего они добились за эти годы. Изредка на юношу накатывало безотчетное состояние тревожного отчаяния и, безошибочно определив его источник, он теперь ни на минуту не отпускал от себя Джелайну. Его уже не волновало, что подумают окружающие, заметив, что он все время держит ее за руку. Так было легче, спокойнее. Женщина тоже осунулась за ночь, но ее присутствие помогало пересиливать сдавившее сердце предчувствие неотвратимой беды.

— Я подвел вас, леди, — виновато говорил Олквин. — Обещал помощь, защиту, а сам... Даже жениться так и не успел. Кто теперь будет о вас заботиться? Если что, оставайтесь с Веанрис и детьми. Им тоже понадобится поддержка.

— Могли бы и не напоминать, — упрекнула его она. — Это же ваша семья.

Днем в замок пришли отпросившиеся из караула Уилкас и Хоркан. Джелайна хотела оставить друзей втроем, но Бенвор вцепился в нее и не позволил уйти. Воллан и Тиви переглянулись. Еще весной некоторые шутники в казарме не раз проходились по тому, как трепетно капитан встречал эту даму. Похоже, в шутке все же оказалась доля правды.

— У нас все говорят, что ты вроде как соблазнил принцессу, — поделился новостями Хоркан.

— Только запутались, которую, — подхватил Уилкас.

Бенвор невесело усмехнулся. Дочери Майрона и Одиллы было всего двенадцать лет.

— И ту, и другую, — съязвил он. — Причем, обеих сразу. Расскажите там, добавьте от себя пикантных подробностей. Мне уже нечего терять.

— Некогда нам ерундой заниматься, — посерьезнев, заявил Воллан. — Мы едем с тобой.

— Зачем? — взвился Олквин. — Вас еще там не хватало!

— Будем охранять, — спокойно пояснил Хоркан.

— Состав посольства утвержден и на границе будет проверяться. К тому же, вы все равно ничем не поможете. Не впутывайтесь в это дело.

Друзья пытались уговаривать, но капитан был непреклонен.

— Так в Анклау уже знают, кто именно к ним едет? — ужаснулся Уилкас.

— Ну, теперь-то Холмуш Виркен точно с тобой поквитается, — горестно вздохнул Тиви.

— Кто это такой? — тихо спросила Джелайна.

— Начальник королевской стражи, — пояснил Бенвор. — То есть, это теперь он начальник, а два года назад у нас с ним была крупная стычка на границе. С тех пор Виркен грозит при новой встрече вырвать мне сердце.

— Набрался варварских манер от своего бангийского приятеля, — недовольно буркнул Уилкас.

— Дувардек ему почти названный брат, — уточнил Хоркан. — И с обоими лучше сталкиваться поодиночке. А еще лучше — совсем не сталкиваться. Звери просто...

— Ох, ну мы нашли, о чем рассказывать даме! — спохватился Воллан.

— Ничего, — еле слышно выдавила женщина. — Не беспокойтесь обо мне.

Получив от друзей кучу подбадривающих напутствий и пожеланий удачи, Бенвор проводил их до ворот. В это время в Олквинау заехал один из послов, Китленси. Сдержанно поздоровавшись с домочадцами, Китленси негромко предупредил братьев:

— Все готово. Выезжаем утром. Постарайтесь выспаться... если сможете.

У Веанрис началась истерика.

— Я возьму детей и сама пойду к принцу! — кричала она. — Брошусь в ноги Одилле!

С трудом успокоив жену, Ланайон увел ее наверх. Бенвор с отчаянием спросил бледную Джелайну:

— Вы всегда находили ответы на любые мои вопросы. Придумайте, как нам быть?

Женщина беспомощно развела руками.

— Не знаю. Не ехать. Отправиться и вернуться. Якобы отряд не пропустили через границу.

— Не выйдет, — с горечью промолвил капитан. — Нас там уже ждут. Ну просто заждались.

* * *

Бенвору все-таки удалось ненадолго забыться без сновидений. Проснулся он оттого, что рядом кто-то плакал. Это Джелайна среди ночи пришла к нему и села рядом.

— Нельзя ехать, — разобрал он сквозь сдавленные рыдания. — Ни в коем случае нельзя!

Юноша торопливо обнял ее и принялся утешать, гадая, что же до такой степени ужасного могло явить женщине ее очередное предчувствие, что не выдержали даже закаленные в рейдах нервы. Как обычно, настроение Джелайны передалось и ему, и теперь капитан за двоих боролся с внезапно нахлынувшей паникой.

— Будет что-то совсем жуткое, — всхлипывала она. — Просто кошмарное. Мне никогда еще не было так страшно! Даже когда уходила от ядерного взрыва.

— Ну не надо так, хватит, — неловко уговаривал Бенвор, машинально глядя ее по спине, и совсем некстати обращая внимание, что под пушистой шалью на ней только тоненькая льняная рубашка. Казалось, что тепло тела, не сдерживаемое ничем, само перетекает в ладони. Он наклонил голову к шее женщины, вдыхая ни на что не похожий запах ее кожи. Джелайна обвила его руками, продолжая невнятно шептать:

— Прошу тебя, не ездь туда. Что мне тогда делать? Не бросай меня в этом мире одну...

Бенвор стиснул ее крепче и прижался губами к теплой ямочке над тонкой ключицей. Джелайна тотчас же умолкла, замерла, и вдруг вцепилась в него так, словно старалась удержать рядом, убереечь от страшной участи. А потом принялась быстро целовать его всюду, где только могла дотянуться — в глаза, лоб, щеки, губы... Бенвор легко подхватил ее на руки и уложил рядом.

На этот раз ему уже ничто не могло помешать — ни холодный снег, ни хитрые застежки, ни нелепые законы далекого мира, ни поблекшая за год тень двойника. Да никто и не останавливал.

Ее тепло и прежде было для Бенвора просто чудом, но сегодня ему казалось, будто только теперь он начал чувствовать себя по-настоящему живым. Слово что-то неумовимо

сдвинулось где-то в душе, и наконец-то встало на нужное место.

А потом Джелайна снова расплакалась, и Бенвор успокаивал ее, как мог, пока она не уснула. Долго-долго, пока не начало светлеть за окном небо, смотрел на нее, спящую, в слабых отблесках камина, и никак не мог насмотреться на ее лицо, за год незаметно ставшее бесконечно родным и дорогим. И по старой аксиоме печенкой чуял, что раз злодейка-судьба так расщедрилась, то это — теперь уж точно конец всему.

Глава 27

Путь до Анклау прошел, как в тумане. Участники посольства почти не разговаривали между собой. Каждый был погружен в свои невеселые размышления, и всю дорогу над небольшим отрядом словно нависала мрачная туча.

Бенвор мысленно снова и снова возвращался на несколько часов назад. Ему не удалось больше заснуть, и утром он тихо ушел, стараясь не разбудить Джелайну. Юноша не хотел, чтобы она снова плакала, прощаясь с ним. Все, что он смог себе позволить — просто обнять ее напоследок и запомнить это прикосновение.

Олквин старался не думать о том, что будет, когда женщина проснется в его постели одна. Наверное, она обидится на него или рассердится. Почему-то казалось, что и ему стало бы легче, если бы можно было на кого-нибудь разозлиться. Провожавшие их слуги, словно сговорившись, принялись жалостно причитать, а опухшая от слез Веанрис рыдала так, что Ланайон даже отругал ее, чтобы не вредила ребенку. Теперь барон ехал, озабоченно хмурясь, а капитан то и дело невольнo оглядывался, сам не зная почему.

Когда они добрались до Локо, и вдаль показались холмы, отделявшие их от враждебных земель, Бенвору захотелось остаться в форте. Если его не будет в отряде, то вероятность того, что парламентаров могут оставить в живых, увеличится многократно. Словно прочитав его мысли, сразу двое послов вслух высказали то же самое. Но Китленси покачал головой и заметил, что пытаться хитрить бесполезно. Инспектора приграничных гарнизонов уже поджидали, и если теперь он не приедет, последствия могут быть ужасными. При этом в его словах явственно проскальзывала смутная надежда на то, что жертвой бангийцев станет один только Бенвор. Самому капитану это тоже приходило в голову, и он разрывался между упованием на то, чтобы именно так все и вышло, и отчаянным желанием любой ценой тоже остаться в живых.

Бенвору не раз приходилось рисковать в бою, но он никогда особенно не задумывался о смерти. Она всегда шагала где-то рядом, но при этом казалась чем-то очень далеким и почему-то никак не связанным с собственной участью. Даже почувствовав себя загнанным в ловушку, Олквин был готов к любому исходу. Но после прошедшей ночи что-то изменилось. Теперь он, как никогда, хотел выжить и вернуться.

Ах, если бы сейчас в его распоряжении оказался Патруль Времени, если бы можно было шагнуть на три дня назад и подсказать самому себе ни за что не выходить в этот проклятый дворцовый парк! Впрочем, сложись все по-другому — и Майрон, наверное, нашел бы иной повод для гнева, и кто знает, не обернулось бы это еще худшими последствиями? От судьбы не уйти.

В памяти Бенвора сразу всплыли слова Джелайны о том, что даже одно ее присутствие в этом мире уже нарушило ход истории. Но была ли в этом доля истины? Возможно. Не будь Джелайны, барон не поторопился бы завязывать выгодные знакомства в Жомеросуине. И

тогда в Анклау сегодня ехал бы кто-нибудь другой.

Нет, вряд ли. Рано или поздно амбиции Ланайона неминуемо привели бы его к политике. Вероятно, при этом он все равно пострадал бы, но пострадал один, без брата. Или нет?

Как бы там ни было, делать подобные предположения не имело смысла. Бенвор ничуть не сомневался, что злое равновесие, неизбежный спутник его жизни, в любом случае вряд ли обошло бы вниманием такой лакомый кусочек, как незаметно выросшая в его сердце любовь к самой необыкновенной в мире женщине.

"Будет что-то совсем жуткое, просто кошмарное", — вспомнил капитан предчувствие Джелайны. Все правильно, истинно щедрый дар судьбы и возмещаться должен соответственно.

* * *

На границе состав отряда тщательно проверили. Бенвор заметил, что его персона вызвала заметное оживление. Злорадные взгляды, бросаемые солдатами из Анклау, недвусмысленно указывали на то, что в ближайшее время капитану не стоит даже надеяться на везение.

Их сопровождали до самой столицы, правда почетный эскорт больше напоминал арестантский конвой. Несмотря на глубокую осень, Альберонт изъявил желание принять дипломатов в летней резиденции Сэмплен — роскошном дворце, расположенном за пределами столицы. Сэмплен возвышался над живописной излучиной реки, был окружен широким рвом и обнесен высокими стенами, как военная крепость. Причина такого решения короля стала очевидной, как только послы очутились внутри. В летнем дворце не оказалось никого из придворных и ни одного сановника, уполномоченного выслушать дипломатов. Никого, кроме полусотни вооруженных до зубов стражников и крохотной кучки сезонной прислуги.

Как и было обещано, шестерых послов и капитана разместили в отдельном крыле, и у Бенвора не было ни малейших сомнений, что никого из хорверских солдат они больше не увидят. С тем же успехом можно было ехать сюда вообще без охраны — только сохранили бы жизни ни в чем не повинным людям. Молчаливые слуги в одинаковых темно-синих одеждах неслышно появлялись и так же исчезали. Никто из них ни разу не посмотрел гостям в глаза. Возможно, они просто были так вышколены, но тревога дипломатов выросла еще больше.

По-королевски роскошный ужин, прошедший в полной тишине, только усиливал впечатление, что за столом сидят приговоренные к смерти. Бенвор пытался понять, зачем требовалось зловещими намеками обставлять и без того очевидное. Сам Альберонт во дворце так и не появился, ближе к ночи обещался прибыть его советник. Капитан с минуты на минуту ожидал какого-нибудь происшествия, но пока все было спокойно. Невозмутимая стража не обращала на передвижения гостей никакого внимания. Послам не позволяли лишь покидать отведенное им крыло — якобы в остальном дворце идет ремонт и уборка. Временами даже казалось, что все их беспокойство с самого начала было надуманным и излишним, но послы не оставляло ощущение, что именно этого от них и ожидают: хорошенько понервничать, а затем полностью расслабиться.

— Ремонт, как же... — недовольно бурчал Ланайон. — Уж я-то знаю, каково это, когда в замке ремонт. Повсюду суета, грохот и пыль. А здесь — как в склепе.

Бенвору почему-то было холодно. Усевшись у пылающего камина, он вскоре покрылся испариной, но все равно продолжал зябнуть. Поначалу капитан списывал все на нервы, а потом вдруг вспомнил, что иногда похожим образом чувствовал себя на некоторых особо невыносимых светских вечерах. Тогда его быстро успокаивали мысли о Джелайне, но сейчас от них делалось еще хуже, ведь даже при благоприятном исходе на возвращение домой стоило рассчитывать лишь через несколько дней. Да и мысли о ней теперь стали совсем другими. Олквин начал догадываться, что странный озноб — не что иное, как острая нехватка ее присутствия рядом и удивительного тепла. За последние полгода они с Джелайной не расставались больше, чем на день. И он привык всегда получать от нее это тепло, пристрастился к нему, как пропойца привыкает к ежедневным возлияниям. Только теперь эта потребность заметно возросла и жажда тепла вернулась гораздо быстрее, чем раньше. Оно и понятно — тревога и нервное напряжение отнимали силы с каждой минутой.

Вскоре во дворец прибыл королевский советник, лорд Локсан Сламрис. Он держался с парламентарями немного высокомерно, но без ожидаемого пренебрежения. Если этому человеку и было точно известно, сколько им осталось жить, он ничем этого не показывал. Сламрис забрал все приготовленные для Альберонта документы и заявил, что переговоры начнутся завтра.

Послы были озадачены. Не будь все уверены, что опасность действительно существует, происходящее с виду не выходило бы за рамки обычного дипломатического визита. И даже то, что их поселили в пустующем Сэмплене, вполне могло означать лишь то, что Альберонт хочет провести важные для обоих королевств переговоры в стороне от двора, в спокойной обстановке и подальше от вездесущих бангийских ушей.

Но Бенвор не поверил ни единому слову советника. Правда, если бы кто-нибудь спросил его, почему, то из всех своих доводов он смог бы четко сформулировать только один: Джелайна не могла ошибиться.

* * *

В казарме стояла тишина, лишь изредка нарушаемая редкими негромкими разговорами. Большинство солдат уже спали, но двое друзей понимали, что сегодня вообще не смогут уснуть. Сосредоточенно сопя, Хоркан зашивал расплзшуюся по шву рубаху. Уилкас валялся на соседней койке и невидящим взглядом смотрел в потолок. Кто-то подошел и остановился рядом. Повернув голову, Воллан увидел одного из караульных.

— К вам там пришли, — глумливо ухмыльнувшись, протянул тот, и уточнил: — К вам обоим.

— Кто пришел? — спросил Хоркан, оторвавшись от шитья. Караульный не ответил, только ослабилась еще шире. Недоуменно переглянувшись, парни обулись и вышли к дежурке.

В тени стены стоял невысокого роста человек в длинном плаще. Когда солдаты приблизились, посетитель обернулся и отодвинул капюшон.

— Леди Анерстрим? — удивленно охнул Тиви. Вот уж кого они никак не ожидали здесь увидеть, и с трудом узнали. За прошедшие сутки женщина, казалось, постарела лет на десять.

Бледная, с темными кругами под глазами и побелевшими губами, в свете одинокого факела она походила на утопленницу. Глаза, прежде прозрачные и блестящие, теперь напоминали два острых осколка тусклого льда.

— Там, за углом, привязаны три лошади, — глядя в сторону, хрипло выговорила Джелайна. — Узел с едой, запасной одеждой...

— Если вам интересно, миледи, можно ли отсюда удрать в самоволку... — тотчас же перебил ее Воллан.

— ...подождите за воротами пять минут, — подхватил Тиви.

Через десять минут они уже скакали по дороге на юго-восток. Яркая луна щедро освещала путь.

* * *

Граница с Анклау за холмами проходила по мелкой обрывистой речушке. Заранее свернув с дороги в редкий лес, трое всадников спешили, осторожно обошли стороной заставу на мосту и нашли подходящий брод.

— Вы уж извините меня, миледи, за то, что я сейчас скажу, — неохотно начал Уилкас, — но по-моему, вы спятили.

— Вовремя спохватились, — фыркнула Джелайна. — А на что вы оба рассчитывали, когда пошли со мной? Что я прячу по пути парочку вооруженных отрядов?

— Нет, но дальше нам лучше ехать без вас. Это хорошо, что вы взяли нам в Олквинау оседланных лошадей и припасы, но даме не годится соваться...

— Значит так, — отрывисто перебила она. — Давайте-ка сразу определимся. Командую здесь я. Мне плевать на ваши возможные армейские звания, для меня вы — просто друзья Бенвора, и этого достаточно. Теперь вы — моя группа, и будете слушаться моих указаний. Ясно?

Парни помялись. Похоже, отдавать приказы этой дамочке было явно не впервой, и сдавать позиции она не собиралась.

— Бенвор с нас шкуру спустит, — пробормотал Хоркан.

— Это будут уже не ваши проблемы, — покачала головой женщина. — Лишь бы он вернулся домой. И раз уж вы рветесь туда одни, позвольте узнать: у вас уже есть какой-то план? Решили, как будете действовать?

— Что толку планировать отсюда? — ответил Уилкас. — Будем решать на месте.

— На месте вы и глазом моргнуть не успеете, как станете покойниками, — тихо заметила она. — Ваша задача сейчас — незаметно провести меня через границу. Кто может знать об этом больше тех, кто на границе и служил?

— Вы же переходили границу прошлым летом, — удивился Хоркан. Женщина на секунду замешкалась и бросила:

— Если помните, меня поймали.

Перейдя речку, они с превеликими предосторожностями двинулись в сторону столицы.

— В каком месте города находится королевский дворец? — поинтересовалась Джелайна. — В самом центре?

— Да, почти, — ответил Уилкас. — Только нам туда не нужно. Альберонт собирался принять дипломатов в замке Сэмплэн. Во всяком случае, когда снаряжали солдат в охрану

посольства, им объясняли именно так.

— Это он нарочно устроил, чтобы разобраться с послами по-тихому, — буркнул Хоркан. — Да и в городе нам было бы проще. А Сэмплен отовсюду неприступен.

Последние пару миль в предрассветных сумерках они снова вели лошадей в поводу, пока не услышали стук копыт и скрип тележных колес, ясно указывающий на то, что впереди большая дорога. Из окрестных деревень сонно тянулись обозы — крестьяне торопились пораньше встать в очередь у городских стен, чтобы попасть на столичный рынок, как только опустят мост и откроют ворота.

— Ага... — тихо произнесла Джелайна и велела парням: — Ждите здесь. Я сейчас.

Она бесшумной тенью скользнула к проезжавшей мимо телеге и почти сразу вернулась, что-то неся в руках. Тиви и Воллан с недоумением уставились на плетеную корзину, полную отборных рыжих луковиц.

— Это зачем? — спросил Хоркан.

— Стратегический запас, — хмыкнула Джелайна.

— А не лучше было стащить молока?

— Нет.

* * *

Рано утром в Сэмплен прибыл еще один отряд королевской стражи, сопровождавший карету, в которой приехал высокий худощавый человек с длинными, совершенно седыми волосами. Когда гость снял низко надвинутую шляпу, Бенвор тут же понял, кто это, хотя никогда не видел его прежде. Не признать одноглазого Риймонса было невозможно.

Несмотря на седину, колдун оказался вовсе не стариком. В его гордой осанке чувствовалась уверенность человека, обладающего практически неограниченной властью. Цепко оглядев всех единственным глазом, он без церемоний заявил:

— Его величеству хорошо известно, что задумал Майрон. Известно и то, что попытка развязать войну будет в любом случае — даже если вы вернетесь с подписанным мирным договором. Жертвовать дипломатами Майрону следовало еще весной. А теперь уже поздно. Его никто не поддержит. В Жомеросуине знают о том, что ожидается провокация, и Ленгосоу еще вчера отдал приказ отозвать всех солдат от наших общих границ, даже тех, кто просто стоял в дозорах. Совместного наступления не будет. Вас отправили сюда совершенно напрасно. Вернетесь вы или нет — это уже не имеет значения.

Риймонс оглядел растерянных послов и усмехнулся.

— Его величество сначала даже хотел подписать все, выставить вас прочь и посмотреть, какой новый повод для нападения выберет его племянник. И как ему не надоест эта давняя семейная игра?

Колдун подозвал стражников и указал на барона Олквины.

— Главного заковать. С ним побеседует палач. Остальные не нужны.

Не обращая внимания на яростные выкрики дипломатов, Риймонс неторопливо зашагал к выходу. Стражники скрутили пленников, а Ланайона оттащили в сторону. Колдун обернулся в дверях.

— Ах, да. Этого тоже оставьте, — и кивнул на Бенвора. — Холмуш очень просил.

— Какой красивый замок, — мечтательно протянула Джелайна. И правда, с высокого обрыва на Сэмплен открывался поистине великолепный вид.

— Говорят, принц Майрон очень его любил, — рассказывал Уилкас, тоже зачарованно любуясь золотящейся в лучах рассвета крепостью. — Даже свой дворец в Норвунде выстроил точно таким же, один в один. Только из розового камня.

Женщина задумчиво прищурилась и, склонив голову набок, спросила:

— А вы когда-нибудь бывали в норвундском дворце?

— Конечно! — охотно ответил Тиви. — И даже не раз.

Джелайна огляделась по сторонам, схватила Хоркана за рукав и потащила к низкому намывному участку берега.

— Рисуй, — она сунула юноше какую-то щепку и кивнула на гладкий песок. — Все-все рисуй: залы, коридоры, башни, лестницы, подсобные помещения, черные ходы, водопровод, отдушины...

— Там четыре этажа! — запротестовал было Тиви.

— Вот каждый этаж и рисуйте, — кивнула Джелайна, подталкивая к нему Уилкаса. — Верхние хотя бы приблизительно. А первый — как можно точнее и подробнее, до мелочей.

Парни дружно взялись рисовать план дворца. Тем временем Джелайна вытащила из свертка с одеждой серое крестьянское платье и сбросила плащ. Хоркан и Уилкас молча уставились на ее незаметный прежде арсенал: две сабли на поясе и три пары кинжалов — на бедрах, рукавах и над голенищами. Поторопив их, чтобы не теряли времени даром, женщина принялась натягивать платье прямо поверх черной формы и оружия. Прикрыла чепцом короткие волосы, а вязаной косынкой — воротник формы с блестящей застежкой. Сняв ботинки, она положила их на дно украденной корзины и засыпала сверху луком, а сама нацепила грубые деревенские башмаки.

— В крепость вы, может, и пройдете под видом торговки, — оценив ее внешний вид, решил Хоркан. — Но во дворец вас никто не пропустит.

Джелайна выпрямилась во весь рост, придирчиво оглядела себя и еле слышно заметила:

— Вы просто еще не знаете, с кем связались.

— Ладно, может, как-нибудь и проберетесь, — почесал в затылке Уилкас. — Но как нам вывести оттуда послов? Ни одного мужчину не выпустят из крепости без досмотра, а если кто-нибудь поднимет тревогу, ворота совсем закроют.

— А для чего тогда, по-вашему, мне нужен план замка? — поинтересовалась Джелайна. — Конечно, чтобы узнать, как выйти оттуда, минуя стражу.

Она подошла к почти готовому рисунку и принялась внимательно изучать его, дотошно выпрашивая каждую деталь. Хоркан с гордостью показал ей три известных ему черных хода, но его ждало разочарование.

— Да они теперь охраняются лучше, чем парадный въезд, — недовольно отмахнулась женщина. — Нет, это не годится. Лучше покажите, какими рукотворными путями в замке ходят крысы?

— Отдушины есть только внутри башен, — пожал плечами Тиви. — И что потом — по стене спускаться? Заметят. А тайные лазейки мне неизвестны.

— Миледи, я вам сразу могу сказать, что затея с лазейками никуда не годится, — не

выдержал Воллан. — Мы вот хотим предложить свой план...

— Я догадываюсь, что именно вы хотите предложить, — хмуро перебила Джелайна. — Но позвольте мне сначала попробовать по-своему. Вас я попрошу только помочь послам пробраться через лес назад к границе. Бегство и прикрытие от погони — это то, чем мне уже довольно давно не приходилось заниматься самой.

— Чтоб меня... — пробормотал Уилкас. — Так вы и впрямь шпионка?

Проигнорировав вопрос, Джелайна указала на две тонкие линии, пересекающие стены с противоположных сторон.

— Что это такое?

— Трубы, — ответил Воллан. — По ним во дворец подается вода.

— Какой они толщины?

— Где-то около фута, наверное, — Уилкас развел руки, наглядно показывая размер, и добавил, видя, как нахмурилась женщина: — Внутри замка они разветвляются на совсем тонкие трубки. И в них всегда течет вода.

— А на случай осады в крепости есть еще и колодец, — пояснил Хоркан, указывая на крохотный кружок в центре одного из внутренних дворов.

— Здесь есть все? — спросила Джелайна, пристально вглядываясь в чертеж.

— Ну, что вспомнили, то и нарисовали. Только учтите, что в Сэмплене кое-что может отличаться.

— А это что? — палец женщины коснулся квадратика, почти примыкавшего изнутри к стене замка. От него через внутреннюю и внешнюю стены крепости тянулась полоска аж до самого окружавшего дворец рва.

— Это... — Тиви слегка растерялся и покосился на приятеля. — Это в Норвунде так. А здесь все может быть совсем по-другому.

Джелайна продолжала напряженно ждать ответа.

— Да все здесь точно так же, — ухмыльнулся Уилкас. — Обычно в этом месте делается выгребная яма. Но во дворце она устроена не так, как, например, в Олквинау. Народу-то там живет куда больше. Не хватало еще, чтобы в королевском замке стояла вонь, как из отхожего места. Там под землей прорыт тоннель, выходящий прямо в ров, и вода сама вымывает нечистоты в реку.

— Надо же, — восхищенно хмыкнула женщина. — Как дальновидно устроено, никогда бы не подумала.

— А то, — кивнул Воллан. — Для удобства короля, поди, и не такое сделают.

— И на какой глубине находится этот тоннель?

— Футов десять, наверное, — прикинул Хоркан. — Или пятнадцать. Но дыру мы отсюда все равно не найдем — она где-то под водой. Это целую неделю придется нырять, лазить там наощупь...

— Или по запаху, — хохотнул Уилкас.

Джелайна поднялась, снова набросила плащ и внимательно огляделась по сторонам. Казалось, женщина запоминала это место.

— Вы оба остаетесь здесь, — тихо начала она. — Не спорьте, прошу вас. Сделайте себе и лошадям укрытие, и следите, чтобы не было заметно дыма от костра...

— Да знаем, знаем, не впервой, — торопливо отмахнулся Тиви. Джелайна смущенно кивнула.

— Да, конечно, простите. Тогда сами знаете, как прятаться. Будете ждать первого, кто

выйдет из замка. Сразу, как только кто-то появится, сажайте самых слабых на лошадей и удирайте. Сколько бы людей ни вышло, не задерживайтесь, погоня будет обязательно. Не дожидайтесь остальных: если послам и удастся бежать, то только всем вместе. Если совсем никто не выйдет... — она на миг прикусила губу. — Ждите не больше суток, потом возвращайтесь домой. Вон в том дупле оставьте огниво и трут.

— И все? — забеспокоился Воллан. — Может, еды оставить?

— Не надо, только зверей приманите. Ничего больше не надо. Если понадобится — все необходимое можно найти в лесу.

— Вы там поосторожней... — проронил Тиви, поняв, что переубеждать ее не идти в одиночку бесполезно. Джелайна кивнула и, глядя на Сэмплен, тихо произнесла:

— Как говорили коренные жители моей родины, я выхожу на тропу войны.

Подхватив корзину, она пробралась к дороге и, дождавшись очередную телегу, зашагала рядом. Задремавший возница не обратил на нее никакого внимания. Чуть отстав, Джелайна поставила корзину на задок телеги, осторожно вскочила сама и тоже уселась. Друзья смотрели, как она исчезает в тумане, на прощание помахав им рукой.

— Поймают, — с досадой скривился Воллан. — Как пить дать, поймают и побьют. Эх!..

* * *

— Вот и все, — безжизненным голосом произнес Ланайон, вперившись невидящим взглядом в тяжелые железные оковы. Бенвор сидел у стены напротив и тоже старательно прислушивался, хотя последние крики стихли еще полчаса назад. Было жутко осознавать, что уважаемых людей, с которыми он разговаривал совсем недавно, больше нет в живых. Одно дело, когда солдаты гибнут в честном бою, и совсем другое, когда мирных парламентаров закалывают, как свиней, беспомощными. Вот и брат совсем отчаялся... Похоже, его угнетала мысль о предстоящих пытках: палач совсем скоро должен был прибыть из города. А Бенвор ожидал того, кто два года назад пообещал ему смерть по-бангийски. Капитан однажды слышал, что у этих варваров умереть таким образом тоже считается почетным. Враг повержен, но не сдался.

Закрыв глаза, юноша снова погрузился в воспоминания. Тяга к Джелайне, изводившая его вчера, не давала о себе знать из-за утренних событий, но сейчас вернулась с новой силой. В этом даже было что-то странное: его жизнь скоро оборвется, а он тоскует по женским объятиям. Но думать о них было куда приятнее, чем о собственном сердце, отстукивающем свои последние часы. Бенвору казалось, что от этих мыслей он становится немного ближе к Джелайне, даже вроде бы стало чуть-чуть теплее, словно лучик солнца коснулся щеки.

Сквозь охватившее его оцепенение капитан слышал, как стражник ворчит на прислугу:

— Этих кормить ни к чему. Заворачивай. Нет, стой. Дай лучше сюда.

Вот так. Пленников лишили даже последнего в жизни куска хлеба. Очевидно, о праве на последнее желание и заикаться не стоит. Хотя — юноша слегка улыбнулся — его последнее желание Виркену все равно никак не выполнить.

За углом послышался какой-то невнятный звук, потом что-то задрезжало по полу — похоже, уронили поднос. Шуршание ткани, короткое пыхтение... Бенвор поморщился. Не хватало еще вместо своих приятных мыслей слушать, как стражник на посту втихомолку тискает служанку.

Наступила тишина, а потом в коридоре на камни глухо упало что-то тяжелое. Тонко звякнула какая-то цепь. Шорох почти невесомых шагов замер по ту сторону массивной решетки, и Бенвор, не веря своим ощущениям, медленно повернул голову навстречу струящемуся теплу, выхватывая взглядом край темно-синего платья и алые капли на лезвии блестящего кинжала.

Подняв в руке связку ключей, Джелайна улыбнулась и нежно сказала:

— Привет, мальчики. Домой хотите?

* * *

Стражники у ворот крепости отдали честь, приветствуя скачущего верхом Холмуша Виркена. Рыцарь спешил, выслушал доклад младшего офицера и неторопливо зашагал к дворцу. Навстречу ему шел Риймонс в сопровождении слуги. Колдун велел забрать из своей кареты и перенести в замок небольшой, но довольно тяжелый сундучок.

— Осторожнее, — предупредил он. — Там очень хрупкие вещи.

Виркен проводил сундучок неприязненным взглядом.

— Что вы опять затеяли, милорд? — обратился он к Риймонсу.

— Как обычно, Холмуш, — поравнявшись с ним, ответил колдун. — Снова переселяюсь сюда на зиму. Мне спокойнее работать в одиночестве. Жаль, нельзя так же перевезти целиком всю мою лабораторию.

Начальник стражи понимающе кивнул.

— Кстати, Холмуш, — добавил Риймонс, — когда покончишь с этим мальчишкой, сообщи мне сразу же, пока тело не начало остывать.

Виркен едва заметно скривился, но все же согласно склонил голову.

— Как вам будет угодно, милорд.

* * *

Открыв кованую решетку, Джелайна первым делом бросилась к Бенвору. Едва высвободив руки, юноша немедленно заключил ее в объятия, упиваясь благословенным теплом, которого ему так не хватало. Только сейчас он поверил, что все происходит на самом деле.

Справившись с первоначальным удивлением, Ланайон требовательно зазвенел цепью. Джелайна неохотно оторвалась от капитана, отперла замок на его ножной колодке и повернулась к барону.

— Как вы сюда попали? — подставляя руки, спросил Ланайон. Женщина качнула головой и едко ответила:

— Не поверите — проходила мимо.

— А почему вы в платье здешней прислуги? — не отставал барон. Джелайна криво усмехнулась.

— Одолжила по случаю.

— Хватит, — вмещался Бенвор, изо всех сил расшатывая ржавую дужку замка, завязшую в железных петлях. — Ланайон, все вопросы потом, ладно? За нами вот-вот придут...

пришли, — поправился он, услышав топот. Джелайна выпрямилась и отступила в тень у стены, задирая подол платья и отстегивая сабли.

— Почему там открыто?! — рывкнули с лестницы. Гулкие звуки торопливых шагов заполонили тюремный подвал. Бенвор разобрал, как кто-то проклинает скотину, зарезавшую стражника. Потом в их камеру ворвались четверо солдат. Они сразу кинулись к почти освободившимся от оков пленникам, а позади них от стены отделился темно-синий силуэт. Через три секунды все четверо почти одновременно рухнули на солому. Бенвор наконец-то отшвырнул колодку и вскочил на ноги. Джелайна вытерла сабли об одежду стражников и выбежала из камеры. Капитан взял меч одного из убитых и пошел следом. Все еще не пришедший в себя Ланайон последовал его примеру.

Джелайна быстро шла впереди, проверяя все повороты и подавая братьям знак затаиться, если замечала солдат. На невзрачную служанку, держащую руки за спиной, почти не обращали внимания. Но, миновав пару коридоров первого этажа, беглецы все-таки натолкнулись все вместе сразу на семерых. Бенвор тут же схватился с крайним, а Джелайна вдруг нырнула вперед, в самый центр отряда. Очевидно, сочтя «служанку» заложницей, спасенной от сбежавших пленников, солдаты тут же расступились, пропуская ее и пряча за свои спины. Капитану было не до того, чтобы охватить взглядом все происходящее, но когда он зарубил стражника, вокруг уже лежали одни трупы.

— Интересно, — протянул сзади Ланайон, которому так и не досталось противника. — У вас в Англии всех дам обучают сражаться с шестерыми сразу?

— Да какое это сражение? — дернула плечом Джелайна. — Они даже повернуться не успели.

— Вы бьете в спину, — осуждающе процедил барон. Женщина нехорошо улыбнулась.

— А я не рыцарь, и плевать хотела на ваши законы чести. У меня они свои.

Следовало поторопиться — шум боя наверняка уже привлек внимание. Беглецы прибавили шаг. Спустя пару поворотов женщина остановилась, уставившись в стену. Веки ее мелко задрожали. Бенвору уже приходилось видеть подобное — когда ей приходилось вспоминать что-то для занятий.

— Тебе известно, куда идти? — уточнил он. Джелайна кивнула, сорвалась с места и вскоре свернула в какое-то полуподвальное помещение. У самой стены находился квадратный люк, закрытый деревянной крышкой. Кивнув братьям, женщина первая схватилась за рукоять.

— Что здесь? — помогая оттащить тяжелую крышку в сторону, спросил Ланайон.

— Дренажный коллектор, — с нервной усмешкой ответила она. Ничего не поняв, барон спросил еще раз. Джелайна вздохнула и объяснила по-хорверски:

— Тоннель, ведущий в ров вокруг замка. По нему можно выплыть прямо в реку.

— Выгребная яма?! — дошло до Ланайона. — Мы что, должны лезть в нечистоты?

— Да какие, к дьяволу, нечистоты?! — не выдержала женщина. — Замок почти пустой, тут и гадить-то некому. Сейчас в тоннеле чище, чем в королевском умывальнике. Здесь же постоянно проточная вода.

— Ты что, сам не чувствуешь? — прикрикнул на брата Бенвор. — А хоть бы и воняло, жить хочешь или нет?!

— Тоннель на глубине примерно десять-пятнадцать футов, — торопливо принялась объяснять Джелайна, стаскивая заляпанное кровью платье прислуги. — Нырять и по стеночке добираться до рва. А там уже можно плыть, как обычно.

— Пятнадцать футов? — смятенно пробормотал Ланайон, с опаской заглянув в уходящий во мрак узкий сырой колодец. — Я в детстве, конечно, пробовал плавать, но это было давно. И нырять не умею.

— Совсем? — растерялась Джелайна и повернулась к Бенвору. — А ты плаваешь?

— Приходилось, — расплывчато ответил он. — Но тоннель, насколько я понимаю, футов сорок в длину, если не больше. И воды в нем, наверное, доверху?

— Конечно, доверху, — пожала плечами женщина. — Он же на глубине. Ничего, я покажу вам, как правильно нырнуть, чтобы не всплыть сразу.

— Вряд ли я проплыву столько под землей, да еще и не зная, сколько точно плыть, — покачал головой капитан. — А Ланайон — тем более.

— Да вы что, издеваетесь?! — побледнев, воскликнула она. — У меня нет другого плана!

— Джелайна, — возразил капитан, — только у вас строят особые места, где все желающие могут учиться плавать. У нас же это умение больше подходит простолюдинам. Знатному человеку не пристало разоблачаться и плескаться в реке на всеобщем обозрении. А уходить для этого подальше от города, как ты — это целое дело, подчас еще и небезопасное.

— Черт, вот как чувствовала, — жалобно пробормотала Джелайна. — Слишком уж просто все шло до сих пор.

Нервно прислушавшись к далеким крикам из коридора, она схватила Бенвора за руку.

— О'кей. Я помогу. Будем нырять вместе. Я вытащу вас обоих по очереди. Идем.

Капитан кивнул и отступил назад.

— Пусть Ланайон идет первым.

Женщина замерла, испуганно глядя на него.

— Я пришла сюда за тобой, — прошептала она. Бенвор вздохнул и заговорил, стараясь быть как можно убедительнее:

— Если его здесь обнаружат, он сможет выстоять только против одного, и то... А я могу какое-то время отбиваться даже от троих. Выведи сначала его, а потом...

— Я пришла за тобой! — взвизгнула Джелайна, перебивая его. — И выйду отсюда прежде всего с тобой!

— Ладно, — подал голос начавший кое-что понимать барон. — Выводи сначала его, я подожду.

В подвал вломились двое стражников. Капитан сам схватился с обоими, а прикончив их, заявил:

— Видишь — они не ходят поодиночке. Скоро все сюда доберутся. Ланайон не выстоит. Они не должны узнать, каким путем вы убегаете. Я пока выйду и отвлеку их, уведу в другую сторону.

— Нет! — вцепилась в него женщина. Бенвор взял ее лицо в ладони и, почти касаясь губами, произнес:

— Джелайна, милая, я прошу тебя — помоги Ланайону.

Она тихо всхлипнула. Юноша прижал ее к себе и добавил:

— Сделай это, пожалуйста. Ради Веанрис и их детей, ради меня.

Положив руку на плечо брату, он четко выговорил:

— Ланайон, поклянись, что ты берешь леди Джелайну Анерстрим под защиту нашего рода — с этого момента и навсегда.

— Клянусь, — тотчас же ответил барон.

— Навсегда, Ланайон, даже когда тебя не станет. Возьмешь клятву крови с наследника и завещаешь ее дальше.

Барон удивленно моргнул.

— Она все тебе расскажет, если потребуется, — пообещал Бенвор. Ланайон кивнул, не спрашивая больше.

— Хорошо. Поторопитесь, — капитан быстро поцеловал Джелайну, подхватил меч и вышел из подвала. Шмыгнув носом, женщина шагнула к яме и позвала барона:

— Скорее, у нас очень мало времени.

Но Ланайон застыл у двери, с ужасом прислушиваясь к отчетливым крикам и лязгу оружия в коридоре. Джелайна оглянулась, полоснув его взглядом, полным ненависти. Барон очень хорошо понимал ее, он и сам сейчас ненавидел себя за то, что уходит, а Бенвор остается прикрывать их.

— Шевели задницей! — яростно выкрикнула она. — Твой брат сейчас рискует жизнью не затем, чтобы мы тут прохлаждались!

Ланайон заставил себя молча повиноваться. Женщина велела ему глубоко дышать, а сама быстро содрала с него пояс и связала ему руки.

— Зачем? — запротестовал было барон.

— Чтобы ты меня не утопил, — коротко пояснила она. Забравшись в кольцо его рук, Джелайна заставила Ланайона набрать воздуха побольше, зажала ему рот и нос и бросилась вместе с ним вниз. Предосторожность с руками оказалась нелишней — через полминуты в крошечной водной тьме барон запаниковал и забился всем телом. Опомнился только от чувствительного тычка в ребра. Оказавшись, наконец, на поверхности и глотнув воздуха, он тут же инстинктивно попытался залезть Джелайне на плечи, за что схлопотал в ухо. Силой уложив его на спину, женщина развязала пояс и поплыла рядом, помогая держаться на воде и указывая путь.

Когда они выбрались на противоположный берег реки и устало растянулись на песке, Джелайна принялась быстро объяснять:

— На дорогу не выходи. Пойдешь вдоль нее по лесу, спустя полмили свернешь направо. На обрыве лагерь, там поджидают двое хорверских солдат. Это друзья Бенвора, ты их знаешь. Они дадут тебе сухую одежду и отвезут домой. Напомни им, чтобы не медлили.

Выпалив все это, женщина опять поднялась.

— Как ты найдешь отсюда тоннель? — все еще пытаясь отдышаться, позвал Ланайон.

— Я пометила стену грязью, — бросила она через плечо.

— Ты ведь не оставишь там моего брата? — с надеждой произнес барон. Просить эту странную иноземку о помощи после всего, что он ей когда-то наговорил, а она взамен спасла ему жизнь, было совестно, но ведь Бенвор был дорог им обоим.

Джелайна обернулась. Ее прозрачные глаза замерцали, точно быстрые капли ртути.

— Ни за что, Ланайон, — еле слышно, но твердо ответила она. — Теперь я никому его не отдам, ясно?

Женщина вошла в воду и снова поплыла к замку, к одной лишь ей известной примете.

Глава 28

Покинув подвал, Бенвор почти сразу попался стражникам. Уводя их подальше от Джелайны и Ланайона, он бросился бежать прочь, но навстречу отряду уже спешила

подмога. Сражаться без доспехов и щита в одиночку против двух десятков солдат в кольчугах не смог бы, наверное, даже Уокер. Олквин был готов дорого продать свою жизнь, но у стражи был иной приказ. На юношу набросили прочную сеть, скрутили и разоружили.

Бенвора приволокли наверх, в просторную, скудно обставленную комнату и приковали к массивному стулу. На столе, застеленном простой белой тканью, были расставлены какие-то ящички различных размеров. Капитан услышал, как стражники отчитываются кому-то о неудачных поисках барона. Беспокойства Олквину добавляло еще и то, что его посадили спиной к двери, ограничив обзор.

— Отсюда некуда бежать, — узнал Бенвор властный голос Риймонса. — Проверьте все окна и стены — не привязана ли где веревка. Проверьте черные ходы, отдушины.

— Уже все проверили, милорд. Нигде никаких следов.

— Значит, он еще в замке. Продолжайте искать.

Стража удалилась, и Бенвор остался один на один с Риймонсом. Юноша закрыл глаза и постарался выровнять дыхание. Он всем сердцем надеялся, что Ланайон уже далеко отсюда, и не сомневался, что Джелайна обязательно поможет ему добраться до дома. О том, что ожидает барона после возвращения в столицу, он старался пока не задумываться.

— Куда подевался твой брат? — спросил колдун, неслышно приблизившись к капитану. Олквин молча пожал плечами. Риймонс прошелся вдоль стола и на миг коснулся кончиками пальцев одного из ящичков, словно собирался открыть и передумал.

— Зря разделились. Если барона не найдут, палачу достанешься ты, — сообщил он. Бенвор покачал головой.

— Я не знаю ничего из того, что могло бы тебя заинтересовать. Я всего лишь инспектирую границы.

— Пожалуй, что так, — неохотно признал Риймонс. — Но ты будто и не волнуешься. Не предлагаешь себя вместо брата, не пытаешься выпросить у меня его жизнь. Не очень-то благородно.

— И что, это помогло бы? — саркастически поинтересовался юноша.

— Как знать? — усмехнулся тот. — На самом деле мне не так уж и нужны сведения, которыми мог бы поделиться придворный. Просто таков порядок: если есть, кого допрашивать, его допросят — на всякий случай. Сам ведь знаешь.

Риймонс изваянием застыл у окна. Бенвор разглядывал его четкий профиль, гадая, что нужно от него этому непонятному человеку. Если допрос не имеет смысла, то зачем его привели сюда?

— А правду говорят, что ты волшебник? — спросил он. Колдун чуть улыбнулся и вернулся к столу.

— Конечно, правду. А ты не веришь?

— Нет. Но если прямо сейчас сотворишь чудо, могу и усомниться.

Риймонс смерил юношу презрительным взглядом.

— Да кто ты такой, чтобы я тебе что-то доказывал? — фыркнул он.

— Я так и знал, — хмыкнул Бенвор. — Ты не можешь. Ты не волшебник, ты мошенник, поразивший воображение Альберонта красивыми фокусами.

Улыбка Риймонса померкла.

— Не говори о том, чего не знаешь, мальчишка. Тебя еще на свете не было, когда я благодаря своему мастерству стал здесь полноправным хозяином. И я останусь им, когда тебя уже не будет. Очень скоро, кстати.

— Мошенничество — тоже в своем роде мастерство, — заявил Бенвор. — А магии не существует.

— Да ну? — прищурился Риймонс и указал рукой на стол. — А чем же тогда, по-твоему, я занимаюсь?

— Мне повторить, или ты расслышал с первого раза? — спокойно ответил Олквин. Вопреки его ожиданиям, колдун не разозлился.

— Просто смешно, — пробормотал он, наконец-то открыв один из ящичков. — Мое тонкое мастерство ставит под сомнение какой-то полуграмотный офицер. Хотя нет, ты ведь воспитывался в обители Кампа... Разве там не учили проявлять почтение к старшим?

— К старшим — учили, — легко согласился Бенвор. — К мошенникам — нет.

— Тебе не удастся вывести меня из себя, — невозмутимо проговорил Риймонс, извлекая из ящичка странный сосуд. Сквозь прозрачные, как тонкий лед, стенки было видно, как на доньшке плещется темная жидкость.

— Значит, магии нет... — посмотрев сквозь сосуд на свет, произнес колдун. — Ладно. Что же тогда есть?

— Есть законы природы, — припомнил Бенвор слова Джелайны. — И люди, использующие их в своих интересах.

Впервые за все время Риймонс взглянул на капитана с заметным любопытством.

— Никак в Кампа теперь заправляет новый настоятель? Давно ли там начали учить хоть чему-то вразумительному?

Олквин промолчал, да от него и не ждали ответа.

— Ну, допустим, — неожиданно оживился колдун, — что магии и в самом деле нет. Но ведь до вас тоже дошла молва о моем мастерстве. Возможно ли много лет дурачить столько людей одними лишь фокусами, как ты считаешь?

— Надо же, тебя интересует мое мнение? — усмехнулся Бенвор. Риймонс на секунду поджал губы и отвернулся.

— Не интересует, — сухо бросил он. — Вопрос был риторическим.

Колдун неторопливо раскладывал на столе какие-то мелкие предметы и странного вида инструменты из второго ящичка. Поначалу он казался целиком поглощенным своим занятием, но потом стало ясно, о чем он продолжал думать.

— Значит, ты не боишься магии? — отрывисто спросил он, покосившись на капитана.

— Я никогда с ней не сталкивался, — напряженно наблюдая за непонятными приготовлениями, ответил Бенвор. — Зато много раз видел, как люди причиняют друг другу вред вполне материальными способами. И если некоторые из этих способов мне пока незнакомы, это еще не значит, что они имеют сверхъестественную природу.

Риймонс повернул голову, внимательно слушая юношу.

— Пока? — удивленно выделил он. Олквин окинул взглядом содержимое стола и вздохнул.

— Похоже, что я вот-вот узнаю нечто принципиально новое.

Колдун медленно подошел к нему.

— Ты действительно не боишься?

— Не боится только тот, кто еще ни о чем не подозревает, — возразил Бенвор. — Я не знаю, что ты задумал, но уверен — мне это не понравится.

Риймонс надолго задумался. Потом сверкнул на капитана единственным глазом и спросил:

— Почему Майрон изгнал тебя? Чем ты ему не угодил?

— Никто меня не изгонял, — тут же ответил юноша. — Я просто сопровождал брата.

Колдун досадливо поморщился.

— Так я и поверил. Послам хватило бы и обычной охраны. Небось, Одиллу опять поймали с задраным подолом? Да? Не отворачивайся, меня не обманешь. Не ты первый...

Он прошелся туда-сюда, открыл дверь и выглянул в коридор. У капитана возникло ощущение, что колдун проверяет, не подслушивает ли кто. И тут Риймонс вдруг заявил:

— Ты хочешь сохранить свою жизнь?

— Станный вопрос, — осторожно проронил Бенвор. — Кто же в здравом уме желает смерти?

— За последние несколько лет, — поравнявшись с ним, вполголоса произнес Риймонс, — мне впервые попадается хоть один в меру толковый молодой человек. И как назло, из вражеского лагеря. Тебя изгнали из Хорверолла — молчи, раз я говорю, значит, так оно и есть. Вернуться уже не получится. Даже если я отпущу вас с братом, Майрон все равно обвинит выживших в измене. Я хорошо его знаю.

Бенвору стало не по себе. Ланайон сейчас на пути в Норвунд...

— Оставайся в Анклау, — предложил Риймонс. — Его величеству не привыкать к разносортным наемникам. Я хочу присмотреться к тебе получше.

— Зачем?

Колдун присел на стул напротив.

— Чтобы выяснить, сгодишься ли ты в ученики. Похоже, что мозги у тебя в нужном мне месте, а это уже немало.

— А здесь тебя что, окружают сплошные болваны? — насмешливо спросил Бенвор. — Брат в ученики врага... Или ты рассчитываешь, что сохранив жизнь, купишь этим мою преданность?

— Думаю, к тому времени этого и не потребуется, — нисколько не смутился Риймонс. — Ты сам сможешь по достоинству оценить предоставленную возможность. А о начальной цене твоей преданности, уверен, мы столкнемся. У каждого она своя. Кого-то интересуют только деньги. Кого-то — благополучная жизнь детей, жены... У тебя ведь есть возлюбленная, а, Олквин?

Чувствуя, как от последних слов сердца коснулся лучик знакомого тепла, Бенвор молча кивнул.

— И она осталась там, — констатировал колдун. Юноша отвел взгляд и промолчал. Риймонс хмыкнул.

— Это поправимо, — доверительным тоном добавил он.

— Тебе до нее не добраться, — разочаровал его Бенвор.

— Ты меня недооцениваешь, — самодовольно заметил Риймонс. — Конечно, вывезти жомеросуинскую герцогиню будет нелегко... — ему не дали закончить. Капитан не сдержался и рассмеялся.

— Та-ак, — задумчиво протянул колдун. — Очень интересно.

Кто-то без стука вошел в дверь. Риймонс резво поднялся.

— Холмуш, я занят.

Бенвор похолодел. Вот и смерть, подкралась мягкими шагами.

— Барон все же как-то сбежал, милорд, — отрывисто сообщил Виркен. — Нигде в замке его нет. Я высылаю отряд к границе.

— Пусть уходит, — небрежно бросил Риймонс. — Отзови своих людей, он мне больше не нужен.

— Да, милорд, — в голосе Виркена слышалось плохо скрываемое недовольство. — Кстати, палач уже прибыл.

Повисла неприятная пауза. Бенвор спиной чувствовал сверлящий взгляд.

— Милорд, если вы не собираетесь допрашивать...

— Да-да, Холмуш, — подхватил колдун. — Отправляй палача обратно. Здесь его услуги не требуются.

Виркен обошел стул и уставился на юношу.

— Да ты, никак, подросток, щенок? — неприязненно бросил он. — А все такой же смазливый, как уличная девка.

— А ты, смотрю, жиреть начал, — едко парировал Бенвор. — Теперь, небось, только кланяться и тренируешься.

Виркен сжал кулаки и шагнул вперед, но Риймонс властным жестом остановил его.

— Ступай, Холмуш. Меня больше не беспокоить.

— Милорд! — в голосе начальника стражи прорезалось возмущение. — Вы обещали его мне!

— Я передумал, — спокойно сказал колдун. — Ты ведь упустил старшего? Я остался без подопытного.

— Утром казнили пятерых, — сдерживая ярость, процедил Виркен. — Вы могли выбрать любого из них.

— Мог, — невозмутимо согласился Риймонс. — Но не выбрал. Ступай.

В дверь постучали.

— Сэр Холмуш! — взволнованно позвали Виркена. — В крепости посторонний.

— Что значит — посторонний? — взревел обозленный из-за упущенной добычи рыцарь. — Кто пропустил?! Что за охрана сегодня, черт вас возьми?! Один запросто ушел, другой пришел...

— Никого не пропускали, сэр. Но кто-то свободно ходит по замку. Уже убил троих.

Бенвора захлестнуло волной противоречивых чувств — тревога и облегчение.

— Посторонний здесь уже давно, — предположил Риймонс. — Кто-то же освободил их из тюрьмы?

Он перевел пристальный взгляд на пленника. Как ни старался, юноша не смог удержаться от ехидной улыбки.

— Похоже, ты все знаешь, — уверенно промолвил колдун. — Кто сюда проник?

— Да откуда ж мне знать? — с издевкой ухмыльнулся капитан. — Может, жомеросуинская герцогиня?

Риймонс помрачнел. Заметив перемену его настроения, Виркен с готовностью подобрался:

— Милорд?

— Потом, Холмуш, — отрезал колдун. — Найди мне этого лазутчика. Возьмешь его живым — получишь Олквины.

Стражники вышли. Колдун молча отвернулся к столу и продолжил свое занятие. На Бенвора он больше не обращал ни малейшего внимания. Но тишина длилась недолго. Снова заглянул какой-то солдат.

— Милорд, приехал его величество!

— Что?! — встрепенулся Риймонс и кинулся к двери. — Только его тут не хватало!

Олквин услышал, как колдун в коридоре торопливо отдает распоряжения:

— Проводите его величество в Солнечную башню, поставьте усиленную охрану. Передайте, что я просил его ни в коем случае не ходить сюда. Я сам зайду позже. И здесь тоже людей добавьте.

— Боишься? — поддел Бенвор, когда тот вернулся. — Правильно.

Риймонс хмуро уставился на него.

— Тебе повезло, что у меня с собой нет ничего, чтобы развязать твой язык. Не то чтобы меня так уж интересовало, кто смог пробраться в замок мимо охраны, но если я услышу еще хоть слово, знай — Холмуш тоже может быть неплохим палачом.

Бенвор и не собирался поддерживать беседу. Но вскоре колдун позвал стражника для доклада.

— Еще не поймали, милорд, — с беспокойством отчитался тот. — Этот лазутчик — самый настоящий невидимка. Нападает исподтишка, со спины, убивает и исчезает! Словно проходит сквозь стены!

— Чушь! — рявкнул Риймонс. — Нашли оправдание, ротозеи!

— Он девятерых уже зарезал! — взмолился солдат. — Лешир просто отстал от отряда. Мы не успели и дюжины шагов сделать. Тут же вернулись — а он уже мертв, и никого, как сквозь землю... Милорд! Может вы сами глянете, а? Тут явно что-то нечисто!

Колдун выбрал солдата и выставил его прочь. Потом навис над капитаном и напряженно спросил:

— Кто этот человек? Это ведь за тобой, верно? Отвечай!

Бенвор поднял на него насмешливо-снисходительный взгляд.

— Конечно, за мной. Поверь, солдатам его уже не остановить, — тихо произнес он и, постаравшись вложить в голос как можно больше зловещих ноток, добавил: — Только вот с чего ты взял, что это — человек?

Риймонс недоверчиво выпрямился.

— А кто тогда?

— Кто из нас двоих знаток сверхъестественного? — усмехнулся юноша.

Колдун не успел ничего ответить. Ворвался Виркен и с порога оповестил:

— Милорд, будет лучше, если вы пока тоже побудете в Солнечной башне. Я не могу выделить людей на вашу охрану здесь. Оставьте все это и идите со мной.

— Холмуш, — раздраженно бросил Риймонс, — у тебя почти семьдесят человек, а вы не можете поймать одного!

— Прошу вас, идите к его величеству, — нетерпеливо уговаривал рыцарь. — Половина стражи именно там. Остальные гибнут почти на глазах. Стоит кому-то на минуту остаться одному... Даже по двое! Некоторым невидимка просто свернул шеи — и никаких следов. Его величество распорядился послать в столицу за охотничьими собаками, но пока они придут...

Колдун нерешительно посмотрел на пленника.

— Иди, иди, — язвительно подхватил Бенвор. — Обо мне не волнуйся. Лучше займись своим завещанием.

Виркен в два прыжка очутился рядом и наотмашь ударил Олквина по лицу.

— Мерзкий щенок, я удавлю тебя прямо сейчас, и пусть лазутчик приходит и забирает твой труп, если хочет, — прорычал он, схватив юношу за горло. Лишенный возможности

защищаться, Бенвор плюнул ему в глаза кровью из разбитой губы. Виркен ударил его еще раз.

— Хватит, Холмуш, бить связанного недостойно рыцаря, — процедил Риймонс.

— Если невидимка найдет мой труп, — задиристо прохрипел Бенвор, — можете сразу рыть могилы всем в этой крепости. Даже Альберонту. В живых не останется никто.

— Пойдемте, милорд, — вспомнив, зачем пришел, повторил Виркен. — Его величество невозможно убедить уехать в город. Может, хоть вас послушает?

— Да, Холмуш, — внезапно на что-то решившись, проронил колдун. — Я сейчас. Подожди снаружи.

Когда тот вышел, Риймонс подошел к столу и ключом отпер самый маленький ящичек. Оттуда он извлек крохотную белую бутылочку, держа ее в пальцах так, словно то была живая пчела. Преувеличенно осторожно поставив бутылочку на край стола, колдун схватил прозрачный сосуд с темной жидкостью и, подскочив к юноше, неожиданно брызнул оттуда ему в лицо. Едкие пары стали душить Бенвора, и он закашлялся, чувствуя, как моментально тяжелеет голова и все расплывается в глазах. Закрыв лицо войлочной маской, Риймонс схватил Олквины за волосы, запрокинул ему голову, быстро влил юноше в рот содержимое белой бутылочки и нажал на кадык, вынудив глотнуть. Бенвора тотчас же едва не вывернуло наизнанку — эта гадость смердела дохлятиной. И, пожалуй, лучше бы вывернуло, но пары, которыми он перед этим надыхался, каким-то образом подавили естественную реакцию.

— Передавай привет Майрону, — глухо прозвучало из-под маски. Хлопнула дверь, и наступила тишина.

* * *

— Брант! Брант, где ты, черт возьми?!

Тело солдата обнаружилось через несколько шагов — и тоже со сломанной шеей, как и у всех из последнего отряда. Холмуш Виркен затравленно оглянулся. В узком, хорошо просматриваемом коридоре было пусто и тихо, но ощущение опасности, казалось, буквально нависало над начальником стражи. Повинуясь этому безотчетному чувству, он не вытерпел и действительно посмотрел вверх... и неожиданно встретился с перевернутым взглядом прищуренных светлых глаз, обладательница которых, упершись руками и ногами в стены, огромной летучей мышью распростерлась под сводчатым потолком. Тотчас же она камнем упала вниз. Рухнув под ее весом на четвереньки, начальник стражи почувствовал несколько острых, будто укусы клыков, тычков в шею. Внезапно совершенно обессилев, он упал ничком, сильно ударившись носом. Лазутчица перевернула Холмуша на спину и присела над ним, совсем по-мужски разведя тонкие колени.

— Приветствую вас, господин Виркен, — моментально выравнивая дыхание, проговорила она. — Здоровья, так и быть, желать не буду, покойнику это уже ни к чему.

Тело совершенно не слушалось, но рта Холмушу не затыкали, и он закричал изо всех сил. Женщина лишь поморщилась. Когда стихло гулкое эхо, она заговорила снова.

— Здесь вас уже никто не услышит, — по-птичьему наклонив голову вбок, она с расстановкой спросила: — Где капитан Олвин? Куда его заперли?

— Иди к черту! — рявкнул Виркен, ни капли не сомневаясь, что жить осталось считанные минуты. — Я не собираюсь раздавать королевских пленников. Мне уже нечего

терять.

— Наоборот! — участливо возразила она. — Вы еще можете сослужить королю последнюю службу, — лазутчица почти ласково коснулась щеки Холмуша. — Поймите меня правильно, господин Виркен, во всем замке мне тоже нужен только мой сюзерен. Скажете, где он — я просто заберу его и уйду. Не скажете — ну и ладно. Я буду продолжать искать, пытая каждого, кто может знать о нем, и уничтожая всех, кто встанет на моем пути. Всех, включая даже его величество Альберонта, если так сложится.

Виркен презрительно молчал. Чтобы добраться до короля, нужно нечто большее, чем одна полоумная, пусть и очень ловкая. Женщина недовольно вздохнула.

— Ладно. Говорят, у вас с капитаном есть давние счеты?

Она неторопливо расстегнула мундир Холмуша, распахнула рубашку и с заметным удовольствием погладила его по могучей волосатой груди.

— Вы красивый мужчина, господин Виркен. Сильный, здоровый... — с грустной улыбкой сказала она, вытащила из ножен на рукаве кинжал и добавила непонятную фразу: — Жаль лишать этот мир такого ценного генного материала, но что поделаешь? Простите. Как говорится, ничего личного.

Холмуш охнул от резкой боли: даже не поведя бровью, лазутчица кинжалом рассекла ему плоть на груди.

— Так где капитан Олквин? — улыбка бесследно исчезла с ее лица. — У вас все еще есть выбор, господин Виркен. Я могу вырвать сердце — и вы умрете сразу. Но я могу сжимать его — и мучения будут долгими.

Видеть смерть людей было для Холмуша делом привычным. Война многие годы была частью его жизни. Но он и предположить не мог, что последним, увиденным в жизни им самим, станет не взмах вражеского меча, а лицо безжалостно-спокойной женщины с ледяными глазами.

— Будь ты проклята, гадина! — с ненавистью выплюнул Холмуш, поражаясь тому, что почему-то все еще жив. Что бы эта тощая дрянь с ним ни делала, вне всякого сомнения, смерть окончательно наступит только по ее милости.

— Я давно уже проклята, — прошептала лазутчица, одним поворотом кинжала с хрустом взломала ему ребра и плотно зажала рану рукой. Сквозь застилающую сознание боль Холмуш чувствовал, как жизнь стремительно утекает из него с каждой неудачной попыткой вдоха.

— Господин Виркен, вы желаете такой же мучительной смерти вашему королю? — в голосе женщины уже не было угрозы, только усталая обреченность. У начальника стражи быстро темнело в глазах — то ли в преддверии смерти, то ли от липкого ужаса: эти слова — не блеф, она действительно продолжит убивать в этом замке всех, шаг за шагом.

— Лунная... башня... — из последних сил прохрипел он.

— Вы — человек чести, Холмуш, — тихо произнесла лазутчица. — Покойтесь с миром. Виркен почувствовал вспышку совершенно невыносимой боли — и все померкло.

* * *

Олквин не имел ни малейшего понятия, сколько времени прошло с того момента, как он остался один. Сознание совершало головокружительные скачки — то ныряло в мутную

глубину, то вдруг становилось болезненно-ясным, но отчетливые моменты, похоже, становились все реже и короче. Странное опьянение давило тяжестью на каждую мышцу, не давая пошевелить даже пальцем. Иногда Бенвор с усилием приподнимал веки, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь матовую пелену, застилающую обожженные едкими парами, слезящиеся глаза. Короткий осенний день подходил к концу. До слуха иногда доносились далекие крики, шум, потом все стихло. И вдруг знакомые теплые руки ласково погладили по голове, осторожно коснулись разбитых губ и — наконец-то! — обняли... Сознание сразу стало проясняться.

— Ты слышишь меня? — настойчиво звала Джелайна.

Юноша поднял голову и подслеповато всмотрелся в размытое пятно ее лица.

— Да... — беззвучно шевельнул он губами.

— Что с тобой?! — испуганно зашептала она. — Тебя пытали?

Бенвор покачал головой, и из-за этого, как показалось ему, чуть не упал вместе со стулом.

— Какая скотина посмела изранить тебе лицо? — со злостью прошипела Джелайна, ломая замки на оковах первым попавшимся инструментом со стола Риймонса. — Я ему голову оторву!

— Ерунда, заживет, — капитан облизал саднящую губу. — Это Виркен отвел душу.

— А, — неопределенно бросила она. — Тогда ладно.

— Риймонс — вот кто действительно скотина, — пробормотал Бенвор. — Напоил меня какой-то вонючей дрянью. Отравой, наверное.

— Это из-за нее тебе так плохо? — всполошилась Джелайна.

— Наверное. Еще и надыхался чем-то. Почти ничего не вижу.

Сломав замки, женщина помогла ему подняться и потащила к двери. В коридоре Олквин несколько раз споткнулся о лежащие повсюду тела стражников. Сил чему-то удивляться уже не было.

Дальше были кажущиеся бесконечными темные коридоры и лестницы. Бенвор не различал дороги; один раз Джелайна выругалась сквозь зубы по-английски и ненадолго усадила его на пол у стены. Капитан услышал голоса и звон оружия. Женщина снова подняла его и потащила дальше, а вокруг ржаво пахло свежей кровью.

Потом она долго заставляла Бенвора глубоко дышать, пока окончательно не закружилась голова. Велела вдохнуть поглубже, зажала ему нос и рот, крепко обхватила, и они вместе упали. Удар о воду оглушил его...

Очнувшись, он долго кашлял и не мог подняться, задыхаясь и падая. Неровная земля, сырой туман, шелест листьев под ногами и терпкий запах сосен... Олквин совершенно не помнил, как выбирались из замка, а путь уже шел по вечернему лесу. Юноша совсем замерз, но вскоре Джелайна развела сразу четыре костра и сняла с него мокрую одежду для просушки. Бенвор ощущал жар от огня по сторонам, но все равно продолжал дрожать. Согрелся только тогда, когда его накрыло чем-то гладким и теплым, казалось, проникающим прямо под кожу. А потом, когда это живое тепло исчезло, вдруг понял, что все это время ощущал стук еще одного сердца. Путь продолжился, и капитан наконец-то осознал, что Сэмплен давно остался позади, и теперь в ритм собственных волочащихся шагов, как марш, безотчетно вплетал чьи-то далекие слова, некогда произнесенные таким родным теперь голосом:

"Похитит... отвоюет... обманет... обменяет..."

— Все шестеро солдат убиты, ваше величество, — докладывал немолодой бангиец. — Все собаки тоже. Лазутчик низкорослый и рубит в основном снизу вверх или поперек. Это не хорверская армия, сабли — не их вооружение. Возможно, вассальный наемник барона.

Отпустив офицера, Альберонт зло стукнул кулаком по столу.

— Проклятье! Как будто у меня здесь остались лишние люди! Дувардек предлагал выслать отряд побольше. Надо было так и сделать, и неважно, что граница рядом.

— Я ведь говорил и Дувардеку, и вашему величеству, что посылать вдогонку солдат не имеет смысла, — осторожно напомнил Риймонс. — Олквин все равно уже не жилец. И его спаситель, скорее всего, тоже.

Альберонт вмиг насторожился.

— Что ты с ними сделал?

Колдун ответил не сразу. Он подошел к окну и прищурил единственный глаз, словно пытаясь разглядеть им вдаль убегающего пленника и неуловимого убийцу.

— Капитан сейчас очень слаб, и с каждым часом будет слабеть все больше, — тихо проговорил он. — Но с ним — неутомимый и исключительно целеустремленный спутник. Так что все будет в порядке.

— Лазутчик перерезал половину стражи и загубил мою лучшую охотничью свору! — гневно процедил Альберонт. — А тебя радует, что он ушел безнаказанным?

— Они несомненно доберутся до Норвунда, — будто и не слыша, неторопливо рассуждал Риймонс. — Обязательно доберутся, даже если капитана придется тащить всю дорогу. Но скорее всего, за холмами их встретит кто-нибудь из пограничной заставы и поможет.

Король раздраженно встал и направился к выходу. Голос колдуна остановил его уже в дверях.

— Я отпустил Олквина не просто так, — с усмешкой произнес Риймонс. — Сейчас он несет в Норвунд... подарочек.

Альберонт медленно вернулся и поравнялся с колдуном, недоверчиво заглядывая ему в лицо.

— Что еще за подарочек?

Риймонс торжествующе посмотрел на него и медленно поклонился. В его единственном глазе вспыхнула такая дьявольская радость, что король внутренне содрогнулся и отшатнулся, как от зашипевшей змеи.

Глава 29

Внезапно окунувшись по грудь в холодную воду, Бенвор в очередной раз словно вынырнул из мутного дурмана. В этом состоянии он уже не один час кое-как умудрялся механически переставлять ноги, едва ли не на каждом шагу спотыкаясь о корни деревьев и всем весом наваливаясь на Джелайну. Та тяжело дышала, все чаще делала остановки и, изредка тихо всхлипывая, что-то вполголоса бормотала. Олквин не узнавал там ни одного английского слова из добрых трех сотен, прилежно выученных им за последние два месяца. Правда, он-то учился только приличным словам, теперь же явно был не тот случай.

Они перебрались вброд через речушку с топким дном. Капитан только сейчас заметил, что на нем нет сапог, а когда Джелайна успела их снять — он не помнил. Плохо. Странные провалы в сознании стали постепенно сливаться в одно сплошное зыбкое марево. Даже ледяная купель отрезвила его совсем ненадолго. Останавливаться, разводить костер и обсушиваться женщина на этот раз не стала, ограничившись лишь тем, что выжала одежду. Очевидно, опасаясь, что их заметят враги с приграничной заставы, Джелайна ускорила темп, волоча Бенвора с исступлением раненого зверя, последним рывком уходящего от охотников в родную чашу.

Местность круто поднималась. Выдохшись, женщина хлестко надавала Олквину по щекам, приводя его в чувство, и заставила самого вслепую карабкаться на холм — сил тащить его вверх одной у нее уже не было, разве что подталкивать. Последние шаги оба одолевали чуть ли не ползком. После короткой передышки на перевале — Бенвору казалось, что он едва успел закрыть глаза — Джелайна растолкала его и потащила дальше. Идти вниз было куда легче. В одном месте они даже съехали по сухой траве на огромной разлапистой ветке, вспахивая остро пахнущие грибами пласты опавших листьев.

— Теперь, наверное, уже можно выйти на дорогу, — неуверенно произнесла Джелайна. Да, вряд ли бы их стали преследовать за холмами. Сюда враги не рисковали соваться.

Ощувив под ногами ровную утоптанную землю вместо рыхлого лесного дерна, беглецы смогли прибавить шаг. Бенвор споткнулся, когда Джелайна снова испуганно толкнула его к деревьям. Но она тут же тихо вскрикнула и рванулась вперед. Олквин услышал стук копыт, знакомые голоса, и вскоре их окружили всадники.

— Живой... живой... — словно не веря, то и дело повторял Уилкас. — Давай его на лошадь.

Бенвора закинули в седло и крепко привязали.

— Где Ланайон? — едва выговорил он.

— Он уже дома, — укутывая капитана теплым плащом, торопливо ответил Хоркан. — Правда, простыл, кажется, пока шел мокрый через лес. Ну, да ничего, его теперь есть кому выхаживать. Ты-то как? Избивали, что ль?

— Его отравили, — тихо сказала Джелайна. Друзья разом притихли.

— В Норвунд никак нельзя, и на заставы тоже, — обеспокоенно заметил Воллан. — Господина барона довели тайком, да и то теперь не знаем, что с ним будет.

— Значит, в Сентин, — коротко распорядилась женщина и добавила: — Где бы лекаря хорошего взять? Такого, чтобы в ядах разобрался.

— Танбик! — воскликнул Тиви. — Тут до Локо всего ничего.

— Давай за ним, скорее! — подхватила Джелайна.

Хоркан поспешно ускакал в сторону форта, а маленькая процессия двинулась к Сентину. Бенвора болтало в стороны в неудобном старом седле, ремни врезались в тело, но он был рад хоть такому отдыху. Пришел в себя только когда его снимали с лошади.

— Несите в дом, — узнал Олквин голос Танбика. Знахарь на ходу вполголоса спрашивал Джелайну, кто и чем мог отравить капитана. Охающая Даина помогла переодеться в чистую сухую одежду, и Бенвор снова впал в забытие.

Сколько времени прошло потом — он не помнил. Несколько часов, а может, и дней. Начался сильный жар, выламывало все кости и почему-то невыносимо болели подмышки, особенно с левой стороны. Юноша метался, не находя себе места — любое положение причиняло сильную боль. Сквозь монотонный шум в голове он слышал, как Джелайна

пытается его успокоить. Знакомый голос отчасти помогал справиться с горячим липким туманом. Иногда холодная влажная губка касалась его лица, немного освежая. Бенвора пытались поить какими-то горьковатыми настоями, но юношу немедленно выворачивало от всего, даже от лишнего глотка воды. А жажда была невероятной. В конце концов Джелайна стала давать ему воду лишь по каплям.

Вскоре боль поселилась всюду, в каждой складочке тела. Едва ворочая сухим непослушным языком, Бенвор невнятно бранил любого, кто пытался пошевелить его. Наклонившись к самому лицу, Джелайна настойчиво уговаривала его, а на что — он никак не мог понять. С детства почти ничем не хворавший, ни разу серьезно не раненый в бою, теперь он просто сходил с ума. Все, чего ему хотелось — чтобы никто не трогал, не двигал, и прекратилась, наконец, эта проклятая боль!

Но сегодня покоя не было. Строго прикрикнув, Джелайна подняла ему руки и стала снимать рубашку, намереваясь, видимо, обтереть его губкой. И тут же она вскрикнула снова, но уже по-другому — со страхом.

— Танбик! Танбик! — пронзительно завопила она. — Идите сюда!

Знахарь прибежал сразу, гулко топая по половицам. Слегка придя в себя от поднявшейся суматохи, Бенвор разлепил немного поджившие глаза. Танбик стоял в паре шагов от кровати и с ужасом смотрел на что-то под приподнятой рубашкой.

— Это бубоны, миледи, — выдавил он. — Чума... Мы все умрем.

Олквин снова провалился в душную темноту.

* * *

Ни Танбик, ни Даина, ни Хоркан теперь не появлялись. Одна только Джелайна, совсем осунувшаяся и бледная, несла бессменный караул у его постели. Бенвор цеплялся за ее усталый голос, как за последнюю соломинку.

— Если бы я точно знала, что можно обменять у смерти свою жизнь на твою, я бы сделала это, не задумываясь. Господи, если бы я знала хоть одну молитву... Я бы молилась, как могла, но имею ли я на это право — я, отнявшая столько жизней? Могу ли я теперь выпросить у смерти тебя?

Казалось, хуже быть уже не может. Долгое забытье давно стало предпочтительнее коротких и мучительных периодов сознания. Начались галлюцинации, и Бенвор как-то услышал ласковый шепот:

— Мальчик мой... Мой любимый мальчик...

Неясная женская фигура, кого-то удивительно напоминающая... Олквин внезапно узнал ее — и уже не понимал, сон это или явь. Мать склонилась над ним, невыразимо прекрасная, какой он ее никогда не помнил. Глаза цвета солнечной морской глубины были полны неземной печали и нежности. Потом ее туманный образ стал выцветать, пока окончательно не поблек, превратившись в бесплотное облако. Она снова оставила его. Бенвору захотелось заплакать, как в детстве. Чуда не произошло. Призраки не возвращаются в мир живых.

В горячечном мареве призрачный силуэт то и дело перемещался, пока снова не приблизился. Теперь в нем не было столько красок. Единственный в этом мире реальный призрак касался лба Бенвора холодной невесомой рукой и скорбно смотрел на него прозрачными глазами, полными сверкающих слез. Призрачный шепот, переходящий в тихие

рыдания, казался почти потусторонним.

— Только не умирай, — доносилось сквозь вязкий туман. — Не оставляй меня одну, умоляю, держись.

Очнувшись от холода и невозможности пошевелиться, Олквин сквозь ресницы увидел, как Джелайна с окаменевшим, сосредоточенным лицом тщательно прокаливает над свечой тонкое лезвие кинжала.

— Прости меня, — тихо сказала она, заметив, что юноша приоткрыл глаза. — Я пробовала избавить тебя от лишних страданий, но как раз над самой нужной точкой вырос бубон, значит, придется прямо так... Прости.

Бенвор почувствовал, что раздет и крепко привязан, а в зубах что-то зажато. Он еще не успел ничего понять, как Джелайна быстро отставила свечу и наклонилась.

Вся боль до этого, даже вместе взятая, не шла ни в какое сравнение с вкусом раскаленного жала, впившегося туда, где раньше и тронуть-то было нельзя. Бенвор рванулся, выгибаясь дугой, но веревки держали крепко. Сил на крик уже не было, или он просто сорвал голос. И спасительное беспомощство, как назло, не приходило, а Джелайна безжалостно повторяла ту же пытку снова и снова, каждый раз в другом месте. Казалось, это не кончится никогда, и юноша смутно помнил, что когда боль, наконец, стала переносимой, и его развязали, он проклинал Джелайну самыми последними словами, гнал ее прочь от себя, велел убираться ко всем чертям и дать ему спокойно сдохнуть. В ту минуту Бенвор ее почти ненавидел. Уже проваливаясь в темноту, он слышал, как женщина тихо плачет.

— Мальчик мой любимый, только живи! Мне ничего не надо, лишь бы ты снова открыл глаза и стал прежним.

* * *

Оставляя яркие черные следы на первом снегу, двое всадников приблизились к выставленным прямо на дорогу соломенным вешкам. Рядом, чуть припорошенные белым, темнели старые, брошенные кострища.

— Чего это такое? — недоуменно кивнул на вешки молодой солдат. Тот, что постарше, нахмурился, припоминая. Потом выругался и торопливо развернул коня.

— Давай назад. Нельзя дальше, — и припустил вскачь. Догнав его, молодой окликнул:

— Зачем это стоит? Что там?

— Черная смерть! — не оглядываясь, рявкнул тот. — Чума! Скорее!

Через пару часов у вешек появился кутающийся в волчий мех Платусс.

— Ну все, — довольно протянул он, внимательно осмотрев свежие следы. — Молва теперь пойдет. Половину зимы к нам точно не сунутся.

Повернувшись, он зашаркал по дороге в противоположную сторону, по-стариковски тихо бормоча себе под нос.

* * *

Сияющие пылинки невесомо танцевали в узкой солнечной полоске. Луч почти касался кончика носа Бенвора, и юноша невольно задержал дыхание, потом чуть фыркнул. Пылинки

перемешались, закружились быстрее, но никуда не делись. Наоборот, их будто прибыло. Оконная рама скрипнула от легкого сквозняка и приоткрылась шире, впуская больше солнца. Свежий морозный воздух быстро растекался в душной комнате, принося с собой знакомые звуки с улицы.

Солнце, пыль, холодок, голоса... До Бенвора вдруг дошло, что у него наконец-то появилось хоть что-то, помимо боли и беспомощности. Все еще не веря в это до конца, он осторожно пошевелился. Нет, боль не ушла окончательно, она все еще жила повсюду, но было и другое — свербящие раны, затекшая спина, тупой шум в голове и разламывающая слабость. Попробовав двинуть рукой, Олквин потревожил присохшую в подмышке повязку и резко втянул воздух сквозь зубы.

Рядом зашуршало, и в поле зрения появилась голова Джелайны — взлохмаченная, с отпечатком рукавного шва на щеке, с ввалившимися, красными глазами и глубокими тенями под ними. Женщина тихо ахнула, приложила руку к его лицу — на этот раз уже теплую — и вдруг разрыдалась, уткнувшись лицом в скомканное одеяло. Золотые пылинки кружились и садились ей на волосы, расплывались у Бенвора перед глазами в сверкающей солнечной реке.

* * *

— Раз идет на поправку — значит, больше не заразный, — заявил Танбик, входя в комнату.

— Все равно, — идя следом, устало возражала Джелайна, видимо, продолжая какой-то спор. — Надо еще все это сжечь, и это, и вымыть, и полы кипятком ошпарить...

— Сегодня же все будет сделано, миледи. А вам поспать надо. И так надоело, небось?

— Еще как, — скривилась она. — Но вам нельзя ничего трогать. Я соберу все вещи в мешок...

— Потом соберете, а Тиви сам вынесет и сожжет.

— И закопает, — настырно добавила женщина.

— И закопает, — вздохнув, согласился Танбик. — Да не буду, не буду я ничего трогать! Идите уже, вас ноги не держат.

— Да, док, — вяло усмехнулась Джелайна и исчезла из виду. Знахарь поклонился проснувшемуся Бенвору.

— Слава Богу, милорд, вы живы и выздоравливаете! А я уж, признаться, и вовсе отчаялся. Ехал спасать отравленного, а оно вон как вышло...

— Танбик, — тихо позвал Бенвор, обрывая торопливую радостную речь. — Который день я здесь?

— Одиннадцатый, — ответил знахарь, пододвигая низкую скамеечку. — Ну, теперь уже точно все позади.

— Кто еще заболел?

— Никто.

— Никто? — растеряно переспросил Олквин, решив, что ослышался.

— Леди Анерстрим сама за вами ходила, никого больше не подпускала. Как только нашли бубоны, она тем, кто вас трогал, велела в отдельном доме поселиться и ни с кем не видаться. А отсюда выгнала всех, еду и воду ей под дверь оставляли. Мы за нее боялись

очень, каждый день стучали — жива ли еще, не слегла ли? Ругала она нас, гоняла — мне, говорит, зараза не страшна. И ведь правда, Бог охранил. Воистину, дела благие...

— Танбик, — снова перебил Бенвор, запинаясь. — Она что... одна меня выхаживала?

Знахарь закивал, поняв причину его смущения.

— Да, милорд, все одна. И таскала вас, и мыла, и горшки выносила. Бубоны вам вырезала и прижигала, всю заразу убирала. Сколько уже пожгли тут... Да вы не переживайте так. Болезнь есть болезнь. А женщины — они это еще лучше нас понимают. Кто, кроме них, младенцев растит, да стариков дохаживает? Обычное дело.

Бенвор был в ужасе. Черт, да плевать, кто бы там ни был — Даина или еще кто. Не только не Джелайна! Кажется, именно в таких случаях говорят "провалиться бы сквозь землю"? Юноша не представлял, как теперь посмотрит ей в глаза.

— Я ей вдобавок такого наговорил... — выдавил он.

— Бывает, — успокаивал Танбик. — Хворающие порой хуже детей малых. Не бросила ведь, не ушла?

Знахарь осторожно, не касаясь, осмотрел те раны Бенвора, что были без повязок.

— Эти заживут быстро. Под мышками — те большие, еще мокнут. Я трогать не буду, а то леди меня за это живьем съест, — усмехнулся он. — А ведь и правда выходит, что бубоны надо прокалывать. Я давно уже об этом лечении слышал, да только кто осмелится выдавливать такую заразу своими руками? Это ж смерть верная.

— Из Норвунда вестей нет? — постаравшись отвлечься от своего стыда хоть этим, спросил Бенвор.

— Ниоткуда нет, милорд. Дороги мы перегородили, вешки везде понаставили, костры дымные жгли. Вся округа теперь думает, что в Сентине черный мор свирепствует.

Олквин утомленно прикрыл глаза. Угроза чумы будет держать всех на расстоянии еще несколько недель. Если повезет — то до самой весны, хоть и маловероятно. Можно спокойно выздоравливать, не боясь, что под стены города вот-вот заявится стража принца. Беспокоила судьба Ланайона, но о ней можно разузнать в ближайшие дни.

Танбик встал и прошелся по комнате. Оглянулся на дверь и, кивнув через плечо, негромко заметил:

— Занятная дама. Тиви рассказывал, вы ее моим напитком откровенности угощали?

— Угу, — буркнул Бенвор, чувствуя, что засыпает.

— Я бы тоже угостил... — было последнее, что он расслышал он сквозь дрему.

* * *

Когда Олквин открыл глаза в следующий раз, рядом сидела Даина. Комната немного изменилась — исчезли все занавески, все было отмыто до блеска и пахло распаренным деревом. Но в солнечном луче по-прежнему плясали веселые пылинки, и юноша обрадовался им, как старым знакомым.

Даина уговаривала его поесть. Отказавшись, Бенвор только вволю напился и спросил:

— Где Джелайна?

— Спит, милорд, — поклонилась экономка и нерешительно переступила на месте. — Разбудить ее?

— Не надо, — качнул головой Бенвор и тут же снова уснул. Проснулся зверски

голодным, и обрадованная Дайна захлопотала возле него. Уморившись так, будто не жевал, а таскал тяжести, Олквин снова провалился в сон.

Проснувшись уже поздним утром следующего дня, он первым делом справился о Джелайне у клевавшего носом Платусса. Тот встрепенулся, оглянулся на дверь и опустил глаза.

— Она что, до сих пор отсыпается? — удивился Бенвор. — Сколько же времени прошло?

Управляющий как-то странно дернул головой.

— Что с ней? — встревожился юноша. Его вдруг обожгла нелепая и жуткая мысль: — Она все-таки заболела?

— Нет-нет, милорд, что вы? — торопливо отозвался Платусс. — Леди по-прежнему здорова, просто... — старик помялся и выпалил: — Она уехала.

— Как уехала?! — Бенвор даже приподнялся, не обращая внимания на боль и головокружение. — Куда?!

— Не знаю, милорд. Еще засветло собралась, оделась в свое, черное... Взяла лошадь и куда-то ускакала.

Олквин без сил повалился на кровать. В комнату заглянул Хоркан.

— Спит? — шепотом спросил он и, заметив, что капитан проснулся, поприветствовал его уже вслух.

— Куда поехала Джелайна? — тут же напустился на него Бенвор.

— Леди не сказала, — нахмурился Тиви. — Упомянула только, что надо отдать должок одной скотине, — и вопросительно уставился на Олквина.

— О, Господи... — похолодев, пробормотал капитан. — Только не это!

Он рванулся с кровати, попытался встать, но пол поплыл под ногами.

— А ты-то куда собрался? — возмутился Хоркан, подхватывая его и водворяя обратно.

— Почему ее никто не остановил?! — вцепившись в друга, гневно воскликнул Бенвор.

— Нам-то откуда знать? — хмыкнул Тиви. — Конюх было заикнулся, что не даст ей лошадь без твоего разрешения, так леди без лишних слов съездила ему так, что тот дверь собой вынес, и взяла сама. Остальные потом шарахались в стороны, стоило ей только глянуть. Ее даже чума не берет, куда уж людям.

— Она опять поехала в Анклау, — с отчаянием объяснил Олквин. — Наверное, мстит Виркену.

— Бог с тобой, этот давно уже мертв. Леди говорит, его сердце содрогалось аж целую минуту — так он хотел жить. Говорит, хотела прихватить тебе в качестве сувенира, да нести было несподручно.

Хоркан всю жизнь славился пристрастием к черному юмору, и любил присочинять всякие неаппетитные подробности. Но сейчас до Бенвора дошло, что друг действительно повторяет слова Джелайны.

— Она вырвала ему сердце? — уточнил он. Тиви развел руками.

— Вспоминай, кто еще тебе задолжал? — ухмыльнулся он. — Колдун, король... Одилла...

— Совсем сдурел? — возмутился Бенвор. Хоркан враз посерьезнел и сел рядом.

— Знаешь, в тот день я чего только не передумал. Воллан ни секунды не верил, что какая-то ученая дамочка выведет вас в одиночку, — он сделал паузу, подбирая слова. — Это все казалось глупой выдумкой — яма, тоннель... Мы ждали, что леди вот-вот вернется ни с

чем, а то и побитая, и уже планировали, что будем делать дальше. А появился твой брат — мокрый, задубевший... И я понял, что уж тебя-то она вытащит обязательно. Стены снесет, по трупам пройдет, но вытащит.

Тиви наклонился вперед, пристально вглядываясь в лицо капитана.

— Кто она такая? — вполголоса поинтересовался он. — Она ведь не просто путешественница, верно?

Бенвор покосился на Платусса, безмолвным изваянием застывшего у дверей.

— Ланайон немного заговаривался, — тихо добавил Хоркан. — Но, по-моему, там все было правдой.

— Кем бы она ни была — это не имеет значения, ясно? — отрезал Олквин, ложась и отворачиваясь. — Как только вернется, сразу позови ее ко мне.

Тиви еще немного посидел и ушел.

* * *

Бенвор думал, что тревога не даст ему покоя, но слабость взяла верх, и он опять уснул. А потом осталось только напряженное ожидание. Уж теперь-то он точно знал, что Джелайна сумеет о себе позаботиться. В город она вряд ли сунется, а Сэмплин теперь должен стоять почти пустым. Может, дойдет до границы, одумается и вернется?

И все же подспудная мысль упорно изводила его снова и снова: если уж Джелайна так жестоко расправилась с Виркеном лишь за то, что тот был серьезной угрозой для Бенвора, во что теперь выльется ее ненависть к Риймонсу, намеренно обрекавшего юношу на мучительную смерть? И не только его одного. Олквин не сомневался, что его не получилось бы изолировать, если бы вместо Сентина они вернулись в Норвунд. Болезни и без того были редкими гостями в их замке, а уж такое... Усердные слуги вертели бы рядом день и ночь, Ланайон немедленно распорядился бы пригласить лучших столичных врачей, Веанрис нашла бы пяток опытных сиделок, ни на минуту не спускающих с него глаз, следом потянулись бы с визитами обеспокоенные друзья и знакомые. А к тому времени, как кто-нибудь заметил бы бубоны, заразиться, возможно, успели бы десятки людей. И это — если бы капитан оставался в Олквинау, а ведь Майрон действительно был способен обвинить выживших в измене, и Ланайона с Бенвором могли забрать в дворцовую тюрьму, таскать на допросы, возможно, даже к самому принцу. Риймонс просчитался лишь в одном, да и никто бы не смог предугадать, что якобы отравленного капитана вместо гостеприимного и благоустроенного родового замка отвезут в захолустный феодал на отшибе королевства. Очевидно, Джелайна теперь тоже поняла гнусный замысел колдуна, и ей наверняка не доставляло радости осознание того, что она вполне могла бы остаться одной из очень немногих выживших среди объята чумой столицы. Бенвор не строил иллюзий по поводу возможного благородства мотивов Джелайны, ее беспокойства о судьбах этого мира... Высокие идеалы имели значение лишь в родной реальности. Здесь она считала нужным вмешиваться только тогда, когда напрямую затрагивались ее личные интересы. Удайся Риймонсу задуманное — это испортило бы ей жизнь при любом раскладе.

Придя к такому выводу, Олквин понял, что поездка Джелайны была отнюдь не импульсивным шагом. Каким бы ни было ее отчаяние у постели балансирующего на грани жизни и смерти капитана, оно не мешало женщине все это время непрерывно обдумывать

планы мести. Наоборот, горе только подстегивало ее решимость свести счеты с Риймонсом — независимо от исхода болезни.

И теперь Бенвор догадался, почему Джелайна так больше и не зашла к нему с тех пор, как он очнулся. Передав его заботам Даины, Танбика и Платусса, она отоспалась и немедленно взялась за дело. То, как она обошлась со злополучным конюхом, лишь подтверждало, что она старалась сохранить нужный настрой — никаких посторонних эмоций, только действия. А появившись она рядом с выздоравливающим юношей — и кто знает, не дрогнуло бы сердце, не усомнилось: а не пощадить ли негодяя, раз уж все обошлось?

Джелайна ничего не забывала, и уж тем более не собиралась никого прощать. Бенвор даже поежился. Колдун несомненно был обречен, где бы он ни прятался.

* * *

Вечером Тиви помог Олквину спуститься в зал. Танбик недовольно ворчал, что надо лежать — еще хотя бы неделю, но у непривычного к постельному режиму юноши уже не было сил смотреть на одни и те же стены. Спать ему не хотелось, а вот посидеть с друзьями у камина было в самый раз.

Он все-таки задремал, удобно развалившись в кресле, под неторопливый рассказ Уилкаса, как вдруг Тиви тронул его за плечо.

— Вернулась, — тихо сказал он. Сон как рукой сняло.

Джелайна уже стояла посреди зала, растерянно оглядывая присутствующих. Здесь были все, а самого Бенвора она, видимо, не заметила за спинкой кресла и тревожно покосилась вверх, очевидно, беспокоясь — кто же с ним сейчас?

— Я здесь, — позвал ее Олквин. Глаза женщины радостно блеснули. Она молча подошла и с усталой улыбкой присела рядом, ласково заглядывая ему в лицо. Но вблизи Бенвору стало заметно, что Джелайна просто измучена и едва держится на ногах.

— Зачем? — тихо спросил он. Джелайна вздохнула и бросила под ноги капитану только теперь замеченный им небольшой мешок. В ответ на недоуменный взгляд она лишь хмыкнула:

— Сувенир. Можешь украсить им ворота.

Откинувшись назад, она облокотилась о соседнее кресло и тихо попросила:

— Даина, миленькая, мне бы ванну и чего-нибудь пожевать.

Экономка торопливо пошла на кухню. Позже Олквин понял, что Джелайна выпроводила ее специально. Заинтересованный Уилкас развязал мешок, заглянул туда — и, морщась, передернулся. Хоркан оказался любопытнее — сунулся рукой, пошарил и выудил, как показалось Бенвору, светлую, запачканную кровью веревку. Потянув за нее, он вытащил из мешка какой-то округлый предмет. Крякнув от отвращения, Тиви резко выпрямился, держа находку в вытянутой руке. Странная веревка оказалась косой из седых волос, а на ней висела, покачиваясь, очень хорошо знакомая капитану одноглазая голова.

Платусс испуганно охнул и попятился. Танбик, наоборот, шагнул ближе и пристально взгляделся в обрубок шеи.

— У живого отрезана, не у мертвого, — авторитетно заметил он.

Хоркан выпустил косу, и голова Риймонса громко стукнулась об пол. Все одновременно повернулись к Джелайне. Та сидела на полу, прислонившись спиной к креслу, и крепко

Совершенно обессиленный подъемом по лестнице, Бенвор, отдуваясь, привалился к стене. Тиви положил Джелайну поверх мехового одеяла и спросил:

— Тебя как — тоже отнести в кровать, или сам дойдешь?

Олквин лишь отмахнулся — мол, ступай, сам справлюсь. Хоркан покосился на спящую женщину.

— Даину к ней позвать? Или ты тут остаешься?

— Да иди уже! — не выдержал Бенвор. Тиви ухмыльнулся и закрыл за собой дверь.

Бенвор присел на край кровати и погладил колени Джелайны. Форма и обувь были в пятнах засохшей грязи, которая начала осыпаться прямо на одеяло. Покачав головой, капитан подцепил ногу женщины за щиколотку и дернул шнурок ботинка. Он решил, что звать на помощь Даину бесполезно — та все равно не разберется с незнакомыми застежками.

Разув Джелайну, Бенвор, недолго думая, взялся за блестящий язычок молнии на воротнике куртки. Со стороны это выглядело, вроде бы, совсем несложно... Ползунок послушно пошел вниз, разделяя цельную полосу на два ряда ровных зубцов. Юноша распахнул полы куртки и осторожно дернул за рукав. Похоже, Джелайна была вымотана до предела — разбудить ее сейчас, наверное, возможно было, только облив водой. Уже не церемонясь, Бенвор стащил с нее куртку и нерешительно взялся за пояс брюк. Его вдруг кольнуло отголоском далеких воспоминаний. Странное чувство... словно все это уже происходило... только не с ним.

— Вот черт... — пробормотал он сквозь зубы. Внезапно появилось ощущение, что он без спросу совершает нечто недозволенное. Капитана охватил непонятный азарт — словно кто-то незримый бросил ему вызов. Молния на брюках оказалась почти такой же, а пуговица — она везде пуговица. А дальше пошли сюрпризы. В их мире это называется нижним бельем?.. Бенвор даже запутался, стаскивая с Джелайны узкую штанину, потому что в основном смотрел отнюдь не на то, чем были заняты руки. Полоска тончайшей ткани с замысловатым кружевом по краю неуклонно притягивала взгляд, почти ничего не скрывая, а скорее уж, дразня еще больше. Заставив себя отвернуться, Олквин наконец-то содрал замызганные брюки и перевел дыхание. Голова предательски кружилась, но сердце колотилось вовсе не от усталости. Бенвор потянул вверх край майки, открыв упругий рельефный живот и обнаружив круглую темную родинку чуть выше пупка и свежий багровый синяк на нижнем ребре. Не удержавшись, он коснулся губами и того, и другого. Грудь женщины тоже была едва прикрыта кружевной полоской, совершенно прозрачной. Выглядело это точно так же бесстыдно и восхитительно. Похоже, люди будущего знают толк в таких штучках. Бенвор нашарил крошечную застежку и безуспешно сражался с ней, насколько хватило нервов. Это немного отвлекло его и охладило пыл. В самом деле, пусть Джелайна отдыхает, что это с ним? Спящая, почти обнаженная, она казалась на редкость трогательной и беззащитной. И вдруг вспомнилась голова Риймонса, медленно качающаяся на окровавленной косе... Выпрямившись, Олквин выдернул одеяло, отряхнул его и укрыл женщину по самый подбородок. На полпути к двери он не выдержал и оглянулся. Джелайна

снова безмятежно улыбалась во сне. Кто ей снился сейчас? Какой уголок памяти приоткрылся от его незатейливой ласки?

Резко отвернувшись, Бенвор неожиданно наткнулся взглядом на собственное отражение в маленьком мутном зеркале на столике у окна. Подойдя, он уставился на хмурое лицо, недружелюбно поглядывающее из зазеркалья.

— Она моя, понял? — тихо, но твердо заявил ему Олквин. — Только моя!

Отражение выглядело столь же решительным. Бенвор схватил зеркало и хлопком опрокинул его лицевой стороной вниз. Словно припечатал двойника мордой об стол.

* * *

— Можешь думать, что я свихнулся, — говорил утром Воллан. — Но этой оторванной башкой можно попытаться спасти твою собственную.

Бенвор не удивился — он и сам еще вчера подумывал о чем-то подобном.

— Поделиться с Майроном своим сувениром?

— А что, тебе жалко?

— Ну, подарок, как-никак, — хмыкнул капитан. Тиви прыснул.

— Если дело выгорит — я думаю, леди не обидится.

— На что это я не обижусь? — Джелайна заглянула в приоткрытую дверь и постучала по косяку. Бенвор сразу оживился. Уилкас и Хоркан торопливо выскользнули прочь.

— Преподнести голову Риймонса принцу в обмен на нашу с Ланайоном жизнь и свободу.

— Действительно, — согласилась женщина. — Отличная сделка. А если одной головы ему будет мало, ты только скажи — я добуду еще парочку.

Олквин присмотрелся к ней — шутит или серьезно? И заметил, что Джелайна немногословна. Присев на край кровати, она нарочито тщательно расправила юбку и нервно усмехнулась.

— Как приехала сюда — помню. Как отдавала голову — тоже. Как ложилась спать — нет. У меня все-таки отказал мнемоник или...

— Или, — перебил ее Бенвор. — Ты уснула прямо на полу. Как тебя еще лошадь не сбросила? — он беспокойно нахмурился, взял ладонь Джелайны и поцеловал. — Не смей так больше делать. Я волновался.

— Кто меня раздел? Даина? — спросила она. Капитан подался вперед и заговорщически сообщил:

— В этом мире только я знаю тайну молнии.

Женщина даже не улыбнулась, став какой-то задумчивой. Бенвор придвинулся ближе и обнял ее.

— Мне так тепло, когда ты рядом, так хорошо... — прошептал он, а когда Джелайна начала отстраняться, спохватился: — Не уходи.

— Я никуда не денусь, — рассеянно успокоила она юношу, похоже, думая сейчас о чем-то другом. — Отдыхай. Я просто зашла убедиться, что с тобой все в порядке.

— Джелайна, стой, — с отчаянием произнес он. — Я тебе противен?

— Ну что ты? — удивилась она и снова села рядом. — Почему?

— Если бы у меня была такая возможность, — смущенно начал Олквин, — я бы ни за

что не допустил, чтобы именно тебе пришлось за мной ухаживать.

— К счастью, у тебя ее не было, — вполне серьезно заявила она. — Иначе мне все равно в итоге пришлось бы заниматься этим одной, но сколько человек успело бы заразиться?

— Ты ничего не забываешь, — огорченно сказал он. — О чем теперь я буду постоянно тебе напоминать?

Джелайна ласково погладила его по руке.

— Даже с мнемоником человек не может помнить обо всем сразу, — мягко объяснила она. — Да и голова устроена так, что самые сильные чувства неизбежно заслоняют собой все остальное. Не надо мучить себя из-за того, чего не изменишь. Моя самая большая радость — то, что ты выздоровел.

— Тогда почему ты хочешь уйти? — расстроился Бенвор. — В чем дело? В этих отвратительных ранах?

— Чудо мое! Да ты через полгода и не вспомнишь, где они были! Танбик уверяет, что с его мазью и следов не останется. На тебе все заживает, как в сказке.

— Значит, ты все-таки говорила с ним об этом? — напряженно спросил Олквин. Джелайна покачала головой.

— Не стоит приписывать мне свои собственные страхи. Тебе нужен покой, нужно больше отдыхать.

— Да сколько можно? — взмолился Бенвор. — Я только и делаю, что сплю!

Она молча высвободилась и направилась к выходу. Олквин разочарованно вздохнул. Помедлив у двери, Джелайна решительно задвинула засов и вернулась. Капитан просиял и чуть подвинулся, приглашая ее устроиться рядом. Она улыбнулась, подошла и напомнила ему:

— Всего три дня назад ты был при смерти.

— Но теперь-то я живой, — бойко возразил Бенвор. — Уже целых три дня!

Он ухватил Джелайну за подол и притянул к себе.

— Холодно, — обнимая ее, посетовал он. — Иди сюда, согрей меня.

— Только согреть? Да за один лишь такой взгляд уже можно отдаться, — тихонько усмехнулась Джелайна.

— Нужно! — радостно подхватил Бенвор и принялся нетерпеливо распутывать шнуровку ее платья, стаскивая его вниз вместе с рубашкой и жадно целуя каждый оголяющийся кусочек кожи. Правда, едва он попытался опереться на локоть, тут же охнул от боли подмышками и снова без сил откинулся на спину.

— Похоже, в этот раз отдаваться придется тебе, — озорно ухмыльнулась Джелайна. Что ж, против этого Бенвор несколько не возражал.

Глава 30

Несколько мелких снежинок ворвались в щель приоткрытой сквозняком оконной рамы и истаяли, не долетев до пола. По комнате прошелся холод, но вставать и затворять окно Бенвору совершенно не хотелось. Нежное тепло от прильнувшей к нему Джелайны было даже лучше укрывавшего их мехового одеяла.

Из коридора донеслись торопливые шаги, и кто-то тихо постучал.

— Ты не спишь? — глухо прозвучал за дверью голос Уилкаса.

— В чем дело? — откликнулся Бенвор. Джелайна сонно завопилась на его плече и

нечаянно задела повязку. Олквин невольно дернулся. Тотчас окончательно проснувшись, она быстро поцеловала его рядом с раной, и боль сразу же стихла. Вроде бы ничего особенного, но это так походило на колдовство, что юноша не переставал удивляться.

— Не хочешь спуститься вниз? — нерешительно поинтересовался Воллан.

— Не хочу, — лениво ответил Бенвор, снова сгребая теплую любимую в объятия.

— Кто-то еще вчера хныкал, как ему надоели эти стены, — ехидно заметил Уилкас. — Сил, говорит, никаких нету... Что, уже появились, силы-то?

— Кто хныкал?! — возмутился юноша, скорее даже не для Воллана, а для Джелайны, плечи которой начали вздрагивать от сдерживаемого смеха. — Да у меня строгий постельный режим! Слышал, что сказал Танбик? Лежать неделю.

Джелайна все-таки захихикала, зарывшись в одеяло.

— Ладно, — с понимающей улыбкой в голосе проворчал Уилкас. — Не хочешь — не вставай. Просто там зашел тебя проведать отец Паритэн, как-то нехорошо выходит...

— Что же ты сразу не сказал? — разом посерьезнел Олквин и принялся осторожно подниматься. — Извинись перед ним, ладно? Я сейчас.

— Можешь не торопиться, — успокоил его Воллан. — Святой отец уже завел для всех прочувствованную проповедь о Царствии Божьем. Это надолго.

Бенвор продел голову в ворот рубахи и вопросительно повернулся к Джелайне. Та неохотно потянулась.

— А мне обязательно спускаться? Он ведь тебя навестить пришел, а не меня.

— Он пришел ко всем нам, — отрезал Олквин. — Вставай. Поможешь мне сойти по лестнице.

Джелайна послушалась, но на лице ее осталось легко читаемое недоумение — с чего это вдруг он попросил о такой помощи ее, а не Уилкаса? Бенвор отвернулся, делая вид, что целиком поглощен одеванием.

Вниз он спускался, опираясь на ее плечо, а потом уже просто обнял и не выпускал. Если кого-то из присутствующих это и удивило, то виду никто не подал. Священник по обычаю церемонно поклонился лорду и отечески благословил его. Потом степенно сложил руки и спросил у Бенвора:

— Сын мой, ты пригласил меня для исповеди и причастия? Как же я рад, что мои прихожане хоть иногда вспоминают о спасении души не только перед ликом смерти, но и благополучно избежав ее.

— Обязательно, святой отец, но как-нибудь в другой раз, — отклонил его версию Олквин. — Сегодня у меня к вам особая просьба.

Отец Паритэн немного удивленно уставился на него. Посмотрев на Джелайну и крепче прижав ее к себе, Бенвор выпалил:

— Обвенчайте нас.

Повисла секундная пауза. Удар сердца... еще один...

— Что?! — взвилась женщина и попыталась вырваться, но Бенвор не отпускал ее.

— Прямо сейчас, — решительно добавил он. — Здесь, в этом доме. Немедленно.

Он расслышал изумленный взглас Даины и неразборчивое восклицание Хоркана. Отец Паритэн быстро заморгал и неуверенно заметил:

— Мне кажется, леди не согласна. Прости, сын мой, но насильно не венчают.

— Святой отец, — снова обрела дар речи Джелайна, — вы не возражаете, если мы с капитаном поговорим наедине?

Священник поспешно закивал. Все присутствующие, растерянно помалкивая, потянулись на улицу — не заставляя же хворающего господина опять взбираться наверх. Бенвор чуть ослабил хватку, но не настолько, чтобы позволить Джелайне высвободиться.

— Пожалуйста, не вынуждай меня тратить последние силы, — попросил он. — Иначе я упаду прямо здесь, так и не сделав самого важного шага в своей жизни.

От этих слов Джелайна вмиг присмирела. Теперь она выглядела испуганной.

— Ты сошел с ума, — пискнула она. — Ты хоть понимаешь, что затеял?

У Бенвора камень с души свалился. Похоже, что категорического отказа, которого он так боялся, не будет. А протесты подобного рода были им вполне ожидаемы.

— Конечно, — спокойно ответил он. — Я собираюсь жениться на любимой женщине, и как можно скорее.

Она замерла, ошеломленно глядя на него. Прозрачные глаза приобрели какой-то новый, искристый оттенок. Олквин счел это хорошим знаком.

— Мне следовало сделать это еще полгода назад, — заявил он. — Наша жизнь сейчас была бы совсем другой.

Джелайна медленно покачала головой.

— Нет, ты, похоже, не понимаешь. Это неправильно. Опомнись! Кто ты — и кто я? Я вообще не принадлежу этому миру. Я даже не человек, а всего лишь проекция!

— Я помню, — кивнул Бенвор. — Но это ничего не меняет. Неважно, что по законам природы ты существуешь не здесь. Для меня ты реальна, как никто другой. Я хочу провести свою жизнь с тобой. Всю жизнь, сколько мне отпущено.

— Я не имею права... — прошептала Джелайна. — Я не могу позволить себе стать такой частью твоей жизни.

— Позволить себе стать частью?.. — удивленно повторил юноша. — Да ты и есть моя жизнь! Ты — лучшее из всего, что могло бы со мной случиться.

— Но тебе не обязательно жениться на мне, — пробормотала она. — Я и так всегда буду с тобой.

— Ну уж нет, — скривился Бенвор. — Чтобы Ланайон снова затеял осчастливить меня какой-нибудь герцогиней? Не пойдет. А он не успокоится, нас и так всего двое.

— Вот именно, — согласилась Джелайна. — И то — это если Ланайон до сих пор жив... и его дети тоже, — подавленно добавила она. — Иначе ты вообще последний. Тебе нужна жена из твоего круга, живая, настоящая, чтобы рожала детей. А ты хочешь связаться с проекцией, с пустышкой! Твой род из-за меня прервется, хоть это ты понимаешь?

Бенвор нетерпеливо стиснул ее руку.

— Среди живых и настоящих тоже попадаются бесплодные. У меня достаточно бастардов, я хоть сегодня могу признать любого из них и объявить своим наследником. Да хоть всех могу признать! Послать сейчас Платусса — матери сами прибегут и приведут их сюда.

— Здорово, — мрачно хмыкнула Джелайна. — Получить в придачу к мужу целый выводок чужих детишек мал мала меньше — заветная мечта любой женщины, что и говорить.

Олквина уже не держали ноги. Устало опустившись на лавку, он заставил Джелайну сесть рядом.

— Значит, ты не хочешь быть моей женой? — расстроено спросил он.

— Я не хочу, чтобы из-за меня ты испортил себе жизнь, — тихо ответила она. —

Подумай сам: ведь твою супругу полагается внести в ваше генеалогическое древо. Что ты туда добавишь? Какая-то Анерстрим, безвестная иноземка?.. Взятась незнамо откуда и, не старея, пережила тридцать поколений... А что на это скажет твой брат?

Бенвор тоже вспомнил старый гобелен с узорчатыми краями, сплошь покрытый именами из знатных родов, уходящих корнями в глубину веков.

— Я все же надеюсь, что Ланайон жив и здоров, — проговорил он. — Его имя прекрасно смотрится на главной ветви Олквинов. А мне хватит места и на боковом отростке. Мне и моей любимой иноземке, — улыбнулся он, погладив ее по щеке. — Остальные пусть думают что хотят.

— Ты можешь сильно пожалеть об этом, — тихо предупредила Джелайна.

— Никогда, — уверенно возразил Бенвор. — Я пожалею, если позволю тебе переубедить меня.

Она помолчала, напряженно уставившись перед собой в одну точку. Олквин терпеливо ждал, наблюдая, как в искристых глазах сменяются самые разные оттенки эмоций. Оставалось только догадываться, какое смятение царило в душе Джелайны.

— Да уж, — наконец, усмехнулась она. — Угодить в родословную благородного семейства... Половина конторы удавится от зависти. А уж как мне влетит от начальства за такую авантюру...

— Так ты согласна? — оживился капитан. Женщина покусала губы, зажмурилась.

— С одним условием, — помявшись, буркнула она. — Нет, с двумя.

— Я приму любые условия, сколько бы их ни было, и выполню любые пожелания, чего бы они ни касались, — немедленно подхватил Бенвор. — Это не ради женитьбы. Все будет только так, как ты захочешь, отныне и навсегда.

— Всегда? — еле слышно уточнила Джелайна. — Ты действительно настолько веришь мне?

— Кому же мне еще верить, если не тебе? Ты держала в руках мою жизнь. Никто бы не уберег ее лучше.

Женщина часто заморгала и уткнулась лицом ему в плечо.

— На улице холодно, — напомнил Бенвор. — Они совсем замерзнут. Говори скорее.

— Ой, — встрепенулась она. — Пускай возвращаются. Это же не срочно.

— Что значит — не срочно? — возмутился капитан.

— Сначала надо убедиться, что твой брат жив, — упрямо отозвалась Джелайна. — Если... если титул барона перешел к тебе, ты выберешь пару из своего круга. Это мое первое условие. Не спорь, ты обещал.

— Черт... — опустил голову юноша. — Хорошо, я согласен. Второе?

Она нервно хрустнула пальцами и выдавила:

— Я не хочу воспитывать всех твоих детей!

Бенвор с облегчением рассмеялся. Джелайна легонько стукнула его кулаком.

— Не смейся надо мной! Тебе, кстати, известно, что их уже двенадцать, а до весны появятся еще трое? Оно мне надо?

Капитан помотал головой. Дайна еще не успела пересказать ему все здешние новости.

— Не волнуйся, все бастарды мне тоже не нужны, хватит и одного. Веанрис — та даже родными детьми не очень-то себя утруждает. Олквинам не привыкать расти с няньками. Пусть мой наследник пока живет с матерью. Единственное, на чем я настаиваю — чтобы именно ты его обучала. Сама передай ему все — и знания, и свои умения.

Продрогшие люди вернулись в тепло. Отец Паритэн поддержал решение об отсрочке:

— Правильно, сын мой. Не дело это — наспех венчаться. Поправляйся и приходи в часовню своими ногами.

Даина тоже внесла свою лепту:

— Не уважаете вы свою невесту, милорд. Пристало ли леди выходить замуж с бухты-барахты, в старом перешитом платье кухарки? Даже крестьянки наряжаются в самое лучшее. Да и людям тоже обидно будет не повеселиться на господской свадьбе. Сколь страху все натерпелись, из-за чумы-то. Надо все подготовить как следует.

— И какая свадьба без господина барона, главы рода? — сказал последнее слово Платусс. — Непорядок.

— Да вы просто сговорились, — с досадой хмыкнул Бенвор.

* * *

Назавтра Уилкас отправился в столицу. Он собирался осторожно пробраться в Олквинау потайной дорожкой, которой друзья часто пользовались в детских играх, чтобы разузнать о судьбе родных Бенвора, успокоить их несомненную тревогу из-за чумы и, если получится, потихоньку привезти Ланайона и Веанрис на свадьбу. Его ждали три дня. Когда Хоркан уже собирался ехать следом, Воллан вернулся. Один.

— Твой брат жив и здоров, — первым делом оповестил он Бенвора, который весь извелся за эти дни. — Но он с семьей под домашним арестом.

Успокоенный хорошей новостью, капитан ухватился за плохую.

— Что с ним было?

— Пока ничего серьезного. Когда узнали, что вернулся, приезжал судейский чиновник со стражей. А Ланайон как раз лежал больной — простыл ведь. Допросили прямо так и оставили выздоравливать. Потом как-то все утихло само собой — забыли, может? Или опасались — вдруг и там чума вылезет? Пока его не трогают, а он и боится узнавать, что можно, а чего нельзя. Так и сидят дома, носа не высовывают.

— А что вообще слышно в столице?

— Ни черта я не понял, если честно, — развел руками Уилкас. — Говорят, коронация Майрона сорвалась. До Ланайона новости почти не доходят, а повидать кого-нибудь еще я не рискнул. Ах, да — Жомеросуин опять закрыл границу. Вроде как боятся поветрия — отсюда-то совсем недалеко. А на самом деле — кто его знает?

— Странно, — тихо заметил капитан. — Чума ведь не начала распространяться, и это всем ясно, как день. Неужели в Анклау все-таки ждут армию Рунгунда?

Уилкас привез не только новости. Проезжая мимо обители Кампа, он встретил и прихватил с собой Микаса. Старый писарь еще в начале осени уехал из приграничного форта в монастырь — там было безопаснее. Узнав по секрету от Воллана, что чумы в Сентине нет, Микас увязался с ним.

— А это тебе передали из Олквинау, — Уилкас протянул объемистую сумку. — И велели поздравить.

— Что еще сказал Ланайон? — настороженно спросил капитан. Воллан не стал уточнять — ему и так было ясно, что речь идет о невесте.

— "И почему меня это не удивляет?", — усмехнувшись, повторил Уилкас, невольно

передразнив характерную интонацию барона.

— И все? — удивился Бенвор.

— Ну, не станет же он выкладывать остальное мне? Дождись уж личной встречи. Но мне кажется, теперь у Ланайона не хватит духу возражать.

Сумку Олквин открыл уже наверху. Парадный мундир приветливо блеснул начищенными пуговицами.

— А это, видимо, для тебя, — Бенвор протянул Джелайне сверток с торчащим наружу уголком дорогой светлой ткани. Веанрис, в своей обычной манере, постаралась позаботиться хотя бы о том, чтобы жених и невеста были нарядными. Разворачивать платье при капитане Джелайна не стала — сослалась на какую-то плохую примету и удрала примерять его в свои бывшие покои, ныне стоявшие пустыми.

В сумке болтался еще какой-то предмет. Бенвор пошарил рукой и выудил маленький бархатный мешочек. Внутри было что-то твердое. Развязав тесьму, Олквин вытряхнул на ладонь кольцо с потускневшим от долгого хранения в темноте зеленым камнем в старинной золотой оправе.

Юноша замер, тотчас вспомнив, кому принадлежало это кольцо. В детстве он не раз видел его на изящной руке матери. После ее смерти многие драгоценности куда-то пропали — наверное, отец распродал все, что сам дарил строптивой жене. Остались только фамильные, всегда принадлежавшие баронской семье — их теперь носила Веанрис. А это кольцо некогда было частью приданого очаровательной леди Рианэн Уормитон. Очевидно, Ланайон сберег его для младшего брата.

Крупный камень цвета морских волн под солнцем — камень цвета дивных материнских глаз. Бенвор получил лишь толику этого оттенка — лучистой звездочкой вокруг зрачка. Напрасно Веанрис заглядывала в глаза своим подрастающим малышам, веря, что хоть у кого-нибудь из них проявится редкая наследственность рода Уормитон. Цвет, переходящий только вместе с изумительной красотой, так и не достался детям сероглазого Ланайона.

Бенвор зажал кольцо в руке, чувствуя, как оно моментально теплеет. Соприкоснувшись с кожей, камень стал прозрачнее и слегка заблестел. Будто ожило око из прошлого, заглядывая в будущее с надеждой и любовью.

* * *

Хоть Платусс и упрашивал капитана позволить ему организовать свадьбу как можно торжественнее, "как подобает знати", Бенвор все же настоял на предельно скромной церемонии. Кого тут было удивлять? И без того, впервые увидев своего лорда в парадном мундире, впечатленные сентинцы разве что на колени не попадали. Такое событие, как свадьбу феодала, здесь могли припомнить лишь очень немногие старожилы. Да и то, простой люд тогда даже близко не подпустили, а нынче прямо на узкой площади перед хозяйским домом накрыли большое угощение для всех желающих, более чем наполовину устроенное самими же сентинцами, старающимися сделать господину хоть какой-нибудь подарок.

Ожидая появления невесты, Бенвор стоял у алтаря маленькой часовни в компании приосанившихся Хоркана и Уилкаса и, немного волнуясь, поглядывал на стоявшего в уголке Микаса. Два дня назад старый писарь пережил самый настоящий шок, когда узнал, кто

именно является избранницей капитана. Он впал в ступор, хватая воздух ртом, косо посмотрел на Джелайну, издали ответившую ему таким же недобрый взглядом, и растерянно зашептал:

— Милорд, но почему?.. Она же...

— Молчать! — негромко, но веско оборвал его Олквин. — Не лезь не в свое дело.

— Конечно, милорд, — склонил голову старик. — Воллан рассказал, что она помогла вам с братом бежать из плена. Я понимаю вашу благодарность. Но жениться-то зачем?

— Ничего ты не понимаешь, — отмахнулся Бенвор.

— Да, она выходила вас от чумы, — не отставал Микас. — Но у меня хорошая память, и я знаю о ней то, чего не знают другие. Эта леди ничем не рисковала.

— Благодарность тут ни при чем, — не выдержал Олквин. — Я давно люблю Джелайну и жалею, что не обвенчался с ней раньше. Ты можешь думать все что угодно, но я уверен — лучшей жены мне не найти.

Микас заметно расстроился.

— Болезнь повредила ваш рассудок, милорд, — с горечью сказал он. — Вспомните, о чем она рассказывала.

— Я все помню, — кивнул Бенвор. — И прекрасно знаю, что ты сейчас хочешь сказать.

Что Джелайна не настоящая, что ее тело — только проекция...

— Вот именно! — оживился писарь. — Как вы собираетесь жить с одной видимостью?

— Ну, знаешь, — фыркнул капитан. — Если бы мне не напомнили, я бы и не заметил разницы.

Уязвленный, старик ненадолго умолк, но потом осторожно произнес:

— Милорд, я надеюсь, вы женитесь на ней не потому, что в том мире ваш двойник...

Не дав Микасу договорить, Бенвор схватил его на ворот и прошипел:

— Ни слова больше! Я предупредил тебя тогда и повторю снова — если проговоришься о ней хоть кому-нибудь, я сам отрежу тебе язык!

— Отрезайте, коли угодно, — пробормотал писарь. — Тайну леди я и так никому бы не выдал, даже под пыткой.

Олквин удивленно усмехнулся и отпустил его.

— А ведь ты боишься Джелайну куда больше, чем меня. Почему?

— Она чужая здесь, — потупившись, выдавил Микас. — И никогда не станет своей. Она не боится гнева Божьего, не верит в самое святое. С виду она тиха и совсем безобидна, но внутри нее чутко дремлет чудовище, и никто не знает, что у него на уме. Собираетесь венчаться с убийцей... Вы хоть помните, сколько крови на ее руках?

— Нашел, чем пугать, — возразил Бенвор. — Мои руки тоже в крови, но меня-то ты не судишь? И трепета перед святынями мне, как ни старались, так и не смогли привить.

— Милорд, вы солдат, и убивали только в честном бою. А для нее отнять жизнь беззащитного человека — пустая игра, ремесло, холодный расчет.

— Микас, — хмуро напомнил Олквин, — я ведь жив сейчас именно благодаря тому, что Джелайну научили убивать. И можешь не сомневаться — она не станет колебаться и впредь, если меня коснется хоть тень опасности.

— Вот и пусть оберегает вашу жизнь, если в этом ей отрада. Пусть согревает ложе, если это в радость вам. Но зачем связывать себя священными узами брака с неживой сутью, чье присутствие здесь богопротивно по самой своей природе?

— Богопротивно будет, если леди станет шлюхой в моем доме, — отрезал Бенвор. —

Все, Микас, довольно.

— Она никогда не родит вам детей, — уже в спину ему тихо добавил писарь. — Вы можете наплодить еще хоть сотню бастардов, но это совсем не одно и то же. Вы еще вспомните мои слова, милорд, обязательно вспомните. Не завтра, не через неделю, возможно, пройдут годы. Но однажды все-таки вспомните.

— Не волнуйся, у меня и так будет наследник, — не оборачиваясь, невыразительно бросил капитан.

— Вы меня не слышите, — вздохнул старик. Олквин раздраженно дернул плечом и ушел.

* * *

Шум голосов снаружи часовни на мгновение стих, а потом разлился почти осязаемой волной. Люди расступились в стороны, освобождая дверной проем, враз наполнившийся слепящим светом удивительно ясного дня. Как никогда торжественный и серьезный Платусс, изо всех сил стараясь не горбиться, церемонно ввел под руку невесту. Платье цвета речного жемчуга отражало солнечные лучи, и Бенвору на миг показалось, что Джелайна сама излучает свет. Идущее от нее тепло он почувствовал еще раньше. Капитану отчетливо вспомнился день, когда в его жизнь вошла гостья из другого мира, и перед глазами на миг встал другой образ — тонкий черный силуэт на фоне огня. Сегодня чертенок превратился в ангела.

Краем уха Олквин уловил тихое замечание Хоркана Уилкасу — что-то насчет того, что, мол, любая невеста почему-то всегда кажется красивой. Платусс подвел Джелайну к алтарю, передал ее руку Бенвору и, по обычаю, сам откинул вуаль с лица женщины. Капитан тихонько сжал ее пальцы, непривычно холодные — похоже, Джелайна не на шутку нервничала. Бенвор ободряюще улыбнулся ей, и по знаку священника оба опустились на колени.

Зачитав над пухлым молитвенником все подобающие обряду слова, отец Паритэн громко возвестил:

— Если кто-либо из присутствующих здесь знает хоть одну причину, по которой эти двое не могут сочетаться браком, пусть скажет об этом сейчас или молчит до конца своих дней.

Бенвор невольно оглянулся на Микаса. Встретив его взгляд, писарь съежился и совсем забился в угол. После этого волнение отпустило капитана окончательно. Повторив вслед за священником старинную клятву, Бенвор поймал себя на том, что она впервые кажется ему по-настоящему весомой и мудрой. Лишь на миг ему стало не по себе — когда голос невесты ошутимо дрогнул на словах "...пока смерть не разлучит нас".

Хоркан подал Олквину кольцо. Глаза Джелайны удивленно распахнулись, в них появился безмолвный вопрос. Довольно улыбнувшись, Бенвор полюбовался тем, как камень, обретя новую хозяйку, засиял прежними красками. Теперь все было правильно, все как надо. И поцеловать, наконец, свою жену — это тоже было правильно.

* * *

На площади даже звучало что-то вроде музыки на самодельных подобиях инструментов — горожане зимой придумывали и мастерили всякое. Вышедших из часовни господ щедро осыпали ячменным дождем.

— Ну, без этого никак, — саркастически фыркнула Джелайна, вытряхивая из-за воротника острые зернышки. Даина подошла с поздравлениями и набросила на плечи новоиспеченной госпоже собственноручно сшитую накидку из белоснежного меха. Джелайна обняла ее и что-то тихо сказала на ухо. На глазах экономки тут же заблестели слезы.

Поздравлять подходили старосты деревень, и все как один, желали лорду много детишек, уверенно предрекая, что после сенокоса он уже будет крестить первенца. В своем господине никто не сомневался. Джелайна едва замечала почтительные поклоны сентинцев и все больше мрачнела. Вскоре ее настроение начало передаваться и Бенвору. Поняв, что их праздник вот-вот окажется безнадежно испорченным, капитан просто взял жену на руки и унес в дом. Люди провожали их до дверей, говорили наперебой, что-то выкрикивали — Олквин уже никого не слушал.

Усадив Джелайну на край кровати, застеленной новым вышитым покрывалом, он опустился рядом на одно колено и, заглядывая ей в лицо, попросил:

— Не расстраивайся. Для них все просто. Такова традиция.

Она поспешно отмахнулась.

— Ничего, я только... если бы все это было по-настоящему... Ладно, забудь.

Бенвор погладил жену по щеке. Она упорно отводила взгляд, и это начало его беспокоить.

— Джелайна, у нас и так все по-настоящему, — перестав улыбаться, напомнил он.

— Да, конечно, — тут же согласилась она, растягивая губы в улыбке. — Не обращай внимания. Это пройдет.

Олквин легонько поцеловал ее и стащил с головы эннен. На колени Джелайне упало застрявшее в вуали ячменное зернышко. Юноша положил его на ладонь и тихо спросил:

— А ты бы хотела остаться со мной, но быть здесь настоящей?

Джелайна посмотрела на зернышко и, прикусив губу, кивнула. Но потом печально вздохнула.

— Даже если бы я могла прямо сейчас вернуться домой, а потом шагнуть к тебе целиком, насовсем... Если не повезет — сюда свалится просто кусок мертвого мяса. Один шанс из четырех, помнишь?

Вспомнив, Олквин похолодел.

— О, нет, лучше так не делать. Это слишком опасно. Не надо, все, молчи!

Но похоже, мысли на эту тему изводили Джелайну уже давно. Она торопливо продолжила, не то оправдываясь, не то надеясь, что сам Бенвор придумает хоть какой-нибудь выход:

— К тому же, я просто не смогла бы здесь выжить. Без вариантов. Иммунитет людей моей эпохи давно уже не тот. Пусть я привита от некоторых неизлечимых болезней, но мое реальное тело загнется от первой же сильной простуды. С собой ведь не притащишь запас лекарств на всю оставшуюся жизнь. Разве что забросить вперед несколько точечных посылок, но этого мне не позволят. Танбиковы зелья на человека из двадцать первого века уже толком и не подействуют. Ты, вон, сам справился с чумой, а я на твоём месте, не получив лошадиной дозы антибиотиков, умерла бы почти сразу. Моя проекция сильна и

почти неуязвима, а на самом деле я слабая, очень слабая.

— Да кто вбил тебе в голову, что ты должна быть такой же сильной, как мужчина? — возмутился Бенвор, немедленно ухватившись за возможность увести неприятный разговор в сторону. — Хватит мыслить мерками своего мира. Это я обязан защищать тебя, что бы ни случилось. А пока у нас все выходит наоборот. Какой же из меня рыцарь, если даже моя жена владеет оружием гораздо лучше?

— Это ничего, — чуть улыбнулась Джелайна. — У тебя еще вся жизнь впереди, догонишь.

— И перегоню, — хмыкнул Бенвор, обнимая ее. — Я собираюсь жить долго-долго, лет до пятидесяти точно.

— Тоже мне, долго...

— Это немало! Мой отец и до сорока не дожил.

— А кстати, от чего он умер? — нерешительно спросила Джелайна.

— Да глупо вышло, — нахмурился Олквин. — Просто порезал ступню. К вечеру его уже не стало. Такое бывает.

Джелайна резко выдохнула и крепко прижалась к его груди.

— Провались все пропадом, — простонала она. — Здесь можно спрятаться от врагов, от эпидемии, но потерять тебя из-за того же паршивого столбняка...

— Всех бед не избежать, сокровище мое, — возразил Бенвор. — А счастье у нас только одно.

Собрав в охапку пышную юбку свадебного наряда, он приподнял Джелайну и вместе с ней забрался на кровать.

— Брачная ночь, кстати, тоже бывает только одна, — заявил он, бесцеремонно опрокидывая жену на подушки. — И это, черт возьми, мое законное право. Хватит тратить время на болтовню.

— Да, милорд, — рассмеялась Джелайна. — Только на улице еще день, если ты не заметил.

— Так то на улице, — фыркнул Бенвор, рывком вытряхивая ее из платья.

— Осторожнее... Ну вот...

— Можно подумать, оно тебе еще пригодится.

Закатное солнце заливало комнату теплым розовато-золотистым светом.

* * *

Спустя два дня из Сентина проводили Танбика. Бенвор не удерживал его — лечение уже не требовалось, и знахарь маялся от безделья. Уилкас и Хоркан тоже решили поехать с ним.

— Вам, молодоженам, теперь все равно не до гостей, — посмеивался Тиви. — Чего нам тут сидеть?

Капитан передал с ними рапорт о том, как им всем пришлось пережить чуму, чтобы друзей не обвинили в дезертирстве. Все разъехались, и дом разом опустел.

— Моя вторая зима здесь... — задумчиво произнесла Джелайна, уставившись то ли в окно, на падающий снег, то ли куда-то вглубь себя. Бенвор рассеянно водил рукой по ее гладкой теплой спине.

— Надо бы хоть на улицу выйти, что ли? — усмехнулся он. — Уже месяц из кровати

почти не вылезая — то болею, то женился...

Джелайна улыбнулась и улеглась подбородком ему на грудь.

— Мне до сих пор не верится. Не надо никуда бежать, что-то делать. Сама не знаю, почему. Наверное, я просто разучилась расслабляться.

Бенвор обнял жену — ну до чего же приятно было думать о ней именно так! — и предположил:

— Это потому, что в доме стало совсем тихо.

— Может быть, — согласилась Джелайна. — Только все равно почему-то кажется, что вот-вот кто-нибудь постучится и опять начнется суматоха.

Олквин постучал по спинке кровати.

— Сейчас начнется, — весело пригрозил он и внезапно подмял Джелайну под себя. Та взвизгнула и ужом вывернулась из его объятий. Бенвор потянулся за ней и тотчас неуклюже ткнулся носом в подушку — рука перестала слушаться и подвернулась.

— Ну вот, опять подловила! — фыркнул он, не особенно, впрочем, возмущаясь. В этой игре он досадовал только на то, что совершенно не успевал замечать, как маленькая, хрупкая на вид жена ухитряется одним мимолетным нажатием превратить его, сильного мужчину, в беспомощного котенка.

Так же незаметно вернув его руке подвижность, Джелайна примирительно улыбнулась.

— Я больше не буду.

— Будешь, — возразил Бенвор. — Покажи мне, наконец, как ты это делаешь.

— Прямо сейчас? — чуть удивилась она. Олквин кивнул.

— И ты всерьез собираешься потратить на это наш медовый месяц? — ухмыльнулась Джелайна.

— Я бы сказал, одно другому не мешает. Даже занятно.

Она помедлила, поглядывая искоса.

— Иногда это бывает... больно.

— Ну и пусть.

Джелайна медленно провела кончиками пальцев по его лицу. Веки ее мелко дрогнули — раз, другой...

— Ладно, — еле слышно выдохнула она. — С чего ты хочешь начать?

— Пока не знаю, — пробормотал Бенвор, обнимая ее и подтягивая ближе.

Глава 31

Над остроконечной крышей часовни в прозрачных облаках плыл тонкий серпик молодого месяца. Проходя мимо площади, двое сентинцев поклонились вышедшим на вечернюю прогулку господам и побрели дальше, то и дело с любопытством оглядываясь. Джелайна прутиком писала на снегу простой английский стишок. Бенвор шагал следом, читая его вслух.

— У тебя уже отличное произношение, — похвалила она. — Даже акцента почти нет.

Сейчас Олквин прекрасно ее понимал. Поначалу Джелайне было очень тяжело говорить с ним на родном языке — менталингвор вынуждал ее бессознательно перекладывать слова так, чтобы Бенвору было понятно. Но как только капитан научился немного говорить сам, и Джелайна пару раз послушала, как он это делает, все стало проще. Теперь при нем она могла болтать по-английски сколько угодно. Правда, сразу же спотыкалась и снова машинально

переходила на хорверский, если с ней в это время заговаривал кто-нибудь еще, например, Платусс.

Бенвор принялся повторять стишок сначала. Джелайна уставилась куда-то вдаль, наклонив голову, и юноше почему-то показалось, что она сейчас вообще его не слышит. Последние дни он начал иногда замечать за женой подобные «зависания», и каждый раз ему становилось как-то не по себе.

— Уже темнеет, — оглянулся он по сторонам. — Идем домой? Или велеть Даине вынести фонарь? Ты не замерзла? Эй! — не дождавшись никакой реакции, он осторожно тронул ее за плечо. Джелайна вздрогнула и часто задышала, словно испугавшись.

— Что с тобой? — Бенвор привлек ее к себе и забрался рукой под накидку. Сердце жены колотилось, как после быстрого бега.

— Джелайна, что случилось? — встревожился он. Женщина подняла на него широко распахнутые глаза.

— Скажи-ка еще раз.

— Что сказать? — не понял Олквин.

— Мое имя.

— Джелайна... — удивленно буркнул он.

— Еще.

— Джелайна, — отчетливо повторил он. — Да что происходит?

Она как-то странно моргнула.

— У меня английское имя, — веки ее опять дрогнули.

— И что? — не понял Бенвор.

— Ты выговариваешь его на хорверский манер — округляешь и тянешь гласные.

Капитан пожал плечами. Что тут такого особенного?

— Ну да, я же не знал английского, когда мы познакомились. У нас женские имена...

— Мое имя осталось единственным английским словом, которое ты до сих пор произносишь с таким заметным хорверским акцентом, — нервно запинаясь, перебила она.

— Я так привык, — недоуменно хмыкнул Олквин. — Мне казалось, тебе даже нравится.

Джелайна открыла рот для ответа, но тут со стороны городских ворот послышался неясный шум. В Сентин кого-то впустили, и сторож крикнул, чтобы кто-нибудь доложил господину.

— Я здесь! — позвал Бенвор. Поздний гость, чуть прихрамывая, поплелся к площади, волоча за собой по снегу заплечный мешок. Опомнившись, он бросил его на дороге и пошел быстрее. Олквин кинулся навстречу, безошибочно признав в нем Танбика. Замерзший и измученный, знахарь протянул руки к Бенвору и охрипшим голосом выпалил:

— Бангийская армия вторглась в Хорверолл! Норвунд в осаде!

* * *

Армия Рунгунда высадилась в Анклау пять дней назад. Целый флот из битком набитых военных галер прибыл внезапно, хищным косяком вынырнув из повисшего над проливом тумана. Вслед за первой флотилией подошла вторая. Похоже, Рунгунд и впрямь готовился долго и основательно — судя по скорости переброски войск, перед отплытием сюда их собрали на лувеньонском берегу. Бангийцы сошли на берег и, привычные к молниеносным

атакам с моря, немедленно выдвинулись в сторону Хорверолла. Разнеся в щепки все приграничные форты, лавина из нескольких тысяч солдат хлынула напрямик к столице, жадно заглатывая все попутные городки и деревни. Через два дня армия подошла к Норвунду.

— Их тысячи, — бормотал Танбик, все еще не отогревшийся с дороги. — А ведь все думали, что Альберонту прищлют всего несколько сотен. Что же получается, он отдает королевство на разграбление? А чем тогда он сам собирается править?

— Из Локо еще кто-нибудь спасся? — напряженно спросил Бенвор. Танбик опустил голову.

— Разве что с десятков местных.

Олквин закрыл лицо руками.

— Лучше бы они остались тут, — глухо выдавил он. — Зачем я их отпустил?

Джелайна сильно сжала его плечо. После долгого молчания Танбик тяжело вздохнул и продолжил:

— Я сам сбежал только потому, что уходил смотреть больных лесорубов. А форт смели сразу. Конницы у авангарда почти нет, зато везут с собой прострелы. Собирают прямо там, пока идет лучная стрельба, и все дырявят. А потом лезут через стены, таранят ворота и рубят уцелевших.

— Прострелы? — переспросила Джелайна.

— Да, миледи. Вроде большого арбалета, только на станине, и заряжается копьём.

— А, типа баллисты, — задумчиво кивнула она. — Значит, деревянные стены они пробивают?

— Толстые бревна — нет, разве что в щель попадет. Ими тогда стреляют по верху стен, не прицельно. Но дощатые дома и крыши простреливают запросто, и тех, кто внутри прячется.

— А каменные замки они не обходят, ты не слыхал? — тихо спросил Бенвор. Он старался загнать поглубже боль от потери друзей, но следом тут же пришла острая тревога за жизнь Ланайона и его семьи.

— Они саму столицу осадили, — буркнул Танбик вместо прямого ответа.

— Олквинау стоит чуть севернее, — с отчаянной надеждой произнес капитан. — Может, там успели укрепиться, спрятать женщин с детьми... Нам тоже надо укрепиться, — он резко поднялся. — Никогда даже не предполагал, что Сентину доведется обороняться всерьез, но ведь когда-то его строили именно для этого.

— Так это когда было-то?! — подал голос Платусс, судя по всему, уже начавший оплакивать семью барона. — Стены здесь такие старые, что щели едва ли не шире бревен. Ров обсыпался и зарос, а река давно сменила русло, подвести воду уже не выйдет. И кто оборонять будет? Мальчишки с плохими луками? Крестьяне с вилами?

— Что есть, то есть, — оборвал его Бенвор. — Лучше отправь кого-нибудь известить деревенских старост.

— Ты сошел с ума, — зашептала Джелайна, догнав его. — Какая оборона? Бежать надо.

Капитан остановился, подавляя вспыхнувшее в душе раздражение. Почему-то он ни капли не сомневался, что его жена тут же предложит именно такой путь. Позиция рейдера — не вмешиваться без личной необходимости — ничуть не изменилась.

— Бежать? — процедил он. — За границу? И куда я там подамся? Да, крестьяне теперь побегут. Будут кланяться жомеросуинским феодалам, проситься под их защиту. Мне тоже идти пахать чужую землю?

— Зачем? — дернула она плечами. — Обратись к герцогу Вэйнборнскому. Может, он примет тебя на службу.

— Чтобы потом я постоянно маячил перед глазами его дочери? — невесело усмехнулся Бенвор. — А после его смерти поступил в распоряжение ее муженька, кем бы он ни был? Сомневаюсь, что хоть один из тогдашних женихов забыл про мои выходки на смотринах.

Джелайна опустила голову и понуро умолкла.

Уже ночью в Сентине закипела работа. Взрослые мужчины укрепляли ворота, стаскивали на стены груды булыжников, готовили чаны со смолой и запасы стрел. Все остальные, способные хоть чем-нибудь копать, расчищали ров. Когда рассвело, со всех окрестных деревень в крепость начали собираться деревенские жители, таща с собой скотину и припасы. Кое-как разместив в городе детей и пожитки, все они тут же принимались за работу.

Наутро через земли Олквины в сторону границы с Жомеросуином потянулись первые семьи убегающих от войны крестьян. В Сентин они не просились — в любой крепости обычно и своим-то места едва хватает, да и что толку прятаться за старым деревянным частоколом, когда сзади поджигает тысячная армия?

Новости были тревожные. Армия наемников неумолимо расползалась по королевству, осаждая большие города и громя вотчины мелких феодалов. К полудню поток беженцев с востока стал непрерывным. По расквашенной сотнями ног дороге тянулись телеги, запряженные недоенными, непрестанно мычащими коровами. Некоторые крестьянки с плачущими младенцами на руках обнадежено заворачивали к Сентину, устало переминаясь, оглядывали роящихся у стен горожан, и шли дальше.

Вскоре поток поиссяк, а люди, бегущие с севера, донесли сокрушительную новость — столица пала. Майрона вынудили официально отречься от престола в пользу Альберонта. Защитники Норвунда были разбиты, а знати пришлось присягнуть новому королю. Выжившие офицеры хорверской армии теперь пытались сохранить за собой свои земли. Первые бесчинства захватчиков поутихли, и многие крестьяне уже не бежали, а оставались на прежних местах в ожидании новых владельцев. Специальные королевские отряды — их уже прозвали карателями — двинулись по стране, подавляя редкие восстания среди неслужилых феодалов и призывая остальных к присяге. Говорили, что после переворота Альберонт повелел уничтожать только тех, кто окажет сопротивление, и не трогать мирных людей, покорившихся новой власти. Верилось с трудом — бангийцы исстари приплывали сюда убивать, грабить, насиловать, уводить в плен детей и выжигать целые деревни. Даже теперь, идя под знаменами хорверского короля, которому требовалось сохранить в стране крепкое и налаженное хозяйство, они оставались все теми же варварами.

За сутки вокруг Сентина расчистили ров и укрепили его засеками из острых жердей, мешающих приблизиться к стенам и конным, и пешим. Конечно, противостоять большой армии городок не смог бы, но теперь этого и не было нужно. Опасность представляли мародерствующие отряды — было сомнительно, что бангийцы тотчас же все сразу подчинятся приказу Альберонта и удержатся от самовольных захватов, грабежей и насилия. Но как отличить карателей от мародеров? Солдаты одни и те же, и так же могут именем короля потребовать открыть ворота.

— Может, они вообще не пойдут сюда? — лелеял надежду Платусс. — На дороге-то до сих пор вешки стоят. Старые, правда, но оно и к лучшему — значит, их некому было убрать. Кто в здравом уме поведет армию на чумные деревни, а уж тем более станет шарить по

домам после поветрия?

— Мародеры — может быть, — мрачно согласился Микас. — А каратели просто возьмут и выжгут все дотла. Земли ведь надо кому-то отписывать. К чему им церемониться с рассадником заразы?

— Я еще вчера выслал дозор, — сказал Бенвор. — Они сообщат, когда кто-нибудь появится. Если свернут в сторону — будем сидеть тихо, если начнут жечь дома — придется выехать им навстречу.

До сих пор молчавшая Джелайна спросила:

— Если ты добровольно сдашь город и присягнешь Альберонту, тебя оставят в живых?

До известия о захвате столицы все, не сговариваясь, вели себя так, будто оборона до последнего была единственным и не подлежащим сомнению исходом. Никто даже не смел заикаться о возможной альтернативе этому массовому самоубийству. Теперь все присутствующие уставились на капитана, тоже ожидая ответа.

— Выбора ведь все равно нет, — вздохнул он. — Майрона, скорее всего, уже казнили...

— Я не об этом, — отмахнулась Джелайна. — Власть есть власть. По большому счету, людей не особо волнует, кому им дальше придется служить или платить налоги — принцу или королю, был бы мир и спокойствие. Что будет с тобой?

До сих пор супруги старательно избегали этой темы, будто весь мир за пределами их уютной спальни на какое-то время совершенно забыл о существовании опального капитана Олквины. У Майрона еще можно было попытаться добиться прощения, но Альберонт был куда более сильной угрозой.

— Надо закопать где-нибудь эту голову, — спохватился Танбик. — Если ее найдут, то весь Сентин с землей сровняют.

— Нужно бежать, — снова завела Джелайна.

— Куда?! — воскликнул Бенвор. — Прятаться негде. И я не могу бросить своих людей на произвол судьбы.

— Ничего с ними не станется, — неожиданно возразил Микас. — Иначе кто будет платить оброк новым господам? Поезжайте в Жомеросуин. Если каратели все-таки подойдут к Сентину, мы предупредим их, что лорд умер от чумы, а в городе до сих пор то и дело появляются заболевшие. Платусс прав, наемники побоятся шарить по домам. Земли отпишут новому владельцу и пойдут дальше.

— А раз повального мора нет, то и жечь, наверное, тоже не будут, — поддержал Танбик. — Бегите, милорд. Иначе Альберонт вас на кусочки порежет. Мы справимся, не волнуйтесь. Девочек и баб молодых с детишками в лесу попрячем, в землянках, а грабить тут, кроме скотины, особо и нечего.

— Жертвы будут в любом случае, — покачала головой Джелайна. — Но если мы уйдем, пострадает гораздо меньше людей.

— А главное — буду жив я, да? — буркнул Бенвор, уже понимая, что сдается.

— Да, — согласилась она. — Для меня только это — главное. Ты же и сам прекрасно понимаешь, что вариантов нет. К чему это упрямство? Твою преданность долгу никто не оценит. Чем мучиться угрызениями совести — лучше обвиняй меня. Это я так хочу! Ты же обещал выполнять любые мои пожелания? Так вот — я хочу, чтобы мы убрались отсюда как можно дальше, и побыстрее.

— Так что, велеть запрягать? — мигом сориентировался Платусс. В глазах управляющего незаметный авторитет Джелайны уже давным-давно не подлежал сомнению,

равно как и ее влияние на мужа. Олквин кивнул и позвал:

— Даина! Пошли кого-нибудь за Киараной.

Киарана была матерью самого старшего из бастардов Бенвора — того самого, которого он собирался сделать своим наследником. Экономка понимающе кивнула, но, помявшись, заметила:

— Милорд, только ведь...у Киараны-то еще двое маленьких.

Бенвор на секунду прикрыл глаза.

— Ладно, пусть и их забирает.

* * *

Повозка, снаряженная для отъезда, была уже почти уложена, как вдруг от дозорных в лесу появился условный сигнал — кто-то приближается к Сентину.

— Всадники, — взглядываясь вдаль, сообщил с башни часовой. — Шестеро, — и после долгой паузы с облегчением добавил: — Наши, не бангийцы.

— Радоваться нечему, — нахмурился Бенвор. — Наши теперь тоже служат королю.

Когда солдаты подъехали, Олквин по голосу узнал их главного. Эрнан Клампис тоже был капитаном хорверской армии, и его земли находились к северо-востоку отсюда. Подъехав, он властно потребовал открыть ворота. В ответ со стен наставили натянутые луки и велели убираться прочь. С Эрнана мигом слетела вся спесь. Он поклялся, что не присягал Альберонту и вежливо попросился внутрь, под защиту стен.

Джелайна выглядела очень обеспокоенной, да и у самого Бенвора было какое-то тягостное предчувствие, но он все же разрешил впустить отряд соседа в город. Когда Клампис увидел его, то замер и вытаращился.

— Ты живой?! — изумленно воскликнул он.

— Как видишь, — хмуро ответил Олквин и пригласил их всех в дом. Отъезд явно откладывался.

Рассевшись за столом, уставшие солдаты жадно набросились на принесенную Даинной еду. Бенвор сел возле Кламписа, дожидаясь объяснений. Джелайна встала у него за спиной, и ее тепло немного успокаивало, но капитан все равно не мог отделаться от ощущения, что уже произошло что-то непоправимое. И сейчас ударит.

Наконец, Эрнан отвалился на спинку стула, равнодушным взглядом окинул Джелайну и произнес:

— Мы хотели где-нибудь отсидеться, но я понятия не имел, что ты тоже здесь. Уж прости.

— Что с твоими землями? — подозрительно спросил Олквин.

— Они уже не мои. Я, знаешь ли, тоже пытался отваживать незваных гостей, но в этот раз их оказалось слишком много. Пришлось бросать все, очень быстро бежать и искать укрытия.

Картина произошедшего нарисовалась в голове Бенвора в одно мгновение. И перспектива тоже.

— Вы что, удирали от них сразу сюда, напрямик? — похолодев, выдавил он.

— Ну, я-то знал, что у тебя остался укрепленный городок, — пожал плечами Клампис. — Все лучше, чем в чистом поле...

— Да ты соображаешь, что наделал?! Ты привел их за собой! — в ярости вскочил Бенвор и осекся: прямо в горло ему упиралось острое меча. При всей своей подлой натуре, быстротой реакции Эрнан был вовсе не обделен.

— Сядь, — отрывисто рявкнул он, бешено сверкнув глазами. — Теперь я здесь командую. Ты разжалован и арестован. Вздумаешь... — не договорив, Клампис коротко всхлипнул и завалился назад. Остальные солдаты застыли, не двигаясь, и явно не рискуя тянуться к ножнам. Бенвор обернулся. Джелайна выставила колено на стол для лучшего упора, в левой руке держа веер из оставшихся пяти кинжалов. Когда только успела их все вытащить?

— Кто еще осмелится нам угрожать? — ледяным тоном осведомилась она. Желаящих испытать на себе ее меткость не нашлось. Солдаты немедленно сдали оружие капитану.

— Вас преследуют мародеры? — спросил их Бенвор.

— Нет, — ответил самый старший из отряда. — Это каратели. Клампис вздумал отбиваться, но их пришло сотни полторы, не меньше. Тогда он бросил все, даже жену и детей, и приказал нам следовать за ним. Простите нас, господин капитан, все мы родом не из этих мест и не знали, куда он поскачет. Теперь вас тоже накажут за помощь. Если можем что-то сделать...

— Сентин не будет обороняться, — оборвал его Олквин. — Я уезжаю прямо сейчас.

— Вам-то зачем уезжать, сэр? — удивился один из солдат. — Свяжите нас, а тело капитана Кламписа положите перед открытыми воротами. Когда каратели подойдут, мы тоже присягнем.

— Как хотите, — проронил Бенвор, не собираясь вдаваться в долгие объяснения. — А мы уходим.

* * *

То, что кажется вполне осуществимым на словах, на деле обычно никогда не удается, как задумано. Не успела повозка выехать за ворота, как пришел новый сигнал от дозорных. К Сентину двигался огромный отряд.

— Несколько всадников, видимо, офицеры, остальные пешие, — оповестил зоркий часовой. — Много, очень много.

— Не успеем, — запричитал Платусс. — Повозка еле тащится. Догонят и всех изрубят. Милорд, скачите сами.

Киарана спрыгнула с повозки и посадила в седло к Джелайне старшего сына.

— Возьмите его, миледи. Мы уйдем в лес с остальными.

— Куда суешь, глупая?! — всплеснула руками Даина. — Если уцелеют, вернутся. А если догонят? Как им отбиваться с трехлетним дитем?

— В лес, скорее в лес! — прикрикнул на них Бенвор. Скачущие впереди всадники карателей уже были хорошо видны вдалеке.

— Быстрее! — звала Джелайна. Лошадь под ней нетерпеливо переступала ногами. Олквин медлил, поджидая, пока на опушке скроются из виду последние женщины с узлами и детишками. Платусс отчаянно махал руками и, надрывно кашляя, что-то выкрикивал севшим от волнения голосом.

— Милорд, уходите! — взвыл часовой. — Они и так уже вас заметили! Пропадете ведь!

Крестьяне, недавно сбежавшиеся в город, толпой валили наружу. Капитан вскочил в седло и окинул взглядом всех собравшихся у ворот людей. Отец Паритэн, шевеля губами, размашисто крестил уезжающих господ.

Такими они и запомнились Бенвору. Закатное солнце сквозь голые макушки деревьев окрасило старый частокол розовато-золотыми полосами, и такие же блики лежали на встревоженных лицах и на вытоптанном, подтаявшем снегу. Отвернувшись, юноша пришпорил коня и поскакал следом за постоянно оглядывающейся Джелайной.

А потом все будто понеслось стремительными прыжками. Конь под Бенвором жалобно заржал и сунулся мордой в снег. Падая, капитан успел заметить стрелу, торчащую из его загривка. Слегка оглушенный ударом о землю, Олквин не сразу высвободил придавленную ногу, а потом по земле ощутил глухой гул от десятков копыт. Джелайна вернулась к нему и перегнулась из седла.

— Давай руку.

— Уходи одна! — велел ей Бенвор. — Вдвоем мы далеко не ускорим.

— И бросить тебя? Еще чего! — оскалилась она. — Руку!

— Беги! — приказал он. — Это не твоя война. Кому сказал?! — Олквин ударил ее лошадь ладонью, но Джелайна тут же натянула поводья. В луку седла впиалась еще одна стрела. Бенвор машинально пригнулся, прячась за тушей убитого коня. Топот копыт раздавался уже совсем рядом. Джелайна выхватила саблю и выскочила навстречу вражеским всадникам. Похоже, те сперва не приняли женщину за настоящего противника, но когда спохватились, было поздно. Она не стала кидаться на каждого в отдельности, а просто рассекала на скаку шеи некоторых лошадей. Бенвор схватился с пешими врагами на земле. Краем глаза он заметил, что Джелайна тоже лишилась коня, но до того успела с седла порубить четверых. С остальными они разделались на пару.

Пехота приближалась. Теперь, после их неудачного бегства, уже не имело значения, откроют ворота или нет. Город будет наказан в любом случае. Крестьяне уже поняли, к чему все идет, и тоже со всех ног бежали к лесу.

— Все, нам теперь не дадут уйти, — сказал Бенвор. — Возвращаемся внутрь.

— Придется, — вздохнула Джелайна.

Бангийская пехота и впрямь оказалась очень быстроногой. Когда Олквинов впустили в город и закрыли ворота, в передовом вражеском отряде уже можно было рассмотреть каждое лицо. Отряд Кламписа получил назад оружие и присоединился к защитникам Сентина. Люди полезли на стены, занимая свои места у бойниц на стрелковых башнях и в проемах частокола. Бенвор велел Джелайне тоже надеть кольчугу — позади вражеской пехоты топали отряды лучников, так что риску теперь подвергались все в городе.

На какое-то время Олквин потерял жену из виду. Но вскоре она сама нашла его и сообщила:

— Сбоку частокола есть секретный лаз. Пока врагов с той стороны нет, мы можем попробовать удрать из города тайком. Я захватила беленые холсты, укроюсь ими, и нас будет трудно заметить на снегу.

— И бросить всех остальных умирать? — с упреком возразил капитан.

— Да плевать я хотела на всех остальных! — взвилась она. — Им все одно грозила расправа, неужели не ясно?

Бенвор колебался. На счету был каждый защитник, хотя и так очевидно — Сентин ни за что не устоит.

— Ты уже пожалел одного идиота, — уговаривала Джелайна. — Себя пожалей.

Бангийцы выстроились на небольшом отдалении и, прикрываясь щитами-мантелетами, стали подбираться ближе. Сентинцы начали обстрел.

— Идем, — вцепилась в мужа Джелайна. — Время уходит.

Лаз действительно выходил на пустое поле — все нападающие пока осаждали только ворота. Сразу за рвом начиналась свалка всякого мусора и не сожженных отходов после починки крепости. Осторожно перешагивая через обломки бревен, Бенвор высунулся проверить, нет ли поблизости врагов.

— Но бежать теперь придется пешими, — предупредил он Джелайну. — А ночью может ударить мороз.

— Да я лучше замерзну в лесу, чем дамся живой этим вонючим гадам, — зло фыркнула она и хлопнула по своей старенькой котомке. — Если прорвемся, у меня с собой все необходимое.

Тянуть до сумерек было невозможно, пришлось бежать сейчас. Стены кое-где уже были подожжены стрелами с горящей паклей. Трещали под натиском тарана старые ворота — обреченный городок медленно, но верно сдавал позиции.

Им удалось пробраться незамеченными почти до самой огибавшей крепость дороги, как позади раздался свист. Солнце уже коснулось земли, и длинные, стелящиеся по снегу тени, словно отчетливые указатели, выдали их врагам.

Судя по всему, бангийцы никого не собирались оставлять в живых. В сторону беглецов устремились несколько мечников. Бенвор схватил Джелайну за руку и потащил обратно.

Быстро протиснуться назад сквозь засеки, оцетинившиеся наружу острыми занозистыми шипами, уже не получилось. Пришлось принимать бой. Наверное, никогда еще Олквин не дрался так яростно, как сегодня, спина к спине с женой. Работая сразу двумя саблями, она как-то ухитрилась прикрывать его с трех сторон одновременно. Рядом с ней силы казались неиссякаемыми — знакомое тепло не переставало напоминать о себе даже в эти напряженные минуты. Бенвор опомнился только когда вокруг них полегли все полтора десятка врагов. Сейчас, в запале, у него было такое чувство, будто вдвоем они запросто смогут прорваться через всю бангийскую армию.

— Адреналинчик, мать его, — выдохнула Джелайна. На ее скуле расплывался свежий синяк. Сплюнув кровью на снег, она пожаловалась: — Зуб выбили, скоты недоделанные.

Не успели они отдышаться, как снова пришлось удирать. От ворот в их сторону бежали несколько лучников. В землю у ног Бенвора ударила стрела с граненым наконечником — такие легко пробивали любую кольчугу.

— Нужно за что-нибудь спрятаться, — капитан стал оглядываться в поисках укрытия. Джелайна подняла со свалки какую-то старую дверь и выставила ее перед собой, закрывая от стрел себя и мужа. Импровизированный щит вздрагивал и гудел от хлестких ударов, но к счастью, ни один противокольчужный наконечник не мог пробить его насквозь. Бенвор схватил обломок бревна и принялся крушить им острые жерди, расчищая дорогу к лазу. Джелайна вцепилась в поперечные рейки двери, практически взвалив ее на себя, и медленно семенила следом.

До спасительной лазейки оставалось совсем немного, когда стрельба вдруг прекратилась. Бенвор осторожно выглянул и тут же спрятался. Лучники быстро отходили назад. Насторожившись, капитан выглянул снова — и похолодел. За время лучной стрельбы бангийцы собрали массивный прострел, уже заряжаемый коротким копьем.

— Скорее! — завопил он и одним ударом выломал последние жерди. — Бросай, это уже не поможет!

Бывает так, что перед лицом сильной опасности голова принимается работать как бы отдельно от тела. Вот и сейчас, Бенвору начало казаться, что время замедлилось. Все окружающее словно плыло во сне, но при этом каждая мелочь отчетливо врезалась в сознание. Вот Джелайна спрыгнула за ним в ров, поскользнулась на покрытом водой льду, потеряла равновесие и упала на четвереньки. Уже бесполезный «щит» ударил ее по спине и теперь не давал подняться. С трудом выпрямившись, Джелайна оттолкнула дверь от себя. Та на секунду зависла в вертикальном положении, а потом стала медленно заваливаться назад. До спасения оставалось каких-то десять шагов, но драгоценные секунды были потеряны.

"Щит" с сухим треском развалился пополам. Одновременно Джелайна коротко охнула, а Бенвор почувствовал удар и резкую боль. В его грудь наискось впился массивный железный наконечник того самого копья. Бенвор вскрикнул, но на боль он почти не обратил внимания, помертвев от ужаса. Пробив и расколов истыканный стрелами «щит», копьё попало в спину Джелайне и прошило ее насквозь, вывернув наружу внутренности.

Ноги женщины подкосились, и она стала падать, увлекая мужа за собой. Пробивший толстое дерево и три кольчужных слоя наконечник застрял в груди Бенвора и отломился от расщепленного сильным ударом конца копья, а Джелайна осталась пронзенной древком, как вертелом.

Локти и колени разъезжались на мокром льду. Олквин пытался подтянуться поближе к жене, но задел торчащий из груди наконечник, и мышцы свело болезненной судорогой. Задыхаясь, он повалился на бок, барахтаясь в талом снегу и не видя лица Джелайны. Только торец сразившего ее копья победно задрался в алое небо и теперь чернел на фоне облаков, полосками затянувших стремительно исчезающий краешек солнечного диска.

Неровные, заполошные удары сердца, казалось, остались единственным звуком в мире. И вдруг словно прорвало и помчалось — крики, звон железа, ржание лошадей, топот, треск пламени... и какой-то странный, ни на что не похожий гул — нарастающий, будто издалека, водоворотом ввинчивающийся в барабанные перепонки.

Буквально в паре шагов от них стало твориться что-то невообразимое. Воздух помутнел и стал плескаться, как потревоженная вода. Образовавшийся на высоте четырех футов непрозрачный сгусток покрылся рябью, потом будто вывернулся наизнанку и выплюнул из себя наружу троих людей. Двое молодых мужчин — брюнет и рыжий, светловолосая девушка — все трое в знакомой черной форме. Едва коснувшись ногами земли, они слаженно развернулись в разные стороны, выхватывая из ножен... нет, не из ножен. В руках рейдеров появились предметы, точно опознанные капитаном по рисункам Джелайны — пистолеты. Резкие хлопки сопровождали каждое короткое движение, посылающее смерть вдогонку тем из бангийских солдат, кто не удрал сразу, едва узрев небывалое явление. Расстреляв всех врагов поблизости, пришельцы принялись внимательно озираться по сторонам.

— Тень Патруля, что здесь творится?! — по-английски воскликнул рыжеволосый, озираясь на полыхающие стены крепости.

— Время уходит, — одернул его брюнет. — Судя по сигналу маяка, радиус поиска — десять метров. Но как же... — он принялся испуганно вглядываться в лежащие повсюду трупы.

— Там! — крикнул рыжий, указывая в сторону Бенвора. Все трое сорвались с места,

подбежали и опустились рядом с Джелайной. Блондинка ахнула, разглядев окровавленное копьё.

— Джа, ты слышишь меня? — брюнет склонился ниже и пощупал шею Джелайны.

— Жива? — нетерпеливо воскликнула блондинка, вцепляясь в руку подруги. Парень кивнул.

— Еле-еле. Чуть не опоздали! — стараясь не задевать древко копья, он быстро поднял Джелайну под мышки, крепко прижал к себе и скомандовал: — Драйверы!

Бенвор попытался позвать их, но смог только захрипеть, а все тело будто налилось свинцом. Не обращая на капитана никакого внимания, рейдеры встали рядышком. Воздух снова начал плескаться, утягивая пришельцев в никуда. Когда диковинное волнение утихло, Олквин какое-то время из последних сил еще продолжал вглядываться в темноту, озаряемую вспышками на пылающей крепости, пока не понял окончательно, что никто уже не вернется. Только тогда он потерял сознание.

Глава 32

Капитан очнулся оттого, что кто-то пытался его поднять. Было холодно, адски холодно. Люди шепотом переговаривались в темноте.

— Этот тоже живой.

— Клади с краю. Да тихо ты, заметят.

От резкой боли в ране рассудок Олкина снова померк. Потом капитан лишь смутно чувствовал, как волокуша под ним долго тряслась на ухабах, как его снова куда-то переносили. Чьи-то ловкие и осторожные руки извлекали наконечник копья и обрабатывали рану, и те же руки обтирали его лицо влажной тряпицей, когда он метался в горячке. Бенвор снова и снова звал Джелайну — и иногда ему казалось, что она отвечает, что это она опять рядом.

Сознание вернулось внезапно. Проснувшись, капитан некоторое время разглядывал закопченный свод незнакомой землянки, тлеющий очаг и собственные исхудавшие руки. Олквин коснулся груди — рана была перевязана, но не туго, значит, кровотечения уже нет. Боли не было, только дикая слабость. Спина слегка ныла и чесалась — а, это знакомо, выходит, он лежит здесь уже долго. Некоторое время юноша пытался вспомнить, как и когда он попал сюда, но в голове творилось что-то странное. Он отчетливо, в деталях, помнил, как участвовал в бою на границе... но ведь он не был тогда тяжело ранен, и откуда-то точно знал, что с тех прошло почти три года. Что же случилось теперь? Но то, что было совсем недавно, будто скрылось глубоко под водой, и никак не хотело показываться наружу. Беспокойное ощущение, будто он забыл что-то важное, что обязательно надо вспомнить, пришлось пока задвинуть подальше.

Бенвору было зябко даже под толстыми одеялами, очень хотелось есть и пить. Он огляделся, и на грубо сколоченном табурете возле постели увидел медную миску. Протянув руку, капитан попытался взять ее и посмотреть, что внутри, но его подвели ослабевшие пальцы. Миска ударилась о земляной пол, расплескав воду с тонкими скорлупками льда.

На шум вбежал человек, закутанный так, что и лица было не разглядеть. Он приблизился к ложу, и в мутном, дрожащем свете скверной свечи Олквин с трудом признал Танбика.

— О, наконец-то! — обрадованно воскликнул знахарь. — Вы пришли в себя, милорд.

Танбик засутился, разматывая свои одежды, поднимая упавшую миску, поправляя одеяла и раздувая почти погасший очаг.

— Такой мороз на улице, — сетовал он, подбрасывая дрова. — Пока разбил полынью, все прогорело. Хоть не отходи.

— Танбик, — не узнавая своего голоса, просипел Олквин. В груди что-то посвистывало.

— Тихо, тихо, — подскочив к нему, забормотал знахарь. — Не надо пока разговаривать. Острие повредило легкое, и мне с трудом удалось залечить его. Прошу вас, не сводите на нет все мои усилия.

Под усталыми глазами Танбика залегли черные круги, выдававшие бессонные ночи — много, очень много бессонных ночей. Решив разузнать все подробно потом, Бенвор жестами показал, что хочет есть и пить.

— Сейчас, сейчас, — знахарь дал ему напиток и принес откуда-то котелок. Из-под неплотно прижатой крышки плыл сказочный мясной аромат, от которого у капитана мигом потекли слюнки.

— Это хорошо, что вы кушать захотели, — с довольным видом произнес Танбик, старательно кормя его с выщербленной ложки. — Значит, выздоравливаете.

Бенвор одними губами спросил его: "Что случилось?", и знахарь, помявшись, начал рассказывать о нападении бангийцев и об осаде. Будто тонкие струйки стали просачиваться сквозь плотину, и толща мутной воды, заслонявшая в голове капитана недавние события, всколыхнулась и медленно, очень медленно пошла на убыль. И то, что открывалось взгляду, было страшно.

— Сентин сожгли дотла, — безжизненно подытожил Танбик. — Все, кто остался внутри, были убиты. Когда стемнело, несколько крестьян вышли из леса и подобрали снаружи стен троих выживших. Хорошо еще, что вас принесли прямо ко мне. Чуть не опоздали.

На последней фразе что-то дрогнуло в смутных воспоминаниях Олквина, и нехорошо кольнуло в сердце. Кто-то уже говорил подобные слова... кажется, на другом языке... но в этой ли жизни?

— Я спрашивал... про леди, — еле слышно добавил Танбик, — а они сказали, что подбирали только живых, наощупь.

Бенвор стиснул зубы и зажмурился. Казалось, какой-то нерв до боли натянулся внутри, не давая даже вдохнуть.

Джелайна...

Плотину сорвало. Воспоминания обрушились все разом, снова сбив его, сломав, втоптав в грязный талый снег у полыхающих стен Сентина. Скорчившись на разворошенной постели, Бенвор уже ничего не видел, не слышал, и будто издалека чувствовал лишь, как Танбик приподнял его за плечи, не давая делать резких движений и неловко баюкая, словно рыдающего маленького мальчика.

Знахарь долго сидел рядом, не отпуская его и не говоря ни слова, и лишь шмыгал носом, часто моргая. Семь лет тому назад только что осиротевший монастырский воспитанник из-за глупого приказа ныне покойного командира сразу попал в серьезное сражение. Хвала Господу и спасибо увечному сержанту, обучавшему мальчишек в стенах обители — Бенвор вышел из боя только с царапинами и синяками, но от шока совсем не мог нормально спать, пока этого не заметил ходивший за ранеными невольник-друид... А год спустя Олквин выкупил его у Шейдона, некогда пленившего знахаря в походе на дикие северные земли. С

тех пор Танбик жил в Локо на правах свободного лекаря, и легко было верить, что так будет всегда...

Когда Бенвор, опустошенный и обессиленный, немного успокоился и начал задыхаться уже от боли в груди, Танбик укоризненно покачал головой и осторожно уложил его. Вынеся котелок, знахарь вернулся с ворохом чистого тряпья, прихватил плоску с целебной мазью и осторожно размотал повязку на груди капитана.

— Вы у нас теперь красавец хоть куда, — чуть виновато произнес он, снимая измятые старые бинты. — Наконечник оказался зазубренным, застрял между ребер, пришлось вырезать его ножом. Мясо висело лохмотьями, но я немного подштопал края, так что...

Опустив взгляд, Бенвор пораженно уставился на начавшую заживать рану. Танбик осторожно пощупал красноватую припухшую кожу вокруг бугорчатых рубцов, удовлетворенно кивнул, но потом снова нахмурился.

— Теперь на всю жизнь останется выпуклый шрам, похожий на звезду, — безрадостно констатировал он и тихо добавил: — Даже будь у меня под рукой все нужные снадобья, свести такие следы под силу разве что настоящему колдуну.

Шрам, похожий на звезду... Олквиноу начало казаться, что он медленно сходит с ума. Разве могут двойники повторять одну и ту же судьбу с такой точностью?

* * *

Уже через пару дней Бенвор все-таки заговорил, и знахарь ничуть не сомневался, что бывший капитан очень скоро опять возьмет в руки меч. Вот только самому бывшему капитану этого уже не хотелось.

— Зачем, Танбик? — безучастно спрашивал он. — Кому теперь это нужно?

— Рано ставить на себе крест, милорд, — продолжал убеждать его колдун. — Жизнь еще не кончена.

— А что хорошего осталось в жизни? — мрачно поинтересовался Олквин. — Мое войско уничтожено, друзья лежат в земле, дом превратился в руины, жены больше нет, и я никогда уже не смогу стать прежним. Мне незачем жить, Танбик. Ты зря меня спас.

— Ладно, — старался не унывать знахарь. — Тогда надо убираться отсюда подальше. Здесь все еще беспокойно, королевские отряды иногда прочесывают лес. Моя землянка неплохо замаскирована, но мы все равно постоянно рискуем. До сих пор меня удерживали на месте только сильные морозы и ваша рана. Скоро будут оттепели, можно попробовать перебраться в Жомеросуин. В крестьянской одежде мы не вызовем подозрений, после подавления сопротивления многие селяне бросают все и уходят в соседнее королевство. Прибьемся к обозам беженцев и перейдем границу. Мы с вами всегда сможем найти себе пропитание — лекарь и опытный солдат, оба грамотные...

— Это не выход, — перебил его пылкую речь Бенвор, качая головой. — Если все и правда обстоит так, как ты говоришь, в Жомеросуине теперь тоже некуда податься.

— Тогда пойдем еще дальше! — глаза Танбика заблестели. — Сядем на какой-нибудь корабль, уплывем в дальние земли. Морская блокада, говорят, снята — у Альберонта с Жомеросуином теперь все честь по чести.

— Да кто возьмет нас на корабль? Откуда достать столько денег?

— Будем работать! На кораблях всегда много работы.

Олквин с трудом подавил смех.

— Танбик, дружище, напomini мне, когда это ты занимался тяжелым трудом? Колка дров не считается, это безделица по сравнению с веслом галеры.

Тот сконфуженно опустил голову. Ему нечего было возразить — стихией знахаря всегда оставались лишь книги, травы и аптекарские принадлежности.

— Я выкопал эту землянку! — вдруг заявил он, просияв. — Зимой, между прочим, в мерзлой земле!

Бенвор все-таки не выдержал и рассмеялся.

— Уговорил, — прохрипел он, держась за грудь. — Оклемаюсь немного, и подадимся на запад.

Назавтра Бенвор с помощью Танбика смог выйти на свежий воздух. Оказалось, что знахарь теперь жил в лесу у реки, недалеко от разрушенного Сентина. Стояли сильные холода, и Танбику приходилось каждое утро заново пробивать полынью. Ожидая его, Олквин сидел на пороге землянки, с жадностью вдыхая морозный воздух. После того, как он очнулся, рана стала заживать очень быстро. Молодость и богатырское здоровье брали свое.

Внимание капитана привлек размеренный скрип снега со стороны леса. Кто-то шагал прямо к землянке. Бенвор занервничал. Конечно, сам он мог спрятаться, но вот как быть другу, который сейчас, не подозревая ни о чем, весело звенел топором по льду реки?

Олквин отступил в землянку и нащупал у входа суковатую дубинку. Держа ее наизготовку, он осторожно высунулся наружу. Какой-то невысокий, и по виду немолодой человек с заплечным мешком на спине стоял на берегу, высматривая Танбика.

— Эй, ты! — позвал Бенвор. Пришлый обернулся, и оказался никем иным, как Микасом.

— Милорд! — радостно воскликнул он, всплескивая руками и бросаясь навстречу Олквину. — Как же я рад снова видеть вас в добром здравии!

Бенвор порывисто обнял старого писаря. Тот прослезился, и все время повторял: "ну, вот и хорошо, вот и слава богу". Вернувшийся Танбик принял у старика мешок, пахнущий свежим монастырским хлебом.

— Он сюда уже навевдывался, все ждал, когда вы придете в себя. Как видите, капитан, не все лежат в земле. Микас, старый проныра, уцелел, и прячется в обители.

Писарь скорбно вздохнул.

— Из ваших бывших крестьян половина точно убежала в Жомеросуин. Что случилось с остальными — никто не знает.

— Мы тоже уходим, Микас, — сказал знахарь. — Поплывем за море, в дальние земли. Ты с нами?

— Да вы что?! — писарь схватился за голову. — Куда? Где нас ждут?

Бенвор грустно улыбнулся.

— Нас теперь нигде не ждут. Но Джелайна часто рассказывала мне о дальних странах. Там у земли нет края, горы достают до неба, и живет столько разных народов...

— А она-то откуда знает об этом? — удивленно перебил Танбик и, смешавшись, поправился: — То есть, знала...

— Она знала о многом, — тихо ответил Олквин. После долгой паузы он вздохнул и попросил: — Мне бы хотелось сходить к городу. Посмотреть, что там осталось.

— Зачем, милорд? Тела убитых бангийцы давно похоронили сами. Сентин теперь — гиблое место. Вороны и крысы, пожирающие остатки припасов в разрушенных складах —

вот все его население.

Олквин был непреклонен.

* * *

Над заснеженными развалинами крепости стояла тишина, нарушаемая лишь ветром, потрескиванием промерзших сосен и редким карканьем ворон, обсевших уцелевшие куски стен. Сейчас, укрытое сугробами, место сражения выглядело чистым и безмятежным. Ничто не напоминало о том, что творилось здесь всего три недели назад.

Бенвор обошел развалины вдоль обугленных пеньков частокола, осторожно перешагивая через черные обломки. Засеки сгорели, и ров замело, но капитан мгновенно узнал то самое место. Вглядываясь в присыпанную снегом свалку, Олквин сделал несколько шагов и наступил на треснувшую половинку двери, послужившей им в бою щитом. Отпустив плечо Микаса, Бенвор опустился на колени, разгреб руками снег и откопал смерзшуюся кольчугу, нанизанную на шершавое древко.

— Что это, милорд? — присев рядом, спросил писарь.

— Джелайну забрали, — тихо объяснил ему Олквин. — Проекция стерлась, а это осталось.

Микас понимающе кивнул, но потом разглядел все как следует и охнул.

— Живую хоть забрали, или нет?

— Даже не знаю, — прошептал Бенвор. — Кажется, еще да.

Он снова принялся ворошить руками снег и, наконец, наткнулся на то, что искал. Кольцо с зеленым камнем казалось холоднее льда. Юноша зажал его в ладонях, словно пытаясь согреть.

— Ну, тогда, может, еще вернется? — нерешительно предположил Микас.

— Если бы могла, она бы сделала это сразу же, — покачал головой Бенвор. — Не оставляя меня в неведении. И дожидаться, пока меня тут добьют, тоже не стала бы, что-нибудь придумала.

Микас промолчал, но в воздухе так и повисло невысказанное опасение, что рейдеры пришли слишком поздно.

— Ей следовало послушаться, когда я велел уходить, — выдавил Олквин, не замечая, как по лицу катятся слезы. — А мне надо было послушать ее еще накануне.

— Никто не может знать наперед все, что с ним случится, милорд, — пробормотал писарь. — Смиритесь с этим и живите дальше.

* * *

Путь в соседнее королевство занял почти две недели. Приходилось тайком пробираться по лесу, стараясь не выходить на дороги и пережидать любых проезжих. На обозы с беженцами часто нападали королевские солдаты и возвращали крестьян новым хозяевам земель, и чем ближе была граница, тем активнее шла охота за желающими покинуть растерзанный войной Хорверолл. В самом Жомеросуине тоже вовсю процветала ловля перебежчиков. Повсюду шныряли небольшие отряды солдат, сопровождающих глашатаев,

которые неустанно грозили местному населению штрафами за укрывательство беженцев и наем их на работу, а также сулили награду за их выдачу хорверским властям.

Суонесс был крупным портовым городом, у которого после снятия блокады словно открылось второе дыхание. Если и имелась возможность уплыть куда-нибудь со ставшего неожиданно тесным острова, то только отсюда. Другьям удалось быстро найти корабль, уходящий в Лувеньон. Оставалось только не попасться солдатам до отплытия.

Глашатаи повсюду зачитывали "черные списки" людей, разыскиваемых Альберонтом, и как-то раз до слуха Олквина донеслось его собственное имя. Микас пошел за солдатами до следующей площади, а вернувшись, подтвердил — да, капитана тоже ищут среди живых. Танбик тотчас обрезал Бенвору волосы — иначе при обыске в нем тут же опознали бы человека знатного происхождения, ведь искали именно среди знати. Но вот замаскировать яркую внешность юноши было почти невозможно, а глашатаи охотно называли приметы разыскиваемых. Только измазав лицо грязью, Бенвор рискнул отправиться на корабль.

Возле причала стояла маленькая очередь из желающих наняться на галеру. Постоянно оглядываясь по сторонам, друзья присоединились к ним. Простуженный шкипер спрашивал имена, сверялся с копией "черного списка" и записывал всех на дощечку. Танбик встал первым и, когда подошла их очередь, спокойно назвал — уж его-то никто не искал. Олквин машинально коснулся груди. Знахарь давно перестал делать повязки, оставляя заживающую рану подсыхать самостоятельно. Но чесалась она просто невыносимо.

— Следующий! — позвал помогавший шкиперу матрос. — Как тебя зовут? Как зовут? Чего застыл?

Бенвор поднял глаза и четко выговорил:

— Чарльз Уокер.

Стоявший за спиной капитана Микас громко икнул от неожиданности. Шкипер вытер рукавом нос и принялся записывать.

— Что умеешь?

— Обучен воевать, — начал Олквин. — Могу и грести, и еду готовить...

— Сойдет, — перебил шкипер, махнув рукой.

— Проходи, не стой, — рявкнул на Бенвора матрос. — Следующий!

Микаса на корабль не взяли, да он и не стремился, отправившись в Жомеросуин лишь затем, чтобы быть точно уверенным, что с друзьями все будет в порядке. Догнав отошедшего от матросов Бенвора, он испуганно зашептал:

— Теперь я точно начну сомневаться в вашем рассудке.

— Чем тебе не нравится мое новое имя? — с вызовом спросил Олквин. Писарь смешался.

— Дело не в самом имени, а в том, что его уже кое-кто носит. И этот кое-кто, похоже, теперь до самой смерти не будет давать вам покоя.

Бенвор молча отвернулся. Микас вздохнул.

— Милорд, леди Джелайна вернулась домой. Для нашего мира она все равно что мертва. Я знаю, что вам тяжело, но не тревожьте ее память.

Юноша плотнее завернулся в теплый плащ, хотя мороза сегодня не было. Подошедший Танбик нахмурился и коснулся его лба.

— Жара вроде нет, да и не должно быть, а вы постоянно мерзнете, — озабоченно заметил он.

— Не обращай внимания, — отмахнулся Бенвор. — Мне теперь все время холодно.

Всегда.

И все же уплыть на материк Олквину не удалось. Когда команду созвали на корабль, у сходней появился отряд хорверских солдат, тщательно проверяющий всех нанятых. Успевший подняться на борт Танбик расстроено смотрел оттуда на друзей, опасливо прячущихся среди наводнившей пристань толпы. Галера отчалила, увозя его в дальние страны, а Микасу и Бенвору пришлось срочно уходить из Суонесса — внезапное оживление глашатаев в порту стало очень подозрительным. Почти месяц капитан и писарь мыкались вдоль побережья, заходя в каждый город в поисках любой работы и места на корабле, и всякий раз натыкались на ищеек. Вдобавок ко всему, Олквина, похоже, все-таки кто-то узнал, и пришлось спешно уходить вглубь страны. Вскоре стало ясно, что деваться в переполненном беженцами Жомеросуине действительно некуда, и с наступлением весны двое скитальцев двинулись назад, в родной Хорверолл.

* * *

Настоятель Бовейн чинно сложил пухлые пальцы на объемистом животе.

— Ты очень рискуешь, сын мой, разгуливая рядом со своими бывшими землями.

— Наоборот, святой отец, — возразил Бенвор. — Вряд ли меня теперь станут искать в этих краях.

— Ищут повсюду, — проворчал настоятель. — Ты знаешь, что за головы беглых мятежников дают награду?

Олквин кивнул. Потому-то он и пришел вместе с Микасом в обитель Кампа — несмотря на всячески подчеркиваемое уединение от мирских дел, здешние обитатели удивительным образом всегда бывали в курсе всех событий в королевстве. А Бенвору сейчас очень нужны были последние новости.

— Ты и твоя жена до сих пор считаетесь выжившими в битве при Сентине, — сообщил отец Бовейн.

— Даже так? — процедил Бенвор, судорожно гадая, откуда ищейки могли пронюхать о Джелайне. Настоятель развел руками.

— Ведь ваши тела так и не были найдены. Поговаривали, что крестьяне сразу же тайно похоронили вас обоих, чтобы уберечь от поругания. Но этому мало кто поверил.

Настоятель слегка наклонился к нему и понизил голос.

— За леди Олквин король назначил награду втрое большую, чем за тебя, — сообщил он и веско уточнил: — За поимку ее живой.

— Это еще почему? — насторожился Бенвор. Отец Бовейн чуть помедлил.

— Говорят, выживший королевский офицер в начале боя узнал руку сабельника, порубившего осенью половину стражи Сэмплена, — многозначительно уставившись на капитана, произнес он и нетерпеливо поерзал, очевидно, ожидая захватывающих пояснений. Спросить прямо и тем самым предстать перед гостем обычным старым сплетником он не решался. У Олквина немного отлегло от сердца. Он-то предполагал кое-что другое, похуже. Сделав вид, что не замечает, как настоятель упорно пытается поймать его взгляд, Бенвор спросил:

— Святой отец, вы не слышали, что случилось с моим братом?

— Про него, к сожалению, ничего не знаю, — разочаровал его отец Бовейн и

доверительно прибавил: — А жену увози подальше, да спрячь получше. Может, тебя самого до сих пор не схватили только потому, чтобы ты их к ней привел.

Как всякий раз при упоминании Джелайны, на Бенвора снова нахлынула тоска. Ссутулившись, он прошептал:

— Пусть ищут сколько угодно. Она... Ее больше нет.

Настоятель повздыхал, покачал головой и пробормотал под нос длинную неразборчивую молитву.

— Не убивайся так, сын мой, — попытался он утешить юношу. — Она теперь в другом мире, куда лучше, чем этот.

Бенвор отвернулся, надеясь, что его унылый смешок сойдет за сдерживаемые рыдания.

— Вы правы, святой отец, — еле слышно выдавил он. — Даже не представляете, как вы правы.

Выдержав приличествующую траурную паузу, отец Бовейн снова принял важный вид.

— Ты ведь пришел сюда не только за новостями, верно?

— Да, — неохотно ответил капитан. После всего услышанного он уже и сам понял, что ему наверняка откажут, но все же попросил: — Я надеялся найти здесь пристанище. Хотя бы на первое время, пока уляжется суета.

Как он и ожидал, настоятель тотчас покачал головой.

— Увы, сын мой, тебе нельзя у нас остаться. Это не постоянный двор, здесь не живут просто так.

— Но Микас-то живет! Я тоже могу переписывать книги, и работать наравне с братией.

— Нет, нет. Микас — старик, а ты... Ну, разве что примешь монашеский постриг, — иронично вздернув бровь, заметил отец Бовейн. Бенвор растерянно замолк. Такого поворота он не ожидал. Настоятель усмехнулся и выразительно поскреб ногтями аккуратную тонзуру на макушке.

— Если это единственный выход... — нерешительно начал Олквин. — В конце концов, служить Господу — не самый худший удел.

Отец Бовейн хлопнул ладонями по коленям.

— Ты — и служить Господу? С твоей-то гордыней? Или с тех пор, как ты покинул эти стены, в тебе добавилось смирения? Что-то не похоже.

Бенвор опустил голову. Настоятель вздохнул.

— Я понимаю, каково тебе сейчас. Овдоветь в молодости — это тяжело, но все люди когда-нибудь умирают. Господь посылает тебе испытания...

— Хватит, святой отец, — оборвал его Олквин. — Он все время мне что-нибудь посылает. Я уже начинаю привыкать терять всех близких мне людей.

— Никакого смирения, — задумчиво констатировал настоятель. — Да и будь оно... Что ты можешь принести в дар дому божьему? У тебя теперь ничего нет, никакого имущества.

На это Бенвору было нечего возразить. Монастырь действительно не принимал к себе просто так — что воспитанников на обучение, что новых послушников.

— К тому же, — продолжил отец Бовейн, — ты значишься в "черном списке" короля. Если о тебе узнают, нам всем несдобровать. Даже если никто не придет сюда искать — не забывай, твоя голова оценена золотом. Сам я, конечно, буду молчать, но не могу поручиться, что вся братия окажется столь же бескорыстной. Не надо вводить их в искушение.

— Понимаю, — пробормотал капитан. — Простите, святой отец, за причиненное беспокойство.

— Никто не выгоняет тебя в лес на ночь глядя, — тут же спохватился настоятель. — Завтра будет новый день, и Господь обязательно пошлет тебе надежду. Сегодня можешь переночевать здесь. У Микаса хватит места.

Бенвор кивнул. Светиться перед остальными обитателями Кампа ему и правда не стоило.

— Благодарю, святой отец. Не сомневайтесь — на рассвете я покину эти стены.

* * *

В крошечной келье горела одинокая свеча, тускло освещая деревянное распятие на стене, узкое ложе в углу и низкий стол, весь заваленный исписанными пергаментами.

— И куда вы теперь пойдете, милорд? — расстроено спросил писарь.

— Не знаю, Микас, — печально ответил Бенвор. — Попробую добраться до Олквинау...

— Только этого не хватало! — испугался старик. — Уж там-то вас точно будут поджидать.

— Но я же должен узнать, что с Ланайоном.

— А что с ним может быть? Либо присягнул и прощен, либо давно похоронен. В любом случае вам в родовой замок лучше не соваться.

— Тогда больше некуда, — тихо произнес капитан.

— Ложитесь-ка спать, милорд, — засуетился Микас. — Кто знает, когда вам теперь доведется ночевать под крышей? За меня не беспокойтесь — я постоянно работаю ночами, привык уже. Все равно бессонница, а свечи здесь и днем приходится жечь.

Устроив Бенвора на своей жесткой постели, старик сел за стол, открыл чернильницу и принялся старательно переписывать один из скрученных рулоном пергаментов. Вскоре дыхание юноши выровнялось. Оглянувшись и хорошенько прислушавшись, Микас поднялся и на цыпочках прокрался в дальний угол кельи. Встав на колени, он осторожно, стараясь не шуметь, вытащил из стены камень, пошарил рукой в отверстии и извлек наружу тугой сверток. Вернувшись к столу, писарь развязал тряпицу и развернул на столе пачку нарезанных и сшитых листов. Открыв последний, Микас сел и стал что-то добавлять внизу убористо исписанной страницы. Вскоре к пачке добавился новый лист, и старик продолжил увлеченно писать, еле успевая макать перо в чернила.

* * *

Бенвору снова снился один и тот же кошмар. Горели стены, кричали люди, со всех сторон летели стрелы и копьё... Он проснулся раньше, чем случилось самое страшное, но сердце все равно тревожно колотилось, отдаваясь тупой болью. Поежившись от уже привычного ломящего озноба, Олквин сел и завернулся в колючее одеяло. Услышав шорох, сгорбившийся за столом Микас быстро обернулся.

— Что это вы не спите, милорд? — заискивающе поинтересовался он. Бенвор встряхнул головой и встал.

— Кошмары. У тебя окошко открывается?

Вскочив, писарь распахнул маленькую раму, и в душную келью ворвался свежий

весенний ветер. Юноша почти высунулся наружу. Было новолуние, и густо усыпанное звездами небо предвещало назавтра солнечный день.

Услышав за спиной какой-то шум, Бенвор оглянулся. Микас стоял в углу на коленях, торопливо заталкивая что-то в дыру. Выпавший из стены камень и привлек стуком внимание капитана.

— Что это там у тебя? — поллюбопытствовал Олквин.

— Ничего, милорд, — неестественно-тонким голосом поспешно отозвался писарь. Бенвор подошел и потянул за тряпку. Микас вцепился и не отпускал.

— Покажи, — велел юноша. — Что ты от меня прячешь?

— Это не от вас! — взмолился старик. — Прошу, не надо!

После короткой борьбы сверток достался капитану. Микас жалобно кряхтел и цеплялся за рукава Бенвора, мешая ему развернуть рукопись. Даже попытался опрокинуть на нее свечу. Олквин поймал пламя рукой, зашипел, обжегшись, и отвесил Микасу легкую затрещину.

— Строчишь доносы ищейкам, старый пень? — разозлился он. — Я же вижу, там повсюду мелькает мое имя!

— Нет, милорд! — вскричал тот, падая на колени. — Я никогда бы не предал вас! Это не доносы!

Бенвор оттолкнул его, зажег новую свечу и принялся разлеплять склеенные воском листы. Микас тихо скулил, съежившись на земляном полу.

— Умоляю вас, милорд, — снова завел он. — Не читайте этого. Мне так стыдно...

— Почему?.. — начал Олквин и, взглядевшись в аккуратный текст, воскликнул: — Тут про Джелайну!

Микас обхватил его сапог и завыл в голос.

— Милорд! Пощадите старика! Вы запретили мне говорить, и я подчинился. Молчал об этом даже на исповеди! Но это же невозможно — держать в себе такое! Я записывал — и облегчал душу. Простите меня!

Бенвор осторожно переворачивал исписанные до хруста страницы, поражаясь подробности изложения. У Микаса оказалась удивительно цепкая память и на редкость понятливый ум. Не разбираясь в некоторых вещах, он попросту записывал, как есть. Слова из далекого будущего, выведенные чернилами на желтом пергаменте, в транскрипции с чужого языка смотрелись чужаковато среди цветистого, полного традиционных высокопарных эпитетов повествования об удивительной гостье из "ордена странников среди миров и времен". Вчитываясь, Олквин изумлялся тому, как точно писарю удалось передать то незабываемое ощущение судьбоносности с виду обычного августовского вечера, и при том не упустить ничего важного.

Чувствуя, как его всего трясет, Бенвор бережно пролистал до конца. Здесь было отражено почти все, что произошло за минувшие полтора года. Чернила на последних страницах были совсем свежими. Рукопись обрывалась на сегодняшнем визите Бенвора к настоятелю. Юношу снова охватило недавнее состояние безысходности.

— Микас, — хрипло позвал он. — Друг мой, у тебя настоящий талант. Прости за то, что ударил. Я и предположить не мог, что ты все так хорошо понимаешь.

Старик стоял рядом, виновато опустив голову.

— Милорд, я знаю, что мне не следовало писать об этом. Клянусь, ваш секрет умрет вместе со мной. Никто никогда этого не узнает. Никто не найдет мой тайник. А хотите, я

сожгу рукопись, когда закончу? Сегодня же закончу и сожгу!

Бенвор встал, освобождая Микасу место за столом.

— Садись, — велел он. — Дописывай. Но жечь не надо. Меня самого, возможно, завтра уже не станет, так пусть сохранится хотя бы описание последних месяцев моей жизни. Но пока живы все, о ком тут написано, никто не должен этого прочесть. Потому спрячь как следует, так, чтобы ни огонь, ни тлен — ничто не добралось до твоих трудов. Летописцы еще оставят потомкам множество преданий о великих правителях, о войнах и потрясениях. Ты же написал о вещах непонятных, но не забыл и о простых людях, об их маленьких бедах и радостях, о любви и ненависти. Возможно, когда-нибудь, когда время или рука человека разрушат эти крепкие стены, для кого-нибудь эта находка окажется ценнее любых исторических хроник.

Микас обмакнул перо и принялся дописывать последние строки. Олквин через его голову смотрел, как старик каллиграфическим почерком старательно выводит: "Кончаю свое сочинение ныне, в марте месяце года низложения принца Майрона и восшествия на престол короля Альберонта, в ночь накануне весеннего равноденствия..."

Бенвор вцепился в его плечо.

— Завтра равноденствие?! — потрясенно выдавил он. Микас поспешно закивал. Сперва запинаясь, потом все увереннее, капитан рассказал писарю о событиях годичной давности. Ошарашенный старик схватил перо и начал новую страницу.

— Они приходили из-за твоей рукописи, Микас, — пробормотал Бенвор. — Именно ты вызвал сюда Патруль Времени.

— Что вы, милорд?! — ужаснулся тот. — Зачем?

Олквин коснулся шрама на груди.

— Для меня, — тихо пояснил он. — Я и есть Чарльз Уокер.

Микас замер с разинутым ртом. Какое-то время он переводил ошалелый взгляд с капитана на пергаменты и обратно, будто пытаясь уложить в голове то, что до сих пор казалось лишь чередой совпадений.

— Пиши дальше от моего имени, — загорелся Бенвор. — Я обращаюсь к Патрулю... да-да, так и пиши. Теперь я не сомневаюсь, что рукопись попадет в нужные руки. Обращаюсь с просьбой засвидетельствовать, что все изложенное доказывает несомненное существование межмировой петли. Прошу сделать исключение из главного запрета и позволить мне замкнуть ее, как положено. Жду завтра в полдень на поляне камней близ обители Кампа.

Поставив точку, Микас взволнованно спросил:

— И что вы собираетесь делать? Пойдете с ними в будущее?

— Верно. Где есть Патруль — есть и рейдеры. Буду искать мир Джелайны и ее саму.

— Да возьмут ли они вас?

— Возьмут, — уверенно заявил Олквин. — Ради этого они и начали прыжки на каменной поляне. Подтвержденный событиями цикл — это серьезно.

— А потом? Вы... перейдете в ее мир? Насколько я помню, это очень опасно.

— Один шанс из четырех, — пожал плечами Бенвор. — Не так уж и мало, если подумать. Раз уж в том мире существует Чарльз Уокер, значит, у меня должно получиться.

Опасливо покачав головой, писарь нахмурился.

— Я правильно вас понял: они придут завтра потому, что сегодня я положу это в тайник? А если я не положу или вытащу?

— Тогда никто не сможет предсказать, где я окажусь в следующую минуту, — хмыкнул

Бенвор. — И вообще, буду ли я живым. И не изменится ли от этого ход нашей истории. А в другом мире предстоит еще в точности проделать все, о чем рассказывала Джелайна, и не дай Бог хоть раз ошибиться. Иначе я там просто исчезну.

Микас растерянно глядел на него снизу вверх.

— То есть, вы собственными руками отправите ее сюда, возможно, на смерть?

— А у меня есть выбор? — помедлив, вздохнул юноша.

— Жутко-то как, милорд. Слишком многое зависит от случая. Вам не страшно?

Отвернувшись к окну, Олквин вытащил из-за пазухи подвешенное на шнурке кольцо. Теплый камень мерцал крошечными зелеными искорками.

— Нет, — тихо произнес капитан. — Мне не страшно, хотя впереди — полная неизвестность. Я смотрю в грядущее с огромной надеждой.

Зажав кольцо в руке, он поднял голову. До рассвета оставалось уже совсем немного. Млечный Путь пересекал небо сверкающей полосой, словно бесконечная дорога в неведомое. Бенвор мечтательно улыбнулся.

— Я иду к тебе, моя далекая звезда, — прошептал он. — Моя единственная роза.

Больше книг на сайте - Knigolub.net